

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

Сборник статей

Выпуск 7

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43
С 693

Рецензент:

кафедра социальных технологий, рекламы и управления
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии *О. Н. Колесникова*;
профессор, заведующий кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** [Текст] : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. — 418 с.

В седьмой выпуск сборника включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО МЫСЛЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

<i>Коростелева О. Т.</i> Уровни и механизмы междисциплинарного взаимодействия социологии в системе современного научного знания	12
<i>Попов Е. А.</i> Специфика междисциплинарности в социологии.....	15
<i>Кряклина Т. Ф.</i> Прикладной бакалавриат: чему учить и как учить?	18
<i>Кинелев С. В.</i> Социологическое измерение человеческого капитала: современные интерпретации	26
<i>Максимова С. Г.</i> Методологические подходы к анализу ментальных репрезентаций «образа другого»	30
<i>Домашев А. Н., Прокопьева Н. В.</i> К вопросу о социально-философских принципах существования этнических общностей в современном мире	35
<i>Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К.</i> Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности	39
<i>Нагайцев В. В.</i> Методология анализа уровня социальной напряженности и конфликтности в социуме	43
<i>Пустовалова Е. В.</i> Трансдисциплинарные основы конфликтологического образования	48
<i>Великжанина К. А.</i> Основные подходы и характеристики понятия «социальная политика»	53
<i>Бендрикова А. Ю.</i> Междисциплинарный подход к изучению социальной активности студенческой молодежи	57
<i>Мелехин В. А., Мелехина М. В., Нагайцев В. В.</i> Конфликты в спорте и их типичные причины.....	61
<i>Гальчина Е. Д.</i> Диалектика социально-профессиональной ориентации молодежи.....	66
<i>Гончарова А. А.</i> Проблема соответствия ценностей общества и ценностей личности	69
<i>Бобина Г. С.</i> Современный российский конституционализм и гражданское общество	75

<i>Ерментаева А. Р.</i> Мотивация учебно-исследовательской деятельности магистрантов	78
<i>Артемьева Т. В.</i> Роль информационного класса в инновационном будущем России: междисциплинарный подход	83
<i>Аубакирова Ж. К.</i> Эффективный компонент использования профессионального психолого-педагогического тренинга	86

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ

<i>Колесникова О. Н.</i> Социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью населения региона: некоторые результаты исследования	92
<i>Чуканова Т. В.</i> Социальное самочувствие и личная защищенность населения Алтайского края	98
<i>Артюхина В. А.</i> Уровень социального оптимизма населения Алтайского края (по результатам социологического исследования)	104
<i>Чуканова Т. В.</i> Теоретические аспекты изучения социального самочувствия и благополучия населения	107
<i>Сытых О. Л.</i> Информационная повседневность	113
<i>Нагайцев В. В.</i> Конфликтность населения в регионе	117
<i>Воронина С. А.</i> Конфликт как следствие системноструктурной трансформации современного российского общества	122
<i>Бражник Е. И., Абашина А. Д.</i> Социализация выпускников детских домов в современных условиях	129
<i>Сергиенко А. М.</i> Социальное развитие села: от выживания к системным инновациям?	132
<i>Добрыднева С. И., Добрыднева Т. С.</i> Фактор возрастной структуры населения в динамике рождаемости	140
<i>Вараксина Н. В.</i> Региональные особенности проявления демографического кризиса и проблематики стареющего общества	144
<i>Миронова С. В.</i> Интеграция образовательных систем и перспектива развития вузов приграничных территорий России (на примере Алтайского государственного университета)	148

<i>Меженин Я. Э.</i> Роль диалога в совершенствовании обращений граждан к органам власти	151
<i>Попова Т. С.</i> Особенности социально-правового регулирования сферы образования	154
<i>Галиева Р. Д.</i> Построение и развитие партнерства между полицией и обществом	157
<i>Ахмедова Н. Г.</i> Проблемы женщины-лидера в современном российском обществе	161
<i>Неваева Д. А.</i> Особенности этнической идентичности в регионах России	165
<i>Трофимова Ю. В.</i> Соотношение понятий «ментальные репрезентации» и «социальные представления» как методологическое основание изучения этнической идентичности	169
<i>Омельченко Д. А., Авдеева Г. С.</i> К вопросу об определении сущности современного молодежного политического акционизма	174
<i>Гончарова Н. П., Дирин Д. А.</i> Трансформация этнокультурных ландшафтов и систем горного природопользования Алтая в оценках жителей Кош-Агачского района	178
<i>Антонович И. В.</i> Развитие студенческого добровольчества как инструмент для решения проблем социальной политики	183
<i>Зальцман Д. А.</i> Базовые принципы и ценности добровольчества	186
<i>Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К.</i> Многообразие этнической идентичности в современном обществе	191
<i>Воронина С. А.</i> Роль информации в социокультурном развитии общества	195
<i>Замятина О. Н.</i> Роль социальной рекламы в формировании ценностных ориентаций общества	201
<i>Великжанина К. А.</i> Основные преимущества использования грантовых технологий в реализации социальной политики органами местного самоуправления	206
<i>Лысикова О. В.</i> Социология туризма как актуальное направление социологического знания	209

<i>Щёголева Н. Е.</i> Социокультурная специфика современного сельского туризма в Алтайском крае	213
<i>Цырендоржиева Д. Ш., Малышевская Ю. Ю.</i> Женщины-предприниматели в условиях переходного периода (социологический анализ на материалах Республики Бурятия)	216
<i>Максимов М. Б., Максимова С. Г.</i> Смысложизненные и ценностные ориентации лиц, совершивших суицидальные попытки	220
<i>Попов Е. А.</i> Проекции социального: человек и социальная безопасность	224
<i>Павлова Т. А.</i> Социально-философские аспекты экономической безопасности	228

РАЗДЕЛ III. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

<i>Колесникова О. Н., Шепелева С. В.</i> Социальное самочувствие семьи: взаимосвязь социологии и социальной работы	232
<i>Чудова С. Г.</i> Теоретические подходы к изучению детерминации репродуктивного поведения	236
<i>Стерляева Н. А.</i> Репродуктивные установки молодых семей: региональный аспект	240
<i>Чудова С. Г.</i> Семья с позиции системного анализа	244
<i>Антонович И. В., Чуканова Т. В.</i> Методы профилактики девиантного поведения подростков	247
<i>Абашина А. Д.</i> Интегративные показатели жизненного плана безнадзорных подростков	251
<i>Кротов А. В., Мелехин В. А.</i> Физкультурно-спортивные знания в системе социологии социальной работы	253
<i>Сиротина Т. В.</i> Профессиональная деятельность специалиста по социальной работе в системе социальной защиты детей с металными нарушениями (на примере Алтайского края)	258
<i>Дронова Е. Н.</i> Профилактика суицидального поведения несовершеннолетних в оценках специалистов «помогающих» профессий	263

<i>Антонович И. В., Мазайлова Т. А.</i> Технология «доктор клоун»: опыт использования, оценка внедрения в практику деятельности учреждений Алтайского края	266
<i>Калинина Ю. А.</i> Основные направления стандартизации социального обслуживания в России	270
<i>Касьянова Н. Н.</i> Социальное консультирование пожилых граждан в ходе пенсионных реформ.....	275
<i>Бондарева Т. В.</i> Критерии готовности будущих специалистов социальной сферы к работе с пожилыми людьми	278
<i>Шестибратова О. В.</i> Принципы организации социальной и социально-педагогической работы с обездоленными детьми.....	282
<i>Личман С. П.</i> Реализация принципов административного менеджмента в практике социальной работы	287
<i>Коваленко Т. Н.</i> Жизненные силы семьи, усыновившей ребенка .	290
<i>Мазайлова Т. А.</i> Состояние и перспективы развития паллиативной помощи в Алтайском крае в оценках экспертов	293
<i>Сиротина Т. В., Миллер С. М.</i> Творческие технологии в практике паллиативного ухода.....	299
<i>Медведева И. В.</i> Формирование компетенций специалистов, оказывающих паллиативную помощь	36
<i>Стебунова А. В.</i> Реабилитационный потенциал арт-терапии и игры в социальной работе с воспитанниками детского дома ...	310

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Голубева А. П.</i> Духовная культура как фактор социализации человека.....	314
<i>Возилкина М. Е.</i> Особенности социального восприятия в концепции общественного мнения У. Липпмана	316
<i>Гладышева М. А.</i> Понимание культуры как задача современного общества	320
<i>Мякиш Е. Г.</i> Отношение россиян к проблеме межконфессиональных конфликтов (по результатам исследований в Барнауле)	323

<i>Горбунова А. А.</i> Миграция населения в контексте межэтнического взаимодействия.....	326
<i>Воробьева А. А.</i> Проблема взаимодействия некоммерческих организаций и населения в современной России	330
<i>Щеглова Д. К.</i> Изобразительное искусство в ментальных репрезентациях патриотизма у молодежи	332
<i>Яковлева А. А.</i> Органы власти и социокультурная ситуация в регионе	336
<i>Самодурова Е. В.</i> Регуляция межэтнических взаимодействий в многонациональном современном обществе через медиапространство региона (на примере Алтайского края)	338
<i>Старикова К. Б.</i> Технологии социальной работы с женщинами, подвергшимися насилию в семье (на примере работы кризисного центра для женщин)	342
<i>Чирченко Я. А., Мазайлова Т. А.</i> Паллиативная помощь в Алтайском крае: современное состояние и пути решения проблемы	345
<i>Михайлец Д. И.</i> Инклюзивная модель социальной работы с детьми с ограниченными возможностями	350
<i>Буханько Е. О.</i> Взаимообусловленность социологии и социальной работы	352
<i>Кайль Я. В.</i> Обеспечение права молодежи на здоровье как ресурс социальной профилактики аддиктивного поведения	353
<i>Шлыкова О. В.</i> Врач и пациент: проблемы взаимодействия	357
<i>Лазарева М. С.</i> Ценностные ориентации многодетной семьи в России	359
<i>Гамаюнова А. В.</i> Семья в контексте теорий социального конфликта.....	362
<i>Качур А. С.</i> Барьеры получения высшего образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья	366
<i>Гамаюнова А. В.</i> Семья в контексте социального конфликта.....	
<i>Мыльникова А. В.</i> Правовые основы социальной работы с несовершеннолетним, совершившим преступление	370

<i>Лопатина С. А.</i> Социокультурный стереотип неприятия коррупции	373
<i>Курганская К. В.</i> Проблема системного исследования коррупции в современной России.....	376
<i>Савченко Т. В.</i> Социальный эпос.....	379
<i>Мотина А. В.</i> Повседневность в социокультурной реальности	381
<i>Махова Е. Н.</i> Расповседневнивание как способ управления социальной реальностью.....	384
<i>Мазуренко А. А.</i> Социальные факторы суицидального поведения старшеклассников (на примере школ Бурлинского района Алтайского края).....	388
<i>Догадаева Н. С.</i> Социально-психологическое «проблемное поле» вынужденных мигрантов	392
<i>Дьякова А. С.</i> Профилактика детской агрессивности в общеобразовательной среде	394
<i>Доровских А. С.</i> Повышение конфликтологической компетентности персонала организаций города Барнаула	397
<i>Образцова Е. В.</i> Рефлексивность в социогуманитарном знании и социологии	401
<i>Гафурова Э. Н.</i> Социально-правовой механизм защиты иностранных студентов в современной России (на примере вузов Барнаула)	403
<i>Монгуш А. А.</i> , Отношение молодежи Республики Тыва к приезжим в связи со строительством железной дороги «Кызыл — Курагино».....	406
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	411

Раздел I

**ПОТЕНЦИАЛ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ
СОЦИАЛЬНО МЫСЛЯЩЕГО
ЧЕЛОВЕКА**

О. Т. Коростелева (Барнаул)

УРОВНИ И МЕХАНИЗМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИОЛОГИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Каждая наука включается в широкомасштабные процессы интеграции современного научного знания по-своему. Эти особенности участия той или иной дисциплины в процессах предметного, методологического и проблемного синтеза зависят от целого ряда факторов, как собственно научного, так и социокультурного характера.

Социология, занимаясь изучением общества как целостной системы, а также живущего в этом обществе человека, изначально «обречена» на взаимодействие с различными науками социогуманитарного профиля и просто не может без этого взаимодействия существовать. Так, Г. Зиммель в свое время писал, что социология «является наукой эклектичной, поскольку продукты других наук составляют ее материал. Она пользуется данными исторических исследований, антропологии, статистики, психологии как полуфабрикатами; она не обращается непосредственно к сырому материалу, который перерабатывают другие науки, но, будучи наукой, так сказать, второй степени, она творит новый синтез из того, что уже является синтезом для первых» [1, с. 302].

Безусловно, в процессе своего исторического развития социология испытывала (и порою продолжает испытывать) мощное методологическое влияние со стороны не только социогуманитарных, но и естественно-научных дисциплин, тесно связанное со стремлением самих социологов максимально соответствовать идеалам и нормам классического естествознания. Органичное включение и современной социологической науки в сложнейшую систему междисциплинарных связей позволяет методологам выдвинуть положение «о мультидисциплинарности социологии, с включением релевантных для изучения общества концепций из биологии, истории, лингвистики, высшей математики, статистики и т. п.» [2, с. 53].

Однако особую актуальность представляет сегодня анализ предметно-методологического потенциала самой социологии, реализуемого в контексте широкого междисциплинарного взаимодействия. Самый «простой» вариант и механизм такого взаимодействия характерен для интегративных связей социологии с дисциплинами социогуманитарного профиля, изучающими отдельные сферы социального бытия — экономическую, политическую, духовную, правовую

и т. п. [3]. В результате этого интегративного процесса формируются и развиваются различные отраслевые социологии — экономическая социология, политическая социология, социология права, социология семьи, социология религии и многие другие. Но в ряде случаев дело не ограничивается отраслевым уровнем интеграции и выходит на общетеоретический уровень — уровень формирования теоретического ядра тех или иных социологических парадигм. Так, например, эффект междисциплинарного взаимодействия социологии и культурологии во многом зависит от особенностей различных трактовок культуры и характера ее соотношения с обществом. При этом «сферный» подход к обществу и понимание культуры как одной из его сфер диктует гораздо более узкое определение предмета социологии культуры, нежели подход, рассматривающий культуру в качестве содержательной основы, субстанции всей социальной организации и жизни общества. Очевидно, что в последнем случае речь фактически идет уже о формировании культурологического направления (или парадигмы) с характерной для него ценностной доминантой.

Таким же образом приоритетное взаимодействие социологии с экономикой приводит к формированию не только экономической (отраслевой) социологии, но и парадигмы экономического детерминизма; установка на приоритетную связь с психологией — к развитию весьма мощного психоаналитического направления в социологической науке.

Социология является, как известно, полипарадигмальной наукой и все более активно выходит сегодня на уровень метапарадигмального диалога. По замечанию Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева, главная проблема социологии — «проблема готовности жить с другими людьми», и «эту проблему социология должна решить, прежде всего, по отношению к себе самой, в самом социологическом сообществе открыть законы мирного существования» [4, с. 114]. При этом теоретико-методологическое сближение социологических парадигм опосредует процесс конструктивного междисциплинарного синтеза, способствуя установлению диалоговых отношений между теми науками социогуманитарного профиля, на приоритетные связи с которыми традиционно ориентированы отдельные социологические концепции.

Подчеркнем, что содержательная направленность, «смысловый вектор» включения социологии в процессы междисциплинарного взаимодействия во многом зависит от складывающейся социокультурной ситуации, определяющей, в конечном счете, характер теоретико-методологической динамики совокупного социогуманитарного знания. Одной из значимых тенденций в развитии современной со-

циальной науки и практики является так называемый антропологический поворот, предполагающий выявление и учет «человеческого измерения» любой социальной проблемы. В этой связи особую актуальность приобретает теоретико-методологическое взаимное влияние и взаимообогащение социологии и социальной антропологии. С одной стороны, в социологии, переживающей процесс «антропозизации» и гуманитаризации, усиливается интерес «к качественным исследованиям, основой которых и является (этнографический) метод включенного наблюдения» [5, с. 40]. С другой стороны, антропология и этнография сегодня не могут ограничиваться изучением только архаичных народов и даже при исследовании локальных культур вынуждены учитывать, что «их выживаемость зависит во многом от внешних условий, таких как социально-экономическая и политическая конъюнктура, процессы миграции, изменяющиеся технологии в сфере коммуникации» [5, с. 41].

Кроме того, говоря о месте и роли социологии в процессах междисциплинарного взаимодействия, необходимо отметить ее важную «посредническую» функцию между потребностями социальной практики и системой совокупного социогуманитарного знания. «По сравнению с остальными науками, — пишет М. И. Заславская, — социология включается в сложную систему взаимодействия между властью, обществом и бизнесом» [2, с. 53]. Ведь именно проведение социологических исследований зачастую позволяет выявить наиболее острые проблемы, «болевы́е точки» в жизни современного общества — то, что особенно волнует граждан, а значит, нуждается в серьезном комплексном изучении. Полученные же в ходе междисциплинарного исследовательского сотрудничества результаты социология призвана и способна воплотить в создание не только интегральных теоретико-методологических конструктов, но и масштабных практико-ориентированных моделей решения обозначенных социальных проблем.

Таким образом, мощный интегративный потенциал социологии способствует органичному сближению как отдельных дисциплин в системе социогуманитарного знания, так и самой этой системы с практикой функционирования и развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996.
2. Заславская М. И. Междисциплинарная парадигма в свете перспектив развития современной социологии // Социология в совре-

менном мире: наука, образование, творчество. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

3. Домашев А. Н. Взаимодействие социальных наук на примере социологии и истории // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

4. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Рефлексивная социология — философия, наука или нечто третье? // Социология в Сибири: состояние и перспективы развития. Новосибирск, 2003.

5. Сагитова Л. В. Социология в исследовании культур: перспективы междисциплинарного подхода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

Е. А. Попов (Барнаул)

СПЕЦИФИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

Развитие современного социально-гуманитарного знания идет по пути междисциплинарных контактов. Главным образом по этой причине происходит корректирование научного статуса многих научных областей и сфер; такие изменения вызваны необходимостью комплексного взгляда на социально значимые проблемы. Само явление «комплексности» в науке, разумеется, нельзя в полной мере назвать новым, однако оно выходит за рамки традиционного «симбиоза» гуманитарного и естественного направлений в познании мира. Утверждая и признавая комплексный подход как едва ли не «панацею» от застойных моментов в науке, вызванных кризисом в связи с не востребованностью или же слабой практической значимостью результатов исследований, современное знание по сути решает важнейшую проблему методологической «растерянности» наук. Вместе с тем разве утрачивает свою актуальность, скажем, системный подход или аксиологический? Приходится констатировать, что исследователь изначально ориентирован на комплексный характер своей научной деятельности; решая сложные задачи, он отдает себе отчет в том, что в рамках одного методологического звена раскрыть особенности явлений, феноменов и процессов не представляется возможным. «Изобретение» комплексного подхода по этой причине становится условием не декларативного, а убедительного и подкреплен-

ного эмпирическим опытом исследования. Следует признать, тем не менее, что социально-гуманитарному знанию было бы не лишним выработать стратегию и тактику не только универсализации системы познания, но и сохранения автономности научных направлений и областей. Это, с одной стороны, усилит теоретические позиции той или иной научной сферы, поскольку не размывается объектно-предметное поле дисциплины, а с другой — увеличит долю ответственности исследователей за предлагаемые к использованию результаты своего научного труда.

Комплексный характер в изучении актуальных вопросов предполагает наличие единой линии исследования, т. е. он обозначает процессуальные механизмы получения нового знания на уровне и теоретического обобщения, и прикладной разработки. В отличие от «комплексности» в научном познании междисциплинарный опыт взаимодействия наук свидетельствует прежде всего об установлении долгосрочных и результативных отношений между областями-партнерами. Можно, конечно, же вести речь о неких модных сочетаниях наук, например, антропологии и юриспруденции, математики и культурологии, но скорее всего в этом случае дело ограничится «приспособлением» методик исследования или обозначением контуров возможных теоретико-методологических оснований изучения проблемы.

«Междисциплинарность» — это явление, связывающее науки в работе над тем или иным объектом реальности. Нередко исследователи, апеллируя к опыту междисциплинарного анализа, раскрывают особенности изучаемого объекта с разных позиций — психологической, философской, исторической и т. д.; такое положение вещей говорит скорее не о «междисциплинарности», а о желании исследователя охватить все стороны бытования рассматриваемого объекта [1]. Между тем междисциплинарный характер в научной деятельности заключается не столько в всеохватном исследовании, зачастую не обладающем достаточной глубиной в проработке проблемы, сколько в «подключении» других наук, если это обосновано не только желанием исследователя, но и объективными причинами. Установление эвристического потенциала в междисциплинарном взаимодействии становится необходимым условием четкости и продуманности всех этапов в исследовательской работе.

В современном социально-гуманитарном знании практически невозможно анализировать объекты реальности вне междисциплинарного взаимодействия наук. Само сочетание «социально-гуманитарное знание», однако говорит о том, что полного и адаптированного синтеза социальных и гуманитарных наук еще не происходит. Воз-

можно, это объясняется всё же выделенностью объектно-предметных пространств данных областей познания; в центре внимания социальных дисциплин, как известно, — общество, а гуманитарных — человек. В каком-либо ракурсе исследования в равной степени можно и сближать общество и человека, и расставлять их по разные стороны баррикад. В этом скорее проявляется комплексный характер исследований — найти грани такого соприкосновения в новом ключе или, напротив, засвидетельствовать разрыв отношений или их кризис. Единство социальных и гуманитарных наук не может быть адекватным без третьего обязательного элемента; помимо общества и человека, это культура.

Особое место в уже провозглашенном всеми отраслями знания междисциплинарном направлении развития наук занимает социология. Именно социология, ставящая своей основной задачей «схватывание» актуальных проблем взаимодействия общества и человека, признает значимость социокультурного анализа, а следовательно, и необходимость рассмотрения проблем общества и проблем человека через призму развития культуры. По словам В. А. Бачинина, «социологическое сознание, неспешно движущееся собственным путем, ... проходит через определенные содержательные мутации, детерминируемые все тем же глобальным переходом культуры в пост-модерное состояние» [2, с. 80]. Для многих наук культура — это совокупность артефактов, для многих — сочетание норм и ценностей, для социологии культура представляет собой «мостик» от общества к человеку и наоборот. Важно иметь в виду при этом, что социология не заменяет собой науки, непосредственно изучающие культуру во всех ее формах и видах; как известно, таких наук сегодня большое количество, однако нередко определить с их объектно-предметными интересами бывает довольно сложно.

Междисциплинарные проблемы социологии связаны и с ростом «гибридных» отраслей на стыке наук, когда социология только «подключается» на определенном этапе исследования, но скорее для подтверждения или же опровержения полученных «за счет» других дисциплин данных. Кроме того, определенную сложность представляет и избирательность социологии в изучении таких актуальных проблем, которые дают «презентативные» срезы общественного мнения, что, разумеется, связано прежде всего с прикладным характером проводимых исследований. И если эмпирическая составляющая таких разработок вполне «социологизирована», то вот теоретическое обобщение проблематики требует выделения из широкого мировоззренческого контекста (исторического, политического, эконо-

мического и т. д.) социальных доминант и концептов. Неизменное внимание социологов и социологической науки в целом к вопросам, не теряющим своей значимости для общества, человека и государства, но все же многократно воспроизводимым в различных научных изысканиях (демографические проблемы, проблемы миграции, сельской бедности, развития образования и другие), формируют узкий «заказ» для исследований социологов. Вместе с тем междисциплинарное направление в развитии социологического знания позволит поднять интерес к вопросам онтологического свойства и, таким образом, сблизить вновь социологию и философию. В этом смысле социологам, упускающим мировоззренческие обобщения в исследованиях, явно недостает глубины проникновения в проблему. Возможные заявления о том, что не дело социологии «возвращаться» к философским опытам и истокам, могут расцениваться в эпоху междисциплинарного взаимодействия наук не иначе как социологизм — устойчивое возведение в высший ранг наук об обществе именно и только социологии. На эту важную область бытования науки также нужно обратить пристальное внимание и дать ей должную научную оценку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заславская М. И. Междисциплинарная парадигма в свете перспектив развития современной социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

2. Бачинин В. А. От «социоцентризма» литературоведения к «литературоцентризму» социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Т. Ф. Кряклина (Барнаул)

ПРИКЛАДНОЙ БАКАЛАВРИАТ: ЧЕМУ УЧИТЬ И КАК УЧИТЬ?

Новым уровнем высшего образования считается прикладной бакалавриат. Однако он в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» не предусмотрен. Разработкой содержательных и организационно-педагогических проблем прикладного и академического бакалавриата занимаются ученые НИУ ВШЭ, а также сотрудники Федерального института развития образования [1].

Полагаем, что введение прикладного бакалавриата связано не только с экономической необходимостью развития общества, но и финансовыми потребностями значительной части обучающихся, их стремлением к социально-экономической самостоятельности. Известно, что уже на третьем курсе большая часть студентов работают, и не только потому, что хотят обрести навыки будущей или какой-то иной профессии, а потому, что испытывают нужду. Многие студенты, найдя хорошее место работы, стремятся закрепиться на нем и как можно быстрее получить диплом о высшем образовании, чтобы трудоустроиться окончательно.

Введение прикладного бакалавриата потребует основательно-го пересмотра программ обучения, усиления их соответствия профессиональной направленности заявленного профиля, направления подготовки. Сравнительный анализ обучения в среднем специальном (педагогическом) училище и историко-филологическом факультете Томского государственного университета в СССР с присвоением квалификации «историк, преподаватель истории и обществоведения» по четырехлетним программам показал, что в течение четырех лет обучения в училище с учетом сдачи трех государственных экзаменов были изучены 44 дисциплины, в университете (с учетом одного государственного экзамена и защиты дипломной работы) — 36, т. е. численность предметов приблизительно одинакова и находится в пределах четырех десятков.

Сравнительный анализ программ с четырехлетним сроком обучения в современном российском вузе на бакалавриате по направлениям: «Менеджмент», «Экономика», «Юриспруденция» с учетом сдачи государственного экзамена и защиты квалификационной работы достигает 60 и более учебных дисциплин, т. е. в 1,5 раза превышает число дисциплин, изучаемых в советских средних специальных и высших учебных заведениях с четырехлетним сроком обучения. Срок обучения и в тех, и в других образовательных организациях одинаков — 4 года, количество учебных недель тоже, но интенсивность усвоения обучающимися учебных курсов возрастает более чем в 1,5 раза.

Насколько оправдано такое количество учебных дисциплин и как оно влияет на качество образования? Вряд ли кто-то просчитывал это, хотя постоянно подчеркивается необходимость улучшения качества образования. В этой связи одна из центральных проблем введения прикладного бакалавриата, академического или прикладного, — это определение оптимального числа фундаментальных и прикладных дисциплин, обеспечивающих адекватную подготовку бакалавра заявленной направленности.

Не секрет, что сокращение числа предметов затронет интересы преподавателей, связанные с получением определенного объема часов учебной нагрузки, влияющего на величину заработной платы и статус самого вуза, обеспечивающего подготовку различных категорий обучающихся: бакалавры, магистры, аспиранты. Следовательно, интересы вузов, педагогических сообществ при переходе на прикладной бакалавриат объективно могут не совпадать с интересами работодателей, руководствующихся реальными потребностями современного состояния экономики и производства. Однако необходимо иметь в виду, что вузы готовят специалистов не только сегодняшнего дня, но и дня завтрашнего, т. е. работают на перспективу. Таким образом, в образовательных стандартах, по которым работают вузы, должны быть учтены потребности как современных профессиональных квалификаций, так и тех, которые будут востребованы в ближайшие 5–10 лет.

И здесь есть серьезные проблемы. Во-первых, лишь в последние годы стали актуализировать отечественные классификаторы видов профессиональной деятельности и описывать стандарты новых профессий, не говоря уже о прогнозировании их развития. Так, например, за последние несколько лет Ассоциация предприятий компьютерных информационных технологий подготовила профессиональные стандарты в области информационных технологий. Разработаны стандарты 9 наиболее массовых и востребованных профессий в области информационных технологий, таких как: программист, системный архитектор, специалист по информационным системам, системный аналитик, специалист по системному администрированию, менеджер информационных технологий, менеджер по продажам решений.

Вообще современный рынок профессий и труда очень сильно изменился по сравнению с рынком второй половины XX столетия. Ведущий американский эксперт Джордж Хеллет еще в 90-е гг. прошлого столетия писал, что за последние 20 лет исчезло более половины профессий во всех отраслях экономики, а вместо них появились совершенно новые. По его мнению, процесс обновления профессий ускоряется. Эксперт считал, что через 10 лет, т. е. уже в первой четверти XXI столетия, многие специальности исчезнут и могут уступить место совершенно новым. Назвать эти профессии даже сейчас сложно, но смоделировать, какие квалификации и компетенции будут востребованы в ближайшие годы, можно.

Разработкой таких прогнозов занимаются специальные научно-исследовательские структуры — во-вторых. В России уже есть такие структуры, которые занимаются прогнозированием востребованно-

сти квалификации и компетенций в ближайшие годы на отечественном рынке профессий и труда: Агентство стратегических инициатив и Центр стратегических разработок «Северо-Запад». Появляются и специальные структуры, разрабатывающие профессиональные квалификации. По их мнению, в ближайшее время на рынке труда исчезнут многие профессии.

Агентство стратегических инициатив опубликовало свою «дорожную карту» национальной системы компетенций и квалификаций, согласно которой целые профессии станут невостребованными в ближайшем будущем. В первую очередь это экономисты, бухгалтеры, юристы. С введением электронных подписей будут терять свои места и нотариусы; изменится понимание профессий строитель, работник транспортной системы, исчезнут туристические агенты. Сокращается количество «бумажной прессы», и, следовательно, исчезнут профессии, ее обеспечивающие. Значительные изменения претерпит профессия программиста; огромные потери понесут охранники.

Автоматизация и конкуренция на рынке труда оставляют в отрасли в основном сложные профессии с творческим компонентом, требующие новых компетенций, которые формируются на стыке нескольких отраслей. В этой связи возникает необходимость пересмотра содержания профессионального образования, его целей и задач, описания новых профессий и компетенций, которые ими востребованы. В прогнозных материалах называются такие профессии, как: корпоративный антрополог; сетевой юрист; дизайнер виртуальных миров; разработчик инструментов обучения с участием сознания; модератор платформы персональных благотворительных программ; медиатор социальных конфликтов; менеджер фонда прямых инвестиций в талантливых людей; мультивалютный переводчик и др. [2].

Новым профессиям потребуются и новые компетенции, такие как способность быстро переучиваться и работать в междисциплинарных командах; аналитические компетенции, ориентирующиеся на изучение принципов бытия, наиболее общих сущностей и категорий сущего в объекте и явлении; исследовательские компетенции; навыки сетевых коммуникаций; умение работать в глобальном масштабе, с огромным массивом информации.

Все эти изменения приводят к необходимости перестройки квалификационных моделей, которые в нашей стране давно не пересматривались, поэтому многие из них устарели. В апреле 2014 г. глава Российского государства подписал указ, которым образован Национальный совет при Президенте РФ по профессиональным квалифика-

циям. Основные задачи совета — формулирование президенту предложений по определению приоритетных направлений государственной политики в сфере подготовки высококвалифицированных кадров, координация деятельности государства, различных общественных организаций, образовательных, научных и других организаций по созданию и развитию в России системы профессиональных квалификаций. На новый консультативный орган возложена также подготовка предложений по разработке и последующей актуализации классификатора (перечня) видов профессиональной деятельности. В состав совета вошли министр образования и науки, три ректора ведущих московских университетов, представители промышленности и бизнеса. Председателем совета назначен президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохин.

Создание Национального совета по профессиональным квалификациям является важным шагом на пути формирования государственных образовательных стандартов высшего образования, ориентирующих на подготовку определенного набора компетенций, востребованных различными моделями профессиональных квалификаций, выстраивания определенной взаимосвязи между квалификациями, компетенциями и содержанием высшего образования. Наличие такой связи обуславливает необходимость постоянной корректировки содержания государственных образовательных стандартов высшего и среднего специального образования.

Профессионально грамотное проектирование содержания образовательных стандартов по конкретным направлениям и уровням подготовки выпускников вузов — это третья проблема. Нынешнее содержание стандартов бакалавриата вызывает критику прежде всего с точки зрения количества и корректности формулировок общекультурных и профессиональных компетенций, их неоднозначного толкования. В подготовке государственных образовательных стандартов, на наш взгляд, должны быть задействованы представители вузов, учебно-методических объединений, научно-исследовательских структур, работодатели, работники Министерства образования и науки РФ. Только такой подход может обеспечить формирование содержания и формулировок компетенций бакалавриата, наиболее адекватно отвечающих требованиям современного производства и квалификационных моделей. При наличии базового стандарта бакалавриата возможна его корректировка с учетом направленности обучения: на академической и прикладной.

Следующая проблема — необходимость корреляции образовательного стандарта с учетом специфики региона, в котором находится

вуз, региональных потребностей рынка профессий и труда, особенностей их развития.

Эксперты НИУ «Высшая школа экономики» не так давно представили результаты второго рейтинга инновационного развития регионов России в ходе видеомоста с журналистами Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Нижнего Новгорода и Казани [3, с. 5]. В рейтинге содержатся четыре субрейтинга, охватывающие 13 групп показателей, которые основываются на открытых отечественных источниках: данных Росстата, отчетах Федерального казначейства, сайтах региональных органов власти.

По успешности российские регионы исследователи разделили на четыре группы. В первую группу вошли 12 самых «продвинутых» субъектов: Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Нижегородская, Калужская области, Чувашская Республика, Свердловская, Томская, Московская, Ульяновская области, Пермский край и Новосибирская область. 12 наиболее продвинутых регионов составляют 14,6 % от общей численности субъектов Российской Федерации. Только два таких региона находятся за Уралом: Томская и Новосибирская области, что составляет 2,3 % от общей численности субъектов Федерации. По количеству регионов с высоким уровнем инновационного развития лидирует Приволжский федеральный округ, немного отстают от него Центральный и Уральский федеральные округа. Самым «непродвинутым» оказался Северо-Кавказский федеральный округ.

Данные этого рейтинга могут дополнить показатели национального инвестиционного рейтинга, позволяющие выявить привлекательность регионов для инвестиций. В число 22 пилотных регионов по формированию национального рейтинга состояния инвестиционного климата вошли три региона из Сибири: Алтайский край, Томская область и Красноярский край, данный рейтинг должен стать одним из инструментов совершенствования делового климата в регионах и определения приоритетов инвестиционной политики региональных и федеральных властей [4, с. 2].

Эксперты НИУ ВШЭ в своем рейтинге выявили связь между инновационностью региона (его местом в рейтинге инновационного развития) и уровнем статусности местных вузов (их позициями в рейтингах, составленных РИА Новости и НИУ ВШЭ). Высокий рейтинг двух томских вузов (Томского национального исследовательского университета и Томского национального исследовательского политехнического университета) и Новосибирского национального исследовательского университета свидетельствует о том, что эти вузы вносят существенный вклад не только в подготовку высококвалифи-

цированных специалистов, но и в инновационное развитие регионов, участвуют в создании и трансфере инновационных технологий.

Регионализация образовательных стандартов позволит смоделировать перспективы востребованности профессиональных квалификаций и компетенций в конкретном регионе, определить потенциал вузов в его социально-экономическом развитии. А самое главное — скорректировать содержание основных образовательных программ бакалавриата с учетом потребностей региона, его специализаций в профессиональной деятельности и особенностей развития социо-культурной среды. Разница в уровнях социально-экономического, демографического, культурного развития российских регионов значительна. И, следовательно, она предопределяет определенную специфику в востребованности компетенций, которую приходится учитывать вузам.

Корректировка содержания образования и методик обучения на уровне конкретного вуза — это специальная проблема, требующая глубокого и всестороннего анализа. Долгое время универсальной моделью высшего образования считался университет, дающий фундаментальное классическое образование, ориентированное прежде всего на развитие человека как такового. Однако современные условия вынуждают и университеты трансформировать свои классические характеристики, в том числе изменить традиционную (предметную) форму научной фундаментальности содержания образования, заменив ее междисциплинарной (коммуникативной) формой [5]. Такая форма фундаментальности заставляет по-новому взглянуть на отбор дисциплин, формирующих базовые знания и составляющих основу формирования как общекультурных (универсальных), так и профессиональных компетенций, и возможную коммуникативную связь между ними.

Учет этих новаций при проектировании основных образовательных программ по направлениям подготовки бакалавров под силу только опытным, профессионально грамотным дизайнерам учебных курсов, которых в настоящее время не так много. До настоящего времени в системе образования, начиная от реализации государственных образовательных стандартов до оценивания знаний и компетенций студентов, существует множество административных предписаний, но нет места для творчества.

Ориентированность вузов на такой показатель мониторинга эффективности деятельности, как объем научных исследований, выраженный в рублях, приводит, с одной стороны, к коммерциализации образования, а с другой — к уменьшению внимания администра-

ции и преподавателей к методической работе. В идеале преподаватели должны заниматься и научной, и методической работой. Но если в вузе преподаватели серьезно занимаются методической работой, то это снижает их отдачу в научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе.

Как справедливо замечает В. Аванесов, «в реальности этот показатель положительно работает на крупные вузы, где есть научные подразделения, и отрицательно влияет на небольшие вузы, где таких возможностей нет. Мы и в этом случае имеем дело с непригодным показателем, свидетельствующим о невалидных (непригодных) результатах мониторинга» [6]. Более того, показатель объема научно-исследовательской работы, в отличие от методической работы, не влияет напрямую на качество образования.

Вопросы научной проработки как теоретических, так и методических проблем высшего образования в настоящее время актуализированы как никогда, поскольку перед вузами стоит задача повышения качества образования [7, с. 25–28; 8, с. 70–73]. В числе семи критериев мониторинга оценки эффективности деятельности вузов, проводимого Министерством образования и науки РФ, только один показатель — «Трудоустройство выпускников» позволяет хоть как-то оценить качество образования. Введение программ прикладного бакалавриата в систему высшего образования должно расширить возможности трудоустройства выпускников российских вузов, с одной стороны, а с другой — выявить студентов, наиболее способных и склонных к исследовательской и аналитической работе.

Обобщая все сказанное, подчеркнем, что переход на прикладной бакалавриат в системе высшего образования предполагает всестороннюю проработку содержания государственных образовательных стандартов по направлениям подготовки, описание компетенций, соответствующих моделям профессиональных квалификаций, востребованных современным производством и бизнесом. В структуре компетенций большую значимость приобретают междисциплинарные (интегрированные) компетенции, а также, наряду с профессиональными, такие как исследовательские, аналитические, коммуникационные компетенции; гибкость и готовность к совершенствованию и саморазвитию. Основательная проработанность эти проблем и даст нам ответ на вопрос: «Чему и как учить на прикладном бакалавриате?»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Прикладной бакалавриат будет всего два года? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/25764/2749443/>

2. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. URL: [http: www.asi.ru/molprof/atlas](http://www.asi.ru/molprof/atlas)
3. Чернова Т. В битве за имидж. Регионы красны инновациями // Поиск : еженедельная газета научного сообщества. 2014. 21 марта.
4. Шумилов Е. По порядку привлекательности // Алтайская правда. 2014. 1 мая.
5. Петрова Г. И. Классический университет в неклассическое время. Томск, 2010.
6. Аванесов А. Неэффективность российских вузов: реальная и мнимая [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=657524>
7. Кочетова Ю. Ю. Тьютор в российской системе образования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2011. Вып. 1 (19).
8. Реттих С. В. Развитие профессионального образования в условиях рынка // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2011. Вып. 2 (20).

С. В. Кинелев (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Социология в качестве самостоятельной научной дисциплины была всегда открыта для включения в свой категориальный аппарат понятий и образов из других парадигм, даже таких, которые первоначально казались не вполне очевидными для использования как в теории, методологии, так и в прикладных исследованиях. Человек как универсальное существо неизбежно становится в современной науке объектом не только междисциплинарного, но и межотраслевого исследования, объединяя усилия представителей естественно-научного, социогуманитарного и технического знания [1, с. 10].

Капитал как категория и метод познания операционально используется экономической теорией несколько столетий, но только с 70-х гг. XX столетия стал набирать «силу» как социологическая единица измерения общества и человека. Начало было положено О. Тоффлером в известной работе «Future Shock» [2] и затем активно развивалось в исследованиях зарубежных и отечественных социологов. Постепенно было определено содержание человеческого капитала как совокупности знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом.

Вместе с тем анализ литературы показывает, что существует достаточное количество интерпретаций категории «человеческий капитал», что свидетельствует о ее эвристическом потенциале:

- «социальный человеческий капитал» как совокупность навыков, которые представляют собственный интерес для какой-либо организации или конкретного вида деятельности;
- «символический капитал» как неисчерпаемость и одновременно доступность бесконечному числу пользователей без ограничений;
- «капитал образовательных услуг» во всех его социокультурных и глобальных контекстах;
- «капитал здоровья» в возрастных, этнокультурных, географических, поколенческих, гендерных значениях;
- «капитал культуры» как совокупности всех видов деятельности человека и общества, а также результатов этой деятельности, воплощенных в материальных и духовных ценностях.

Особый интерес представляет классификация «по формам воплощения», появившаяся в последнее десятилетие как новая социологическая парадигма. В нее включены следующие новые содержательные виды человеческого капитала:

- «живой капитал» как объем и качество знаний, здоровья, воплощенные в каждом конкретном человеке;
- «неживой капитал», представленный материализацией в физических объектах, формах и артефактах;
- «любовный капитал» как возможность реализации в бизнесе и предпринимательстве накопленных средств семьи и родственников. Активное включение женщин в сферу оплачиваемой занятости привело к увеличению их доли в сфере индивидуального предпринимательства, а также на государственной и частной службе. Однако для женщин потребность в детях — это «мотив-донор», который заставляет ее бороться за себя, детей, семью [3, с. 330–331];
- «институциональный капитал» как результат возникновения специальных институтов для меценатства, благотворительности;
- «потребительский капитал», объясняемый как процесс прагматического использования материальных ценностей;
- «производительный человеческий капитал», когда поток услуг, потребление услуг содействует общественной полезности;
- «теневой капитал», представленный многообразными формами криминальной деятельности, коррупцией, нелегитимными способами капитализации бизнеса.

Необходимо отметить особый интерес отечественных социологов к инновационным возможностям интеллектуального капитала. Обсуждению подвергаются следующие три проблемы.

Первая формулируется как лояльность, мотивационное согласие, умение работать в команде. Вторая вербализуется словосочетанием «внутренний структурный капитал», представленный корпоративным единством, корпоративной культурой. Третья обозначается как «капитал связей», или «капитал внешней среды». Индивид не способен существовать без социальных взаимодействий с другими людьми. Особую роль играют взаимодействия, обеспечивающие удовлетворение самых важных потребностей индивида. Эти взаимодействия носят устойчивый и возобновляющийся характер [4, с. 94–95].

В последние годы значительное распространение получило понятие «командообразование» как особый вид капитализации человеческих отношений в обществе, представленных малыми группами с высокой степенью организованности и эффективности.

Команда возникает в процессе объединения людей общей целью, за которую они несут собственную командную ответственность. Исследования показывают, что для команды свойственны следующие основные виды поведения:

- нацеленность на общий результат;
- взаимная поддержка;
- минимизация статусных различий;
- взаимозаменяемость;
- благожелательный социально-психологический климат и др.

Команда социологически является группой, но не всякой группе присущ командный дух.

Существует и реальный механизм превращения группы в команду. Структурно выделяют меру увеличения тесноты связей, уровни взаимодействия и ответственности за сам процесс и результаты работы. В итоге возникает синергетический эффект за счет внутренних взаимосвязей, преданности делу, согласованности действий, доверия друг к другу, сотрудничества и общих ценностей. Командообразование становится бесценным человеческим капиталом, но с разным социологическим измерением. В основе классификации индикатор — род деятельности. По данному основанию выделены следующие четыре типа команд, с различными уровнями групповой активности и командных целей, эффективности взаимодействия членов группы:

- рабочая группа;
- псевдокоманда;

- потенциальная команда;
- реальная команда;
- высокоэффективная команда.

В основных характеристиках реализуются различные виды взаимодействия: от простого обмена информацией и опытом по возрасту к взаимодополняющим навыкам и умениям, общим целям и задачам и в итоге обладание всеми характеристиками настоящих команд, способствующих всестороннему индивидуальному развитию ее членов.

Еще один результат современных исследований человеческого капитала заключается в фиксации появления нового типа команд — самоуправляемые команды. В рамках своей деятельности они обладают существенной автономией и полной ответственностью за поведение своих членов и результаты их деятельности. Это измерение позволяет говорить о новом социологическом феномене «самокапитализации».

Таким образом, «человеческий капитал» является не просто суммой известных социологических интерпретаций, предлагаемых по различным основаниям. Современные подходы к исследованию человеческого капитала формируют общесоциологическую значимость перемещения его из экономической в социологическую реальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коростелева О. Т. Возможности современной социологии в изучении человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
2. Toffler A. Future shock. N. Y., 1970.
3. Ахмедова Н. Г. Роль женщины в современном российском обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2014.
4. Нагайцев В. В. Социальный капитал участников конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2012.

С. Г. Максимова (Барнаул)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ «ОБРАЗА ДРУГОГО»*

Современные глобальные социально-экономические процессы (слияние рынков, миграция, межэтнические конфликты, демографический спад в развитых странах, старение населения) находят свое отражение в актуальных проблемах российского общества. Вместе с тем специфическое геополитическое положение России, исторически сложившийся многонациональный тип государства, наследие советского прошлого, неоднозначные последствия реформ последних десятилетий делают чрезвычайно важной задачей сохранение целостности страны и формирование единой гражданской идентичности. Вместе с тем разнородность населения по национальным, этническим, конфессиональным характеристикам наряду с проблемами бедности и неравномерного распределения природных и финансовых ресурсов регионов делают особенно острой проблему распространения националистических и сепаратистских настроений среди граждан страны. В настоящее время исследователи отмечают не только стабильный рост числа приверженцев националистических объединений, но и актуализацию ксенофобных установок широких масс населения. Особую остроту эта проблема приобретает в связи с возрастающей необходимостью привлечения в страну трудовых мигрантов, которые часто выступают основными объектами вражды для носителей националистической идеологии [1, с. 143].

Борьба с указанными негативными явлениями сегодня осуществляется преимущественно двумя путями — пресечением националистической активности правоохранительными органами и формированием толерантности и патриотизма у граждан (преимущественно у молодежи). Характерно, что в первом случае работа ведется с последствиями деятельности уже возникших националистических группировок, которые нередко снижают авторитет страны на международной арене, а во втором — зачастую достигается обратный эффект, когда неверно понимаемый патриотизм ведет к разделению интолерантной позиции к «иным». Массовые беспорядки в Москве и других регионах страны, являющиеся следствием активной националистиче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-06-00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций „образа другого“» (2014–2016).

ской пропаганды и мигрантофобии, демонстрируют необходимость активного поиска путей решения данной проблемы [2, с. 10–14].

Фундаментальная научная проблема, на решение которой направлено исследование, связана с анализом проблем социального восприятия в генезисе конструирования гражданской и национальной идентичности.

Теоретической и методологической основой исследования являются:

- 1) принципы системного и интегративного подходов к анализу социальных явлений и процессов, позволяющие комплексно рассматривать проблемы формирования гражданской и национальной идентичности;
- 2) наиболее перспективной нам представляется тенденция к объединению (сочетанию) *человекоцентричных и социоцентричных подходов*, функционально-деятельностных и системных, социально-организационных, институциональных теорий, среди которых хорошо известна культуроцентричная социологическая теория П. Сорокина;
- 3) положения теории социального конструирования реальности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), позволяющие описать модели конструирования ментальных репрезентаций «образа другого» в социальных представлениях населения России.

Такая методологическая база позволяет использовать междисциплинарный подход, сочетающий элементы естественно-научного, социологического и психологического анализов.

Стратегия исследования базируется на основных категориях социологического анализа: гражданская идентичность, национальная идентичность, социальные аттитюды, ментальные репрезентации, образ другого, патриотизм, национализм,

Методология социологического исследования ментальных репрезентаций «образа другого» в социальных представлениях населения России основана на применении двух основных принципов.

1. Психосемантический подход

В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия). Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построе-

нию семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) и включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта [3, с. 32].

2. Измерение установок, основанных на самоотчете

На основе методического принципа, применяемого при построении шкалы оценок Лайкерта (одна из наиболее популярных стандартных шкал установок была создана Лайкертом в 1932 г., популярность объясняется главным образом снижением затрат на исследования), построена модифицированная шкала Лайкерта для изучения социальных установок общества к лицам различных возрастных и национальных групп [4, с. 110].

Одной из задач работы является исследование категориальной структуры обыденного, житейского сознания представителей различных возрастных групп, описание эталонов межличностного восприятия, авто- и гетеростереотипов, присущих лицам различных национальностей, описание их отношений к тем или иным социальным ролям и социальным типам, описание особенностей межличностного взаимодействия.

Методом исследования и одновременно формой модельного представления категориальных структур сознания является построение семантических пространств [5, с. 14; 6, с. 12] на базе категорий, описывающих межличностное взаимодействие (выделены на основе методики интерперсональной диагностики Т. Лири) [3, с. 32]. Семантические пространства реализуют «пространственную метафору», отображая отношения семантического сходства и различия с помощью метрического расстояния в некоем n -мерном геометрическом пространстве (как правило, с евклидовой метрикой). Координатными осями этого пространства выступают основания категоризации, присущие субъекту (испытуемому), актуализируемые в рамках некоей искусственно построенной рече-мыслительной деятельности (психосемантического эксперимента) в некоторой содержательной предметной области и выделяемые с помощью методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа или многомерного шкалирования).

Содержание выделяемых факторов — оснований категоризации — отражает формы обобщений, используемых субъектом в той или иной предметной области, присущие ему (в терминах Дж. Келли) «личностные конструкты». Операционально под личностным конструктом понимается совокупность взаимосвязанных высококоррелирую-

щих признаков, образующих некий индивидуальный (личностный) познавательный эталон [3, с. 44].

При геометрическом представлении семантического пространства выделяемые с помощью факторного анализа личностные или познавательно-культуральные конструкты образуют координатные оси некоего n -мерного пространства, а анализируемые объекты задаются как координатные точки внутри этого пространства. При этом величина проекции объектов на семантические оси показывает степень выраженности в объекте (понятии, образе) смысла, заданного этим фактором (конструктом) [7, с. 32].

В качестве шкал для построения семантического пространства будут использованы категории, описывающие межличностное взаимодействие (выделены на основе методики интерперсональной диагностики Т. Лири).

Метод диагностики межличностных отношений представляет собой модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири, автор которой является последователем идей Салливанна. Теоретический подход Г. С. Салливанна (H. S. Sullivan) к пониманию личности базируется на представлении о важной роли оценок и мнения значимых для данного индивида окружающих, под влиянием которых происходит его персонификация, т. е. формируется личность. В процессе взаимодействия с окружением личность проявляется в стиле межличностного поведения. Реализуя потребность в общении и осуществлении своих желаний, человек соотнобразует свое поведение с оценками значимых других на уровне осознанного самоконтроля, а также (неосознанно) с символикой идентификации [8, с. 246].

Не исключая правомерности концептуальной позиции, лежащей в основе оригинального варианта методики, следует отметить, что многолетний опыт применения модифицированного варианта данной методики (Л. Н. Собчик) позволил рассмотреть феноменологию метода в контексте иной концепции, с позиций индивидуально-типологического подхода. Опираясь на положение С. Л. Рубинштейна о роли врожденных индивидуальных свойств, через призму которых преломляется усваиваемый социальный опыт в процессе формирования личности и исходя из понимания личности как единства биологических и социальных факторов, Л. Н. Собчик предлагает к рассмотрению приведенную ниже типологию устойчивых личностных свойств, в основе которой лежит теория ведущих тенденций. Эмоционально-динамический паттерн, уходящий корнями в тип высшей нервной деятельности и свойства нервной системы, играет важную роль в формировании базисных индивидуально-личностных свойств,

структура которых определяется ведущей тенденцией или несколькими тенденциями, придающими индивидуальную окраску и определенную качественную специфику стилю переживаний, мышления, межличностного поведения и основной направленности и силе мотивации. Более того, формируя характер человека, ведущие тенденции эмоционально-динамического и индивидуально-личностного паттернов в известной степени ограничивают русло, в рамках которого формируются более высокие уровни личностного развития, создавая определенную избирательность и тропизм в отношении тех или иных ценностей, а также возможных вариантов и направлений социальной активности [9].

С другой стороны, если рассматривать личность как систему отношений (В. Н. Мясищев), то в широком спектре разных ценностей и объектов, входящих в эту систему, для полноты исследования необходимо изучать отношение индивида к самому себе, к своему «Я» — актуальному и идеальному, а также особенности межличностных отношений, включаемых в сферу его микросоциума. Метод интерперсональной диагностики в модифицированном варианте [10, с. 21] оказался оптимально удобным для изучения структуры межличностных и внутрличностных отношений, обнаружив также определенные индивидуально-типологические аспекты, лежащие в основе поведенческого паттерна. На основе глубинного интервью 128 характеристик межличностного взаимодействия выделены шкалы-дескрипторы. В качестве объектов оценки, выражающих межнациональные обобщения и стереотипы, взяты 6 понятий (ролевых позиций в терминах Дж. Келли), представленных следующими смысловыми блоками: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», «Идеальное Я», «Человек другой национальности, чем Я»; «Человек той же национальности, что и Я».

Обработанные с помощью факторного и корреляционного анализов результаты, полученные с помощью методики Келли, дадут обширный материал для интерпретации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарова Н. П., Авдеева Г. С., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А. Риски возникновения социальной нетерпимости в приграничных территориях Российской Федерации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
2. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезен-

тации и поведенческие стратегии населения современной России : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

3. Келли А. Дж. Теория личности. СПб., 2000.

4. Максимова С. Г. Образ старости: особенности ментального восприятия молодых // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 2. Барнаул, 2010.

5. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.

6. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследований личности. М., 1987.

7. Черепанова О. В., Максимова С. Г., Демина Л. Д., Максимов М. Б. Специфика анализа межпоколенных стереотипов психосемантическим методом «множественных идентификаций» (поведенческий аспект формирования установок) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2.

8. Прудников К. В., Максимова С. Г. Психосемантический анализ ценностно-смысловой сферы лиц пенсионного возраста, дифференцированных по уровню социально-психологической адаптированности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2/2 (74).

9. Максимова С. Г. Психосемантический анализ социальных представлений общества о старости // Известия Алтайского государственного университета. 2002. № 2.

10. Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. М., 1990.

А. Н. Домашев, Н. В. Прокопьева (Барнаул)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ПРИНЦИПАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Поиск форм и способов существования в обществе многообразных этнических групп осуществляется на протяжении всей истории человечества. В арсенале имеются разнообразные варианты межэтнического взаимодействия, имевшие конкретное воплощение в истории. На практике человечеством были опробованы и ассимиляция, и интеграция. Думается, что по большому счету это взаимодействие было построено по принципу «Кто сильнее — тот и прав». И лишь последние полвека демонстрируют попытку, в определенном смысле ис-

кусственную, создать такие общественно-политические условия, которые будут способствовать сохранению и самореализации этнических групп. Целый ряд государств провозгласил новым принципом национальной политики так называемый мультикультурализм. Основная идея заключалась в поддержке национальной отличительности групп и обеспечении их бесконфликтного сосуществования. Реализация этой идеи на практике привела к обострению национального вопроса в современных европейских государствах. С чем это связано?

Идея самоценности каждой нации является выражением идеологии индивидуализма и либерализма, определившей социальный облик послевоенной Европы. Сама по себе идея, безусловно, положительна, но ее абсолютизация привела к замкнутости этнических групп на самих себе, к консервации в том числе и отрицательных черт, к непониманию реалий многонационального сообщества. Хотелось бы остановиться на одном из философских принципов, опора на который в социальной практике могла бы восполнить недостатки идеи мультикультурализма. Речь идет о теории диалога культур. Идея диалога вошла в проблемное поле философии в середине XX в. и на протяжении всего последующего времени непрерывно расширяла сферу своего влияния — от первых подступов к ее осмыслению в 20-е гг. в работах М. Бубера и М. Бахтина в контексте этических и эстетических проблем до определения М. Бубером самого человеческого бытия как «диалога жизни»; определения последователем М. Бахтина В. Библером законов мышления как «диалогички»; описания психологии процессов, протекающих в сознании как «внутреннего диалога»; выявления лингвистами диалогической природы человеческой речи; трактовки М. Каганом диалога как оптимальной формы духовного общения людей — в реальной жизни, в активности воображения, в восприятии произведений искусства [1, с. 403].

В контексте концепции каждый этнос — носитель самостоятельной культуры, понимается как субъект, как один из участников диалога «по последним вопросам человеческого бытия» — такой участник, который в общении с иными культурами обнаруживает и формирует свои новые смыслы, формы, устремления, к этому иному образу обращенные [2, с. 104]. Такое понимание и сводит воедино все определения диалога как всеобщей сути межсубъектного общения. В основе такой диалогичности культуры лежит, по мнению М. М. Бахтина, амбивалентность культуры, т. е. двойственность и внутренняя диалогичность. Диалог не есть «обмен монологами», как его подчас представляют себе, но способ достижения общности его участников [3, с. 190]. Здесь-то и кроется «ахиллесова пята» мультикультурализма.

Поддержка развития самого этноса — это важно, но не менее важно определение направленности этого развития. Этнос не может благополучно развиваться вне диалога с другими этносами. Диалог здесь — не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера этноса; нет, здесь этнос не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, не только для других, но и для себя самого. Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — все кончается. Поэтому диалог в сущности не может и не должен кончиться [4, с. 214].

Диалог может возникнуть только между субъектами, где признается самостоятельная инаковость другого. Развивая эту мысль, М. Бубер пишет, что «... подлинный разговор, а тем самым всякое актуальное наполнение отношений между людьми, означает признание инаковости. Когда два человека обмениваются друг с другом своими кардинально противоположными мнениями относительно одного и того же предмета и каждый намерен убедить своего партнера в правильности собственного способа рассмотрения, тогда все зависит от того, полагает ли один другого в том качестве, в каком тот существует, принимает ли и подтверждает ли, таким образом, при всех неблагоприятных стечениях обстоятельств, совершенно откровенно в данном человеческом бытии, в своем так устроенном бытии. Строгость и глубина человеческой индивидуальности, первоначальная глубина Другого принимается тогда не просто как важнейший исходный пункт, но и как подтверждение сущности сущностью» [5, с. 134]. Такое взаимодействие и является необходимым, желательным. Субъекты постигают себя через встречу с «иначе вспыхнувшей братской душой» и одновременно подтверждают себя. М. М. Бахтин отмечает, что «диалог является в высшей степени интересным социологическим документом, так как вступающие в непосредственное общение субъекты ощущают себя в мире как целом, без промежуточных инстанций, и это общение происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы. Таким образом, диалог ведет к утрате авторитетности всех тех определений, которые облакают субъектов в социально-конкретную плоть, снимает их рамки» [3, с. 354].

Диалог является инструментом укрепления этничности, способствует глубинному росту внутреннего самосознания этноса, который осуществляется не внутри самого себя, но в отношении одного человека к другому. Взаимное признание, утверждение и подтверждение происходит через представление об индивидуальности другого и своей собственной индивидуальности. Такая симметричность в диало-

ге не всегда абсолютна, диалог допускает и известную асимметрию, но при сохранении принципиального равенства сторон. Дело в том, что простая передача сообщений не ведет к пониманию: оно возможно только при общении полноправных партнеров. Только в диалоге личностей, групп, социумов, культур передача сообщений становится незаменимым способом постоянного расширения кругозора ценностного сознания каждой личности, вбирающей в себя ценности, накопленные другими людьми, другими народами, другими культурами в их индивидуально своеобразном опыте.

Схожей по смыслу, но отличной по направлению является еще одна цель диалога — приобщение к ценностям другого. Если приобщение другого к моим ценностям есть в широком смысле воспитание, то стремление приобщиться к ценностям другого есть самовоспитание, самоформирование инициатора общения. Проблема самоформирования культуры представляет и теоретический, и практический интерес [6, с. 14]. С одной стороны, без взаимодействия с иными культурами невозможно успешное развитие, с другой стороны, в диалоге с разными типами культур необходимо избирательное отношение, поиск «значимых других». В таком понимании задач диалога он становится средством развития и обогащения культур.

Задачи, которые решает диалог, в настоящее время стоят на первом плане. В современной культуре достигнута высокая степень автономии каждого «голоса», которой не было ранее. Поэтому необходимо ставить вопрос об увеличении роли диалога во взаимодействии культур. Доминантой мышления должно стать не познание, а взаимопонимание. Формы его могут и должны быть многообразны, но их общим законом должна стать диалогичность, противостоящая всем формам монологического догматизма. Диалог должен стать средством обретения социального и исторического единства человечества, что является альтернативой войн, революций, насилия, способом преодоления разрыва связи времен. Современные этносы во имя спасения самого человечества должны сделать диалог универсальным, всеохватывающим способом существования культуры и человека в культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996.
2. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М., 1979.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

5. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.

6. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, Д. К. Щеглова (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЭТНИЧНОСТИ*

Актуальность исследования проблемы этнической идентичности обусловлена необходимостью теоретического осмысления новой трансформирующейся социальной реальности и процессами, происходящими в ней. Для современного мира характерно наличие разнонаправленных тенденций. С одной стороны, возрастают интеграционные тенденции, происходит взаимопроникновение национальных культур, с другой стороны, возникает усиление роли локальных этнических особенностей, актуализируется дифференциация культур. На фоне усиления глобализации и интеграции все более востребованными становятся этнические особенности различных народов. При этом возникает проблема толерантности к значительному этническому разнообразию. Другой важной тенденцией современного мира является размытость социальных идентичностей и постоянный процесс формирования новых типов идентичностей. Проблема этносов, этничности, этнической идентичности особенно актуализировалась во второй половине XX в., что было связано с активизацией процессов осознания своей этнической принадлежности, выделения этнической общности. Социальное расслоение общества все больше происходило по этническим признакам. Все эти процессы позволили ученым назвать данный период развития современного социума этническим ренессансом. Этническое возрождение стало характерной чертой современного общества [1]. В современной проблематике этнической идентичности можно выделить несколько важных аспектов,

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475" «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

требующих научного осмысления. Первый из них касается исследования этнокультурной специфики отдельных этносов в условиях глобализации, для которой характерны процессы миграции населения, ассимиляционные процессы и др., так как, несмотря на интенсификацию формирования глобальной культуры, происходит усиление националистических настроений. Важность исследования следующего направления связана с ролью этнического самосознания в обострившихся процессах разнообразных этнорелигиозных конфликтов. В современное время реакцией на потерю своей самобытности во многих странах стали процессы неприятия ценностей других этносов или противодействие их распространению.

Следующий аспект исследования заключается в целесообразности анализа базовых этнических ценностей населения, во многом являющихся в современное время индикатором поддержки и защиты личности в трансформирующемся нестабильном мире, а, с другой стороны, способных формировать интолерантность к другим народам и этносам. Как считают современные социологи, востребованность исследований этнической идентичности обусловлена необходимостью гармонизации национальной политики, «чтобы защищая от угрожающих национальной самобытности и культуре чужеродных веяний, она не превращалась в изолирующий барьер на пути межкультурной коммуникации и взаимообогащения культур» [2].

В современной социологии, несмотря на обилие исследований, понятие «этнос» остается недостаточно определенным. В контексте общепринятого научного подхода этнос определяется как исторически сложившаяся на определенной территории общность людей, объединенная общими чертами и особенностями культуры. Этнос в данном контексте определяется как биолого-исторический феномен, объясняющий тяготение людей к народу своей национальности. Этнос в данном случае имеет бессознательный, аффективный потенциал, он предшествует сознанию человека. Этничность — это крепкая эмоциональная привязанность людей друг к другу в рамках своего народа. Данное направление представляет примордиальный подход в анализе этничности, который суть этноса определяет наличием кровнородственных связей одного индивида с другим. Позднее примордиальное направление в исследовании этноса разделилось на два направления, одно из которых связано с социобиологическим подходом.

Другое направление посвящено эволюционно-историческим изысканиям. Социобиологи рассматривают этнос как биологические сообщества, трансформируемые социумом. Эволюционно-генетические идеи лежат в основе описания данного процесса. Эволюцион-

но-исторический подход заключается в преобладании социального над биологическим в формировании этноса. Социально-исторический контекст согласно данному подходу является преобладающим над биологической обусловленностью развития определенного народа. Этнос объединяет общий язык, история, культура, совокупность отличий от других групп. Одним из распространенных описаний этноса в рамках данного подхода является идея Ю. Бромлея о том, что этнос — это социальная группа, объединенная общим языком, названием, культурой, самосознанием [3]. Но действуют данные компоненты только в определенных социально-исторических, территориальных, природных, социально-экономических условиях. Этнос, согласно Ю. Бромлею, прежде всего определяется социальными характеристиками. Представителем западной научной мысли является Э. Смит, согласно идеям которого этнос прежде всего объединяется общим именем, общими мифами и легендами о предках, имеет общую культуру и историю. Все это усиливает чувство солидарности в восприятии представителей определенного этноса. В целом, представители примордиализма рассматривают этнос как объективную, надситуативную реальность, имеющую как биологическую, так и социальную природу.

Другим значимым подходом в анализе проблем этничности явилось направление конструктивизма и его представителя Э. Геллнера, автора исследования «Нации и национализм», которое ознаменовало формирование нового подхода в исследовании данной проблемы. Суть данного направления заключается в том, что истоком существования этноса является дифференциация определенных этнокультур. За возникновение данных этнокультур ответственны такие представители этноса, как писатели, художники, политики, музыканты и другие представители национальных элит.

Таким образом, этнос — это «сконцентрированный продукт» национальной элиты. Далее этот конструкт транслируется в среде этноса различными имеющимися средствами. В данном подходе констатируется навязанность, искусственность этничности. Как считают специалисты, данный процесс имеет своей целью достижение этнической мобилизации. В данном случае, как считает С. Кардинская, «этничность является идеологической моделью», теряя свои социальные и дискурсивные основания [4].

В конструктивистском направлении этничность рассматривается как процесс идентификации. В рамках данного направления можно выделить: социально-психологические подходы к идентификации. (Дж. Мид, И. Гофман, Э. Эриксон); феноменологическую концепцию

(А. Шюц); конструктивистский структурализм (П. Бурдьё, Р. Ленуар, Д. Мерлье). Иной подход представляют Э. Гидденс, К. Кальхаун, Р. Брубейкер и др. Суть данного подхода в описании сущности этноса с позиций процессов постмодерна. Процесс формирования этничности в современном глобализующемся мире и в рамках полипарадигмальных подходов изучают Ф. Беккер, В. С. Малахов, С. Жижек. Согласно подходу С. Жижека при формировании этноса происходит процесс, обратный формированию нации. Данное явление автор называет «этнизацией национального», что является, по мнению ученого, новым поиском этнических корней [5]. Указанный процесс является реакцией на современные условия социальной реальности и отражает регрессивные тенденции в развитии этничности. В современной западной социологии понятие «этничность» рассматривается с позиций двух значений: как синоним всего связанного с первобытной (языческой, экзотической) культурой; как синоним специфичности (общности, отличия) культуры данной группы [6].

Под этнической общностью ряд ученых понимают широкий спектр социальных общностей, наделенных этничностью [3, 4]. Мера этничности определяет степень их внутренней интеграции, которая может колебаться в широких пределах. На практике же степень этничности определяется той степенью культурного единства данного социума, которая не зависит от характера его социальной стратификации [6]. На современном этапе развития социологической мысли выделились три базовых подхода к анализу этничности. Согласно первому подходу этничность трактуется как объективная реальность. Согласно второму, символическому, подходу под этничностью понимается определенная символическая среда. Третий подход является социально-психологическим и определяет этничность как совокупность общеразделяемых поведенческих стереотипов [5]. Таким образом, каждый из представленных подходов выявляет какую-либо сущностную особенность этничности. Однако наиболее эффективным является, на наш взгляд, интегративный подход в объяснении онтологической природы этничности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Черепанова М. И. Социальные риски как факторы, формирующие поведенческое пространство молодежи Алтайского края (на примере социологического исследования) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
2. Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и тенденции развития. М., 2011.

3. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

4. Кардинская С. В. Конструирование этнической идентичности: молодежное общество российских немцев Ижевска // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1.

5. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / пер. с англ. А. Смирнова ; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. СПб., 2005.

6. Черепанова М. И. Рискологический подход к анализу современных социальных явлений // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 5. Барнаул, 2013.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ В СОЦИУМЕ

Термин «социальная напряженность» входит в категориальный аппарат нескольких научных дисциплин — социальной философии, истории, политологии, конфликтологии, социальной психологии, социологии и ряда других и может рассматриваться как междисциплинарное понятие. Каждая из перечисленных наук вкладывает в это понятие свой смысл.

Несмотря на кажущуюся простоту понятия «напряженность в обществе», есть основание полагать, что речь идет об особом социальном феномене, который имеет свой собственный механизм возникновения, объективные и субъективные составляющие в системе факторов, общие и локальные причины. Исторически содержание социальной напряженности осмысливалось и развивалось в социологической, социально-психологической и конфликтологической литературе в связи с такими явлениями, как социальная дезинтеграция или отсутствие солидарности взаимодействующих личностей и групп, девиация, anomia, утрата социальной идентичности, депривация, фрустрация основных потребностей личности, классовая борьба, межнациональные столкновения и др.

Э. Дюркгейм использует термин «социальная напряженность» при анализе процесса дезинтеграции как разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания социальной anomie [1, с. 190]. По Р. Мертону, социальная напряженность в обществе возни-

кает вследствие нарушения равновесия между целями социальных субъектов и средствами их достижения [2, с. 26]. Т. Парсонс, вводя в состав социального действия понятие нормы, уже прямо указывает, что нормативный элемент, встречая сопротивление при реализации социального действия, является источником социальной напряженности и потенциального конфликта [3, с. 48].

Развернутый анализ существенных черт социальной напряженности дает Н. Смелзер. Важно при этом отметить, что он, в отличие от Парсонса, в своей трактовке социальной напряженности прежде всего акцентирует внимание на ее деятельностной и внутренне мотивационной природе. Определяя ее как несоответствие между компонентами действий социальных субъектов, и, следовательно, их неадекватное функционирование, он выявляет наличие напряженности на разных уровнях социального действия [4].

Попытку связать социальную напряженность с уровнем удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп мы находим у Питирима Сорокина при выяснении причин социальных конфликтов и революций [5, с. 272]. В настоящее время за рубежом социальная напряженность изучается в основном в рамках концепции социального стресса [6, с. 82].

Современные российские исследователи, занимающиеся проблемой социальной напряженности, сходятся в одном: социальная напряженность — это особое состояние массового сознания и поведения коллективных социальных субъектов, исследование которого должно носить междисциплинарный характер [7, с. 8–10]. В основе социальной напряженности, по их мнению, находится групповая неудовлетворенность, возникающая в результате разрыва между уровнем ожидания позитивных изменений в социально-экономической, производственной и управленческой сферах и фактическим уровнем реализации этих ожиданий. Между тем рассмотрение социальной напряженности как базового понятия социологии конфликта позволило бы в более широком контексте проанализировать особенности этого феномена. Реализуя этот подход, мы считаем, что социальная напряженность — это определенная стадия развития конфликтности социальных субъектов, характеризующаяся таким состоянием социальных отношений в социуме, которое предшествует их переходу в открытый конфликт между сторонами этих отношений. Социальная напряженность субъективна, поскольку она отражает состояние общественного сознания. Но она одновременно и объективна, поскольку реально присутствует в происходящих в обществе социальных процессах, реализуется в конфликтном поведении участников таких процессов.

Как уже отмечалось выше, основу осмысления феномена социальной напряженности в обществе составляют исследования социальных конфликтов. Их изучение имеет важное для нас значение в том плане, что оно теоретически и практически тесно связано с проблемой социальной напряженности, ибо социальный конфликт и социальная напряженность — это нечто единое, одно есть продолжение другого. Конфликт и напряженность формируются в конкретной ситуации, содержащей социальную проблему, связанную с существованием противоречий, затрагивающих интересы, цели людей. Социальная напряженность обусловлена развитием социальных противоречий в социуме, при котором возможна и бесконфликтная форма их преодоления. Социальный конфликт и социальная напряженность — парные понятия, причем всякий социальный конфликт имеет в своей основе тот или иной вид социальной напряженности, с ее возникновением и ростом он и начинается. Таким образом, процесс развития социальной напряженности можно представить в виде последовательной смены нескольких стадий.

1. Стадия нормального состояния социальных отношений в социуме, которая характеризуется некоторым фоновым значением уровня социальной напряженности. Следует отметить, что фон социальной напряженности постоянно присутствует в любой ситуации. Эта некая норма, которая обусловлена объективными обстоятельствами, а именно, самим фактом различия целей и интересов у социальных субъектов. При их взаимодействии всегда будут возникать естественные социальные противоречия, основанные на столкновении интересов. Фоновой, или минимальной, эта стадия социальной напряженности сохраняется до тех пор, пока в социальных отношениях не происходит нарушений существующих норм и договоренностей, составляющих предмет этих отношений. В противном случае это вызывает рост социальной напряженности в социуме относительно первоначального фонового значения.

2. На второй стадии, которую мы обозначаем как латентную или доинцидентную, происходит осознание противоположности интересов сторон; начинается консолидация групп; происходит интенсивный процесс обмена информацией; проявляется некоторое противостояние сторон (есть осознание противоречия в интересах, но столкновения и противоборства сторон еще нет); идет накопление потенциала и ресурсов, выдвижение лидеров.

3. Третья стадия социальной напряженности называется инцидентом или открытым конфликтом сторон. Характеризуется переходом от осмысления сторонами происходящего к коллективным ак-

тивными действиями. На этой стадии уже сформированы противоборствующие группы, эмоции выдвигаются на передний план и предпочтение отдается нерациональному, с точки зрения обычной логики, поведению социальных субъектов. Эскалация социальной напряженности достигает своего пика. В этом варианте развития социальной напряженности для противоборствующих сторон характерны:

- единоклющие группы;
- эмоциональный накал;
- рост влияния неформальных лидеров и др.

В настоящее время в исследовательской практике применяется немало методик, созданных для оценки различных социальных явлений в нашем социуме [8, с. 130; 9, с. 136; 10, с. 169–170]. Однако они не могут быть использованы для оценки уровня социальной напряженности, так как либо ориентированы только на социально-трудовую сферу, либо используют не всю систему показателей и индикаторов напряженности. Значительная часть авторов сводит процедуру оценки социальной напряженности к психологическому измерению общей неудовлетворенности в социуме. Нам представляется целесообразным выделить несколько уровней социальной напряженности, которые можно зафиксировать с помощью оценки объективных показателей.

Первый уровень социальной напряженности, как уже говорилось выше, представляет ее минимальное фоновое значение.

Второй уровень социальной напряженности характеризуется негативным эмоциональным состоянием населения, которое выражается в неудовлетворенности сложившейся ситуацией. На данном этапе социальные субъекты еще не пытаются выяснить ее причины.

Третий уровень — это этап осознания на личностном уровне несправедливости. Здесь происходит информационный обмен среди субъектов, осознание общих групповых интересов. У населения появляются претензии к руководителям региона.

Четвертый уровень социальной напряженности характеризуется переходом к консолидации групповых интересов. Начинают складываться противоборствующие в конфликте стороны. Делается попытка определить, кто конкретно виноват в сложившейся ситуации. Происходит формирование стратегии будущих конкретных действий.

Пятый уровень (максимальный) — это уровень, который сопровождается открытыми конфликтными действиями, происходит переход к открытому столкновению сторон.

Определение уровня социальной напряженности складывается из индивидуальных оценок респондентов, аналогично оценке степе-

ни удовлетворенности трудом, миграции, уровня политической активности. Таким образом, общая оценка уровня социальной напряженности представляет собой некоторую среднюю величину индивидуальных позиций респондентов.

Таким образом, максимальный балл напряженности в социуме равен пяти, а минимальный — единице, что соответствует фоновому уровню социальной напряженности. Данная методика была использована в исследовании с участием автора, проведенном в рамках мониторинга социальной напряженности в регионах Западной Сибири. Данные исследования показывают, что ни в одном из регионов Сибири уровень развития социальной напряженности не достиг пока своего максимального значения.

В заключение следует отметить, чем хороша предложенная методика. Во-первых, она позволяет рассматривать социальную напряженность как процесс в развитии социальных отношений и тем самым дает возможность делать прогноз в развитии ситуации. Во-вторых, в данной методике социальная напряженность характеризуется не только субъективными самооценками респондентов, но и рядом объективных показателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 2007.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия: социология преступности. М., 1966.
3. Парсонс Т. Теория коллективного поведения. М., 1972.
4. Смелзер Н. Теория коллективного действия. М., 1996.
5. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
6. Доренменд Б. Социальный стресс и его причины. М., 2006.
7. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2011.
8. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2014.
9. Попов Е. А. Культуроцентричность как фактор преодоления «матричности» современного права // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2014.

10. Артюхина В. А. Основные источники социальной напряженности в Алтайском крае, отраженные в региональных СМИ // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном социогуманитарном знании существует определенный дефицит новых революционных теорий. Его основу сегодня составляют исследования на стыке наук. Итогом междотраслевых и интердисциплинарных изысканий стало возникновение новых научных дисциплин. Это характерная черта постнеклассической науки.

Однако для ее дальнейшего развития недостаточно простой интеграции методов одной дисциплины в другую в рамках междисциплинарного подхода. Требования времени заставляют ученых искать новые подходы к осмыслению объектов социальной действительности. А интенсивное социально-экономическое развитие общества порождает новые квалификационные требования к специалистам традиционных профессий и теоретико-методологическое обоснование для новых [1, с. 75].

«Наука как система знаний и как сфера профессиональной деятельности обнаруживает все более ярко выраженную социокультурную детерминацию и значимость, все большую зависимость научного поиска и его результатов от культурных ценностей и приоритетов, нормативных и стилезизненных характеристик эпохи» [2, с. 17].

Еще в конце XX в. ученые активизировали поиск новых подходов к объяснению все усложняющейся действительности, пытаясь привести в соответствие теоретико-методологическую базу научных, прежде всего социогуманитарных, дисциплин с потребностями общества в новых решениях, новых специальностях и т. д. Результатом такого поиска стал трансдисциплинарный подход.

В 1994 г. в Португалии состоялся первый международный конгресс по трансдисциплинарности, на котором была принята Хартия трансдисциплинарности, автором которой был румынский физик Басараб Николеску [3]. Хартия отразила фундаментальные принципы трансдисциплинарных исследований, а также обозначила границы, отделяющие их от меж- и мультидисциплинарных подходов.

Сегодня выделяют следующие направления развития трансдисциплинарности. «В современном трансдисциплинарном дискурсе можно выделить два доминирующих направления, первое из которых связано с онтогносеологической проблематикой в работах Б. Николеску, Ж. Папст и других, а вторая представлена в рамках методологической разработки социальных проектов трансдисциплинарных исследований в работах К. Пола и Г. Хадорн, а также М. Кистра, М. Россини, К. Флинтерман, Я. Шмидта, Р. Шольца и др. Различные аспекты развития трансдисциплинарных измерений в современной науке рассматриваются в работах Г. Бехманна, В. Ван ден Дэле, А. Грунвальда, Р. Лоуренс, Э. Морена, Ж. Пиаже, М. Хоффмана, Э. Янча и др.» [4, с. 7–8].

Р. Лоуренс определяет трансдисциплинарность как «способ синтезирования ресурсов дисциплинарной и внедисциплинарной сфер, итогом которого оказывается познавательная модель, не сводимая ни к одной из составляющих ее частей». Он отмечает, что «результаты ее теоретической экспликации раскрываются в трех взаимосвязанных перспективах: переоценке представлений о гносеологической ценности знания, новых представлениях о субъекте познания и предпосылках формирования теорий» [5].

Проблему трансдисциплинарности в отечественной философии науки исследуют В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, Л. П. Киященко и др. [4, с. 8]. Л. П. Киященко рассматривает междисциплинарность как внутринаучный феномен, тогда как трансдисциплинарными называет «такие познавательные ситуации, в которых по разным причинам ... научный разум (как в науке, так и в философии) вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности (прояснения условий возможного опыта) осуществить трансцендирующий сдвиг в пограничную сферу с жизненным миром» [6, с. 17].

Несмотря на то, что данный подход еще находится на стадии формирования, есть серьезные методологические наработки, позволяющие использовать его не только в научных исследованиях, но и в образовании. В частности, в осмыслении перспектив развития профессиональной подготовки специалистов тех сфер деятельности, которые предполагают овладение синтезированным знанием. В статье 11 Хартии отмечалось: «Подлинное образование не может ставить абстракцию выше иных форм знания. Оно должно учить контекстным, конкретным и глобальным подходам» [1].

Исходя из того, что трансдисциплинарность предполагает возможность выхода за пределы дисциплинарного знания, а также синтеза ресурсов дисциплинарных и внедисциплинарных сфер, в про-

фессиональном образовании появляется больше возможностей для формирования компетенций будущего специалиста. Очевидно, что данный подход может играть значительную роль и в конфликтологическом образовании.

Конфликтологическое знание обладает определенной спецификой. Его основа представляет собой синтез достижений в различных областях социально-гуманитарного знания. Объединяющее начало феномена конфликта исходит из его антропологической природы. «Конфликт — постоянный спутник человека» [7, с. 94]. Это обстоятельство определяет потребность его рассмотрения в различных научных дисциплинах гуманитарного цикла. Структура конфликтологического знания включает в себя целый комплекс теорий и концепции, методик и технологий исследования и разрешения конфликтов.

Философское знание заложило теоретические основы изучения природы конфликта. Человек как существо общественное стремится к единению, но интересы и предпочтения людей различны и ведут к возникновению противоречий. Они касаются экономического неравенства, социальной дифференциации, различия идеологических и религиозных предпочтений. Естественное стремление к равенству объединяет людей, а их субъективное представление о сущности отношений в обществе, ценностно-нормативные ориентиры, имущественное неравенство приводят к невозможности равноправного существования. Общественные отношения строятся на основе соперничества, разногласий, несовместимости принципов и жизненных позиций. Противоречия являются неотъемлемой частью общественной организации, а необходимость их разрешения — стимулом к развитию.

Ф.Ф. Вяккерев отмечает, что «...конфликт определяется как специфическая форма противоречия, имеющая объективную и субъективную составляющую. Обобщенно отношение противоречия и конфликта можно выразить через категории сущность и явление: противоречие есть сущность конфликта, а конфликт — явление противоречия, специфическая форма его проявления, существования... Поскольку конфликт имеет объективную и субъективную составляющую, его концептуальное осмысление должно носить междисциплинарный характер — быть совокупным делом различных наук (обществоведческих и человековедческих дисциплин)» [8, с. 34–35].

Вместе с тем философия трансдисциплинарности позволяет рассматривать конфликт еще более многопланово и широко, за пределами диалектической методологии. «Опыт трансдисциплинарности ориентирован на отслеживание совместного становления, как пред-

мета проблемной области, так и метода, вбирающего в себя искусство научного поиска, реализующего жизненную установку и нравственные убеждения исследователя» [6, с. 12]. Данный подход позволяет более глубоко исследовать субъективные факторы конфликта, а также учитывать в его анализе личность самого исследователя, его мировоззренческие приоритеты, нравственную позицию и жизненный опыт.

Конфликтологическое знание активно развивается в сфере психологии и социологии конфликта, в политологии и юридической науке. Психологическая конфликтология занимается проблемами внутриличностных и межличностных противоречий, участвует в изучении психологических аспектов межгрупповых, например, межнациональных конфликтов. Исследуются конфликтные отношения с точки зрения столкновения мотивов, взглядов, интересов. Психоаналитическая теория определяет в качестве источника невротизов конфликт между сознательным и бессознательным.

Конфликт сферы общественных отношений является сложным феноменом, который включает в себя целый комплекс противоречий. Поэтому социология конфликта исследует противоречия как на различных уровнях социальной организации, так и в разных сферах общественных отношений.

Изучение конфликтов с точки зрения различных сфер общественных отношений позволило сформировать следующие направления развития конфликтологического знания: политическую конфликтологию, юридическую конфликтологию, этноконфликтологию и т. д.

Содержание этих направлений в изучении конфликтов включает в себя специфику общественных отношений в той или иной сфере. Так, проблемное поле политической конфликтологии охватывает специфические особенности и закономерности возникновения, обострения и урегулирования конфликтов в сфере политических отношений и взаимодействий. Изучает специфику развертывания политических конфликтов на макро- и микроуровнях, процесс и формы делегирования политических полномочий и интересов. Исследуются кризисы политических режимов как особая фаза обострения, эскалации политической конфликтности, политические кризисы и социальные революции. Особое место занимают методы разрешения политического конфликта, учет соотношения социально-политических сил в регулировании политического конфликта, проблема компромисса и консенсуса как методов их регулирования и разрешения.

Сфера этноконфликтологии охватывает этнические конфликты как рассогласование во взаимодействии этносов в качестве особых

исторических типов социальных общностей. Изучается проблема этнической самоидентификации, типология и классификация национальных движений. Важную роль в этноконфликтологии играет исследование условий возникновения и развития этнических и национальных конфликтов, их отличительные особенности, а также взаимоотношение принципов национального самоопределения и целостности в многонациональных государствах. Большое внимание уделяется изучению возможностей эмпирических исследований этнических конфликтов, специальных процедур и техники в исследовании национальных и этнических конфликтов.

Юридическая конфликтология обобщает и изучает те особенности, которые характеризуют конфликт с позиций права. Специфика такого рассмотрения конфликтов — в изучении реальной связи конфликтов с действующими правовыми инструментами и структурами. Одна из основных целей — установить, как нормы права могут воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта. Важное место занимает проблема изучения динамики юридического конфликта, стадий развития, направленности, а также специфики юридических способов разрешения конфликтов. В рамках современного конфликтологического знания выделяют также конфликтологию духовной сферы, педагогическую конфликтологию и др.

Кроме того, существует ряд проблем в подготовке специалиста-конфликтолога, разрешение которых требует трансдисциплинарного подхода. Эти проблемы лежат в сфере субъективного восприятия и осмысления действительности. Следует прежде всего отметить личностные качества и индивидуальный жизненный и профессиональный опыт специалиста по разрешению конфликтов. Это факторы, которые, безусловно, влияют на профессиональную деятельность, но неподвластны значительному влиянию в процессе освоения вышперечисленных дисциплин. Вместе с тем каждый конфликт, помимо общих закономерностей развития, все же индивидуален по природе. Это требует от конфликтолога применения знаний, зачастую не входящих в дисциплинарную матрицу, заложенную стандартом. Очевидно, что без определенной практики разрешения конфликтов сформировать мобильность в принятии решений, способность к импровизации невозможно.

Таким образом, в конфликтологическом образовании необходимо опираться не только на междисциплинарное ядро конфликтологии, но и на профессиональный опыт работающих специалистов, а также реальную практику конфликто разрешения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
2. Коростелева О. Т. Основные аспекты ценностного измерения в социологии науки // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
3. Хартия трансдисциплинарности (Принята на Первом Всемирном конгрессе по трансдисциплинарности, Конвенто да Аррабида, Португалия, 2–7 ноября 1994 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anoitt.ru/index4.php>
4. Гребенщикова Е. Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2012.
5. Трансдисциплинарные исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://transstudy.ru/mej-poli-multi-disciplinarmosti3.html>
6. Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М., 2009.
7. Нагайцев В. В. Социальный капитал участников конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
8. Вяккерев Ф. Ф. Философия конфликта. Философские основания конфликтологии : монография. Владивосток, 2004.

К. А. Великжанина (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Социальная политика представляет собой одно из важнейших направлений деятельности государства, общественных объединений, общества в целом по разрешению имеющихся в нем противоречий, повышению эффективности господствующей политической системы и ее отдельных звеньев. Законодательство Российской Федерации не устанавливает, что понимается под социальной политикой в обществе. Вместе с тем согласно Конституции России в ст. 7 закреплено следующее: «1) Российская Федерация — социальное государ-

ство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; 2) в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Исходя из этого социальная политика — деятельность государства по управлению и развитию социальной сферы общества, направленная на удовлетворение интересов и потребностей общества [1, с. 72–80].

Вместе с тем для более концептуального понимания термина «социальная политика» необходимо разобраться в этимологии базисного понятия «политики» в его прямом значении. По мнению выдающегося французского философа, политолога, социолога Р. Арона, этот термин содержит два значения. В своей книге «Демократия и тоталитаризм» он дает определение политики исходя из написания данного термина как *policy*, и как *politics*. Он пишет: «*Policy* — концепция, программа действий, это само действие одного человека, группы людей, правительства. Политика в области алкоголя, например, — это вся программа действий, применительно к данной проблеме, в том числе проблеме излишков или нехватки производимой продукции. Таким образом, слово «политика» в его первом значении — это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом.

Социальная политика как научная тема первоначально привлекла исследователей стран развитой демократии. Понятие «социальная политика» начинает употребляться в европейской публицистике и научных исследованиях только в конце 50-х гг. XIX в., ее первоначальные формы ассоциируются с законодательством о социальном страховании, принятым в Германии в годы правления канцлера Бисмарка. В годы Второй мировой войны данная реформа стала развиваться, включала в себя широкий спектр мер, применяемых в разных странах: например, программы, направленные на страхование социальных рисков (старость, болезни, безработица), поддержка сферы культуры, образования и здравоохранения, жилищной политики и многое другое.

Современную трактовку пониманию социальной политики можно найти в «Словаре социальной работы» Р. Баркера: «Социальная политика — деятельность и принцип общества, формирующий способ,

при помощи которого оно вмешивается и регулирует отношения между индивидами, группами, общинами, социальными учреждениями. Эти принципы и действия являются результатом обычаев и ценностей общества и в большей степени определяют распределение ресурсов и уровень благосостояния его людей. Социальная политика включает планы и программы в сфере образования, здравоохранения, экономической защиты, социального обеспечения, составляемые правительством, добровольными организациями» [2, с. 134].

Наряду с разработкой термина «социальная политика» в ряд важных вопросов в последней четверти прошлого века встал вопрос построения типологий социальной политики.

Наиболее популярной типологией моделей социальной политики является классификация одного из ведущих шведских социологов Госта Эспинг-Андерсена, предложившего в своей работе «The Three Worlds of Welfare Capitalism» такие модели социальной политики, как патерналистская, корпоративистская, социально-демократическая. В основу данной классификации автором были положены следующие критерии: уровень декоммодификации, уровень стратификации (социального расслоения) в обществе и уровень государственной интервенции (вмешательства).

Патерналистская модель наиболее характерна для всех англоговорящих стран (США, Великобритания, Австралия, Канада), а также Японии. Для нее также характерен остаточный принцип оказания социальной помощи на минимальном уровне только особо нуждающимся категориям населения. Главная цель данной модели — сокращение бедности. Реализация данной цели происходит за счет оказания «адресной» помощи, т. е. в каждом конкретном случае предоставляются те или иные виды услуг, реализуются мероприятия или принимаются определенные законы. Корпоративистская модель представлена в основном странами Западной Европы (Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Австрия, Бельгия и др.). Во многом схожа с так называемой бисмарковской системой социальной защиты населения, в основе функционирования которой лежит идея социального страхования. Главная цель данной модели — сохранение того жизненного уровня, который был достигнут в работоспособном периоде. Социально-демократическая модель действует в Швеции, Дании, Норвегии. Главная цель данной модели — перераспределение доходов, что ведет к уравниванию социальной помощи и предоставлению стандартных пособий или набора услуг.

Таким образом, в литературе представлен достаточно широкий спектр взглядов зарубежных исследователей на сущность, содержа-

ние и классификацию национальных моделей социальной политики. Авторы рассмотренных концепций подходили к их анализу с различных позиций, закладывая в основу своих взглядов те или иные критерии, такие как, например, роль государства, принципы финансирования, уровень социального расслоения общества и др.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что социальная политика — это прежде всего деятельность государства в социальной сфере, которая направлена на объединение усилий всех хозяйственных и управленческих структур, всего населения в целях решения социальных задач [3, с. 46]. В ее реализации принимает участие не только государство, органы законодательной и исполнительной власти, но и общественные акторы (в самом широком смысле — все общество в целом) [4, с. 26]. Для современной России характерен «субсидарный подход» в осуществлении социальной политики. Этот подход предполагает минимальные затраты государства на социальную защиту, т. е. органы государственной власти берут на себя обязательства по обеспечению минимальных социальных услуг. Ввиду этого все, что нужно сверх данной меры, — люди должны обеспечить себе сами. Это, главным образом, нацелено на снятие части социальной нагрузки с государства, уменьшения процента «иждивенческих» стремлений населения, снижения налоговой политики и стимуляции роста экономики в стране. Обращает на себя внимание связь социальной политики, например, с социальным благополучием в трактовке социологов [5, с. 16–19]. Как видим, спектр подходов к пониманию социальной политики довольно широк.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лежебоков А. А. Проблемы реализации социальной политики местного самоуправления // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 12.
2. Баркер Р. Словарь социальной работы: пер. с англ. М., 1994.
3. Иванов В. Н., Уржа О. А. К вопросу о справедливой социальной политике // Муниципальный мир : научно-аналитический журнал, 2007. № 1–2.
4. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
5. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, твор-

чество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2010.

А. Ю. Бендрикова (Барнаул)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сегодня среди проблем молодежной среды в основном уделяется внимание оздоровлению и денежным компенсациям, проблемам демографии и волонтерству. Государство и общество вкладывают в решение данных вопросов немало сил и средств. Мало кто обращает внимание на степень социальной активности молодежи в личностной сфере. Российская молодежь испытывает определенные сложности социального саморазвития, самовоспитания. Молодое поколение реализует преемственность в социокультурной сфере, не только наследуя условия и отношения, оставляемые ему родительскими поколениями. Оно преобразует их, реализуя свой инновационный потенциал. Таким образом, в развитии молодежи осуществляется воспроизводство общества. Соответственно, социальное развитие молодежи невозможно представить вне системы образования. В системе образования молодежь адаптируется к социально-экономическим и социальным изменениям общества.

Система образования сегодня отвечает вызовам XXI в., к которым относятся: экологическая угроза, низкий уровень нравственности, повышенный стрессовый уровень жизни людей и т. д. Кроме всего прочего, на сегодняшний день в социологии и психологии актуален термин «социальная патология в молодежной среде». Нынешняя молодежь не умеет организовывать свой досуг, молодые люди не могут найти подходящую работу, имеют низкие доходы, многие из них являются социально неблагополучными, страдают от жестокости родителей в семьях и потеряли всякие нравственные ориентиры.

Но есть и другая проблема — сегодняшнему молодому человеку порой просто некуда устроиться. Мир захлестнула так называемая информационная экономика. Из-за этого сократилось число рабочих мест для молодых специалистов с законченным образованием, но без опыта работы [1, с. 26].

Вопрос изучения социальной активности молодежи в последнее время заинтересовал не только психологов и социологов, но и ученых других сфер.

Развитие социальной активности молодежи на государственном уровне реализуется в Социальной стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ № 1760-р от 18 декабря 2006 г., предусматривающей меры, направленные на повышение социальной активности молодежи. Важнейшая социальная функция университета как образовательной организации заключается в создании условий для развития социальной активности студента, реализации его возможностей, профессионального становления, позволяющих ему содействовать научно-техническому и социальному прогрессу общества.

Как актуальная потребность социальная активность реализуется в определенной системе целевых установок, мотивов, определяющих интересы личности, ее включение в деятельность по удовлетворению возникшей потребности; как преобразующая способность социальная активность реализуется в соответствующих социальных знаниях и навыках [2, с. 50].

Движущим фактором социальной активности молодежи являются потребности и интересы, касающиеся удовлетворения личных потребностей индивида и решения общественно значимых задач. В работах В. Н. Мордковича социальная активность рассматривается как повышенное по сравнению с принятым в обществе или той или иной социальной группе участие в различных социальных практиках, направленных на общественное благо, таких как участие в общественных организациях и движениях, акциях, включенность в молодежные сообщества [3, с. 90]. По мнению А. И. Ковалевой и В. А. Лукова, фундаментальным основанием социальной активности служит социальная субъектность молодежи. Социальная активность и молодежное движение как социальное явление выступают при этом как проявление одного и того же сущностного основания. Субъектность достигается через самостоятельность группового молодежного субъекта и через самостоятельность этого субъекта обеспечивается преемственностью, т. е. молодежь участвует в процессе смены поколений [4, с. 42].

Для развития социальной активности студентов в процессе профессионального становления немаловажную роль играют организационно-педагогические условия вуза для получения качественного высшего образования. Процесс социализации студентов связан с овладением знаниями, умениями и определенными профессиональными навыками [5, с. 34].

Для анализа социальной активности студентов вузов Алтайского края приводятся результаты исследования субъективных оценок социальной активности студентов АлтГТУ. Исследование было проведено в 2012–2013 гг. В ходе исследования методом анкетирования было опрошено 200 человек, квотированная выборка. Социальная активность студенчества рассматривается на трех уровнях: общественном, групповом, личностном.

При оценке общественного уровня социальной активности анализировались такие аспекты, как условия процветания в обществе и участие в молодежных организациях. Ответы респондентов на вопрос о том, каковы, по их мнению, условия процветания общества в целом, той территории, на которой они живут, распределились согласно их жизненным приоритетам. При ответе на этот вопрос респонденты могли указать любое необходимое количество ответов, поэтому в сумме ответы превышают 100%. Одинаковое число респондентов — 52,2% выбрали (поставили на первое место) в качестве приоритетов условий процветания общества такие пункты, как «Модернизация экономики, системы образования, улучшение инвестиционного климата, создание инфраструктуры для инноваций» и «Жесткую и непримиримую борьбу с коррупцией, произволом и беззаконием чиновников сделать частью национальной политики». На втором месте — этот пункт выбрали 50% респондентов — «Устранять безработицу, бедность, их причины». На третьем месте — этот пункт выбрали 47,2% респондентов — «Справедливое распределение бюджетных доходов между федеральным центром, регионами и муниципальными образованиями, пропорционально реальным затратам на осуществление их полномочий».

При анализе группового уровня исследовались субъективные оценки студентами жизни вуза, студенческой группы. Ответы на вопрос «Что в жизни вуза представляется Вам наиболее интересным?» распределились следующим образом: 46,7% респондентов наиболее ценным в вузе считают уровень групповой активности своей студенческой группы; 27,8% наиболее интересным считают организацию учебных занятий; 12,2% — занятия в творческих коллективах, самодеятельности; 13,3% — студенческое самоуправление; 18,9% — то, как ведут занятия преподаватели; 10,0% — кабинеты и лаборатории; 7,8% — научно-исследовательская работа студентов; 24,4% считают, что наиболее интересным в вузе является сама учеба.

При анализе личностного уровня социальной активности студентов исследовались их жизненные планы и возможность их реализации. Ответы на вопрос: «Что представляется наиболее важным в Ва-

ших жизненных планах на будущее?» распределились следующим образом: создать счастливую семью — 71,1%; воспитать хороших детей — 50,0%; заниматься любимым делом — 57,8%; иметь интересную работу — 53,3%; побывать в разных странах — 40,0%; получить хорошее образование — 40,0%; иметь собственный бизнес — 30,0%; стать богатым — 17,8%; честно прожить свою жизнь — 21,1%; жить не хуже других — 16,7%. Следует сделать вывод, что самым важным в жизненных планах респондентов является создание счастливой семьи — 71,1%, занятие любимым делом — 57,8% и интересная работа — 53,3%, воспитание хороших детей — 50,0%.

Большое значение в реализации жизненных планов играет представление респондентов о факторах, влияющих на реализацию жизненных планов. При ответе на этот вопрос респонденты могли выбирать столько вариантов ответов, сколько считали необходимым. Наибольшую роль в реализации жизненных планов студенты отводят такому фактору, как «Личная инициатива» — 62,2%, на втором месте «Материальные возможности» — 43,3%, третье место респонденты отводят такому фактору, как «Связи с нужными людьми» — 42,2%.

Таким образом, можно отметить, что наиболее высока степень социальной активности на личностном уровне. На групповом и государственном уровнях социальная активность молодежи проявляется в гораздо меньшей степени. Тогда как именно молодежь является социальной группой, способной на инновации, ее интерес в общегосударственных делах необходим. В данном случае наблюдается разрушение одной из важнейших функций молодежи — участие в государственной жизни российского общества, которая неоднократно фиксировалась современными исследователями, и потеря социально активной молодежи как довольно значимого слоя общества в государственных преобразованиях страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лалабекова Н. Изменение графика нашей жизни // Моя семья. 2010. № 42.
2. Мальковская Т. Н. Социальная активность старшеклассников. М., 1988.
3. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д, 2002.
4. Мордкович В. Г. Социальная активность: некоторые методические проблемы фиксации и измерения // Факторы социальной активности городского населения. М., 1986.

5. Волонтерское движение в России: реальность и перспективы : материалы Международной конференции. Санкт-Петербург. 21–23 сентября 2005 г. СПб., 2005.

6. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

В. А. Мелехин, М. В. Мелехина, В. В. Нагайцев (Барнаул)

КОНФЛИКТЫ В СПОРТЕ И ИХ ТИПИЧНЫЕ ПРИЧИНЫ

Социальные конфликты разных уровней и типов охватывают все сферы функционирования в современном обществе. Сфера физической культуры и спорта в этом плане не исключение. В любой сфере неизбежны конфликты, поскольку жизнь общества практически непрерывно изменяется, а это приводит к столкновению позиций, новаций и традиций, к обсуждению эффективности форм, методов работы, к изменению отношений между социальными субъектами. Состязательность стала своеобразным геномом возникновения спорта как общественного явления. Так, Е. А. Попов показывает, что любая социальная система, включая спорт, представляет собой связанное, внутреннее интегрированное целое, но в то же время содержит структурные дисгармонии и противоречия [1, с. 137].

В начале XXI в. спортивное движение глубоко дифференцировалось и в настоящее время выступает в форме нескольких направлений. При этом современный спорт делится на две большие группы: массовый спорт (спортивное движение), в котором соревнования и спортивный результат имеют немаловажное значение, но в большей степени он рассматривается как средство физкультурного воспитания, и спорт высоких достижений (большой спорт), где на первом плане стоят победы и рекорды спортсменов в соревнованиях регионально-го, государственного и международного значения [2].

Применительно к спорту понятие «конфликт» можно сформулировать так: это столкновение и негативное противодействие основных субъектов спортивной деятельности (спортсменов, тренеров, спортивных руководителей, спортивных и связанных с ними организаций), их целей и интересов. Все конфликты, которые имеют место в сфере спорта, а также методы и приемы их профилак-

тики, предупреждения, регулирования и разрешения можно классифицировать по разным основаниям: существенным и несущественным с точки зрения их сущности и практической значимости. В частности, по срокам спортивные конфликты можно классифицировать на долговременные (дольше одного олимпийского срока), среднесрочные (от полугода до срока очередной олимпиады) и краткосрочные (до полугода). Примерами долговременных конфликтов могут служить 30-летний конфликт по поводу участия сборной ЮАР в международных спортивных соревнованиях в связи с проводимой этой страной политикой апартеида в определенный период и 26-летний конфликт по поводу одновременного участия в Олимпийских играх команд КНР и Тайваня. Таких длительных конфликтов в истории современного спортивного движения было на самом деле немало.

Это можно сказать и о среднесрочных и краткосрочных конфликтах в спорте. В качестве примеров среднесрочных конфликтов могут служить: бойкоты некоторых стран XXII и XXIII Олимпиад, конфликт между МОК и ФИФА о допуске профессиональных футболистов на олимпийские футбольные турниры и многое другое. Большинство допинговых скандалов в спорте относится по данной классификации к краткосрочным и среднесрочным конфликтам. Достаточную известность имел допинг-скандал с Беном Джонсоном. Примером краткосрочного конфликта могут служить и террористический акт в сентябре 1972 г. на Олимпиаде в Мюнхене и террористический акт, произошедший 15 апреля 2013 г. на финише Бостонского марафона. Краткосрочным конфликтом можно считать конфликт на Играх III Олимпиады с японским спортсменом Савао Фуни. Он решил, что суть состязаний по прыжкам с шестом заключается в том, чтобы перебраться через планку с помощью шеста. Атлет обзавелся более прочным шестом, чем у остальных участников, воткнул его в песок перед планкой, быстро вскарабкался по нему и перемахнул через планку. Когда организаторы состязаний объяснили японцу, что необходимо сделать разбег, тот пробежался по дорожке и повторил свой способ преодоления преграды. Очередные попытки объяснить олимпийцу суть состязаний успеха не имели. Савао Фуни сняли с соревнований, его результат не был засчитан. Обиженный спортсмен заявил, что судьи придираются к нему из-за азиатского происхождения, в японской прессе появились статьи, авторы которых возмущались по поводу нечестного судейства.

По месту возникновения конфликты можно делить на те, которые были непосредственно на спортивных соревнованиях, и те, которые

были вне соревнований (например, конфликты, связанные с выбором города, где будут проводиться Олимпийские игры).

Можно также выделить внутренние и внешние конфликты. Внешние, как правило, порождаются политическими обстоятельствами. Наиболее значимыми были в этом плане бойкоты некоторыми странами XXII и XXIII Олимпиад, попытка определенных сил организовать бойкот XXIX Олимпиады в Пекине. Известен и такой пример. Во время подготовки Игр XXII Олимпиады возник конфликт между МОК и правительством США. Госсекретарь США В. Сайрус, выступая от имени своего правительства на сессии МОК в Лейк-Плеседе, просил перенести Игры XXII Олимпиады из Москвы в другой город, обосновывая это необходимостью наказания СССР в связи с вводом его войск в Афганистан. МОК не пошел на это требование, сославшись на то, что представитель США нарушил запрет произнесения политических речей на заседаниях МОК. Конфликтов на политической основе в истории спорта было достаточно много.

Внешние конфликты в спорте имели место и на экономической основе. Здесь наиболее весомым был конфликт в период Игр III Олимпиады. Многие европейские НОК отказались послать свои команды на Игры 1904 г. в Сент-Луис из-за дороговизны транспортировки спортсменов на американский континент. В спортивном движении были внешние конфликты и на организационной почве. В частности, на Играх XVI Олимпиады в Мельбурне в 1956 г. возникла конфликтная ситуация в связи с тем, что по законам Австралии ввоз животных разрешался только из ограниченного числа стран и после 6-месячного карантина. Срывались соревнования по конному спорту. МОК пришлось принять решение о переносе соревнований по конному спорту Игр XVI Олимпиады в Швецию.

Очень многие конфликты в спорте были связаны с необъективным судейством и непреднамеренными ошибками судей. Например, так было на зимних Играх Олимпиады 2002 г. в Солт-Лейк-Сити, где в соревнованиях по фристайлу россиянка Ольга Королева, лидировавшая после первой попытки, заняла лишь четвертое место в итоговом протоколе. Сразу после окончания соревнований российская делегация внесла протест относительно судейства, которое, по мнению российских тренеров, было явно предвзятым, что привело к занижению оценки. Документ был передан главе Международной федерации фристайла Жану-Франко Касперу, однако реакции на протест не последовало. К этой же группе конфликтов относится скандал, связанный с судейством на Играх XXV Олимпиады 1992 г. в Барселоне на соревнованиях по синхронному плаванию. Золотая медаль в одиноч-

ных соревнованиях досталась американской спортсменке Кристин Бэбб-Спрейг. Канадка Сильви Фрешетт заняла второе место, однако канадская делегация, получив информацию об имевшей место ошибке судьи, подала апелляцию. МОК подтвердил, что судья из Бразилии по ошибке нажала не ту кнопку и вместо оценки 9,7 балла поставила 7,9. Фрешшет получила заслуженную золотую медаль, но и у американки «золото» отнимать не стали. Иногда дело доходит до прямой фальсификации результатов соревнований. Самая шумевшая фальсификация спортивного результата была сотворена на чемпионате мира по легкой атлетике в Италии. Что касается мелких межличностных конфликтов в спорте, то их было достаточно много.

Можно классифицировать конфликты в спорте и по специализированным видам спортивной деятельности, выделив конфликты в командных видах спорта, в индивидуальных видах спорта, в контактных и бесконтактных видах спорта и т. д.

Главным источником конфликтов в спорте является нарушение правил честной конкуренции, которое может быть как неумышленным (недостаточная квалификация арбитра), так и умышленным действием, направленным против других участников конкурентных отношений. Современные российские исследователи, занимающиеся конфликтологией, сходятся в одном: конфликт в спорте — это особое явление и процесс, исследование которого должно носить междисциплинарный характер [3, с. 395–399].

Причины возникновения конфликтов в спорте можно классифицировать следующим образом:

- распределение полномочий;
- распределение материальных ресурсов;
- столкновение ценностей и т. д.

Следует обратить внимание и на такой показательный пример. В 1960-е гг. внутри олимпийского движения были силы, которые настаивали на отмене исполнения гимнов стран, подъема флагов в честь победителей. Победа этих сил могла существенно в тот момент ослабить олимпийское движение, так как НОК многих стран лишились бы поддержки своих государств. Понимая это и учитывая, что большинство деятелей олимпийского движения против отмены названных процедур, МОК на своей 60-й сессии провел дискуссию по данному вопросу. Подавляющее большинство участников сессии высказались за сохранение существующей процедуры. Этот пример, как и многие аналогичные ему (в истории спортивного движения их достаточно), показывает, что разрешение конфликтов путем создания существенного перевеса сил на стороне позиции, наиболее при-

емлемой для функционирования спортивного движения, позволяет демократическим путем решать внутренние конфликты.

Некоторые методы и приемы разрешения конфликтов в спорте не плохо работают и в современное время. Например, метод «замалчивания проблемы». Перед проведением XIV Олимпиады 1948 г. в Лондоне жители города организовали целую кампанию акций протеста против проведения в Лондоне Олимпийских игр, ссылаясь на бедственное положение населения после окончания Второй мировой войны и необходимость при подготовке и проведении игр больших финансовых затрат, которые, по их мнению, следовало бы направить на улучшение жизни населения. МОК и английские власти готовились к проведению XIV Олимпиады 1948 г., не особо афишируя это, и только за 23 дня до их открытия было официально объявлено, что XIV Олимпиада все-таки состоится в Лондоне.

Некоторые методы конфликто разрешения в спорте, хорошо работавшие в прошлом, можно считать полностью или частично себя исчерпавшими и неприемлемыми для решения конфликтных ситуаций сегодня. Например, решения конфликта, возникшего в 1999 г. по поводу коррупции членов МОК. Первоначально МОК пытался использовать прием «замалчивания проблемы», позволявший ранее, в силу отсутствия достаточной информации и смещения акцентов на другие проблемы, ослаблять конфликт, снижая его актуальность и постепенно приводя его к угасанию. Однако с развитием Интернета замалчивать те или иные факты, оставляя в неведении общественное мнение населения, стало невозможно. Поэтому бывший в то время президентом МОК Х. А. Самаранч понял, что необходимо определить официальную позицию МОК по данному вопросу, принять конкретные меры и успокоить общественное мнение, что и было сделано. Вина проштрафившихся членов МОК была квалифицирована как «неправильное поведение». По этой формулировке четыре члена МОК ушли сами, шесть — были исключены, а девяти было высказано порицание. В результате общественное мнение России полностью поддержало позицию МОК.

История спортивного движения оставила нам богатое наследие методов, приемов и средств разрешения многочисленных и разнообразных конфликтов. Умелое использование этого наследия — важная задача специалистов по конфликто разрешению. Имеет большое значение миротворческая функция спорта, способствующая преодолению конфликтов, возникающих на разных уровнях протекания социальной жизни: от проблем в семейной жизни до осложнений в межгосударственных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Культуроцентричность как фактор преодоления «матричности» современного права // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
2. Алексеев С. В. Международное спортивное право : учебник для студентов вузов. М., 2008.
3. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

Е. Д. Гальчина (Барнаул)

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Управление выбором профессии осуществляется через процесс профессионального самоопределения, который непосредственно обусловлен интересами и склонностями молодого человека, его самооценкой и уровнем притязаний, идеалами и ценностными ориентациями, эмоциональными установками и уровнем развития волевых качеств. Перечисленные особенности личности образуют ту общую психологическую основу, на которую падает вся совокупность внешних (ориентирующих) воздействий, идущих со стороны школы, семьи, других референтных групп, средств массовых коммуникаций.

Традиционные приемы и формы профориентационной работы сводятся к воздействиям различных социальных институтов на личность учащегося с целью оказания ему помощи в выборе профессии, соответствующей его индивидуальным особенностям. Однако для решения главной проблемы профессиональной ориентации — проблемы согласования профессиональных предпочтений и намерений молодежи с потребностями общества — эти формы и методы недостаточны. Поэтому мы считаем целесообразным дополнить традиционные психолого-педагогические формы и методы профориентационной работы некоторыми новыми приемами и методами, разработанными и предложенными социологической наукой.

Для социологии, стремящейся исследовать любое общественное явление в связи с функционированием и развитием целостного социального организма, профессиональная ориентация предстает как

некоторая разновидность, частный случай ориентации социальной [1–4]. Последняя обычно понимается как процесс и результат формирования социального сознания личности. Понятием социальной ориентации личности охватывается вся совокупность представлений человека об организации общества, законах и перспективах общественного развития, социальных ценностях и нормах, своем положении в социальной системе. Ф. Р. Филиппов под социальной ориентацией молодежи понимает осознание молодыми людьми своего места в социальной структуре общества, выбор будущего социального положения, путей его достижения и возможного в дальнейшем изменения. Собственно профессиональную ориентацию он определяет как выбор профессии, путей ее приобретения и возможной в дальнейшем перемены.

Таким образом, с некоторыми оговорками профессиональную ориентацию можно рассматривать как завершающий этап социальной ориентации, а ориентацию на определенную профессию — как один из специфических индикаторов социальной ориентации. Задача социально-профессиональной ориентации молодежи (задача формирования ее социально-профессионального самоопределения) может быть сформулирована как устранение несоответствия между личными профессиональными планами и их реальным осуществлением, с одной стороны, и поддержание в оптимальном режиме которого несоответствия между профессиональными предпочтениями (привлекательностью) и профессиональными намерениями (личными планами) — с другой.

Деятельность служб профинформации, профконсультации и профотбора преимущественно и состоит в том, чтобы путем формирования у молодежи более серьезной реалистической оценки своих возможностей решать первую часть указанной двуединой задачи. Так, например, органы служб занятости в порядке, предусмотренном Законом РФ «О занятости населения в Российской Федерации», участвуют в профессиональной ориентации несовершеннолетних. Другая же ее часть должна решаться в деятельности всех социальных институтов, направленной на формирование соответствующей системы ценностных ориентаций и структуры профессиональных предпочтений, профессиональное самоопределение рассматривается как процесс формирования индивидуального стиля жизни, частью которого является профессиональная деятельность. Мы считаем, что процесс профессионального самоопределения личности должен рассматриваться в сложной системе социальных взаимосвязей и зависимостей. Диалектичность этого процесса можно схематически предста-

вить в виде последовательных уровней (этапов) между отдельными звеньями которых прослеживается несколько линий отношений детерминации (цепочек последовательно связанных блоков):

1. Уровень предпосылок. Сюда отнесены прежде всего профессионально-квалификационная структура занятости, социально-экономические характеристики профессий — характер, содержание и условия труда, материальное и моральное вознаграждение за труд, включая престиж профессий и т. п. (блок Предпосылки общественные); способности, направленность интересов личности и т. п. (блок Предпосылки личностные); а также социальные институты, выступающие как своеобразные каналы формирования профессионального самоопределения индивида (школа, семья, средства массовой информации, микросреда личности).

2. Уровень сознания, аналитически состоящий, в свою очередь, из трех этапов:

- а) усвоение информации и формирования представлений. Выделены следующие блоки представлений: о ситуации выбора, своих способностях и возможностях, характеристиках профессий, ценностных ориентациях;
- б) формирования собственных оценок. Выделены блоки Оценка доступности профессии и Оценка привлекательности профессии;
- в) формирования намерения, решения выбрать данную профессию (блок Личные планы).

3. Уровень реального поведения. В данном случае имеется в виду фактическое поступление на работу или в учебное заведение (блок Реальный выбор профессии).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цапенко А. А. Особенности молодежного рынка труда в Алтайском крае // Социология в современном мире: наука, образование, творчество сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Абашина А. Д., Решетникова О., Цветкова Е. Социально-педагогическая модель работы с детьми группы риска в учреждениях различной ведомственной принадлежности // Проблемы педагогической инноватики в профессиональном образовании : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. 25 апреля 2014 г. / отв. ред. Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, С. В. Кривых. СПб., 2014.

3. Бражник Е. И. Организация работы с молодежью в Финляндии как результат социального взаимодействия государственных и обще-

ственных структур // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения. СПб., 2012.

4. Цапенко А. А. Молодежь в современном обществе: ценности и деструктивные установки // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

А. А. Гончарова (Барнаул)

ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА И ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Ценности, складываясь в единую функциональную систему, являются частью жизни каждого человека. Иерархия ценностей каждой личности является абсолютно индивидуальной, хотя и предполагает наличие общих черт среди всевозможных ценностей, которые выбираются человеком как значимые для него. Иерархическая структура ценностей и сами ценности обусловлены конкретно исторически, а также имеют личностный характер. Какое-либо явление или предмет может выступать ценностью для одного и чем-то совершенно незначимым для другого. Проблематика затрагиваемой темы является актуальной для отечественной и зарубежной науки по причине всеобъемлющего характера ценностей, а также идущей испокон веков дилеммы о том, являются ли личностные ценности слепком с общественных или же первые абсолютно не соответствуют последним.

Ценностные ориентации составляют фундамент, на основе которого личность осознает себя, других людей и окружающий мир. Ценности обладают значимостью, жизненной важностью и способностью мотивировать волю личности. Ценностно-смысловая сфера личности является стержнем ее направленности, которая определяет мысли, чувства и поступки человека. Поэтому, по мнению О. Т. Коростелевой, социология должна рассматривать человеческую индивидуальность как важнейшую социальную и личностную ценность [1, с. 12].

Различные философские концепции разделяют ценности на противоположные группы. Ярким примером такого разделения может служить трактовка И. Канта, утверждающего наличие абсолютных и относительных ценностей. Аристотель разделял ценности по их содержанию: вещественные, логические, этические и эстетические моральные ориентиры. Н. Гартман выделял идеальные и реальные

ценности, Э. Дюркгейм же подразделял ценности на индивидуальные и социальные [2, с. 301–302].

Таким образом, можно сказать, что каждая из приведенных типологий содержит ценности, которые так или иначе противопоставляются друг другу. Подобные пары предпочтений на первый взгляд кажутся полностью противоположными и не имеющими ничего общего. Но вся парадоксальность этого явления заключается в том, что если противоположного значения не будет существовать, то смысл оценивания любого процесса, явления или предмета будет утерян. В итоге, имея двойственный характер, ценностные ориентации личности состоят из значений, созданных самим индивидом, а также из представлений и норм, которые существуют в обществе.

А. Г. Лебедева обращает внимание на то, что формирование жизненных ценностей происходит именно в молодом возрасте, когда люди решают, кем им быть, что им делать и как им проводить свое свободное время [3, с. 51].

С этим нельзя не согласиться потому, что процесс социализации, являющийся отправной точкой, обуславливает всю дальнейшую жизнь любого человека. Это происходит по причине того, что окружающая нас среда в виде государства на высшем уровне и семьи на первичном уровне определяют наш образ жизни, наши взгляды и ценности, что в дальнейшем способствует сложному выбору между тем, что мы можем делать в существующих условиях жизни, и тем, что бы мы хотели делать в идеале.

По В. И. Ефимову, общечеловеческие ценности — это то действительно важное для людей, что непременно является необходимым, желанным, что имеет непреходящую, существенную значимость практически для каждого человека, независимо от его пола, расы, гражданства, социального положения. Общечеловеческие ценности высоко значимы для человечества, так же, как и для всякого государства, так как они отвечают интересам и потребностям общества и гражданина.

Следует выделить три типа систем ценностей: общеличные, общечеловеческие и государственные.

Система общеличных ценностей состоит из следующих основных: жизнь индивида как основа всех других ценностей, здоровье как жизнесохраняющая ценность, истина как высшая интеллектуальная ценность, материальное благо как высшая утилитарная ценность, творчество как деятельностная ценность, красота как высшая эстетическая ценность, справедливость как морально-правовая ценность. И вершиной данного комплекса ценностей является счастье.

К общим для человечества ценностям относится система самых важных факторов его существования и прогресса. В их число входят: воздух, вода, пища, флора и фауна, полезные ископаемые, источники энергии.

Третий тип общечеловеческих ценностей связан с государством и включает в себя: безопасность страны, которая связана с возможностью жизни данного общества; экономику, обеспечивающую удовлетворение материальных потребностей людей в виде товаров и услуг; культуру как неразрывное единство материального и духовного; медицину и здравоохранение, которые являются индикаторами благополучия и жизнеспособности общества; быт как форму непосредственного бытия в повседневной жизни индивида; науку, а также образование и просвещение и, конечно же, гражданский мир, сохраняющий и поддерживающий в стране согласие и порядок [4, с. 123].

Изменения в общественном устройстве, будь то социальные, политические или же экономические, влекут за собой смену ценностной направленности личности в сторону тех или иных типичных терминальных или же инструментальных ценностей [5, с. 13–15; 6, с. 17–18]. Это в свою очередь сообразно сказывается на соответствии общественных и личных ценностей, т. е. индивид проявляет стремление к выравниванию своих личных ценностей в соответствии с изменяющимися общественными. А также интенция человека поступить так или иначе складывается из постоянного соотнесения его личных представлений о ценностном и значимом с общественными нормами морали.

Интересной можно назвать точку зрения Е. А. Попова, который говорит о том, что при нарушении гармонии человека и мира усугубляется состояние духовной безопасности человека — он способен на переоценку ценностей в угоду таким, которые традиционно относятся к негативным. Граница между ценностями и антиценностями в таком случае становится размытой, а переход от первых ко вторым теперь не более чем само собой разумеющийся факт, что представляет угрозу для духовной безопасности человека. Поэтому в обществе и существуют духовно-нравственные нормы и стандарты бытия, которые способны предостеречь человека от утраты его духовной безопасности [7, с. 101–102].

В итоге хочется отметить, что перечень социальных явлений и обстоятельств, которые прямо или косвенно влияют на соответствие ценностей общества, сводится к следующим основным: наличие традиционной общественной морали; социально-политическое и экономическое состояние страны; процесс социализации личности; де-

градация нравственных устоев общества; конфликтность ценностей; групповое влияние; уровень развития социального капитала в обществе; преобразование общественного устройства; наличие конформизма или неконформизма в среде общественных отношений людей; выбор как обстоятельство формирования ценностей; соотношения норм морали и религии и т. д.

В исследовании, касающемся ценностей на разных уровнях, был использован метод вторичного анализа, а исходной эмпирической базой послужили данные сравнительного исследования, проведенного в двух городах — Шанхае и Санкт-Петербурге, опубликованные в статье Е. Н. Даниловой [8, с. 93–96].

Данные проведенного сравнительного исследования дают представления об общем и различиях в ориентациях на индивидуалистические и коллективистские ценности.

К первой группе относятся качества, ориентированные на индивидуальные конкурентные возможности: трудолюбие, профессионализм, предприимчивость, умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, инициативность, активность, творческий подход к делу.

Ко второй группе можно отнести качества, характеризующие моральные и кооперативные ориентации, принимающие во внимание интересы других: честность, ответственность, равнодушие, уважение к старшим, законопослушность, готовность принять участие в общих делах, смирение и послушание.

Интересной классификацией является описанная по рейтингу ценностей «больше 28%», которая предполагает принятие этих ценностей большей частью социальных групп и включение таких ценностей в состав личностного единства индивидов. Можно утверждать: в чем проявляется сходство ценностных ориентаций большинства социальных групп общества, в том и заключается ценностное единство этого общества.

Центральными индивидуалистскими ценностями, присущими респондентам Санкт-Петербурга, являются: трудолюбие, профессионализм, предприимчивость и умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, инициативность и творческий подход к делу.

Среди индивидуалистских качеств, по мнению респондентов Шанхая, в данный рейтинг попали только трудолюбие, предприимчивость и инициативность.

Если рассматривать коллективистские качества, находящиеся в рейтинге «больше 28%», то, по мнению петербуржцев, такими стали: честность, ответственность и равнодушие.

Что же касается мнения шанхайцев, то под установленный критерий рейтинга подпадает куда большее количество ценностей. Помимо названных ранее, которые были присущи ответам респондентов Санкт-Петербурга, в ответах жителей Шанхая выделились: уважение к старшим и законопослушность.

Если выделять промежуточные ценности, которые имели рейтинг «от 16 до 28%», можно говорить о том, что ценности с таким низким рейтингом не принимает или на них слабо ориентируется, или в них сомневается примерно четверть социальных групп. К промежуточным ценностям петербуржцев согласно данным можно отнести уважение к старшим, законопослушность и готовность принять участие в общих делах. По мнению шанхайцев, промежуточными ценностями стали умение приспособиться и профессионализм.

Таким образом, особенностью современного российского горожанина является большая ориентация на конкурентные личные ресурсы, в то время как китайцы в большинстве своем сильнее ценят моральные устои и отношения с окружающими. Неудивительно, что полученные данные вполне согласуются с принятыми представлениями о культурных чертах, если говорить о китайской культуре, которая сохраняет коллективистские ценности. Россияне же более склонны проявлять индивидуалистские черты.

Однако остается вопрос проведения более точных и обоснованных границ между группами ценностей. Основанием классификации ценностей может служить рейтинг их популярности у возрастных групп. В ходе исследования были обнаружены различия между молодежью и взрослым населением в том, какие качества они выбирают.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что индивидуалистские ценности жителей Санкт-Петербурга сильно различаются в рамках разных возрастов. Трудолюбие оценивается как значимое лишь в 38% случаев среди респондентов младшей возрастной группы (19–34). В то время как в пожилой возрастной группе (55+) в 77% случаев трудолюбие считается значимой ценностью. Молодые жители Санкт-Петербурга значительно чаще, чем старшие, ориентируются на чувство собственного достоинства и активность. Половина молодых респондентов выбрали это качество. Такие ценности личности, как прагматизм и рациональность практически одинаково оцениваются во всех трех возрастных группах (19–34, 35–54, 55+), отметка значимости держится на уровне 10% в среднем. Общая тенденция — чем моложе респонденты, тем чаще они ценят конкурентные качества, такие как предприимчивость, умение добиваться успеха, инициативность, активность, прагматизм.

В Шанхае не выявлено значимых различий между молодежью и взрослым населением по рассматриваемым качествам, т. е. расхождение в ценностных приоритетах между поколениями значительно слабее, нежели в Санкт-Петербурге. Причиной этого явления можно назвать межпоколенную трансляцию ценностей.

Исследованная классификация ценностей по их популярности у возрастных групп позволяет сделать несколько весомых выводов.

Различия, обусловленные культурой, были вполне ожидаемы и соответственно отразились в полученных данных. Также было выяснено, что трансформация системы ценностной парадигмы в российском обществе более заметна среди молодых поколений граждан. За последние годы сильно укрепились индивидуалистские ценности именно среди молодых граждан. А в китайском обществе относительно плавные реформы пока не сильно подвергли изменениям базовые коллективные ценности, так как кардинальной смены идеологической направленности не происходило. А также китайская культура, являясь прагматичной, консервативна и устойчива по отношению к воздействию социальных перемен.

В заключение хочется добавить, что полное исключение одних ценностей (духовных) и фанатизм по отношению к другим (материальным) может привести к превращению общественных и личностных ценностных ориентаций в установку превосходства и неоспоримой необходимости осуществления материальных потребностей без малейшего намека на нужду в духовных ценностях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коростелева О. Т. Возможности современной социологии в изучении человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Шпунтова В. В. Двойственность ценностей // Вестник Самарского гос. ун-та, 2006. № 10/2.

3. Лебедева А. Г. Досуг городской и сельской молодежи // XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки. Тула, 2014.

4. Ефимов В. И., Таланов В. М. О типологии общечеловеческих ценностей // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 4.

5. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

6. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред Е. А. Попова. Барнаул, 2010.

7. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

8. Данилова Е. Н. Баланс индивидуалистских и коллективистских ценностей: сравнение Санкт-Петербурга и Шанхая // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2.

Г. С. Бобина (Барнаул)

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Жизнь современного человека, общества и государства неразрывно связана с таким явлением, как конституционализм. Очевидно, что одного только текста Конституции, сколь бы совершенен он ни был, недостаточно для полноценного воплощения идей конституционализма в жизнь. В России сохраняет свою актуальность задача совершенствования основ конституционного строя в духе конституционализма, направленного на создание ограниченной, но при этом эффективно функционирующей публичной власти и очерчивание пределов прав отдельных индивидов с тем, чтобы достичь максимального уровня возможностей развития каждой личности. С этой позиции конституционализм выступает не результатом, а предпосылкой, условием определенной степени развития системы гражданского общества. Интерес к теме взаимоотношений российского конституционализма и гражданского общества не только не ослабевает сегодня, а лишь набирает обороты, поскольку конституционализм способен создать условия для решения существующих экономических, политических, социальных проблем российского общества и государства посредством «гармонизации» ценностно-нормативной системы (см.: [1, с. 352; 2, с. 164; 3, с. 75; 4, с. 36; 5, с. 1215]).

Разрыв нормы и реальности, конечно, не является исключительной особенностью именно и только российского конституционализма: в той или иной мере она присутствует во всех политико-пра-

вовых системах, выражая элементарный факт отставания правового регулирования от быстро меняющейся социальной динамики. То, что является специфичным для российской ситуации, это, во-первых, степень разрыва (по многим направлениям уже сейчас граничащая с противоположностью нормы и реальности); во-вторых, общий вектор трансформации политико-правовой системы (в сторону от провозглашенных конституционных принципов) и, наконец, скорость, с которой эти конституционные отклонения и деформации набирают силу [6, с. 16].

Уровень развития гражданского общества становится одним из решающих факторов экономического, политического, культурного, научно-технического развития страны в целом.

В своей работе «Проблемы законодательного закрепления гражданского общества в модернизирующейся России» А. М. Яхьяева говорит о необходимости закрепления категории «гражданское общество» в Основном законе страны для гармонизации не только юридических норм, но и отношений между государством и человеком, государством и обществом [7, с. 41]. Конституция, как известно, представляет собой высшую юридическую основу политической системы и правопорядка страны. Последовательная реализация конституционных норм является необходимым условием нормального функционирования всех общественных структур, в том числе и институтов гражданского общества. Несмотря на то, что основополагающие принципы организации и функционирования гражданского общества не нашли своего четкого закрепления в Конституции РФ, многие из этих принципов обозначены, но не зафиксированы как принципы организации и функционирования гражданского общества. Например, принципы демократичности государственного строя, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина, социального характера государства, гласности и прозрачности осуществления власти, светскости государства, свободы экономической деятельности и многообразия форм собственности, самостоятельности осуществления местного самоуправления и др.

Следует учесть и тот факт, что Конституция как фундамент правовой системы государства не в состоянии учесть всего многообразия требований и условий претворения в жизнь своих положений. К тому же различные аспекты организации и функционирования гражданского общества уже нашли свое воплощение в таких федеральных законах РФ, как «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», «О некоммерческих организациях», «О заня-

тости населения в РФ» и ряде других. Некоторые моменты, свойственные гражданскому обществу, нашли свое отражение в таких законах, как «О негосударственных пенсионных фондах», «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», «О социальной защите инвалидов» и пр.

Одним из основных факторов экономического, политического, а также научно-технического развития страны в целом является уровень развития гражданского общества. Задача модернизации экономики и общества не может быть решена без вовлечения в этот процесс как можно большего числа творческих, свободных и активных граждан.

Так, по данным опроса, проведенного в 2013 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), на вопрос о том, допустимо ли внесение изменений в основной закон страны, мнения граждан разделились: «42 % россиян допускают такую возможность, а 38 % — нет. При этом наиболее консервативно настроены москвичи и петербуржцы — среди них только 29 % полагают возможным изменить Конституцию, а 52 % — выступают против этого. Пятая часть участников опроса (20 %) пока не определилась в своем мнении по данному вопросу» [8]. Мнения участников опроса разделились практически поровну, значительная часть граждан, однако, считает, что Конституция продолжает оставаться такой системой, которая является сдерживающим фактором разрушения одних норм и возвышения других, позволяя оставаться ценностно-нормативной системе устойчивой и жизнеспособной.

В формировании активного и ответственного гражданского общества объективно должны быть заинтересованы все — и население страны, и власти. Отсутствие понятия гражданского общества в Конституции России объясняется существующими противоречиями между властью, обществом и человеком, что затрудняет придание правового статуса гражданскому обществу. И пока не найдутся пути выхода из существующих противоречий, возможно, не стоит торопиться с выводами о необходимости закрепления данной категории в Основном законе страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Общество и человек перед лицом государства и его конституции // Право и политика. 2014. № 3.
2. Попов Е. А. Конституции мира — ценности цивилизации // Право и политика. 2013. № 2.
3. Попов Е. А., Максимова С. Г. Гражданское общество в современной России: региональное измерение // Право и политика. 2012. № 7.

4. Попов Е. А. Конституция России как ценностно-смысловая система // Вопросы культурологии. 2012. № 2.

5. Попов Е. А., Максимова С. Г. Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7.

6. Медушевский А. Н. Конституция как процесс // Вестник Европы. 2013. № 36.

7. Яхьяева А. М. Проблемы законодательного закрепления гражданского общества в модернизирующейся России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2011. № 3 (57).

8. Российская Конституция: первые 20 лет / Всерос. центр изучения обществ. мнения // Пресс-выпуск. М., 2103. № 2474 [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114640>.

А. Р. Ерментаева (Астана, Казахстан)

МОТИВАЦИЯ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАГИСТРАНТОВ

В настоящее время образование, знания и интеллект становятся определяющими ресурсами развития нашего общества; расширяются масштабы вовлеченности молодежи в научную деятельность и повышаются требования к профессиональной подготовке будущих научных работников. В связи с этим происходят глобальные преобразования и модернизация в образовании. С 2004 г. в Казахстане введена многоуровневая структура высшего и послевузовского образования: бакалавриат — магистратура — докторантура (PhD). В ходе реализации программы послевузовского образования в рамках магистратуры ведется подготовка научных и научно-педагогических кадров, позволяющая им в будущем осуществлять деятельность в высших учебных заведениях и научно-исследовательских центрах. При этом образовательные программы магистратуры должны обязательно предполагать научно-методологическую направленность обучения и углубленную профессиональную подготовку в соответствующей области.

В процессе подготовки магистранты овладевают навыками научно-исследовательской деятельности. Только в результате учебной деятельности и участия магистрантов в научно-исследовательской работе происходит их развитие как профессионалов, способных к постоянному, качественному саморазвитию, к самостоятельному мышлению, умению создавать собственные концепции, планировать и осу-

ществлять свою деятельность, умению защищать свою точку зрения. Учебно-исследовательская деятельность магистрантов — интеллектуальная работа, направленная на приобретение и применение новых знаний для решения теоретических и практических проблем. Основное значение для учебно-исследовательской деятельности имеет интерес к познанию, формирующийся на основе осознанной мотивации, опредмеченной потребностью. Мотивация, интерес, потребность познания — все это необходимые условия для учебно-исследовательской деятельности.

Поэтому в настоящее время перед вузами стоит задача подготовки специалиста, способного к профессиональному саморазвитию, готового к осуществлению научно-исследовательской деятельности в той или иной области знаний. В связи с этим актуализация процесса самосовершенствования профессиональной компетенции является основным условием эффективного образования магистрантов. Следовательно, большое значение для самосовершенствования профессиональной компетенции имеет мотивация.

От мотивации, ее содержания зависит продуктивность познавательной, коммуникативной деятельности, уровень реализации возможностей будущего специалиста в решении стоящих перед ним задач. Мотивационная сфера магистрантов обладает своей спецификой: в ней постоянно сочетаются учебный и исследовательский компоненты.

В психологической науке исследованы различные аспекты профессиональной деятельности и развития личности профессионала: становление профессионального самосознания у будущих специалистов в процессе обучения [1, 2]; развитие профессиональной мотивации [3, 4]. В ряде работ рассматривались особенности учебно-исследовательской мотивации [5].

Учебно-исследовательская мотивация магистрантов и ее направленность обуславливаются многими объективными и субъективными факторами. Э. Деси и Р. Райан в 1970-х гг. разработали оригинальный теоретический подход к объяснению внутренней и внешней мотивации, который они назвали теорией самодетерминации. Э. Деси утверждает, что внутренняя мотивация базируется на потребностях в компетенции и самодетерминации. Ощущение самодетерминации — это осознание себя (и только себя) причиной своих действий. Ощущение компетенции — это ощущение всей полноты своих возможностей, ощущение «я знаю, я могу» [6, с. 13].

Действительно, проблемы мотивации — это и проблемы внутренних познавательных процессов, побуждений, выбора [7–8]. Приори-

тет внутренних мотивов над внешними подразумевает, что человек включен в деятельность ради нее самой, а не ради других целей, по отношению к которым она является средством их достижения. К настоящему времени в исследованиях мотивации научного творчества у ученых сформировалось мнение, что у творческих личностей внутренняя мотивация преобладает над внешней. Также внутренние мотивы связаны с познавательной потребностью субъекта, удовольствием, получаемым от процесса профессиональной подготовки. Овладение учебным материалом служит целью профессиональной подготовки, оно в этом случае начинает носить характер учебной деятельности. Магистранты при этом непосредственно включены в процесс познания, это доставляет им наибольшее эмоциональное удовлетворение и характеризуется проявлением собственной активности в процессе подготовки. Внешне мотивированной профессиональная подготовка становится при условии, что овладение ее содержанием служит не целью, а средством достижения других целей. Это может быть получение диплома, стипендии, похвалы, признания товарищей, участие в конкурсах предпринимательских проектов и др.

Таким образом, теоретический анализ литературы показывает, что учебно-исследовательская мотивация магистрантов является фактором самосовершенствования профессиональной компетенции.

Тем не менее, несмотря на результативность проведенных исследований, проблемы профессионального становления магистрантов в системе послевузовского образования изучены недостаточно. Кроме этого, важно обратить внимание, что в нашей стране нет исследований, посвященных исследованию ментальности, различных компонентов самосознания, личностного и профессионального развития магистрантов. Развитие учебно-исследовательской мотивации является сложным процессом, подверженным влиянию множества различных факторов, в том числе социально-экономическим условиям социальной среды, таким как традиционное отношение к престижности высшего образования, ученой степени, востребованность определенных профессий на рынке труда. Поэтому учебно-исследовательская мотивация у магистрантов разной социальной среды может иметь свои особенности. В связи с этим изучение специфики мотивации обучения и исследовательской активности у магистрантов является актуальной проблемой.

Нами было проведено исследование мотивации учебно-исследовательской деятельности магистрантов, обучающихся по разным специальностям в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая (Алматы, 2010–2013) и Евразийском на-

циональном университете имени Л. Н. Гумилева (Астана, 2013–2014). Целью данного экспериментального исследования было изучение мотивации обучения и исследовательской деятельности у магистрантов как «изнутри направляемых» личностей. Мы предположили, что мотивация обучения и исследовательской деятельности у магистрантов положительно взаимосвязана с характеристиками самосовершенствования. Всего в исследовании приняли участие 210 магистрантов первого курса педагогических специальностей.

Исследование показало, что в структуре мотивации магистрантов ведущее место занимают профессиональные, учебно-познавательные и коммуникативные мотивы, связанные с совершенствованием и самоопределением профессиональной компетенции.

Высокие показатели мотивов творческой самореализации, социальных мотивов тоже имеют важное значение для будущих специалистов: в науке и образовании многие научно-педагогические кадры отличаются стремлением иметь хорошую репутацию, заслужить признание в избранной научной и профессиональной области.

На основе анализа полученных результатов мы выделили две следующие группы магистрантов: с высоким и низким уровнем учебно-исследовательской мотивации.

Магистранты с высоким уровнем профессиональной мотивации направлены на учебно-исследовательскую деятельность, на развитие самообразования и самопознание.

Магистранты с низким уровнем мотивации учения относятся индифферентно к процессу обучения и исследования. Они в лучшем случае проявляют познавательную активность на уровне предупреждения претензий со стороны преподавателей. В худшем — занимаются поиском пути замены собственного проявления знаний материальным эквивалентом.

Мы получили результаты, которые показывают, что у магистрантов характеристики учебно-исследовательской мотивации и компоненты самоактуализации в целом тесно взаимосвязаны. Характеристики самосовершенствования профессиональной компетенции имеют значимую соотнесенность с характеристиками учебно-исследовательской мотивации магистранта ($r=0,527$; $p<0,001$). Это показатель возможности возрастания степени внутренней мотивации у магистрантов и самосовершенствования ими профессиональной компетенции.

Установлено, что активность магистранта в процессе самосовершенствования мотивирована самим содержанием учебной и исследовательской деятельности, стремлением достичь в ней определен-

ных позитивных результатов. Магистранты, имеющие высокие уровни по шкалам «Компетентности во времени (Тс) и «Поддержки» (I), более «погружены», «включены» в учебно-исследовательский процесс. Для них характерна мотивация самосовершенствования профессиональной деятельности: они более активны, инициативны, способны жить настоящим и самостоятельны. Они уделяют равное внимание как к образованию, так и к научно-исследовательской работе. Установлено, что более мотивированные магистранты не только ориентированы на процесс и результат учебно-исследовательской деятельности, также для них имеет огромное значение процесс самосовершенствования будущего научно-педагогического специалиста.

Мы считаем, что только наличие достаточно сильных и устойчивых учебно-исследовательских мотивов может побудить стремления магистранта к развитию и самосовершенствованию профессиональной компетенции. На основе вышеизложенного мы акцентируем внимание на том, что доминирование учебно-исследовательской мотивации объясняет активность в обучении, выступает центральным психологическим регулятором учебных и научных достижений; стержнем самосовершенствования профессиональной компетенции магистрантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вершловский С. Г. Образование взрослых: стимулы и мотивы. М., 1987.
2. Chalmers D., Fuller R. Teaching for Learning at University. London, 1996.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
4. Илькевич Б. Формирование профессиональной мотивации // Alma mater. 2001. № 8.
5. Anderson-Levitt K. M. Teacher interpretation of student behavior: Cognitive and social processes // The elementary school journal. 1984. Vol. 84. № 3.
6. Ryan R., Deci E., Grolnick W. Autonomy, relatedness, and the self: Their relation to development and psycho-pathology // Developmental psychopathology / Eds. D. Cicchetti, D. Cohen. N. Y., 1995. Vol. 1.
7. Buelens V. B., Herman M. An Analysis of Differences in Work Motivation between Public and Private Sector Organizations. Public Administration Review, January-February, 2007.
8. Elliot Andrew J. Achievement Motivation. Encyclopedia of Social Psychology. 2007. SAGE Publications. 11 Apr. 2010. [Electroniks resuorse]. URL: <http://www.sageereference.com/socialpsychology/Articl en3.html>.

Т. В. Артемьева (Ульяновск)

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО КЛАССА В ИННОВАЦИОННОМ БУДУЩЕМ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Наемные работники — самый многочисленный класс российского социума, представители которого обладают различным уровнем квалификации. Именно квалифицированные работники являются движущей силой российской экономики на пути ее модернизации и инновационного развития: от характеристик и мотивационных качеств данного класса зависит, сколько времени потребуется России, чтобы стать постиндустриальной державой.

Между тем современная ситуация, отражающая «инновационное состояние» российской экономики, складывается отнюдь не радужно: число предприятий, работающих на внедрение нововведений, в России составляет около 10% (в развитых странах — 70%). Доля страны в общемировом наукоемком экспорте — 0,5% (для сравнения: доля США — 36%, Японии — 30%), а доход от экспортируемых технологий — только 384 млн долл., что почти в 136 (!) раз меньше, чем в США, и в 73, — чем в Великобритании [1, с. 2].

Возникает вопрос: в каком состоянии сегодня находится класс квалифицированных наемных работников, насколько он готов к участию в инновационном развитии страны? Целью данной статьи является анализ структурных и ценностно-мотивационных характеристик класса информационных наемных работников и выявление перспективного типа сотрудника, способного участвовать в построении инновационной экономики.

Междисциплинарный подход, построенный на использовании социологии труда и социальной стратификации, позволил выявить неоднородность квалифицированных наемных работников. Ряд исследователей (Э. О. Райт, М. Кастельс, Г. Шинсток, Р. Флорида и др.) отводят ведущую роль при переходе к постиндустриальному обществу так называемому информационному классу — слою высокоэффективных работников — производителей знаний и информации, занятых в передовых сферах — информационных технологиях, финансах, юриспруденции, медиакоммуникациях (PR, реклама, СМИ), науке. Российский социолог О. И. Шкаратан называет этот класс «носителем инновационно-креативного потенциала». Ключевыми характеристиками данного класса являются наличие качественного высшего образования, непрерывное повышение профессиональных компетенций, умение работать с информаци-

ей (аналитичность и рефлексивность), высокая автономность в труде, самостоятельность в принятии решений, креативность (способность предложить что-то новое), работа с новыми информационными технологиями, готовность к смене видов деятельности, территориальная и профессиональная мобильность, преобладание внутренней мотивации труда.

Остальных квалифицированных наемных работников, не принадлежащих к классу «информационных производителей», М. Кастельс называет «родовой рабочей силой» или «традиционным сегментом» наемных работников [2, с. 497]. По оценкам социологов, доля информационного класса в структуре занятого населения развитых стран достигает 30%. Изучение данного вопроса находится на стыке нескольких отраслей: социологии труда, экономической социологии, социальной психологии.

Процент квалифицированных наемных работников в России примерно в полтора раза ниже, чем в развитых странах: в Швеции — 68, в Норвегии — 66, в Великобритании — 63 [3, с. 54]. Высшее образование имеют 30,4% среди всех занятых в российской экономике [4]: еще пятнадцать лет назад эта цифра составляла 17%. Несмотря на рост удельного веса высококвалифицированных специалистов в российской экономике сохраняется высокий процент (56%) наемных работников, занятых физическим трудом [3, с. 54]. В развитых странах этот показатель в 1,5 раза меньше [4]. Россия по-прежнему отстает от развитых стран по количеству занятых в экономике профессионалов высокой и средней квалификации: 35% против 41% в Германии, 43% в Швейцарии, 45% во Франции [3, с. 51].

Структура занятых по профессиональной подготовке свидетельствует о «заточенности» экономики на индустриальное развитие: 23% специалистов, имеющих высшее образование, — это технические служащие и инженеры; в то время как число профессионалов, способных войти в информационный класс (естественные и точные науки, экономика и управление), — почти в полтора раза меньше, чем в развитых странах.

Говоря об информационной грамотности, необходимо отметить, что в последние годы значительно увеличилось число организаций, где от 70 до 100% сотрудников используют персональные компьютеры: с 20,1% в 2002 г. до 36,4% в 2012 г. Наблюдается рост в использовании Интернета (48,3% организаций в 2002 г., 86,9% — в 2012 г.).

По итогам авторского социологического исследования, посвященного отношению к труду различных групп наемных работников (2012 г., выборка — 1050 работников пяти предприятий Ульяновска и Ульяновской области), выявлено: в структуре мотивов труда всех

групп квалифицированных наемных работников лидирует «хорошая заработная плата» (79%), на втором месте — «признание результатов работы» (39%), на третьем — «уважение сотрудников» (29%). Информациональные ценности — «разнообразие деятельности», «возможность самому принимать решения», «инновационный характер труда» — занимают в данном рейтинге не первые места: в среднем пятая часть квалифицированных наемных работников разделяет указанные ценности трудовой деятельности. Мотив «новизны и творчества» несколько выше у группы руководителей высшего звена — 28%. Стремление выполнять привычную работу свойственно половине опрошенных со средним профессиональным образованием.

Большинство квалифицированных наемных работников удовлетворены содержанием своего труда, его насыщенностью и разнообразием — так высказались 75% опрошенных. Эта цифра достигает максимума у руководителей высшего и среднего звена — 88%. При этом примерно треть профессионалов не удовлетворены возможностями профессионального роста, которые предоставляет им организация; почти 40% не чувствуют, что их работа признана в коллективе.

Почти 60% наемных работников удовлетворены возможностями проявления трудовой инициативы, которые предлагает им организация. Показатель заметно снижен у рядовых работников — 47%. Интересной выглядит убежденность в том, что успех организации определяется усилиями ее сотрудников. В среднем 25% опрошенных уверены, что они просто являются «винтиками» в большой машине организации и никак не влияют на ход событий в ней. Разочарование растет по мере взросления (23% в группе 18–29 лет, 34% — в группе 50 и старше), а также по мере увеличения стажа в компании (21% — до 3-х лет, 36% — более 20 лет). В то же время уверенность в своей способности влиять на успех компании растет с повышением образования и занимаемого статуса.

Говоря о желании сменить работу, треть респондентов утверждает, что готова это сделать при наличии более интересного предложения. Профессиональная мобильность обратно пропорциональна возрасту: среди молодежи 18–29 лет таких желающих гораздо больше — 43%. Не стремятся менять работу руководители высшего и среднего звена (45% против среднего показателя 37%), люди в возрасте от 40 лет и старше (50%). Пятая часть всех опрошенных хотела бы сменить работу, но уверена в том, что сделать это будет крайне трудно.

Итак, структурно класс квалифицированных работников более соответствует индустриальному типу экономики и общества. Об этом свидетельствует пока недостаточно развитый инновационный сектор, а также неготовность самих компаний развивать своих сотруд-

ников. Работники по-прежнему уверены в том, что они просто часть большой машины, не имеющая решающего значения; они являются «заложниками» ограниченного предложения на рынке труда.

В составе квалифицированных наемных работников есть перспективное ядро — информационный класс. Это молодые люди в возрасте 22–35 лет, получившие высшее образование, мобильные, инициативные, в настоящее время занимающие должности специалистов, менеджеров, руководителей среднего звена, нацеленные на профессиональный и должностной рост. Именно с ними должно быть выстроено грамотное взаимодействие в организациях, для них нужно разрабатывать особые схемы мотивирования и поддержки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шкаратан О. И. и др. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1.

2. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

3. Беляева Л. А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // *Мониторинг общественного мнения*. 2010. № 4.

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour.

Ж. К. Аубакирова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Анализ особенностей социокультурной среды, в которой живут и получают образование студенты с казахским языком обучения, специфика их профессиональной подготовки выдвинули на передний план разработку целостной методики педагогического общения с данным контингентом. С этой целью разработана программа профессионального психолого-педагогического тренинга (ПППТ), нацеленного на формирование и развитие профессиональных знаний, умений, а также личностных качеств будущих педагогов-психологов, значимых в педагогическом общении с участниками образовательного процесса. Вместе с тем эффективное применение ПППТ в казах-

ских студенческих группах, реализация его целей и задач возможны лишь при диалектическом единстве содержания, принципов общего и особенного, социального и этнического, повторяющегося и неповторяющегося. Общими при таком подходе выступают:

- цели и задачи профессионального психолого-педагогического тренинга, его содержания и структура;
- методы и формы организации профессионального психолого-педагогического тренинга в системе профессиональной подготовки будущих педагогов и психологов;
- принципы и нормы организации и проведения профессионального психолого-педагогического тренинга в системе профессиональной подготовки будущих педагогов и психологов;
- закономерности в динамике тренингового процесса;
- в результатах профессионального психолого-педагогического тренинга.

Таким образом, при построении программы профессионального психолого-педагогического тренинга, приемлемой для казахской аудитории, мы руководствовались положением о том, что, только учитывая единство общего и особенного, можно добиться наибольшего эффекта в обучении. Другими словами, для разработки варианта профессионального психолого-педагогического тренинга для будущих педагогов и психологов необходимо учитывать как профессиональные свойства общения будущего специалиста и требования к его профессиональным качествам, так и характерные особенности общения, обусловленные социоэтническими факторами. Предварительная реализация программы тренинга предусматривает изучение теоретического содержания. В процессе реализации лекционного курса обучаемые не только получают рациональные, но и рефлексивные знания, связанные с процессом самопознания, самооценки. В результате они легко включаются в новые условия обучения, адаптируются к характеру и новым особенностям деятельности в группе.

Исходя из психосоциальных особенностей групп необходимо соблюдать сравнительно небольшой возрастной интервал обучаемых в группе: более молодые участники (первокурсники) не могут быть откровенными, непосредственными в групповом обсуждении в присутствии старших коллег (старшекурсников, молодых педагогов). Такое присуще и старшим в гетерогенной группе по возрасту, так как они в своих поступках и поведении ориентируются на своеобразные представления народа об общении старшего и младшего, когда поощряются и поддерживаются сдержанность, немногословность, великодушные, эмоциональный самоконтроль. В результате групповое обще-

ние может не состояться, нарушится как обратная связь, так и принципы организации профессионально-педагогического тренинга. Поэтому предпочтительно работать с группой, в которой возрастной интервал участников тренинга незначителен. Вместе с тем следует отметить, что программы профессионального психолого-педагогического тренинга для студентов как будущих специалистов по структуре, организации и содержанию приблизительно одинаковы, но сценарий каждого занятия четко структурирован с учетом возрастных, ключевых особенностей и опыта профессиональной деятельности.

Методика организации профессионального психолого-педагогического тренинга предполагает фиксацию группового процесса: различных действий обучаемых, их речи, обращения друг к другу, содержания обратной связи для последующего обсуждения и анализа. Это увеличивает объем знаний, обогащает опыт общения участников и дает возможность проследить за развитием знаний, умений, личностных качеств. В связи с этим в практике тренинга используется звукозаписывающая, видеозаписывающая аппаратура. На наших занятиях, на их начальном этапе, используется протоколирование наблюдаемых явлений, практикуется ведение дневника, составление отчета. И только после того, как участниками группы усвоены нормы профессионально-педагогического тренинга, произошла их адаптация к новым условиям группового общения, применяются технические средства. Такой подход предубеждает разочарование, растерянность, напряжение, неуверенность, скованность, стеснительность, проявляемые в поступках и поведении в случае неуспеха при выполнении того или иного задания. Кроме того, применение комплекса видеоаппаратуры не всегда предусматривает осознание участниками своей проблемы в общении, ответственности за свое собственное участие в ходе тренинга. Нашим студентам свойственна конфронтность в поведении в случае фиксации их личностных проявлений средствами видеокамеры, когда становятся вероятны действия обучаемых «только и ради аппаратуры», проявление «актерской игры» в тренинге.

Таким образом, для совершенствования педагогического общения в системе профессиональной подготовки разрабатывается определенная логически и содержательно структурированная программа тренинга. Однако в зависимости от особенностей создавшейся ситуации в группе, особенностей контингента обучаемых приходится частично видоизменять, модифицировать данную программу. Это происходит как до начала обучения, так и в ходе тренинга. В каждом конкретном случае методика использования тренинга определяется в соответствии со спецификой протекающего группового процесса. Тем

не менее как бы ни варьировались композиции составляющих тренинг структурных элементов, реализация программы предусматривала:

- самопознание участниками индивидуальных возможностей общения, адекватную самооценку;
- адекватное восприятие, принятие, познание партнера по общению;
- развитие вербальных и невербальных средств общения.

При этом каждое занятие включает в себя следующие этапы обучения в группе:

- опрос участников до и после занятия для того, чтобы выявить состояние, позитивные и негативные впечатления о каждом занятии и тренинге в целом, стиле поведения ведущего и участников тренинга. Это дает возможность оценить успешность занятий, проследить воздейственность методов обучения и изменения в каждом участнике в процессе тренинга. Для того чтобы спланировать и организовать весь последующий процесс, корректировать или даже заменить отдельные части программы, мы фиксировали ответы участников с помощью анкет. Текст анкеты был разработан на основе методики А. С. Прутченко, что, на наш взгляд, обеспечивает полноту информации о включенности участников в тренинговый процесс, о содержательности тех или иных элементов занятия.

При организации и проведении ПППТ в казахских группах необходимы и обязательны: 1) принцип объективности — принятие во внимание этикета общения казахов, различные аспекты жизнедеятельности учителей и учеников казахской школ, особенности их общения; учет возрастных, половых особенностей участников, их моральные и этические установки; 2) принцип активности — в тренинговой работе участники вовлекаются в различные действия; 3) принцип проблемности — содержание игр, дискуссии имеют профессионально-педагогическую направленность; 4) творческий подход — постоянные поиски вариантов решения проблемы в контексте педагогического общения; 5) принцип диалогичности — признание ценности мнения другого человека.

При соблюдении определенных требований существенно повышается эффективность тренингового обучения. Для этого ведущий должен хорошо знать особенности контингента, обуславливающие его социоэтнические, этнопсихологические факторы. Желательно, чтобы он (ведущий) включался во все организационные игры, упражнения и т. д. Вместе с тем ведущий не должен вносить оценочные суждения, так как его личность воспринимается как авторитетное, референтное лицо. Иначе невозможен адекватный анализ, обсуждение, обратная связь в групповом общении, самостоятельность, дискус-

сионность. Также нежелательны со стороны ведущего пространные комментарии каких-либо действий участников, групповых проблем. При организации профессионально-педагогического тренинга особое внимание следует обратить на включенность обучаемых в процесс анализа, обсуждения в ходе реализации каких-либо элементов тренинга. Такой порядок тренинга желательно установить с первых занятий, а затем он становится привычной нормой работы в группе при соблюдении очередности высказываний, выступлений.

Особенностью профессионально-педагогического тренинга является то, что он вооружает учителя алгоритмом построения дискуссий, бесед, игр в педагогической деятельности. Следует отметить, что учитель после тренингового курса может обучать школьников культуре общения, искусству владения невербальными и вербальными средствами общения. Таким образом, реализация целостной программы ПППТ предполагает несколько этапов. На первом этапе формируется установка на ПППТ, и обучаемые подготавливаются к активному участию в групповой работе. У них создается мотивация на активное усвоение новых знаний, приобретение и развитие умений в контексте педагогического общения. Его действенным средством является лекционный курс, данные психодиагностики. Теоретическая основа педагогического общения рассматривается с позиции диалектического единства общего, особенного и единичного — курс базируется на психологических, педагогических и этнопсихологических знаниях в сфере общения.

На следующих стадиях предусматриваются приобретение и развитие умений педагогического общения учителей, их личностных качеств и психокоррекция. Содержание ПППТ включает знакомство со своеобразной культурой, стандартами общения казахского народа, осмысление его ценностей, овладение ими. В традиционную программу ПППТ вводится специальный блок упражнений, задача которых — обучение и пояснение сущности гуманных методов воспитания народа, проходящие на фоне взаимодействия, взаимоотношения. Таким образом, структура отдельного цикла профессионального психолога-педагогического тренинга включает: 1) опрос до и после занятий с обработкой анкет, анализ дневниковых записей для того, чтобы проследить за воздействием, эффективностью методов тренинга, процессом групповой динамики, изменением общения участников; 2) упражнения, игровые ситуации для развития невербальных средств общения, приобретения мышечной свободы в различных коммуникативных ситуациях: данный этап тренинга придает занятиям эмоциональную окраску; 3) организацию и проведение группового обсуждения, дискуссии, импровизация проблемных ситуаций; 4) домашнее задание для усиления процесса самоанализа.

Раздел II

**СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ
СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ**

О. Н. Колесникова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Социальное самочувствие — эмоциональный аспект оценки представителями социальной группы своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов. В социальном самочувствии выражается общая тональность общественных настроений группы: экономическое, политического, идеологического, национального и др.

Социальное самочувствие формируется в процессе социального сравнения, сопоставления социального вознаграждения, возможностей для удовлетворения своих потребностей, реализации интересов с аналогичными возможностями, условиями других людей и является показателем состояния социального здоровья общества, степени реализации принципа социальной справедливости. Исследование социального самочувствия представителей различных социальных групп позволяет оценить сдвиги, происходящие в общественном сознании и социальных структурах общества, обнаружить «точки роста» новых социально-структурных образований, выявить зоны социальной напряженности, построить прогноз направления и интенсивности социальных перемещений, а также изучить многообразные и противоречивые групповые представления о социальной жизни общества. В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [1, с. 10]. Социальное самочувствие, таким образом, определяется как интегральная характеристика удовлетворенности /

* Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края» № 13–13–22005.

неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций. В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [1, с. 10]. Важным в данном определении является то, что это в большей степени субъективный показатель. Социологическая наука рассматривает социальное самочувствие как сложную форму достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

В настоящее время ощущается определенный дефицит конкретных мониторинговых социологических эмпирических исследований, показывающих изменения социального самочувствия, безопасности, роста протестных настроений населения регионов в условиях трансформации социальной жизни.

На факультете социологии Алтайского государственного университета при поддержке РГНФ в 2010 и 2013–14 гг. были проведены два социологические исследования: «Социокультурный портрет Алтайского края: специфика приграничного агропромышленного региона России» (2010 г.) и «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края» (2013–2014 гг.). Исследования проведены на основе типовой программы и методики эмпирических исследований социокультурных портретов регионов, разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (чл.-корр. РАН Н. И. Лапин), основанной на опыте разработки проблем социального развития регионов России. Особый интерес представляют данные с учетом специфики Алтайского края как приграничного агропромышленного региона России [2]. Методики и техники мониторингового социологического исследования включали анкетный опрос, экспертный опрос, контент-анализ.

Полученные данные в результате исследования 2013–2014 гг. стали основой для сравнения ключевых показателей социального само-

чувствия и удовлетворенности жизнью населения Алтайского края с результатами, полученными в ходе исследований по аналогичной методике, проведенных нашим коллективом в 2009–2010 гг. [3].

В связи с отсутствием единого методологического подхода к изучению социального самочувствия мы основывались в своем исследовании на определении Н. И. Лапина, согласно которому социальное самочувствие населения основывается на *защищенности от опасностей, удовлетворенности жизнью и социальном оптимизме* [4].

Нас интересовал вопрос о том, насколько респонденты удовлетворены своей жизнью в целом. В данной статье обратим внимание на отдельные аспекты удовлетворенностью жизнью населения региона. Результаты, полученные в исследованиях 2010 и 2014 гг., оказались примерно одинаковыми: четвертая часть населения ответила отрицательно на этот вопрос (не очень удовлетворены — 21%; совсем не удовлетворены — 4,6%). В то же время полностью удовлетворены 14% и скорее удовлетворены 40% респондентов. Применительно к удовлетворенности жизнью в своем регионе результаты оказались такие: рады, что живут здесь — 18%; в целом довольны, но многое не устраивает — 46%. Тем не менее покидать родные места они не желают, только около 6% опрошенных в 2010 и 2014 гг. хотели бы уехать в другой регион России. Вообще уехать из страны хотели бы 3,4%.

В связи с этим респондентам было предложено выделить особенности Алтайского края, его привлекательные и непривлекательные черты. Результаты исследования в 2014 г. выглядят следующим образом:

Привлекательные черты: красивая природа — 83%; добрые, душевные люди — 31%; регион, перспективный для жизни — 14,3%; здесь много возможностей для инициативных людей — 11,3%; приграничный регион, позволяющий вести активный образ жизни — 16,3%.

Непривлекательные черты: бедный регион, с низким уровнем жизни — 47%; суровый климат — 26,8%; здесь жизнь заглохла — 24,5%; здесь не любят инициативу — 14%; неприветливые люди — 13%.

Анализируя современную экологическую обстановку в Алтайском крае, можно сказать, что в целом она благоприятна для жизни и здоровья проживающего населения. Однако на территории Алтайского края можно выделить очаги с высокой экологической напряженностью. Такие очаги сосредоточены прежде всего в районе крупных городов края — Барнаул, Рубцовск, Заринск, Горняк, Бийск. Загрязнение окружающей среды в районах этих городов связано с сосредоточением отраслей химической, металлургической, машиностроительной промышленности и наличием предприятий военно-промышленного и горно-обогатительного комплексов.

Судя по данным контроля органов Госкомгидромета, ежегодно в атмосферу Алтайского края выбрасывается более 200 тыс. т загрязняющих веществ, а очистка воздуха проводится лишь на 70%. Основной причиной загрязнения воздуха являются предприятия нефтехимической и пищевой промышленности, электроэнергетики, черной металлургии, коксохимии, машиностроения. Особенный вред наносит Барнаульская ТЭЦ-2, Бийская ТЭЦ; их выбросы в атмосферу составляют соответственно 31,2 и 13,8 тыс. т, в Заринске — АО «Алтай-кокс» с 21 тыс. т выбросов и АО «Кучуксульфат», у него в год выделяется 6,6 тыс. т загрязняющих веществ. Над такой статистикой стоит задуматься. Немалый вред экологии приносит автомобильный транспорт, выбросы вредных веществ которого составляют более 45% от общего загрязнения воздуха в крае. В Алтайском крае не существует специально созданных площадок для промышленных и бытовых отходов, не считая двух полигонов для захоронения — на ОАО «Алтайхимпром» (г. Яровое) и Славгородском радиозаводе. А ведь каждый год добавляет краю около 400 тыс. т бытовых и 750 тыс. т промышленных отходов.

Следует также заметить, что оставляет желать лучшего и ситуация на водоочистных станциях. Основное количество предприятий города Барнаула не имеет локальной очистки стоков, и почти все сточные воды попадают в канализацию. На иловые площадки канализационных очистных сооружений КОС-1 и КОС-2 города Барнаула ежегодно поступает 2680 т осадка. Несмотря на то, что емкость КОС-1 исчерпана, станция продолжает работать, а осадок — образовываться. Исчерпаны мощности канализационных систем в Камне-на-Оби, Славгороде и Алейске. В Рубцовске и Горняке требуется реконструкция и расширение очистных сооружений. Неудовлетворительное положение с канализацией в Новоалтайске и Заринске. Большинство предприятий Барнаула не имеет локальной очистки стоков, и основная масса сточных вод поступает в канализацию. Из 1600 сел Алтайского края лишь 20 из них имеют канализацию с очистными сооружениями. Кроме этого, ни один город Алтайского края не имеет очистных сооружений ливневой канализации, вследствие чего загрязняется река Обь.

При весенних паводках содержание нефтепродуктов в водоемах достигает 80 ПДК. В зоне затопления грунтовыми и поверхностными водами находятся Барнаул, Рубцовск, Камень-на-Оби, Бийск и еще около 20 населенных пунктов края. Наибольшую опасность для здоровья населения представляет комбинация радиационного (близкое расположение Семипалатинского полигона) и химического видов за-

грязнений. Эти загрязнения проявляются, главным образом, на территории Угловского, Рубцовского, Локтевского и Бийского районов. В отдельных районах края — Локтевском и Тальменском — возникли очаги с высокой заболеваемостью новорожденных детей желтухой с поражением центральной нервной системы.

В связи с такими данными нам было интересно выяснить *оценку населением уровня загрязнения окружающей среды*. Отвечая на вопрос: «Как вы считаете, чистый ли воздух в вашем городе (селе) или он сильно загрязнен?» респонденты ответили: воздух достаточно чистый в 2010 г. 47,1%; в 2014 г. большее количество респондентов (59,4%) не увидели проблем с загрязнением воздушного пространства региона. В 2010 г. тех, кто считал, что воздух сильно загрязнен, было 48,9%, в 2014 г. — только 32,2%.

По проблемам используемой воды для приготовления пищи считают, что вода загрязнена, в 2010 г. — 58%, в 2014 г. только 38,2% ответили на этот вопрос негативно.

В то же время, несмотря на то, что респонденты в 2010 г. ставили проблему с загрязнением воздушного и водного пространства, они не отмечали опасности от экологической угрозы для их жизни. Это нашло отражение в следующих данных: считали себя защищенными от экологической угрозы (защищен — 25,9%; пожалуй защищен — 31,3%). К совсем не защищенным отнесли себя 4,6%, пожалуй, не защищенными считали себя 9,3%.

В 2014 г. респонденты иначе оценили данную проблему. Так, считают, что они защищены, только 9,9%; пожалуй, защищены — 19,7%; пожалуй, не защищены — 24%; совсем не защищены — 18,15%; затруднились ответить — 28,3%.

Исследуя социальное самочувствие населения, мы обратились к отдельной проблеме в жилищной сфере. Жилищная сфера — область народного хозяйства, включающая строительство и реконструкцию жилища, сооружений и элементов инженерной и социальной инфраструктуры, управление жилищным фондом, его содержание и ремонт [5].

В нашем исследовании респонденты, отвечая на вопрос, в чем они видят несправедливость в жилищной сфере, отметили такой факт, как величина тарифов на коммунальные услуги — 54,7% (2014 г.), далее поставили: формирование счетов-квитанций на оплату ЖКХ — 10%; правила предоставления коммунальных услуг — 8%. Тех, кого все устраивает, оказалось 9,9%, и затруднились ответить 17,4%. Неудовлетворенность потребности населения по данной проблеме может стать источником социальной напряженности в регионе.

В исследовании нами выяснялась и проблема изменений, реформирований, влияющих на удовлетворенность жизнью. Так, на вопрос «Соответствуют ли Вашим интересам проводимые в последние годы реформы в различных сферах общественной жизни?» ответы респондентов выглядят следующим образом: в 2014 г. полностью соответствуют — считают 3,1 %. Полностью не соответствуют — 6,5 %. Примерно поровну распределились ответы тех, кто считает, что «скорее да, чем нет» — 31,6% с «скорее нет, чем да» — 33,3%. Затруднились ответить 25,5%.

Таким образом, анализируя отдельные результаты исследования проблем удовлетворенности жизнью и социального самочувствия, видим, что это сложная форма достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: региональный аспект : автореф. дис. ... д-ра соц. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercart.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-naselen...> (дата обращения 17.07.2013).

2. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.

3. Колесникова О. Н. Социокультурный портрет Алтайского края: специфика приграничного агропромышленного региона России // Наука — Алтайскому краю : сборник научных статей. Вып. 4. Барнаул, 2010.

4. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 2006.

5. Словарь юридических понятий // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. № 22. 1997.

6. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

6. Миронова С. В. Социальная справедливость как проблема виталистской социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 1 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2009.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЛИЧНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

В связи с происходящими изменениями общественных отношений на современном этапе развития российского общества проблемы безопасности и социального самочувствия приобрели особую остроту и актуальность. Социологический подход в изучении социального самочувствия важен потому, что он улавливает основу, на которой формируется социальное самочувствие, т. е. результат субъективно отражения в сознании социума объективных условий его жизни. При этом социальное самочувствие соотносится не просто с чувствами, а именно с социальными чувствами. Оно выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значения различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации. Социальное самочувствие определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций [1, с. 116–119]. Это сложная форма достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

Очевидна взаимосвязь понятия социального самочувствия с защищенностью личности, социальной группы, общности людей от угроз их жизненно важным интересам, а также с понятием социального благополучия.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», проект № 13–13–22005.

Субъективное благополучие, социальное настроение, самочувствия отражается в оценке степени личной защищенности человека в различных сферах его жизни. В частности, в оценке состояния собственного здоровья и уровне медицинского обслуживания. Понятие «здоровье» теснейшим образом связано с понятием благополучие. Не случайно в определении здоровья ВОЗ отмечаются необходимость наличия состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов [2].

Повышенное внимание к проблеме здравоохранения объясняется не только плохим состоянием здоровья населения и недостаточным уровнем развития системы здравоохранения, но и основным страхом россиян потерять свое здоровье. Важность и актуальность этого направления обусловлены также и тем, что здоровье является одним из главных компонентов человеческого капитала и в совокупности с другими факторами определяет не только возможности индивида на микроуровне, но и потенциал страны на макроуровне. Неудивительно, что качественное улучшение всей системы здравоохранения выделено Президентом России на уровень национальных проектов, отражающих основные приоритеты развития страны в социальной сфере. Самооценка здоровья не может являться точным индикатором его реального состояния, но, тем не менее, на ее основе можно получить представление о существующей ситуации. Кроме того, именно самооценка здоровья может во многом определять поведение индивида (например, его активность на рынке труда), а также его самоощущение, субъективную оценку степени своей «включенности» в общество и, соответственно, степень удовлетворенности своими возможностями и своей жизнью в целом. Именно самооценка здоровья во многом определяет и поведение индивида с точки зрения его взаимодействия с системой государственной и частной медицины.

По результатам исследования (2014 г.) довольно значительный процент респондентов (41,1 %) периодически нуждаются в медицинской помощи, поскольку «временами болеют». Считают здоровье «нормальным» и «пока не жалуются на него» 35%; «часто болеют», соответственно, нуждаются в медицинской помощи 11,1%. Имеют хронические заболевания 11,1%, а 2,3% — инвалидность. Выяснение того, где «получали медицинскую помощь в последний раз и платили ли за это?» привело к следующим результатам. Возникающие проблемы со здоровьем подавляющее большинство респондентов (74,4%) предпочитают решать бесплатно в медицинских учреждениях по месту жительства; 20,5% не обращались за такой помо-

щью, и лишь 5,1 % платили за услуги, предоставленные в поликлинике или медпункте по месту жительства. Больше половины опрошенных (56,5 %) получали медицинскую помощь в специализированном медицинском учреждении или больнице, причем не платили за нее 38,4 %, а вынуждены были заплатить 18,1 %, что связано, очевидно, со спецификой предоставления услуг в подобных учреждениях. Больше половины отвечающих (52,2 %) не обращаются в ведомственные медпункты, поликлиники, стационары, а среди обратившихся только 4 % платили за оказываемую помощь. Столько же отвечающих (52 %) не обращались в кабинеты частных врачей, а 45,1 % воспользовавшихся такими услугами заплатили за них. Небольшое количество заболевших получили платную медицинскую помощь на дому (1,9 %), не платили за нее 16,3 %. Таким образом, в большинстве случаев респонденты пользуются бесплатной медицинской помощью, предоставляемой либо по месту жительства, либо в специализированных медицинских учреждениях.

Степень удовлетворенности населения государственным медицинским обслуживанием оценивалась рядом показателей, среди которых наиболее важными, по мнению респондентов, являются трудности в связи с «большими очередями к врачу» (66,3 %); «врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие» (33,2 %); «советы, рецепты врачей редко помогают» (24,8 %). Только 15,2 % отвечающих «в целом удовлетворены медицинским обслуживанием». Определенную сложность в получении медицинской помощи представляет удаленность лечебных учреждений. Возможность добраться до ближайшего «врача/фельдшера, поликлиники» составляет в среднем 80 мин, до ближайшей больницы — 93 мин, причем 16,9 % отмечают, что и скорая медицинская помощь оказывается у больных через несколько часов после вызова.

Важнейшими показателями социального благополучия, социального самочувствия являются его составляющие — психологическое здоровье, психологическое благополучие. С позиции структурно-уровневого подхода можно предположить, что психологическое здоровье является одним из уровней психологического благополучия, который отражает внутреннюю целостность, определенность человека, его согласие с самим собой.

Психологическое благополучие представляет собой системное качество человека, приобретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей, которое является условием реализа-

ции его потенциальных возможностей и способностей [3]. Очевидно, возможно выделение основных уровней психологического благополучия, поскольку на разных уровнях пространства бытия в различных типах деятельности закладываются внутренние ресурсные установки человека. Так, биологическое пространство бытия формирует психосоматическое здоровье как отражение процесса взаимосвязи психической и соматической сфер. Социально-педагогическое пространство формирует социальную адаптированность как состояние уравновешенности с социальной средой. Социально-культурное пространство бытия определяет психическое здоровье. Духовно-практическое пространство бытия человека обуславливает уровень психологического здоровья как отражение способности к нахождению смысла своего существования в конечном итоге [3].

Выделенные уровни психологического благополучия человека взаимопроницаемы и поэтому лишь относительно автономны. При этом важной составляющей каждого из выделенных уровней является наличие субъективного компонента наряду с объективными показателями психического благополучия человека. Одним из условий, факторов формирования психологического благополучия, а также социального благополучия в целом, является достаточный уровень эмоционального комфорта и уравновешенности.

Анализ результатов исследования показал, что оценивая свои ощущения близости или отдаленности («свое»-«чужое») с различными людьми, наиболее близкими воспринимаются «жители поселения, в котором я живу», 40,5% определяют как «свое». Наиболее отдаленными 39,7% респондентов воспринимаются «жители Москвы — столицы России» и определяются как «чужое», даже «жителей всей Земли» воспринимают как «чужое» меньшее число респондентов — 34,2%, наряду с этим 31,7% считают «жителей всей России» «далеким, но не чужим». Важным показателем психологического благополучия человека выступает наличие референтной группы. Оценивая «среди каких людей» наибольший уровень психологического комфорта и где достигается наибольшее взаимопонимание, подавляющее большинство респондентов указали семью (70,3%), затем компанию друзей (20,9%) и работу (3,3%). Всего 0,5% ответивших встречают наибольшее взаимопонимание «в кругу единомышленников», 0,7% — среди соседей, что является показателем сужения социального пространства респондентов. Настораживает тот факт, что 2% отвечающих не находят взаимопонимания, а, значит, поддержку, «нигде». Подобные ответы свидетельствуют о сложном социально-психологическом состоянии индивида.

Анализ внутренней структуры социального самочувствия, личной защищенности предполагает учет широкого спектра воздействующих факторов, в том числе удовлетворенность жизненными условиями, самооценку людьми повседневного настроения, текущие и перспективные оценки экономического положения страны, материального благосостояния семей, позиции относительно курса экономических реформ, степень доверия ведущим политическим деятелям и политическим структурам и др. Важным среди перечисленных выше факторов является оценка материального положения семьи, а также выявление обстоятельств, ведущих к ее разрушению.

По результатам выборочного опроса населения Алтайского края в 2010 г. подавляющее большинство респондентов оценили материальное положение своих семей как среднее (на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи денег хватает) — 74%. К бедным (хватает на скромное питание, оплату коммунальных услуг) и очень бедным (которым денег иногда не хватает даже на питание) себя отнесли только 13,4% (в том числе к очень бедным только 1,7%). И только 9,2% считают, что живут обеспеченно (есть накопления) и богато (те, кто, по их признанию, ни в чем себе не отказывает), последние составляют 0,3% всей совокупности респондентов).

Анализ результатов исследования, проведенного в 2014 г., свидетельствует о сохраняющейся актуальности вопросов материального положения семьи. Главной причиной, мешающей сегодня созданию семьи или ведущей к ее разрушению, больше половины респондентов (55,7%) считают «отсутствие средств для ее нормального обеспечения», не менее важным фактором, по мнению отвечающих (45,8%), являются «плохие жилищные условия». 47,6% опрошенных значимым условием, мешающим созданию семьи, считают «характер людей, их эмоции». Наименьшее число респондентов (12,5%) ставят разрушение семьи в зависимость от «нравственности людей и приверженности нормам религии».

Анализ социального настроения, самочувствия населения дополняется оценкой степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей.

По результатам исследования 2013 г. выявлено, что в рейтинге опасностей, волнующих разные группы населения, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: на первом месте стояли проблемы бедности (70%), от которых население чувствует себя наиболее незащищенным, и которые осознаются ими как проблемы особой важности, порождающие клубок новых проблем. На втором — преступность (69%). На третьей позиции — экологиче-

ские угрозы (67,5%). Высоко, на четвертой позиции, в оценках населения стоит проблема произвола чиновников (59%) и правоохранительных органов (49%). Пятерку вызовов защищенности населения замыкают их опасения потерять работу (43%). Далее идут проблемы одиночества и заброшенности (34%); притеснения из-за возраста или пола (25%); преследования за политические убеждения (22%); религиозные (11%); ущемления по национальному признаку (10%).

Результаты исследования, проведенного в 2014 г., выглядят следующим образом: лидирующие позиции по-прежнему занимают проблемы бедности (55,3%) и опасность потерять работу (51,2%). От преступности считают себя незащищенными 47,6% респондентов. Далее следует проблема произвола чиновников (43,3%), экологическая угроза (42,1%), угроза произвола правоохранительных органов (32%), одиночество и заброшенность (29,8%), преследование за политические убеждения (18,6%), притеснения из-за возраста или пола (14,9%), притеснения из-за религиозных убеждений (8,1%), на последнем месте стоит ущемление из-за национальности (7,8%).

В целом, серьезных расхождений в ранжировании существующих угроз и опасностей не наблюдается, за исключением опасности потерять работу, которая поднялась с пятого на второе место.

Анализ социального самочувствия как интегральной характеристики предполагает выделение различного рода субъективных и объективных показателей. Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что общую картину социального самочувствия, настроения населения дополняют: самооценка здоровья; степень удовлетворенности медицинским обслуживанием; материальное благосостояние семьи; степень психологического комфорта; оценка степени личной защищенности от существующих опасностей и угроз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.
2. Психическое здоровье детей и психосоциальное развитие детей : доклад комитета экспертов ВОЗ // Серия технических докладов. № 613 — Всемирная организация здравоохранения. Женева, 1979.
3. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии : учебное пособие для студентов психологических факультетов. Ярославль, 1979.

В. А. Артюхина (Барнаул)

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (по результатам социологического исследования)*

Исследование социального оптимизма населения на современном этапе общественного развития является актуальной проблемой в связи с социальной трансформацией российского общества, охватившей все сферы жизнедеятельности человека. Социологические исследования показывают, как население адаптируется к новой социальной реальности. Однако, несмотря на актуальность, теоретическую и практическую значимость изучения социального оптимизма населения, это понятие слабо разработано, имеет разные трактовки и методики анализа [1].

Важным критерием оценки социального оптимизма населения Алтайского края является оценка степени удовлетворенности жизнью опрошенных респондентов. Понятие удовлетворенности жизнью является комплексным и многослойным и отражает общую субъективную оценку респондентом своей жизни в целом, ее качества и перспектив [2].

Проведенное в Алтайском крае в 2014 г. социологическое исследование (n=1200) показало приоритет положительных оценок жизни опрошенными респондентами. Так, 54% опрошенных «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены» своей жизнью в целом. Полностью неудовлетворенных и частично не удовлетворенных жизнью оказалось меньше — 4,6 и 21,7% соответственно. Затруднились оценить степень своей удовлетворенности 19,7% участвовавших в опросе.

Указанные результаты исследования свидетельствуют о росте субъективной удовлетворенности своей жизнью населения Алтайского края. При проведении аналогичного исследования в 2010 г. было выявлено 47% удовлетворенных респондентов и 34% неудовлетворенных своей жизнью опрошенных жителей края.

Степень удовлетворенности жизнью населением во многом зависит и от результатов сравнения людей уровня своей жизни с аналогичным показателем в соседних регионах. Оценивая уровень и качество своей жизни, человек сопоставляет свое положение с положе-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», проект № 13-13-22005.

нием других представителей общества. На просьбу сопоставить качество жизни жителей Алтайского края и соседних регионов большинство респондентов (50,1%) заявили, что «по сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими — хуже». Негативно оценили уровень жизни в крае по сравнению с другими регионами 34,7% опрошенных. Таким образом, объективно не самый высокий уровень жизни населения нашего региона предопределяет и характер субъективных оценок удовлетворенности жизни жителей края.

Удовлетворенность жизнью населения тесно связана с оптимизмом в оценках будущей жизни опрошенных респондентов. Уровень социального оптимизма — своего рода результирующий показатель социального самочувствия в целом. В представленном исследовании социальный оптимизм замерялся через показатели личной уверенности в будущем и оценку перспектив жизни семьи респондента.

При оценке личной уверенности респондентов относительно своего будущего оказалось, что 39,5% опрошенных «вполне уверены» и «скорее уверены, чем нет» в своем будущем. Меньше четверти опрошенных (22,3%) не выражают оптимизма по поводу своей дальнейшей жизни. Большая доля респондентов не могут однозначно оценить степень своей уверенности в будущем (38,2%). В целом, полученные результаты соотносятся с данными 2010 г. — жители края стабильны в отношении оценки уверенности в будущем.

Оценивая перспективы жизни своей семьи, респонденты оказались более оптимистичными. Лишь 6,3% опрошенных оценивают будущую жизнь в негативном ключе, они считают, что они сами и их семья будут жить хуже, чем сейчас. Оптимисты составили 34,8% респондентов, 40,3% респондентов посчитали, что для их семей ничего в корне измениться. Последняя цифра косвенно указывает на определенный уровень стабильности общественной жизни.

Выявляя уровень социального оптимизма и удовлетворенность жизнью населения края, нельзя не отметить те проблемы, которые волнуют опрошенных. Среди наиболее значимых, по мнению респондентов, проблем в нашем регионе можно отметить следующие: плохие дороги (79,4%); безработица (65,9%); высокие коммунальные тарифы (45,6%); низкая пенсия (40,4%); низкое качество медицинского обслуживания (38,3%). Все эти проблемы непосредственно влияют на население и формируют уровень удовлетворенности жизнью. Пока эти проблемы не разрешатся или произойдет смягчения негативных последствий, респонденты будут продолжать невысоко оценивать уровень и качество своей жизни.

Отмечая проблемы, мешающие развитию нашего региона, респонденты говорят и о путях разрешения таких трудностей. В этом блоке опрошенным было задано два вопроса: «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения?» и «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от разных субъектов?».

Среди наиболее эффективных мер по преодолению проблемы региона опрошенные назвали следующие: «создавать новые рабочие места» (67,8 %); «улучшить медицинское обслуживание» (53,8 %); «быстрее строить новые дороги» (53,1 %); «навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией» (34,1 %); «развивать малый и средний бизнес» (33,6 %). Меры, предложенные респондентами, напрямую связаны с перечисленными ими же социальными проблемами края.

Немаловажным является и выявление тех, от кого, по мнению респондентов, зависит улучшение их жизни. Опрошенные в большинстве своем отмечают, что качество и уровень их жизни напрямую зависят прежде всего от них самих и от близких родственников. Следующий субъект, способный повлиять на улучшение жизни населения края, это общероссийская власть. Региональная и муниципальная власть, по мнению респондентов, не в полной мере способна улучшить уровень жизни населения региона.

Еще одной важнейшей составляющей понятия социального оптимизма являются протестные настроения населения региона. Наличие или отсутствие протестных настроений у людей — своего рода индикатор их удовлетворенностью жизнью. Чем выше степень удовлетворенности качеством и уровнем своей жизни, тем ниже уровень протестных настроений. И наоборот, социальные и экономические проблемы в регионе могут перерасти в социальную напряженность, которую и можно измерить посредством уровня протестных настроений респондентов.

Уровень протестных настроений в исследовании замерялся посредством подсчета респондентов, готовых принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни. Исследование 2010 г. показало, что протестный потенциал был заложен практически у половины опрошенных (43,5 %). В 2014 г. готовых принять участие в таких акциях оказалось 40,4 % респондентов. В целом, протестные настроения остались на одном уровне.

При этом готовность людей к участию в протестных акциях различается, так как детерминирована многими специфическими факторами. Во-первых, уровень протестного потенциала различается по географическому признаку, он выше в городской среде. Во-вто-

рых, готовность принять участие в акциях протеста более характерна для представителей средней страты населения.

Среднюю страту образуют живущие по среднему для края материальному стандарту, т. е. те, кому хватает средств и на питание, и на оплату коммунальных услуг, и на покупку крайне необходимых вещей, но которым приходится долго копить деньги на приобретение дорогостоящих товаров. Протестные настроения присущи всем стратам, но у полярных групп (богатых и бедных) они выражены значительно слабее, чем у прочих. Наиболее протестно настроенной выглядит средняя страта.

В целом, можно отметить определенную стабильность в субъективных оценках респондентами своего положения. Как в 2010 г., так и в 2014 г. опрошенные достаточно высоко оценивают уровень и качество своего социально-экономического положения, большинство из них с оптимизмом характеризуют перспективы своей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ*

Ключевыми проблемами развития современного российского общества становятся проблемы имущественного и социального неравенства, дифференциации различных социально-экономических

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», проект № 13–13–22005.

групп населения. Социально-экономические преобразования влияют на социальное самочувствие, социальное и психологическое здоровье, благополучие населения. Последствия вынужденных изменений жизнедеятельности проявляются в росте негативных психологических проявлений, повышении уровня психоэмоционального напряжения, развитии и широком распространении таких неблагоприятных психических состояний, как тревога, неудовлетворенность жизнью, неуверенность в завтрашнем дне, что негативно сказывается на оценке личной защищенности человека.

В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как «относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно выступает «результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации» [1, с. 117–119]. Социальное самочувствие, таким образом, определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций. Важным в данном определении является то, что это в большей степени субъективный показатель. Социологическая наука рассматривает социальное самочувствие как сложную форму достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Роль социального самочувствия сказывается в поведении человека как регулятора поведения, выражаясь в различных формах активности/пассивности личности.

Возможно выделение различных показателей и критериев в определении социального самочувствия населения. Так, Я. Н. Крупец определяет их как адаптивно-оценочные, через выявление: внутреннего состояния человека (состояние его здоровья, настроения, испытываемых чувств — счастья, оптимизма); его оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятия собственного положения в новых условиях. Анализ внутренней структуры социального самочувствия позволяет значительно расширить спектр воздействующих факторов и до-

бавить к ним удовлетворенность жизненными условиями; самооценку людьми повседневного настроения; материального благосостояния семей, показатели социального оптимизма относительно сферы экономики, политической ситуации, степень доверия ведущим политическим деятелям и политическим структурам и др. [1, с. 119].

Социальное самочувствие является показателем изменения уровня благополучия, социальной стабильности в современном информационном обществе [2, с. 50].

На переживание благополучия или неблагополучия влияют различные стороны бытия человека, его отношение к себе и окружающему миру. Его многочисленные составляющие тесно взаимосвязаны между собой и влияют друг на друга. Как научная категория «благополучие» обладает рядом особенностей.

Во-первых, очевидны объективная и субъективная стороны благополучия и представления о нем. Причем объективные критерии (степень удовлетворения потребностей, уровень благосостояния, показатели здоровья, социальные, психологические и другие возможности развития) и субъективные, т. е. индивидуальные оценки людьми и социальными группами как собственного благополучия, так и его объективных индикаторов могут не совпадать или прямо противоречить друг другу.

Во-вторых, понятие «благополучие» тесно связано с другими категориями («счастье», «благосостояние», «уровень жизни», «успешность»), включено в более общие категории («качество жизни», «удовлетворенность жизнью»). В то же время это понятие само по себе широкое, многогранное (материальное, экономическое, психологическое, экзистенциальное, духовное благополучие).

В-третьих, категория благополучия, отражая реальную жизнь людей, не может не меняться одновременно с развитием общества.

Самое общее определение предложил Е. Дайнер. По его мнению, субъективное благополучие отражает оценку человеком своей жизни и включает в себя счастье, положительные эмоции, удовлетворенность жизнью и относительное отсутствие негативных эмоций и настроений. Им выделены различные уровни оценки жизни: уровень общей удовлетворенности жизнью, уровень удовлетворенности отдельными сферами жизни (браком, учебой, работой) и уровень эмоциональной уравновешенности (качество и частота испытываемых человеком эмоциональных состояний). Е. Дайнером была дана двухкомпонентная структура благополучия, определены когнитивная и эмоциональная составляющие. Причем отмечается, что, несмотря на их взаимосвязь, они не имеют прямой зависимости в субъектив-

ных переживаниях и являются независимыми компонентами благополучия [3]. Качество жизни может быть оценено объективно, как степень удовлетворения нормативных потребностей соответствия определенным критериям, или субъективно, через личные оценки и мнения самих субъектов. Понимание взаимосвязи субъективных и объективных характеристик благополучия необходимо для решения практических задач оптимизации экономических отношений в обществе, повышения качества жизни людей, усиления деловой актуальности и гармонизации экономического поведения.

Субъективное благополучие, социальное настроение, самочувствия отражается в оценке степени личной защищенности человека в различных сферах его жизни. В частности, в оценке состояния собственного здоровья и уровне медицинского обслуживания. Понятие «здоровье» характеризуется многозначностью и неоднородностью состава. Его рассматривают как идеальное состояние; сложный, многомерный феномен, отражающий стороны человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие; сложный динамический процесс, включающий созревание и рост физиологических структур и работу организма, развитие и функционирование психической сферы, становление, самоопределение и позиционирование личности.

Понятие «здоровье» теснейшим образом связано с понятием благополучие. Не случайно в определении здоровья ВОЗ отмечаются необходимость наличия состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов [4]. В социокультурном аспекте здоровье рассматривается в тесной связи с понятиями удовлетворенности жизни и благополучия [5]. Во многом благодаря своей практической значимости и актуальности проблема здоровья активно разрабатывается, хотя и представляется одной из самых сложных для изучения. Понятие «здоровье» не имеет общепринятого толкования, оно характеризуется многозначностью и неоднородностью состава.

Следует отметить, что более активно изучаются проблемы благополучия и здоровья человека в целом, но незаслуженно остаются в тени вопросы, связанные с его психологическим благополучием, хотя составные элементы (психическое и психологическое здоровье) также активно исследуются. В этой связи перспективен современный структурно-уровневый анализ психической реальности. Исследование уровней структур предлагает их анализ как «относительно инвариантных характеристик объекта, в которых выражается такое определенное отношение составляющих его элементов, благода-

ря которым объект существует и функционирует как целое по отношению к составляющим к его элементам и в то же время сам представляет элемент более сложного и доминирующего отношения» [6]. Существенной характеристикой многоуровневых систем выступает относительная автономия и определенная соподчиненность входящих в них уровней, что является условием их оперативности и эффективной саморегуляции. С позиции структурно-уровневого подхода можно предположить, что психологическое здоровье является одним из уровней психологического благополучия, который отражает внутреннюю целостность, определенность человека, его согласие с самим собой.

Психологическое благополучие представляет собой системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей, которое является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей [7, с. 106–108; 8, с. 159–161].

Основываясь на работах К. Ясперса, В. Франкла, Ф. Перлза, Е. В. Бурмистровой, А. В. Ворониной, можно выделить несколько уровней пространства бытия человека: биологическое; социально-педагогическое; социально-культурное; духовно-практическое [9]. Эти уровни связываются с биологическим, «естественным» существованием человека; либо с освоением социальных норм и навыков, с ценностно-смысловым самоопределением человека в пределах осознаваемых культурных норм; либо с ориентацией на гуманистические ценности, познание им истины.

Исходя из этого возможно выделение основных уровней психологического благополучия, поскольку на разных уровнях пространства бытия в различных типах деятельности закладываются внутренние ресурсные установки человека. Так, биологическое пространство бытия формирует психосоматическое здоровье как отражение процесса взаимосвязи психической и соматической сфер. Социально-педагогическое пространство формирует социальную адаптированность как состояние уравновешенности с социальной средой. Социально-культурное пространство бытия определяет психическое здоровье. Духовно-практическое пространство бытия человека обуславливает уровень психологического здоровья как отражение способности к нахождению смысла своего существования в конечном итоге.

Очевидно, что выделенные уровни психологического благополучия человека взаимопроникаемы и поэтому лишь относительно авто-

номны (речь идет об уровнях психического и психологического здоровья, что является следствием терминологической неоднозначности и сложности самого объекта исследования). При этом важной составляющей каждого из выделенных уровней является наличие субъективного компонента наряду с объективными показателями психического благополучия человека.

Выделение различных уровней психологического благополучия человека на основе структурно-уровневого подхода позволяет более детально рассматривать не только состояние психологического благополучия, но и выявлять критерии, условия и факторы его формирования, что, в свою очередь, способствует более полному изучению социального благополучия и самочувствия населения в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.
2. Замятина О. Н. Современная реклама как форма социальной коммуникации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
3. Шувалов А. В. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // Вопросы психологии. 2004. № 4.
4. Психическое здоровье детей и психосоциальное развитие детей : доклад комитета экспертов ВОЗ // Серия технических докладов. № 613. Всемирная организация здравоохранения. Женева, 1979.
5. Авдеева Н. Н., Ашмарин И. Н., Степанова Г. Б. Здоровье как ценность и предмет научного знания // Мир психологии. 2000. № 1.
6. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии : учебное пособие. Ярославль, 1979.
7. Антонович И. В., Васильева Е. В., Дронова Е. Н., Калинина Ю. А., Мазайлова Т. А., Скорлупина Е. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г. Инновационные подходы в профилактике социального сиротства в Алтайском крае: институциональные и дискурсивные аспекты // Вестник алтайской науки. 2013. № 1.
8. Антонович И. В. Новые арт-терапевтические техники в социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

9. Воронина А. В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: Обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21.

О. Л. Сытых (Барнаул)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Когда говорят и пишут о повседневности, то имеют в виду сферу человеческой обыденной жизни в ее культурных, событийных, этнических и других контекстах. Для каждого человека это *реальность его собственного «жизненного мира»*. Есть люди науки, искусства, техники... Этот ряд можно продолжить, опираясь на увлеченность людей той или иной деятельностью и работающих в определенной сфере. Но все люди, независимо от профессиональной принадлежности и увлеченности, значительную часть своего времени проводят в едином мире — мире повседневности. И именно в этом плане всех людей объединяет принадлежность к этому миру (повседневности), в котором они живут, любят и ненавидят, выплескивают свои эмоции на те или иные события собственной жизни, события своей страны, мировые трагедии, природные катаклизмы и т. д.

В науке обращение к повседневности связано с «историко-антропологическим поворотом», начавшимся в социальногуманитарных науках конце 60-х гг. XX в. Значительный вклад в исследование повседневности внес Э. Гуссерль (1859–1938), акцентировавший внимание на том, что для понимания человека и общества важны не только теоретические абстракции, но и «сфера человеческой обыденности», которую он именовал «жизненным миром».

Одной из сторон исследования повседневности является обращение к обыденному сознанию и знанию. И в этом плане нельзя не упомянуть анализ обыденного языка в философии неопозитивизма. Именно осознание того, что для понимания научных открытий важно посмотреть на их исток, а он лежит в плоскости обыденной речи, заставило исследователей обратиться к миру обыденного сознания. Но это обращение не получило основательного закрепления в науке и в философии. Своеобразие исследований, наверное, было в том, что не произошло акцентирования внимания, а значит, фундаментального исследования обыденного сознания.

Важность обращения к повседневным практикам (воспитания, труда, познания), закреплённых различными институтами, для из-

учения жизни человека и общества, их взаимосвязи была подчеркнута Н. Элиасом (1897–1990). Он изучал разные стороны повседневности индивидов — их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета, раскрывая, каким образом они становятся частью человеческой жизни.

Еще одним этапом обращения к повседневности можно считать появление в 60-е гг. некоторых модернистских социологических концепций, речь идет прежде всего о теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. Они, занимаясь исследованием социальных взаимодействий, обратились к содержанию обыденной жизни и поставили вопрос о путях «типизаций повседневных действий». И фактически их работы послужили импульсом для исследования социального конструирования идентичностей, пола, психиатрии и т. п.

Важным этапом выхода на повседневность и обыденное сознание стали работы постмодернистов. Обращение к миру повседневности фактически провозглашалось ими как предмет их главного интереса.

На исследование повседневности оказали влияние идеи К. Гирца. Он видел в любой культуре «стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков». По его мнению, расшифровкой этих символов, представляющих повседневные практики людей, занимается постоянно каждый человек.

Социально-философский анализ, опираясь на достижения социально-гуманитарного знания, рассматривает «повседневность» в контексте взаимосвязи субъекта и социальной реальности. Об этом пишут авторы книги «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы» и выделяют из всех существенных характеристик социальности интеракцию. Тем самым они выделяют решающее влияние социального на субъекта и на некоторую ограниченность обратного направления этого взаимодействия. Но, как представляется, важно и взаимовлияние общественного и индивидуального. Именно оно изменяет структуры самой социальной реальности на уровне повседневности. Повседневный уровень исследователи часто называют основой социальной реальности, связующим полем естественной установки и антропологической рациональности [1, с. 10].

«Повседневность, взятая в целом как социальный феномен, вряд ли мыслима без определенного набора своих *бинарных оппозиций* (вроде игры, праздника, ритуала, беды и прочих вызовов жизни...)» [2, с. 106]. Но то, что было недавно частью праздника или игры, со временем становится частью повседневности. Если недавно праздником были телефонные разговоры с далеко живущими от нас друзьями, то сегодня — это часть нашей насыщенной информационной жизни.

Думается, что повседневность человека в конце XX — начале XXI в. сильно изменилась. Она изменилась как в мире, так и в России, имеющей здесь, как и в любой другой стране, свою специфику. В России происходят коренные социальные изменения, и очевидно, что изучение и понимание жизни российских граждан невозможно без учета их повседневной жизни.

Частью социальной жизни стали информационные технологии. Посредством их формируются и интересы молодежи и их оценки, благодаря им зачастую возникают новые стереотипы обыденного сознания.

Но это только видимая и всем заметная часть «айсберга». Коммуникативно-информационные технологии оказывают влияние как на производственную деятельность человека (масса информации, необходимая для профессиональной деятельности получается через Интернет, многие люди работают в сети), так и на повседневную жизнь людей. Л. П. Гримак и О. С. Кордобский отмечают, что информационно-коммуникационные технологии приводят к формированию нового типа сознания, меняют лексику, модифицируют вербальные средства общения [3, с. 136]. Посмотрим на эти выделенные исследователями результаты влияния информационных технологий более подробно.

Работающие на компьютере люди привыкают к восприятию информации больше через образы, чем через слово. Это и многочисленные картинки и смайлики, передающее эмоциональное состояние человека. Если раньше на уровне обыденного сознания хорошо усваивалось сказанное, то сегодня «увиденное». По мнению А. Бергера, в современном мире порядка 80% информации человек получает с помощью зрения [4, с. 18]. Сознание все больше становится заполненным образами. Но здесь есть одна особенность. Она связана со спецификой возникающего у человека визуального ряда. Как правило, имеющейся опыт восприятия (жизненная практика) влияют определяют то, что человек впервые и вновь видит. Он достраивает в своем сознании картину, образ при недостаточной зрительной информации. Отсюда легкость манипулирования его сознанием. Зная законы восприятия, ему легко можно внушить соответствующие идеи и мысли.

Если посмотреть на «антирусскую истерию» сегодняшней Украины, шествие молодежи с плакатами и символикой антирусского содержания, демонстративное уничтожение российских символов (флаги, гербы, памятники) — все это формирование в обыденном сознании стереотипа «врага-москаля» с преимущественным использованием визуализации (зрительных образов).

Другая особенность влияния информационных технологий — это новые представления о пространстве и времени. Киберпространство — это новая реальность пространства, которое сближает людей и дальние расстояния становятся близкими, пространство сжимается. Человек далеко и человек рядом. В восприятии, в сознании человека появляется ощущение постоянного близкого присутствия в твоём мире людей, находящихся далеко. В обыденном сознании постоянных пользователей Интернета сливается мир виртуальный и реальный в единый мир, в котором человек проводит свое время.

Представления о времени определяются не только событиями жизни реальной, но и событиями жизни в киберпространстве. А последнее, в свою очередь, формирует еще несколько новых особенностей повседневного сознания человека, в первую очередь меняют его речь.

Влияние на речь идет по нескольким противоположным направлениям. С одной стороны, речь у живущей в киберпространстве молодежи становится более лаконичной, отрывистой, менее связной, краткой, с разорванными высказываниями, отсутствием структурированных, законченных диалогов или смысловых единиц. Здесь появился специфический сленг и создаются специальные словари для работы в Интернете, которые не только поясняют новые компьютерные термины, но и объясняют, что означают смайлики. С другой стороны, в ней проявляется стремление к четкости понятий (определений) и логичности. И это, безусловно, влияет на сознание, формируя специфику повседневного мышления и общения.

Повседневность «информационного человека» наполнена множеством коммуникационных контактов. Понятие «коммуникация» многозначно. М. И. Еникеев предлагает три варианта трактовки данного термина [5, с. 180]: 1) процесс передачи информации, ее кодирование, дешифровка, особенности восприятия и понимания; 2) обмен информацией любого вида между различными системами связи; 3) акт общения между людьми посредством знаковых систем, смысловой аспект социального взаимодействия.

Компьютерные сетевые технологии дают возможность многосторонней коммуникации. Любой индивид имеет возможность участвовать в различных дискуссиях, может общаться со множеством людей. И если посмотреть на сайте «Одноклассники», «Мой мир» и др., то можно обнаружить людей, имеющих огромное количество контактов, «интернет-друзей». Но при этом, уходя в компьютерный мир общения, человек все больше отрывается от реального общения вне сети и становится от этого все более одиноким. В его обыденном сознании «присутствуют» его друзья, которых он никогда не видел, и его собственный

образ, под которым он предстает в сети. И этот образ может отличаться (и, как правило, отличается) от его «жизненного образа», воспринятого его реальными, а не виртуальными друзьями, образа, с которым он сам себя идентифицирует в реальной практике повседневности.

Информационно-коммуникативные технологии (сотовые телефоны, компьютеры) имеют еще одно важное следствие для осознанного существования человека: они постоянно заполняют все его сознание информацией, общением, лишая возможности нахождения в тишине (молчании), в том состоянии, которое заставляет работать сознание над осмыслением своей жизни: мыслей и поступков.

Таким образом, формирование информационного общества — это еще и формирование нового стиля жизни каждого человека. Повседневность человека становится иной, насыщенной информацией, информационным взаимодействием, множеством коммуникаций, изменением его восприятия пространственных и временных координат. Мир становится другим, и его «инаковость» чувствуется в каждом дне. Но степень охвата «информационной волной повседневности» зависит от многих обстоятельств. Но это уже «другая история».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гречко П. К. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М., 2009.
2. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004.
3. Гримак Л. П., Кордобский О. С. Техники психической саморегуляции // Человек. 2008. № 5.
4. Бергер А. Видеть — значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. М., 2008.
5. Еникеев М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2007.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

КОНФЛИКТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Об эффективности действий властей в регионе можно судить по показателям конфликтности его населения. В сущности, социальная политика власти нужна для того, чтобы нормализовать напряженность социальных отношений, предотвратить деструктивные, разрушающие общественную жизнь социальные конфликты —

митинги, забастовки, межэтнические столкновения, иные социальные потрясения и взрывы.

Современная отечественная социология конфликта слишком молода, чтобы претендовать на фундаментальность и безупречность теоретических и эмпирических наработок. Неясность многих методологических проблем позволяет на основе одних и тех же данных, свидетельствующих, например, об уменьшении количества забастовок в регионе, делать прямо противоположные выводы о социальной напряженности и конфликтности в социуме [1, с. 395].

Понятие «конфликтность населения региона» пока не получило статуса общепризнанной научной категории в социологии конфликта. Большинство исследователей либо вообще избегает данного понятия, либо сводит его смысл к сумме массовых конфликтов, имевших место в регионе за определенный период времени. При этом главное внимание уделяется либо межличностным, либо политическим, либо этническим, либо бытовым, либо трудовым конфликтам, осмысливаемым в качестве автономных друг от друга социальных явлений [2, с. 130].

В связи с этим возникают, как минимум, такие вопросы:

- Что является основанием вычленения названных типов конфликтов — их причины, следствия, состав участников или что-то другое?
- Если трудовые конфликты автономны от прочих, то как интерпретировать фиксируемую многими исследователями тенденцию их политизации?
- Можно ли предполагать, что конкретные индивиды, активно конфликтующие, скажем, в своем трудовом коллективе, ведут себя также активно, скажем, в их супружеских конфликтах?
- Каковы критерии массовости и социальной значимости произошедших конфликтов? Например, стоит ли политическую демонстрацию с количеством сто человек признавать более важной социальной акцией, чем многотысячные производственные конфликты в организациях, которые ныне практически никем не исследуются?
- Пригодны ли теоретические схемы довольно развитой западной социологии конфликта для изучения социальной напряженности и конфликтности в российских социумах?

Все социальные конфликты, возникающие по различным причинам и поводам и имеющие неоднозначные последствия в рамках локальных социумов, теснейшим образом сопряжены, взаимосвязаны и переплетены в единый «клубок». Иначе говоря, в локальных социу-

мах нет чисто политических, чисто этнических, чисто экономических, чисто трудовых и подобных конфликтов. В них была, есть и будет некая «общая конфликтность населения» — особый феномен социальной жизни социума, интегрирующий все конфликты, участниками которых члены социума становятся [3, с. 136].

Конфликтность социума — региона, города, села, коллектива организации и иного — это целая система противонаправленных действий людей и их социальных групп, которой присущи качества, принципиально отличные от свойств совершенно автономно развивающихся конфликтов. Именно эти качества нуждаются в первостепенном учете при проектировании, корректировке и реализации социальной политики властей в регионе. В силу этого важно изучать не только и не столько конкретные социальные конфликты, их типы, их разновидности, сколько их взаимодействие и взаимозависимость. Конечно, если мы хотим изучить общую конфликтность населения конкретного локального социума, то нам не удастся избежать анализа социальных конфликтов, в нем происходящих, массовых прежде всего. Они будут являться объектом нашего исследования, а предметом его станет выяснение механизмов взаимодействия и взаимовлияния этих конфликтов друг на друга и итогов их взаимодействия.

Основными показателями конфликтности населения регионального социума выступают конфликтность социальных субъектов, т. е. их предрасположенность к участию в конфликтах, обусловленная целой группой факторов социального, политического, экологического, этнического, ментального, социально-психологического, демографического и другого характера и конфликтование социальных субъектов; реальное участие социальных субъектов в уже начавшихся конфликтных взаимодействиях. Развитие конфликтности населения региона происходит в единстве конфликтности и конфликтования, в их переходах друг в друга.

Конфликтность социума — его естественное состояние, условие его функционирования и развития. Перед специалистами не стоит задача полной ликвидации ни конфликтности, ни конфликтования. Необходимо максимально возможно развивать конструктивные и минимизировать деструктивные последствия конфликтности социума. Обязательными шагами в данном направлении выступает нормализация уровня конфликтности социума по параметрам: масовости; ядра; зон; глубины; остроты; эскалации.

Масовость конфликтности социума — первое понятие, отражающее не только количество людей, вовлеченных в разнообразные конфликты, сколько степень их конфликтности. Это по-

нятие следует отличать от категории «массовый конфликт», с помощью которой фиксируется только количественная характеристика участников конфликтов. Ядром конфликтности социума региона мы называем ту часть его населения, которая характеризуется наивысшими показателями предрасположенности к участию в социальных конфликтах; реально инициирует и организует акции социального протеста, конфликтное поведение значительной части населения региона. От поведения этой группы во многом зависит стабильность социума.

Зоны конфликтности в социуме — понятие, позволяющее сопоставлять административно-географические структуры социума по показателям конфликтогенности и реального конфликтирования социальных субъектов. Глубина конфликтности социума — степень проникновения конфликтогенности и конфликтирования в социальную структуру социума. Чем больше число социальных групп становится субъектами конфликтности, тем она глубже, не опаснее ее деструктивные следствия. Наличие социальных групп, не вовлеченных в массовые конфликты, позволяет говорить о соответствующем запасе глубины конфликтности. Эскалация конфликтности социума — процесс развития конфликтности в социуме, характеризующийся одновременным и взаимосвязанным ростом ее массовости, ядра, зон, глубины и остроты и т. д. Эскалация конфликтности, естественно, предполагает развитие конкретных конфликтов (разных типов и форм), но ее выявление основано на установлении последствий их взаимовлияний.

Регулирование конфликтности социума — комплекс разнообразных мер, ведущих к изменению параметров массовости, ядра, зон, глубины, остроты, эскалации. Эффективность этого регулирования прямо и непосредственно зависит от степени изученности конфликтности социума, ее структуры, динамики, тенденций и специфики, а также умения управлять социальными процессами, используя различные социальные технологии. Субъектами этой деятельности выступают не только органы местной власти, но и неправительственные организации, политические партии, общественные движения и другие «группы влияния» и «группы действия», а также их лидеры.

Социальная напряженность — итог эскалации конфликтности и недостаточного управления ею властью, проявляющийся на уровнях как общественного сознания (в виде усталости, потери доверия властям, безразличия к актуальным проблемам и т. п.), так и общественных действий (в форме акций протеста, уклонения от выпол-

нения своих обязанностей, совершения правонарушений, массового пьянства, хулиганства, воровства и т. д.).

Установление параметров массовости, ядра, зон, глубины, остроты, эскалации, синергетических эффектов, регулируемости конфликтности социума, степени напряженности социальных отношений в нем дает, как свидетельствует наш опыт, гораздо более ценную для управления социумом информацию, чем та, которую получаешь при изучении конкретных конфликтов в регионе. Поскольку каждый социальный конфликт так или иначе сопряжен со всеми другими, постольку он значим не только и не столько сам по себе, сколько в связке с другими. Его нельзя решить исходя только из него самого, т. е. без знания общей картины конфликтности. Все конфликты локального социума сцеплены и спутаны друг с другом в единый «клубок», который нельзя размотать, ухватившись за первую попавшуюся в руки нить.

Под управлением конфликтностью подразумевается профилактика и преодоление одних конфликтов за счет воздействия на другие, скажем, снижение остроты наиболее опасных социальных противодействий за счет инициирования менее опасных. Управление с помощью конфликтов — неразработанное направление современных социологии конфликта и менеджмента, представляющееся в нынешних условиях весьма перспективным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

2. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

3. Попов Е. А. Культуроцентричность как фактор преодоления «матричности» современного права // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

С. А. Воронина (Барнаул)

КОНФЛИКТ КАК СЛЕДСТВИЕ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

История свидетельствует, что системно-структурные изменения любого общества происходят нелинейно. Продолжительные периоды относительной стабильности общественного развития и порядка всегда сменяются переходными эпохами нестабильности и хаоса, которые, как правило, знаменуют предстоящие глубокие изменения и преобразования в обществе. В данной статье предпринята попытка обозначить некоторые проблемы системно-структурной организации, возникшие в период вхождения современной России в глобальное информационное пространство и определить направления разрешения этих проблем.

Новая российская социокультурная система складывается под воздействием глобальных потоков информации, коммуникативных технологий, глобальных потоков людей. В связи с этим система современного общества, находящаяся под постоянным воздействием технологических инноваций в сфере коммуникации, претерпевает значительные трансформации, которые порождают общую нестабильность — политические конфликты, идеологические, культурные, экономические кризисы как локального, так и мирового масштаба [1, с. 16].

Государственная система России, ранее политически изолированная, перешла к открытой форме. Включение ее в разнообразные и многочисленные информационные связи с внешней, долгое время остававшейся чуждой для тоталитарного государства средой, уничтожение препятствий и информационных фильтров при увеличении информационной активности вызвало эффект неэквивалентного информационного обмена, и в новое общество устремились лавинообразные потоки информации, которые не всегда соответствовали сложившейся национальной российской системе ценностей и этики. Воспринимая и копируя чуждую информацию, забывая и оставляя в прошлом свои культурные и ментальные авторитеты, современное российское общество стало на неустойчивый путь развития, который привел к тому, что политические конфликты перешли на уровень конфликта культур и идеологий. При таком развитии конфликтности на первый план выдвигаются не экономические критерии типологизации общественных систем, а междивизиационные крите-

рии, которые включают в себя новую духовно-культурную сущность, свои особенные язык, историю, традиции и религию, заимствованные из различных культур и соединившиеся в единый информационный конклав.

На первый взгляд многие заимствования из культуры западного информационного общества уже стали неотъемлемой частью современной российской реальности. Но следует отметить, что на глубинном, духовном уровне идеи информационного общества не прижились априори, так как представители разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения «между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии» [2, с. 114–119].

Все эти разные представления складывались веками и не могут исчезнуть из сознания народа моментально. В результате в обществе складывается совершенно особая система структурной организации, замещанной на ментальной национальной компоненте и чуждыми заимствованиями. В данной ситуации наблюдается некая амбивалентность, с одной стороны, коммуникативные процессы и технологии усиливают взаимодействие между народами, но, с другой стороны, начинается процесс воинствующего осознания собственной культурной самости, отстаивание индивидом своей уникальной цивилизационной идентичности. Данный процесс проявляется в усилении локальных политических и идеологических конфликтов.

На уровне экономического устройства вхождение общества в новое информационное пространство порождает проблему разрушения традиционных представлений о трудовой идентификации индивида со своим местом жительства, людские потоки глобализируются, что ослабляет роль нации-государства как главного источника экономической идентификации.

Ослабление государственной, идеологической и экономической власти общества приводит к тому, что человек ищет свои источники самоидентификации, одним из которых традиционно остается религия. Обращаясь к самым разнообразным религиозным направлениям, современный индивид ищет точку опоры, которую ему не обеспечивают государство и государственная идеология. Но религиозность, часто искусственно насаждаемая, дает человеку мнимую основу для самоидентификации. Отсюда в современной России, например, наблюдается рост неформальных религиозных объединений, что еще более усиливает деструктивные процессы в обществе.

В современном российском обществе возникла проблема, связанная с тем, что сложившиеся социальные структуры, сравнительно быстро перестроившиеся технологически к возросшему объему информации, в духовном плане оказались абсолютно беспомощными перед качественным изменением содержания новых информационных потоков. Они не в силах справиться с переработкой, усвоением и использованием поступающей информации, а это приводит к тому, что, во-первых, новые инфопотоки становятся доступными либо только представителям элиты, тем социальным группам, которые благодаря своему положению имеют возможность быстро «модернизироваться» (например, управленческая элита), но составляющим незначительную часть общества, либо наиболее социально и технологически активным и подвижным людям, действующим исключительно в своих целях, на свой страх и риск. В такой обстановке, при отсутствии четких законодательных норм, регулирующих новые потоки информации, происходит все более углубляющийся экономический и, главное, духовный разрыв между социальными группами, переоценка норм морали приводит к отчуждению части общества от всего общества.

Социально-экономическая поляризация общества, дополненная процессами активизации части населения, способствует размыванию структуры общества и, как следствие этого, существующей системы коммуникации. Возникают неконтролируемые, скрытые от общественного внимания латентные формы межличностной, межгрупповой и общественной коммуникаций. Любой индивид, имеющий возможность выйти в сеть, может выложить свою информацию — от рецептов приготовления пиццы до формулы водородной бомбы или наркотической смеси (на YouTube, например, мы можем в режиме *on line* наблюдать, как «сражаются», депутаты Государственной Думы, используя при этом не вполне корректные выражения) и тем самым повлиять на определенные формы взаимодействия индивидов в неопределенном обществе. Взаимодействие индивидов становится все более опосредованным, человек все чаще предпочитает такое взаимодействие непосредственному контакту, что приводит к отмиранию традиционных социальных связей человека в обществе. Индивид больше не нуждается в удовлетворении потребности в общении посредством «живых» контактов — снижается его духовно-нравственная взаимосвязь с семьей, друзьями и знакомыми. Уже сегодня семья во многом утратила свой первоначальный смысл, а вместе с тем и свои важнейшие функции, например по воспроизводству населения, и да-

лее эта ситуация будет только усугубляться. В обществе со свободно циркулирующей информацией однополые браки, рост гражданских браков (в противовес официальным), рождение одного ребенка или вовсе отказ от рождения детей становятся нормой. Индивид все больше начинает относиться к семье эгоистично: на первый план выходят сексуальная, эмоциональная, рекреативная и хозяйственно-экономические функции семьи, т. е. супруги хотят прежде всего удовлетворения своих первичных потребностей и только потом уже задумываются о репродуктивной функции и функции социализации.

Ослабление тотального контроля со стороны государства за информационными процессами приводит к тому, что информационная политика государства перестает играть определяющую роль, хотя средства массовой информации, технические средства по трансляции и распространению информации в значительной степени остаются в руках управляющего субъекта. Но поскольку механизм самодостраивания структур в рамках самоорганизации еще не сложился, инфопроцессы приобретают стихийный, во многом непредсказуемый характер. Возникают некоторые информационные «ножницы», суть которых заключается в неопределенности информации: официальные каналы комментируют события с одной позиции, в то же время огромное количество неконтролируемых комментариев транслируется по другим, неофициальным каналам. Власть, конечно, остается одним из наиболее важных социальных ресурсов, так как в любое время она служит источником самоорганизации общества, распределения функции управления и исполнения, и, как известно, человек как существо социальное (в большинстве случаев) подсознательно предрасположен подчиняться или быть лидером. Но власть в информационной организации общества напрямую зависит от такого социального ресурса, как информация, и если она не подлежит контролю со стороны властвующих структур, то формируется множество социальностей, замешанных на угрозе существования личности, угрозе сохранения ее духовной целостности, реализации ее жизненного плана.

Несомненно, что трудность упорядочения поступающих разнообразных инфопотоков во многом вызвана диспропорциями во взаимоотношениях между общей социокультурной и специальной информацией, которая влияет на изменение целей и ценностей общества, стандартов и образа жизни, которая значительно опережает информацию, ориентированную на изменение технологических средств. В результате в сознании индивида формируются до-

статочны высокие жизненные стандарты, заимствованные от обществ с более высоким уровнем развития, упирающиеся на невозможность их достижения. Складывается социальная и духовная диспропорция: информационно мы можем все, реально — нет. И личность, лишённая предлагаемой возможности самореализации, оказывается как бы «подвешенной» в информационном пространстве, что усиливает процессы отчуждения, приводит к росту негативных последствий.

Вследствие увеличения количества циркулирующей информации коммуникативный обмен становится более интенсивным, но в то же время малоэффективным из-за неадаптированности инфоблоков, деформации прежних информационных структур восприятия и переработки информации и отсутствия новых. Интенсивные потоки информации, проходящие по деформированным информационным структурам, приводят к психологической напряженности, сама информационная среда становится источником стрессов. Современный индивид начинает отдавать предпочтение такой информации, которая не требует интенсивной интеллектуальной работы. Однако информация, которая не требует усилий для ее усвоения, воспринимается пассивно, а это ослабляет обратную связь. В этой ситуации управляющий субъект направляет действия социальных групп и индивидов через систему установок, что позволяет властным структурам осуществлять манипулирование сознанием массы, вызывая иллюзию свободы действия и выбора.

Псевдоинформационная доступность способствует формированию определенной ментальной установки в обществе, выражающейся в сверхкритичном отношении индивида к любой внутренней информации, отражающей национальные интересы, и некритичном — к информации, поступающей извне. Это своеобразная реакция социума на циркуляцию большого количества инфологем в инфопотоках, которая приводит к угрозам социальной безопасности.

Следовательно, анализ проблем, возникающих в ходе реструктурирования, модернизации социальной системы, позволяет нам выдвинуть тезис об усилении конфликтности на всех уровнях информационного общества. При этом меняются основания конфликтности, так как конфликт современного общества является следствием обострения столкновений за преобладание тех или иных ценностей, закрепленных в соответствующих информационных структурах, и влияние на формирование определенного социального статуса, власти и владения информационными ресурсами новыми элитарными группами.

В данной ситуации необходимо четкое понимание того, что в зависимости от достижения баланса между противоречиями и стремлением к консенсусу, конфликт может стать либо источником ускорения общественного развития, либо источником деструктивного социального хаоса. По сути дела любой конфликт может рассматриваться как преодоление системной точки бифуркации, его успешное разрешение сопровождается генерацией новой информации, ее выходом на новый, более высокий уровень развития. Сложность ситуации заключается в том, что в рамках предшествующего опыта не выработана схема разрешения конфликта, он не был легитимизирован, так как в информационно закрытом обществе есть один центр власти — государство, у которого нет конкурирующих групп, и конфликт рассматривается как обыденное явление. В новом российском обществе, имеющем моносубъектную политическую организацию, формируется отношение к конфликту как вредному, опасному явлению, вызванному борьбой групповых амбиций. Резкий всплеск конфликтности проявляется неготовностью социальных и политических структур к его урегулированию, так как информационное общество не наследовало от предшественников апробированных институционализированных механизмов конструктивного разрешения конфликтов. Поэтому возрастает опасность применения насильственных мер и появления человеческих жертв при попытках разрешения конфликтов. Возрастает угроза деструктивных процессов — терроризма, религиозного и национального экстремизма. И чем «информационнее» становится общество, тем более оно конфликтно. На современном этапе пока еще не выработана общая теория отношения к конфликту. С одной стороны, стремление подавить конфликт, по Р. Дарендорфу, «является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения к социальным конфликтам. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность» [3, с. 145]. С другой стороны, любая попытка в корне ликвидировать противоречия, как показывает опыт, всегда обманчива. Социальные конфликты, понимаемые Р. Дарендорфом как противоречия, систематически вырастающие из социальной структуры, принципиально нельзя разрешить в смысле окончательного устранения. Пока эта проблема находится в стадии разрешения, однако, как видим, социологи нередко связывают происхождение конфликтов в том числе и с духовной деятельностью человека (см., например: [4, с. 12–20]).

Таким образом, коль скоро субъектное разнообразие, формирование которого происходит в обществе информационного типа,

предполагает множественность интересов, позиций и целей разных субъектов, то возникновение противоречий в процессе их согласования неизбежно. Любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявления. Важную роль при этом может сыграть манифестирование латентных интересов, лежащих в основе конфликта. Манифестирование интересов осуществляется при создании определенных социальных, политических и коммуникационных условий. Более того, отсутствие налаженной системы информационных взаимодействий, циркуляция по информационным каналам неточной, устаревшей, противоречивой, сложной, недостоверной информации, отсутствие таковой или информационная перегрузка служат причиной обострения конфликта. Генерированные властным субъектом решения, ценности, преломляясь в социальной среде посредством политической социализации, через политическую культуру, становятся теми самыми сигналами требования и поддержки, от полноты и адекватности которых зависит качество системно-структурной трансформации современного нам общества. Здесь очень важно формирование и наличие в обществе духовной элиты, способной соотносить интересы представляемых социальных групп с общенациональными и общечивилизационными ценностями. Именно такие элиты, которые активно взаимодействуют со средой, центрами национального и духовного производства и в то же время не разрывают контакта с группами, интересы которых они представляют, привносят в них почерпнутую во вне информацию, способны сделать процесс модернизации наименее болезненным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Pro et contra. М., 1997. Т. 2. № 2.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Е. И. Бражник, А. Д. Абашина (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛИЗАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Основной целью деятельности любого детского дома является успешная адаптация и социализация, подготовка воспитанников к жизненному самоопределению. Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих задач: создание условий проживания, максимально приближенных к семейным; обеспечение охраны и укрепления физического и психического здоровья воспитанников; формирование активного и бережного, уважительного отношения к окружающему миру, положительно ориентированных жизненных планов; приобщение к основным сферам человеческой культуры; обеспечение права ребенка жить и воспитываться в семье; повышение уровня профессионального мастерства педагога.

Проблема адаптации и социализации выпускников детских домов является одной из самых актуальных проблем в настоящее время.

Выпускниками детских домов дети-сироты и дети, потерявшие попечение родителей, становятся очень рано. В 15–16 лет из детских интернатных учреждений они поступают в учебные заведения для получения профессии. Состояние 75 % 16-летних воспитанников, стоящих на пороге выхода из детского дома, характеризуется как растерянность перед самостоятельной жизнью. Это связано прежде всего с отсутствием близких людей, заинтересованных в их судьбе, и навыков успешной, социально одобряемой самостоятельной жизни; недостаточной сформированностью самостоятельности к концу подросткового возраста, а также с психологическим развитием детей, которое не соответствует их биологическому возрасту. Задержка психоэмоционального развития составляет в среднем от 3-х до 4-х лет.

Безусловно, работа специалистов напрямую зависит от конкретных особенностей подопечных детей-сирот; среди этих особенностей нередко различные психотравмы, социальный инфантилизм, школьная дезадаптация, вызванная задержкой психосоциального развития (или умственной отсталостью) и низкой учебной мотивацией, неумение самостоятельно планировать свою деятельность и ситуативность поведения, внешняя и внутренняя агрессия, различные виды эскапизма и т. д.

Многофакторность условий, определяющих процесс социализации выпускника детского дома, предполагает, на наш взгляд, три главных направления ее оптимизации: по первому уровню — соци-

альный статус и социальная направленность поведения; по второму уровню — самосознание и самооценка понимания сверстников; по третьему — межличностные отношения.

Здесь на первый план выдвигается проблема подготовки детей к самостоятельной жизни в выборе профессии, т. е. их интеграция в окружающий социум, что может быть достигнуто коррекционными мерами, связанными с эффективностью социально-психолого-педагогического сопровождения в процессе общения и воспитания в детском доме.

Далее по сопровождающим службам, где в каждой отслеживаем эти три направления по оптимизации: социальный статус и социальная направленность поведения, самосознание и самооценка, межличностные отношения воспитанников. К таким службам относят прежде всего социально-педагогическую и психолого-педагогическую.

В условиях учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, деятельность социального педагога строится по следующим направлениям: защита материальных, жилищных и социальных прав воспитанников; определение социального статуса воспитанников; социальная диагностика детского коллектива или статистический мониторинг, обеспечивающий целостное представление о результативности деятельности системы социальной службы детского дома, качественных и количественных изменениях социального статуса воспитанника; контроль соблюдения социальных прав воспитанников в детском доме; обеспечение защиты личных прав воспитанников: получение образования, предоставление свободного времени в распорядке дня, исключение вредного влияния, своевременное получение паспорта и регистрации и т. д.; обеспечение льгот; отслеживание постдетдомовской адаптации и др.

Можно выделить следующие критерии оценки эффективности работы: 1) степень разрешения актуальных проблем воспитанников; 2) степень защищенности прав воспитанника в детском доме (жилищных, материальных, социальных); 3) подготовленность выпускника к самостоятельной жизни.

Оказание профессионального воздействия на внутренний мир воспитанника представляет для педагога главный момент в решении вопроса психолого-педагогической коррекции — это обоснованное воздействие педагога на дискретные характеристики внутреннего мира ребенка, когда воспитатель имеет дело с конкретными проявлениями желаний, переживаний, познавательных процессов и действий человека. Воспитатель пользуется психолого-педагогической информацией, полученной в ходе диагностики, для сопоставления ее с теоре-

тическими данными о закономерностях возрастного развития и составляет программу коррекционной работы с конкретным ребенком. Другими словами, воспитатель, занимающийся коррекцией, работает по следующей схеме: а) что есть; б) что должно быть; в) что надо сделать, чтобы достичь положительного результата?

Наиболее широким понятием, с позиций которого может быть охарактеризован коррекционный процесс, является понятие психолого-педагогической помощи. Психолого-педагогическая помощь — это система мер, направленных на повышение психолого-педагогической компетентности людей с целью стабилизации их психического здоровья и преодоления психологических затруднений.

Система требований, которые общество предъявляет к психическому и личностному развитию каждого из его членов, не соответствует тому потенциалу, на который способны подростки-выпускники детского дома, что провоцирует их на не всегда адекватную реакцию и поступки.

Существует ряд факторов, препятствующих, например, успешной социально-трудовай адаптации выпускников.

1. Неопределенность социального статуса. Выпускники не принадлежат ни к одной социальной группе, не имеют семьи, а после выпуска лишаются принадлежности к своему учреждению.

2. Значительное отклонение в состоянии здоровья и психическом статусе. Отставание в физическом и интеллектуальном развитии у них часто осложняется нарушениями в эмоционально-волевой сфере.

3. Особенности психического развития, что проявляется в первую очередь во взаимоотношениях с окружающими. Процесс общения со взрослыми характеризуется напряженностью, неадекватностью форм взаимодействия.

4. Специфика формирования личности. Большое значение для человека имеют надежды на будущее, желания, стремления. Наши дети живут сегодняшним днем, они редко ставят перед собой цели, ориентиры. Рентные установки означают стремление выпускника получить максимум того, что может дать ему статус сироты.

5. Специфика усвоения норм и ценностей. Несмотря на то, что детские дома ориентируют своих выпускников на позитивные ценности, большинство из них не могут реализовать сформированные установки на практике. Они привыкли нарушать навязанные им извне правила.

6. Замедленное осознание своего места в социуме в соответствии с индивидуальными способностями и потребностями, включая на-

правленность на овладение профессией. У них сильно занижены притязания на образование, карьерный рост. Старшие воспитанники интернатных учреждений, если и желали бы учиться дальше, не видят в этом необходимости, ссылаясь на отсутствие серьезной материальной поддержки для дальнейшего обучения. Отсюда ориентация сирот на профессии, дающие возможность хорошо заработать и прокормиться (повар, кондитер, швея, плотник строитель). Такова ныне целевая установка детей-сирот.

7. Неуверенность в будущем. Свою взрослость выпускники часто связывают с формальными характеристиками (получение паспорта, профессии, сексуальным опытом), а не с умением отвечать за свои поступки, постоянной работой, профессионализмом, полной семьей.

8. Несформированность семейных установок, неготовность к созданию семьи. В основном они не могут создать полноценные семьи из-за слабо развитого чувства ответственности и из-за безразличия к судьбе тех, кто связал с ними свою жизнь. Мотивация общения — получить как можно больше помощи и услуг.

Таким образом, необходимы ресурсы для оптимизации процесса социализации выпускников детских домов: опыт комплексного решения проблем воспитанников детского дома; квалифицированные кадры; наличие устойчивых связей с социальными институтами.

А. М. Сергиенко (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА: ОТ ВЫЖИВАНИЯ К СИСТЕМНЫМ ИННОВАЦИЯМ?

Социальное развитие села является одним из срезов трансформационных процессов российского общества. Новое тысячелетие принесло значительные перемены в развитии сельского социума, и в последние годы можно увидеть качественные сдвиги такого развития, связанные во многом с внедрением инноваций в экономике и социальной сфере села. Статья посвящена анализу произошедших изменений с начала XXI в. в социальном развитии сельского социума, рассмотренных на примере сел Алтайского края, одного из аграрных регионов страны, где проживает почти половина сельских жителей (44%), а доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте составляет 25%. Особое внимание уделено сдвигам в рейтинге и масштабах социальных проблем села, тенденциям развития социальной инфраструктуры, динамике материального положения, социального

настроения и миграционных установок сельского населения, а также социальным факторам инновационных изменений в развитии села. Это позволит нам ответить на следующие ключевые вопросы: Каков вектор социального развития села 2000-х гг.? Насколько выражено движение сельского социума от выживания в 1990-е гг. к формированию системных инноваций? И каковы социальные резервы инновационного развития села?

В данном исследовании мы опираемся на теоретические положения и концепты, используемые в социологии инноваций: теория инноваций Й. Шумпетера, определяющего понятия инновации и инновационного цикла; фундаментальные труды А. И. Пригожина, акцентирующие внимание на выделение субъектов инновационных действий и их роли [1–4]. Инновации рассматриваются как процесс и результат, выделяются адаптация и другие стадии институционализации инновации. Теоретическую базу исследования образуют также сетевой подход и теории социального капитала (П. Бурдьё, Р. Патнэм), идентифицирующие социальный капитал и социальные сети как факторы инновационного развития [5–6] и концепция обучающегося региона, акцентирующего внимание на состоянии и развитие институтов и сетей трансфера знаний об инновациях [7].

На этой теоретико-методологической базе мы определяем инновации как принципиально новые изменения в социально-экономическом развитии села, а именно: как внедрение новых объектов и технологий в социально-экономическую сферу жизнедеятельности сельских жителей, получивших их социальное одобрение, признание и далее интегрированных в культуру. Масштабы и распространение инноваций в сельских сообществах, в том числе в сфере землепользования, определяет совокупность социально-экономических, социокультурных и политических условий и факторов активности социальных групп сельского населения сельского сообщества по внедрению инноваций сельского сообщества. Среди данных факторов особое значение имеют инновационная культура сельского сообщества (их отношение к инновациям, адаптация, готовность к внедрению), а также наличие и открытость каналов трансфера знаний. В исследовании акцентировано внимание на изучении состава акторов инноваций, инновационной культуры, информационных каналов и знаний об инновациях, институтов развития и распространения новой информации и новых технологий, социальной среды внедрения инноваций в сельском социуме.

Для анализа изменений в социально-экономическом развитии сел Алтайского края мы использовали не только данные государственной

статистики, но и в первую очередь результаты ряда полевых социологических исследований, проведенных сотрудниками Центра социально-экономических исследований и региональной политики и Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН под руководством автора с начала 2000-х гг. [8–10]. Так, информационной базой данного исследования являются, во-первых, результаты квотных выборочных опросов сельского населения в 2002 г. (n = 606), 2008 г. (n = 1011) и 2011 г. (n = 440), а также экспертных опросов руководителей сельских муниципальных районов, сельскохозяйственных предприятий и организаций социальной сферы (n = 56 в 2002 г.; n = 280 в 2008 г.; n = 75 в 2011 г.). Во-вторых, в статье представлены результаты исследования социальных факторов внедрения инноваций на селе, проведенного в 2013 г. в рамках проекта «КУЛУНДА: Как предотвратить глобальный синдром «Dust Bowl» — пыльных бурь?» (с немецкой стороны работа по проекту финансируется Федеральным министерством научных исследований и образования Германии) и основного на данных квотного выборочного опроса 150 сельских жителей 6 районов Кулундинской зоны Алтайского края и около 100 нарративных интервью с представителями местной власти и организаций социальной сферы, руководителями и работниками хозяйств в Павловском, Мамонтовской и Михайловском районах.

Изменения в социальном развитии села с начала 2000-х гг. Несмотря на некоторые подвижки в рейтинге социальных проблем села с начала 2000-х гг., сами сельские жители среди основных проблем конца прошлого десятилетия видели прежде всего низкий уровень жизни и безработицу [8–10]. Накануне глобального экономического кризиса вырос рейтинг проблем неблагоустройства сел и миграции молодежи, а также впервые алкоголизм был осознан как острейшая социальная проблема. Селяне более остро ощутили коммунальные и жилищные проблемы, снижение доступности услуг здравоохранения.

Но уже в конце прошлого десятилетия экспертная оценка ситуации в отраслях социальной сферы села была не столь однозначной. К этому времени село потеряло одно из своих преимуществ — более высокую, чем в городе, обеспеченность населения жильем. Эти показатели для селянина и горожанина практически сравнялись (22 и 21 кв. м) [8]. К тому же изношенность жилфонда составила на селе около 70%, менее 60% жилплощади были оборудованы водопроводом, около 40% — канализацией и только 5% — горячей водой. Но на этот период пришлось активные действия по газификации.

Сохранялись процессы разрушения инфраструктурного ядра социальной сферы: продолжали закрываться школы, детские сады

и дома культуры, ФАПы [8, 10]. За десять лет, предшествующих 2008 г., учащихся в школах стало меньше почти на 40 %, охват сельских детей детскими садами снизился до 47 %. Но и здесь не все было столько однозначно. Кардинальное сокращение сети медицинских учреждений сопровождалось устойчивым ростом обеспеченности медицинскими кадрами, а также улучшением диагностики. Наряду с экономическими факторами это привело к тому, что статистика зафиксировала рост заболеваемости в селах края с середины 1990-х до 2008 г. почти в полтора раза. В то же время наблюдались позитивные процессы, связанные с распространением мобильной связи, открывались кафе, парикмахерские и другие организации, оказывающие социальные услуги, улучшились возможности перемещения в города [8, 10].

По результатам опроса сельских жителей в 2013 г. лидерами в рейтинге проблем социального развития села, несомненно, остаются проблемы низкой зарплаты и безработицы, формирующий их низкий уровень развития сельхозпроизводства, а также алкоголизм и миграция молодежи из села как их социальные последствия. Эти проблемы и сегодня являются базовыми, препятствующими инновационному развитию в сельских сообществах. Среди личных (семейных) проблем традиционно лидируют рост цен и низкие доходы (оплата труда, социальное и пенсионное обеспечение), а также проблемы инфраструктуры и доступности базовых услуг (медицинских, образования, коммунальных). Наибольшую неудовлетворенность у населения вызывают состояние и изменения за последние 5–6 лет в таких отраслях социальной сферы, как жилищное и коммунальное хозяйство, здравоохранение; здесь более 60 % неудовлетворенных, это значительно больше аналогичной оценки в 2008 г. Тем не менее за последние 5–6 лет произошли разительные перемены в социальной сфере, состоянии объектов инфраструктуры.

Во второй половине прошедшего десятилетия положительные изменения в материальной и финансовой обеспеченности здравоохранения и образования происходили точно и несистемно: в отдельных селах, районах появились новое медицинское и школьное оборудование, компьютерные классы, Интернет, повысилась оплата труда отдельных категорий медработников и учителей. Подтверждая то, что это происходило бессистемно, приведем пример из рассказа одного из руководителей сельских районов:

В школу привезли интерактивную доску, сразу повесили, пошел дождь и через прохудившуюся крышу на эту доску хлынула вода... Денег у сельсовета не было на ремонт крыши. Вот и получалось, что то-

гда «инновации были словно красивые пуговицы к старенькому потрепанному платью».

В последние годы масштабы изменений существенно возросли и распространились, стали более системными («меняются не только пуговицы, но иногда и на новое платье хватает»). Произошли кардинальные перемены в состоянии сельской социальной инфраструктуры: отремонтировано значительное количество школ, клубов, детских садов и других организаций социального назначения, заметно увеличился ввод жилья, дошкольных учреждений и спортивных сооружений, заметно повысилось качество дорожной сети. Хотя справедливо отметить, что эти процессы сочетаются с продолжающимся массовым выбытием объектов социальной сферы, преимущественно устаревших и изношенных: за предшествующие пять лет количество поликлиник сократилось в 2,6 раза, больниц — на 13,2%, библиотек — в 1,4 раза, общеобразовательных учреждений — на 21,7%, клубов — на 9,6%.

Одним из лидеров в рейтинге проблем является материальное положение сельского населения. В его динамике произошли значительные позитивные сдвиги [8–10]. По сравнению с началом 2000-х гг. уже к концу десятилетия почти в три раза сократились доли бедных и очень бедных, почти в полтора раза выросла доля средней группы (до 75%) и более чем в два раза — относительно обеспеченных (7%). Значительно лучше стало работать образование как канал социальной мобильности. Так, в два раза сократилась бедность в группе с высшим образованием и в полтора — со средним профессиональным.

В последние годы продолжали сокращаться распространенность и глубина бедности. В 2011 г. масштабы обездоленности (когда «денег иногда не хватает даже на питание») среди бедных были уже сравнительно невелики — 13%. Около 40% составляла средняя группа бедных, им «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей — нет». И было около половины относительно бедных, кто может без труда приобретать себе любые товары длительного пользования, которых обычно исследователи и не относят к бедным [9–10]. По результатам опроса 2013 г. основные подвижки произошли за счет перемещения из группы относительно бедных в сторону обеспеченности: доля обеспеченных составила уже около 20%, т. е. выросла более чем в два раза за 5 лет.

Благодаря чему происходили такие изменения в материальном положении сельских жителей? Прежде всего благодаря росту экономической активности более благополучных групп сельских жите-

лей, а также сокращения доли тех, кто ничего не предпринимает для улучшения своего положения (последних было около 20 % среди всего сельского населения в начале 2000-х гг. и стало около 7 % в 2013 г.). Эти процессы простимулированы во многом запуском национальных проектов и государственных программ развития села.

Как следствие изменений экономической активности, в 2000-х гг. продолжалась трансформация структуры доходов сельского населения. Если в 2002 г. 85 % респондентов называли личные подсобные хозяйства в качестве основного источника доходов, то в 2008 г. в структуре доходов респондентов лидирующие позиции уже занимала заработная плата (64%), а доходы от семейного подворья имела только половина селян. К 2013 г. зарплата и доходы от ЛПХ упрочили свое лидерство и заметно выросла роль социальных выплат (почти 2/3 получателей среди сельских бедных) и предпринимательских доходов (более 10 % всех сельских жителей), в последнем случае значительно повлияли многочисленные программы стимулирования малого бизнеса.

Обобщающими показателями изменений на селе являются сдвиги в социальном настроении и миграционных установках. Уже к середине 2008 г. настроение сельчан значительно улучшилось, доля уверенных оптимистов увеличилась до 1/4, значительно меньше стало неуверенных в будущем (около 40 %) [8, 10]. Но все же сохранился значительный массив миграционных установок, тогда около 40 % сельских жителей и более 60 % сельской молодежи хотели сменить место жительства. К настоящему времени миграционный потенциал сильно «растаял»: в 2013 г. желали уехать из своего села только 15 % сельских жителей, это почти только молодежь. Но постепенно набрала значительный вес маятниковая трудовая миграция. По словам руководителей сельсоветов, близко расположенных к Барнаулу, каждое утро в город на работу выезжает от трети до половины жителей, села пустеют. Таким образом, в целом, несмотря на веер накопившихся проблем, произошли глубокие позитивные изменения, которые осознаются селянами, у них «появилось настроение, если не работать, то хотя бы жить на селе».

Социальные факторы инновационного развития села. Инновационное развитие села сельские жители связывают в первую очередь с распространением новых информационных технологий, Интернета. Инновационную природу имеют многие изменения в сфере сельского образования и здравоохранения, главным образом связанные с развитием материально-технической базы и применением новых технологий. Благодаря реализации ряда государственных программ

занятости на селе появились новые возможности в создании малых форм предпринимательства. Но слабым звеном инновационного развития, по мнению сельских жителей, является создание квалифицированных рабочих мест.

В настоящее время на селе по-прежнему преобладают традиционные каналы распространения информации об инновациях: это в основном семейно-родственные, дружеские и сельские коллективные сети, а также СМИ (их использует до половины сельчан). И значительно выросла роль Интернета (около 20%). Село сегодня становится активной инновационной средой, впитывая новое из Интернета и СМИ. Так, в поселке Комсомольском Павловского района буквально за несколько месяцев была закуплена многими хозяйками такая бытовая инновация, как мультиварка, потому что, словами респондента, «это удобно, экономит время и было в тренде».

Несмотря на то, что среди сельского населения сохраняется преимущественно негативное или равнодушное отношение к переменам, происходящим на селе (около 60%), в последние годы впервые наблюдается небольшой перевес позитивных оценок над негативными (более 40% против 35%). Кроме того, активных участников перемен стало больше пассивных противников, ощущающих отсутствие перспектив: 11% тех, кто «старается активно участвовать» в переменах против 7% крайне негативных оценок тех, кто «ощущает отсутствие перспективы для села». Активными участниками перемен на селе являются, по мнению сельчан, прежде всего органы местной власти и агробизнес. Сельские жители убеждены, что внедрение позитивных изменений на селе зависит сегодня в первую очередь не только от местных властей (60%) и государства (региональных (32%) и федеральных органов (26%)), но и от сельхозпроизводителей (23%).

В связи с этим как оценивают сельские жители действия государства и местной власти по внедрению инноваций на селе за последние годы? Оценки остаются преимущественно невысокими по всем сферам (от 8 до 20% отличных и хороших оценок действий государства). Наиболее высокие оценки получены в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства, а наиболее низкие (36 и 45% плохих оценок) — по развитию рынка труда и жилищно-коммунального хозяйства. Но в сравнении с 2008 г. эти оценки довольно значительно выросли, тогда доля высоких оценок не превышала 10%. Масштаб и рейтинг оценок действий органов местного самоуправления близок к оценкам действий государства, но чуть более высоки оценки в сфере культуры, более низки — в здравоохранении.

* * *

Итак, анализ динамики социального развития сельских сообществ Алтайского края с начала 2000-х гг. позволил выявить следующие тенденции. Во-первых, нарастают позитивные процессы, что проявилось в переходе в середине прошедшего десятилетия к точечному, а затем в последние годы к более системному развитию села, вместе с тем это не свидетельствует о системном инновационном развитии. Наиболее значительны позитивные сдвиги в материальном положении сельских жителей, развитии малого бизнеса и объектов социальной инфраструктуры (дошкольных, спортивных и других), обеспечении жильем, улучшении качества дорог, следствием чего является кардинальный рост социального настроения и сжимание миграционного потенциала. Повышение экономической активности селян явилось во многом результатом государственной политики социально-экономического развития села (нацпроектов, программ занятости, кредитования и др.).

Во-вторых, современный социальный фон внедрения инноваций в сельских сообществах неравномерен и противоречив: с одной стороны, его во многом определяют сохраняющиеся проблемы низкой оплаты труда и безработицы, оттока молодежи из села, высокий уровень неудовлетворенности состоянием и переменами в социальной сфере, особенно в ЖКХ и здравоохранении, но, с другой стороны, несмотря на сохраняющееся среди селян преобладание негативного или равнодушного отношения к происходящим на селе переменам, в последние годы появился небольшой перевес позитивных оценок над негативными и активных сторонников перемен стало больше пассивных противников.

В-третьих, значительные резервы развития социального потенциала внедрения инноваций в сельском социуме определяются нарастающими объемами трансфера информации и знаний, что происходит при существенном росте влияния фактора образования и квалификации, а также Интернета при сохраняющемся преобладании значимости традиционных каналов трансфера знаний (социальных сетей и СМИ) в распространении инноваций на селе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла) : пер. с англ. М., 1982.
2. Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия // Социальные проблемы инноватики. М., 1989.

3. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М., 2008.
4. Шило И. Н. Инновационная среда как объект социологического анализа // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 8.
5. Бурдье П. Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
6. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.
7. The learning region: foundations, state of the art, future /edited by Roel Rutten, Frans Boekema. — Edward Elgar: Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2007.
8. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Барнаул, 2011.
9. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления : коллективная монография / под общ. ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2014.
10. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Барнаул, 2013.

Н. В. Вараксина (Барнаул)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ПРОБЛЕМАТИКИ СТАРЕНИЯ ОБЩЕСТВА

По статистическим прогнозам в 2015 г. в Алтайском крае численность населения «молоде трудоспособного возраста» составит 18,2%, населения «трудоспособного возраста» — 56,4%, а доля лиц «старше трудоспособного возраста» — 25,4% [1], что неминуемо приведет к обострению ряда проблем социальной и экономической сфер, потребует изменения объектов внимания в социальной политике, здравоохранении, социальной работе и т. д.

Наше общество можно считать уже не «стареющим», а «старым». За основу расчета демографической старости общества исследователи достаточно часто берут шкалу английского демографа Дж. Сандберга, предлагающего деление населения на три возрастные группы: от 0 до 15 лет, от 15 лет до 59 лет и от 60 лет и старше, с последующим сравнительным анализом численности представленных групп. Учитывая данную градацию, Дж. Сандберг обоснованно считал об-

щество «старым», если численность первой группы населения менее 30 %, а последней — более 15 % [2].

В рамках анализа проблематики старения заслуживают внимания представленные Алтайкрайстатом данные о распределении населения по возрастным группам, отображающие изменение численного соотношения граждан «моложе трудоспособного возраста», «трудоспособного возраста» и «старше трудоспособного возраста». За 2012–2014 гг. мы можем наблюдать увеличение численности лиц «моложе трудоспособного возраста»: 2012 г. — 407681 чел., 2013 г. — 417743 чел., 2014 г. — 427234 чел. Также за указанный период фиксируется увеличение численности лиц «старше трудоспособного возраста»: 2012 г. — 564942 чел., 2013 г. — 577191 чел., 2014 г. — 590703 чел. При положительной динамике двух обозначенных выше групп населения Алтайского края «трудоспособного возраста» неуклонно снижается: 2012 г. — 1434607 чел., 2013 г. — 1403817 чел., 2014 г. — 1372701 чел. [1].

Рассмотренные демографические тенденции позволяют говорить о наличии состояния демографического кризиса и актуальности проблемы старения населения для Алтайского края, необходимости комплексной оценки социально-демографических процессов, происходящих на его территории. В рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», государственный контракт № 14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012–2013 гг.), автором данной статьи в составе группы социологов под руководством профессора С. Г. Максимовой было реализовано исследование, направленное, в том числе, и на выявление специфики проявления демографического кризиса и проблемы старения населения в Алтайском крае.

В рамках исследования был проведен экспертный опрос в Алтайском крае ($n = 20$). Данные представлены в следующем виде ХХ.УУ.ООО, где ХХ — буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ — законодательная власть, ИВ — исполнительная власть, ОО — общественные организации, НП — научно-педагогическая общественность, МС — органы местного самоуправления), УУ — код региона (Алтайский край — 22), а ООО — порядковый номер интервью в пределах региона. Экспертам было предложено оценить, насколько актуальна для нашего региона проблема демографического кризиса и старения населения.

Большинство экспертов уверено, что «демографический кризис — явление многоаспектное, потому что здесь можно выделить целый

ряд проблем: проблемы, которые связаны в целом с постарением населения, особенно с постарением у нас здесь, в Алтайском крае, это отток молодых, наиболее перспективных кадров с точки зрения поддержания экономики региона, это отток основной репродуктивной части населения и, соответственно, как следствие, это постарение населения». Эксперты отмечают, что «растет доля пожилого населения в обществе, того населения, которое является, скажем так, балластом для общества, которое оставшееся молодое трудоспособное население должно содержать каким-то образом еще один момент, это проблемы здоровья населения, это не только репродуктивно, но и в целом общего здоровья населения, которое касается пораженности населения различного рода социальными болезнями (наркомания, алкоголизм, табакокурение), что, соответственно, порождает уже проблемы репродукции и всего, что с этим связано».

Отмечают эксперты и особенности проявления демографического кризиса в Алтайском крае, так как «демографический кризис, наверное, в большей мере свойствен Алтайскому краю, чем, например, регионам центральной России в связи с теми миграционными тенденциями, которые имеют место, т. е. это отток преимущественно молодой, трудоспособной части населения, и замещение этого молодого населения мигрантами из стран, прежде всего, приграничных Алтайскому краю. Если посмотреть статистику замещения населения, молодое население чаще всего замещается населением, уже выполнившим свою репродуктивную функцию, приезжающим на свою историческую родину» (ИВ.22.001).

Демографический кризис и проблема постарения населения в Алтайском крае обостряются еще и транзитной миграцией, активно происходящей в нашем регионе, отсутствием достаточной социальной поддержки незащищенных слоев общества. Упоминают эксперты и так называемый русский крест, о котором «тоже все слышали, публицистичный, но широко используемый до сих пор и в научной литературе, и в управленческой. Собственно говоря, кризис имеет множество форм проявления, в каждой конкретной стране, в каждом регионе Российской Федерации есть своя специфика, обусловленная историческими особенностями формирования населения, его состава и расселения, этнического состава и религиозных традиций, что немаловажно, и влияет, скажем так, на репродуктивное поведение населения. В нашем случае, конечно же, речь идет о высокой смертности трудоспособного населения, которая приводит к его значительному сокращению, речь идет о старении населения, что в контексте трудовых ресурсов означает следующее: выходящие на пенсию поко-

ления старше трудоспособного возраста количественно превышают молодые возрастные группы, которые должны вступить в трудовую деятельность. В частности, если брать более узкий возрастной интервал, пятнадцатилетние и шестнадцатилетние, которым в ближайшее время предстоит вступить на рынок труда, их численность очень низкая».

Отмечается экспертами и еще одно проявление демографического кризиса, заключающееся «в том, что гораздо меньше стала устойчивость семьи, семейных отношений, что семьи на сегодняшний день все более сложные по составу, по своим взаимосвязям, что нормой становится серийная моногамия, когда в течение жизни человек не единожды вступает в брак, и это существенно осложняет впоследствии систему отношений между ним и его детьми, родственниками партнеров и прочее, прочее... Это в общем-то работники социальной сферы рассматривают как один из критериев социального неблагополучия. Что выражается, собственно, в отношении к детям, в условиях воспитания детей, в том, какие ценности передаются этим детям от родителей, какой образ семьи передается, так скажем, от старших поколений к младшим».

Комментируя особенности проявления демографического кризиса в Алтайском крае, эксперты отмечают, что «наши специфические особенности... это старение населения, ярко проявляющееся, т. е. диспропорции половозрастной структуры, причем применительно к сельской местности одни нюансы, применительно к городским поселениям — другие. Но и то, что касается здоровья населения, это тоже наша большая проблема, то, что в силу экологических причин и в силу особенностей, так скажем, самосохранительного поведения, много людей нездоровых, и это сокращает им жизнь, сокращает активную трудовую жизнь и, естественно, влияет, в том числе и на рождаемость».

В неразрывной связи с проблемой демографического кризиса существует и проблематика старения населения Алтайского края, так как «то, что касается старения населения и численности трудоспособного контингента, у нас очень обеспокоены органы специализированные, которые ведут статистику трудоспособного населения, тем, что у нас разница между теми, кто на пенсию вышел, и теми, кто в возраст трудоспособный вступил, разница около 15000 была на 2011 г. (ежегодно фиксируется это соотношение). Однако сейчас меньше молодых, чем тех, кто вышел на пенсию. Многочисленное поколение 50-х гг. рождения сейчас выходит на пенсию, а оно по численности своей большой удельный вес имеет, естественно, в ближайшее время, уже в этом году и в последующие годы, будет очень заметно, т. е. будет ухудшаться баланс вот этих двух групп населения — моло-

же трудоспособного и старше трудоспособного не в лучшую для нас сторону» (ИВ.22.002).

Демографический кризис, наблюдаемый сегодня в России и мире, имеет множество проявлений в различных сферах жизни общества, отражается на социальном самочувствии населения [3]. В Алтайском крае он проявляется во взаимосвязи территориальных особенностей, приграничного расположения [4], социальной и демографической политики и требует подробной, комплексной оценки и всестороннего анализа с последующим практическим применением полученных результатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. URL: <http://akstat.gks.ru>

2. Доброхлеб В. Г. Демографическое старение населения и становление новых социальных норм в стареющем обществе // Демографические перспективы России. М., 2008.

3. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

4. Ноянзина О. Е. Социальная безопасность приграничных регионов России: оценка социальной роли дифференцированных по возрасту групп населения в стареющем обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

С. И. Добрыднев, Т. С. Добрыднева (Барнаул)

ФАКТОР ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ РОЖДАЕМОСТИ

Демографическая ситуация в России уже более десяти лет является предметом серьезного внимания со стороны как науки, так и деятельности государства. Серьезное внимание уделялось анализу демографических процессов как на федеральном уровне, так и в субъектах Федерации и крупных регионах. В некоторых регионах, например на Дальнем Востоке, демография вообще является ключевой пробле-

мой, от которой зависят перспективы не только социально-экономического развития, но и целостности территории России. В силу неоднородности распределения населения и разнообразия национального состава проблемы демографии серьезно различаются по регионам. Поэтому наряду с общероссийскими тенденциями для отдельных регионов важно иметь представление о специфике демографических процессов на собственной территории, что необходимо для более эффективного целевого воздействия на демографическую ситуацию. Политика же государства в данной области построена таким образом, что наряду с мерами общегосударственного порядка, значительная часть демографической политики проводится в регионах. Не менее актуальна такая задача и для Алтайского края. В некотором смысле Алтай является уникальной для современной России территорией. Его уникальность состоит в том, что доли городского и сельского населения почти равны, следовательно, регион располагает хорошим демографическим потенциалом в сельской местности. Также регион слабо затронут миграционными процессами, что позволяет проследить демографические закономерности в их чистом виде. В данной области нужно отметить работы алтайских ученых В. В. Нагайцева [1], А. Н. Шрайбер [2], Ю. А. Лопиной [3] и др.

Общее улучшение социально-экономической ситуации в России вместе с мерами поддержки рождаемости (введение материнского капитала) привели к заметным результатам. С 2000 г. рождаемость начинает расти, достигая (по данным Федеральной службы государственной статистики) к 2009 г. показателя 13,9, 2010 г. — 14,0, 2011 г. — 14,1, 2012 г. — 14,7 и 2013 г. — 14,5 рождений на 1000 чел. населения [4]. Улучшение демографической ситуации отмечается на государственном уровне. В Послании Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. Президент В. В. Путин отметил, что в течение последних трех лет фиксируется абсолютный прирост населения [5]. Ставится задача закрепления этой наметившейся положительной тенденции.

Однако на демографические процессы влияют, как известно, многие факторы. Поэтому требуется постоянно контролировать влияние основных из них с тем, чтобы прогнозировать силу воздействия в будущем. Прежде всего необходимо выяснить, насколько результативна оказалась государственная политика в области повышения рождаемости, в какой степени улучшение ситуации можно отнести на ее счет. Важно это, в частности, потому, что экономическая ситуация значительно усложняет продолжение финансирования государственной поддержки рождаемости, а также стимулирует увеличение пенсионного возраста.

В настоящей статье рассматривается влияние фактора возрастной структуры населения, прежде всего женщин детородного возраста, на причины и перспективы рождаемости в Алтайском крае. Половозрастная структура населения края представлена в таблице.

Половозрастная структура населения Алтайского края на 1 января 2014 г.

Возраст (лет)	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
0–4	154147	78869	75278
5–9	132725	68434	64291
10–14	118539	60590	57949
15–19	109126	55757	53369
20–24	151520	75592	75928
25–29	191801	96374	95427
30–34	191412	94503	96909
35–39	177067	85530	91537
40–44	156246	74628	81618
45–49	137366	65165	72201
50–54	189906	87782	102124
55–59	202130	90080	112050
60–64	161831	68636	93195
65–69	91423	36133	55290
70–74	74489	24816	49673
75–79	75075	23506	51569
80 старше	75835	18052	57783
85 старше	31842	6205	25637
Все население	2390638	1104447	1286191

Основную долю рождений определяют некоторые возрастные группы женщин. Традиционно основной была группа 20 лет — 24 года, с прилегающими интервалами 18–20 и 25–29 лет. В настоящее время границы сдвинулись более чем на 5 лет и возрастной интервал увеличился. Основной в плане рождаемости стала группа женщин в возрасте 25–29 лет. Именно эта группа определяла рождаемость в 2010–2014 гг. С 2005 по 2010 г. основной была группа с возрастом 30 лет — 34 года. Как видим, эти возрастные группы женщин являются самы-

ми многочисленными в структуре населения и равными по численности группам 50–59 лет, которые являются их родителями. В предшествующий период 1995–2005 гг. определяющими были значительно меньшие по численности группы 35 лет — 44 года. А в 1990–1995 гг. основной была группа с минимальной численностью за рассматриваемый период.

Можно сделать вывод о том, что колебания рождаемости в 1990–2014 гг. были вызваны в значительной мере сильнейшими диспропорциями возрастной структуры населения, а точнее, вступлением в основной детородный возраст серьезно различающихся по численности групп женщин.

Относительно причин такого явления кратко отметим следующее. В 1990–1995 гг. в возраст деторождения вступили внуки (точнее внучки) родившихся в 1940–1945 гг. и частично в 1945–1950 гг., когда рождаемость сохранялась почти на таком же низком уровне. В 2010–2014 гг. рожают внуки родившихся в 1955–1965 гг., в период наивысшей послевоенной рождаемости. Тем самым наблюдается редкая картина абсолютно четкого проявления третьей демографической волны, слабо размытой за три поколения.

На основании изложенных соображений можно сделать вывод о том, что основной вклад в повышение рождаемости последнего времени относится за счет структурного возрастного фактора. Хотя меры государственного стимулирования рождаемости и принесли несомненный результат, однако их нельзя считать определяющими.

В отношении будущих тенденций действие рассматриваемого фактора выглядит следующим образом. Начиная с 2019 г. в период интенсивного деторождения вступит менее многочисленная группа возраста 20 лет — 24 года, являющаяся детьми родившихся в 1990–1995 гг. и уже правнуками детей войны (1940–1950 гг.). А еще через пять лет — группа 15–19-летних, которая по численности почти в два раза меньше основной современной. Таким образом, по структурным соображениям с 2024 г. можно ожидать двукратного снижения рождаемости по сравнению с нынешним уровнем. Но резких колебаний, скорее всего, не случится в силу того, что период деторождения смещается в сторону увеличения возраста женщины, а также растягивается по времени. Стабилизирует ситуацию также фактор отложенной рождаемости, который усиливается во время экономических трудностей, продолжительность которых сейчас трудно предвидеть.

С учетом того обстоятельства, что возрастной структурный фактор испытывает стабилизирующие воздействия, более надежный прогноз может быть получен с учетом данных о рождениях детей на одну

женщину. Однако такой прогноз мало применим в краткосрочной перспективе, и описанную ситуацию на ближайшие 5–10 лет можно считать, по нашему мнению, вполне достоверной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нагайцев В. В. Новые угрозы социальной безопасности населения современного российского региона // Социология в современном мире: наука, образование. Творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

2. Шрайбер А. Н. Соответствие демографической политики России потребностям родительства (по результатам социологического исследования в Алтайском крае) // Социология в современном мире: наука, образование. Творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

3. Лопина Ю. А. Репродуктивные установки молодого населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование. Творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

4. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rossstat/ru/statistics/publications.

5. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news>.

С. В. Миронова (Барнаул)

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ВУЗОВ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ (на примере Алтайского госуниверситета)

Образование как сложная система на современном этапе развития российского общества представляет собой один из наиболее динамичных социальных институтов, переживающих трансформационные преобразования. Это обусловлено социально-экономическими, технологическими и культурно-технологическими трендами, под влиянием которых образование вынуждено изменяться, чтобы выполнять те социальные функции, которые на него возложены. В связи с этим возникает необходимость консолидации науки и образова-

ния, перехода образования в разряд ведущих ресурсов, а также развития интеграционных процессов.

Сегодня интеграционные тенденции в мировом образовании довольно активно изучаются специалистами. Все многообразие точек зрения можно разделить на две группы. Представители первой считают необходимым и целесообразным ускорение процесса его интернационализации на базе унификации основных направлений функционирования национальных образовательных систем и современных технологий. Другая группа же считает первостепенным сохранение многообразия образовательных систем, что свидетельствует не об унификации национальных образовательных систем или их «гармонизации», а о необходимости их большей ориентации на потребности быстроменяющегося и все более взаимозависимого мира.

Международная интеграция в образовании — это результат развития и углубления процесса интернационализации и доведения его до уровня интеграции национальных образовательных систем. Для интеграции характерны возрастающие за счет согласованной международной образовательной политики взаимное сближение, взаимодополняемость и взаимозависимость национальных систем образования, растущая степень их «сцепляемости», синхронизация действий посредством их регулирования соответствующими наднациональными институтами, постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач [1, с. 74].

Особую роль в этом процессе играют приграничные территории РФ, которые обладают определенными культурно-историческими преимуществами (наличие общих традиций совместного проживания и др.), возможностью безвизовых перемещений, общностью образовательных процессов, наличием совместных проблем в экологии, экономике, образовании. В частности, геополитическое положение Алтайского края (близость Казахстану, Монголии, Китаю) создает потенциальные возможности для интеграционного взаимодействия в различных областях (туризм, промышленное производство, сельское хозяйство), а также и в области образования со странами Азиатского региона, делает алтайские вузы привлекательными для молодежи сопредельных территорий.

Все это увеличивает возможность участия вузов Алтайского края в процессах интеграционного взаимодействия. Как отмечает ректор АлтГУ проф. С. В. Землюков, «Алтайский государственный университет за последние годы сделал серьезный шаг навстречу единому

азиатскому образовательному пространству. С 2012 г. наш вуз является членом Университета Шанхайской организации сотрудничества. В 2013 г. АлтГУ инициировал создание и возглавил Ассоциацию азиатских университетов, включающую 28 вузов из России, Казахстана, Монголии, Кыргызстана» [2, с. 46–47]. Не случайно это послужило основой для консолидации усилий со стороны государств-членов ШОС под эгидой АлтГУ по «наращиванию взаимодействия в области образования с целью оказания содействия всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию каждой из стран и организации ШОС в целом» [3, с. 3]. На базе Алтайского государственного университета был проведен II Международный образовательный форум «Алтай-Азия 2014: Евразийское образовательное пространство — новые вызовы и лучшие практики», VIII Неделя образования государств — членов ШОС «Образование без границ», V Совещание министров образования государств — членов ШОС, создана Ассоциация азиатских университетов, проводятся курсы повышения квалификации преподавателей русского языка, преподавателей-предметников, ведущих обучение на русском языке за рубежом. Кроме этого, уделяется особое внимание роли Университета ШОС. По мнению Л. И. Ефремовой, «она заключается в поддержке образовательного пространства и интеграционных тенденций, сближении стандартов качества подготовки высококвалифицированных специалистов по приоритетным областям экономического, образовательного, технического и культурного сотрудничества на основе сетевого взаимодействия, расширения научно-образовательного и торгово-экономического сотрудничества Организации, проведения академического обмена ив широком формате и выработке рекомендаций в конкретных областях сотрудничества в рамках ШОС» [4, с. 2].

Усилению научного и образовательного потенциала вузов Алтайского края в дальнейшем может послужить формирование Азиатского университета. Для этого у АлтГУ, в частности, есть определенный потенциал, а именно научные школы российского уровня, стратегическое партнерство (СО РАН и др.), стратегия развития. Именно он определяет возможности классического университета в Алтайском крае занять лидирующие позиции в плане укрепления и совершенствования интеграционных взаимодействий образовательных систем.

Международное образовательное приграничное сотрудничество развивается сегодня в рамках сетевого взаимодействия вузов, которое выражается в таких основных его формах, как интеграция и развитие современных образовательных программ, интенсификация студен-

ческой и преподавательской мобильности, активизация культурных связей в рамках совместных проектов. Открывая шире двери в огромный азиатский образовательный рынок, важно занять на этом рынке свою нишу. Молодежь центрально-азиатских стран должна иметь представление о том, что в России можно получать качественное образование! Направления, формы и виды международного сотрудничества разнообразны. Каждый университет выбирает их исходя из своих задач и возможностей. При этом важное значение имеют исторически сложившиеся традиции, опыт образовательных и культурных коммуникаций. И здесь, как нам представляется, приграничное сотрудничество на центрально-азиатском образовательном пространстве имеет долгосрочную перспективу [2, с. 48].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойченко А. А. Процессы региональной интеграции в мировой экономике // Вестник МГУ. Сер. 6: Экономика. 2007. № 2 .
2. Землюков С. В. УШОС — Азиатский вектор интеграции образования // Ректор вуза. 2014. № 11.
3. Каганов В. Ш. Приветственное выступление на V Советании министров образования и науки государств-членов ШОС // За науку. 2014. № 31. (1370).
4. Артемова А. Новые шаги в интеграции образовательного пространства // За науку. 2014. № 31 (1370).

Я. Э. Меженин (Барнаул)

РОЛЬ ДИАЛОГА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ВЛАСТИ

В современном обществе постмодерна, где смысловые контексты размываются, все более возрастает важность диалога граждан с властью. Эффективные реформы, снижение риска деструктивных гражданских протестов, пробуждение конструктивной активной гражданской позиции — результат продуктивного диалога, который должен носить рациональный характер, сочетать индивидуальные и коллективные интересы и отвечать требованию легальности. Как отмечает Е. А. Попов, «постмодернизм поставил своей важнейшей задачей крушение авторитетов и компенсацию недостающих в обществе систем общения и коммуникаций, а ярчайшей из таких систем должно стать гражданское общество» [1, с. 269] (см. также [2, с. 168–172]).

Сочетание индивидуальных и коллективных интересов, проявляющихся в диалоге граждан и власти, сводится к удовлетворению материальных и духовных потребностей человека, к созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Государство в условиях правового гражданского общества приобретает характер социального государства.

Понятие «диалог» имеет некоторую неоднозначность, хотя суть этого термина интуитивно понятна. К примеру, такое определение дает О. Б. Сладкова: «Под диалогом понимается такое полагание различных смысловых позиций, которое приводит не к их взаимному отторжению или подавлению, а приводит к продуктивному взаимодействию» [3, с. 14]. Это означает, что инициатор общения хочет быть услышанным и получить ответ.

Воспользуемся предложенными О. Т. Коростелевой аспектами диалога:

- 1) наличие общей смыслообразовательной платформы у субъектов общения;
- 2) наличие разницы в смыслообразовательных позициях «партнеров», порождающее возникновение индивидуализированных смыслов;
- 3) смена ролей смыслообразовательной активности субъектов общения;
- 4) изменение смыслообразовательных позиций субъектов в результате общения [4, с. 23–24].

Учет этих аспектов в контексте проблематики взаимодействия граждан и органов власти через обращения позволяет:

1. Интегрировать разные взгляды на проблемы, о решении которых сигнализируют обращения граждан в органы власти. Зачастую новый взгляд способен открыть новые пути к поиску решений.

2. Создать общую платформу, которая позволяет начать конструктивное взаимодействие. Примером такой платформы могут быть интернет-сайты, аккумулирующие обращения граждан, адресованные органам власти.

3. Избежать подавления государственным аппаратом отдельных граждан, а также исключить незаконные протестные акции и принимать управленческие решения на основе конструктивного взаимодействия.

4. Учесть разницу позиций субъектов взаимодействия и в результате диалога выработать вариант решения, который удовлетворит большинство и максимально учтет мнение меньшинства.

5. Выработать способы укрепления гражданской позиции, которые позволят не только избежать патернализма, но и обеспечить равноправное сотрудничество граждан и органов власти.

Перечисленные выше принципы для полноты конструктивного субъект-субъектного взаимодействия необходимо дополнить еще одним — принципом честности. Для наиболее полного удовлетворения своих потребностей участники диалога должны быть максимально честными.

Во-первых, это позволит исключить появление ложных ожиданий, которые не смогут осуществиться. При систематическом невыполнении данных обязательств субъекты интеракции будут стремиться прекратить взаимодействие.

Во-вторых, это снизит риски манипуляции одной из сторон диалога, что может служить залогом долгосрочного стратегического сотрудничества. При этом возникнет возможность не только решать индивидуальные вопросы граждан, но и общие проблемы социальной группы или класса.

В-третьих, увеличит доверие между субъектами взаимодействия, что позволит сократить время на выяснение скрываемой информации, или на исправление ошибочно принятого управленческого решения из-за искажения объективной информации. В конечном итоге это создаст существенную экономию моральных и материальных ресурсов.

Отказ от принципа честности может привести к нарушению принципа поиска общих позиций, что в конечном итоге приведет либо к отказу от сотрудничества, либо к фикции сотрудничества. Оба эти последствия ведут к существенному снижению эффективности взаимодействия граждан и органов власти.

Для эффективного диалога целесообразно и необходимо создать такие условия, чтобы мнение граждан было высказано максимально полно и ясно с учетом всех деталей, даже если это мнение ошибочно или излишне идеологизировано. Такой подход позволит выявить максимально возможное число противоречий, в том числе и латентных — неосознаваемых, но существующих в качестве смысловых шаблонов.

Это позволит рационально и конструктивно обсудить широкий перечень мнений и суждений по различному кругу вопросов и выработать решение, основанное на здравом смысле, принципе целесообразности и научном подходе. Итогом обсуждения на государственном уровне должно быть:

1. Принятие предложений граждан, возможно с поправками, которые в том числе одобряются общественными организациями.

2. Доработка и устранение возникших противоречий совместно с общественными организациями и компетентными экспертами (гражданами, научными работниками, представителями власти и др.).

3. Отказ с полным и понятным обоснованием того, по каким причинам данный проект не может быть реализован.

В контексте обсуждения предложений социология дает огромные познавательные возможности, позволяющие искать противоречия и скрытые конфликты между индивидами и группами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Гражданское общество в эпоху постмодерна // Общество и право. (Краснодар). 2012. № 3 (40).

2. Попов Е. А. Постмодернизм и право // Право и политика. 2010. № 2.

3. Сладкова О. Б. Мониторинг в коммуникативной ситуации современной России // Обсерватория культуры. 2005. № 6.

4. Коростелева О. Т. Основные аспекты диалога в преподавании социогуманитарных дисциплин в вузе // Вестник Алтайской академии экономики и права. Барнаул. 2014. № 3 (35).

Т. С. Попова (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В Российской Федерации с состоянием дел в сфере образования напрямую связаны не только государственная социальная политика, но и стратегия экономического развития государства. В современном обществе от уровня развития образования и его качества зависят практически все стороны государственной жизни и общественного развития — экономика, безопасность, научно-технический прогресс, культура, экология и т. д.

Очевидно, что столь значимый сегмент общественной жизни должен иметь адекватную правовую базу. Однако на протяжении ряда лет в России остро ощущалось несоответствие между общественно-политической значимостью образования, его особой ролью в процессе модернизации российской экономики, с одной стороны, и состоянием нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в сфере образования, с другой стороны. Как отмечают некоторые исследователи, «если норма права являет собой обобщенную конструкцию

«взгляда на мир» со стороны общества и государственных институтов, то она в этом «виде» не онтологична, поскольку создана в угоду системе иных взаимосвязанных правовых норм и поведенческих установок» [1, с. 139].

Современный уровень развития правовой и образовательных систем, резкий количественный (как в международном, так и в условиях российского федеративного государства) рост нормативно-правового массива, опосредующего регулирование образовательных отношений, повышение значимости образования как социального института в современных условиях и ряд других факторов и условий, характеризующих проблемы современного российского (и не только российского) образования, объективно приводят к необходимости выделения образовательного права именно как комплексной правовой отрасли, занимающей свое вполне определенное место в системе права и в целом в правовой системе общества.

Правовое регулирование отношений, складывающихся в сфере образования как особого социального института, обладает как общими чертами, присущими для правового регулирования любых общественных отношений, так и специфическими. К числу таких специфических черт относятся источники образовательного права, в которых определяется своеобразие сочетания императивного и диспозитивного методов, отражающих особенность образовательного права как комплексной отрасли права.

Источники образовательного права являются специфической разновидностью источников права как таковых и занимают в системе последних вполне определенное место. Специфика источников образовательного права выражается, с одной стороны, в том, что механизм их действия и их содержание обусловлены содержанием и характером отношений, складывающихся в сфере образования, а также образовательных отношений, выступающих разновидностью первых. В этом смысле действие источников образовательного права практически не отличается от действия всякого другого источника права. С другой стороны, особенности образовательных отношений, ядром которых выступают отношения по поводу обучения и воспитания, детерминируют особенности как содержания этих источников, так и их взаимосвязь между собой и характер действия.

Законодательство об образовании, будучи сложной комплексной отраслью российского законодательства, есть совокупность разнообразных норм, институтов и отраслей права, регулирующих единое образовательное пространство, единые образовательные отношения на территории как Российской Федерации, так и ее субъектов [2, с. 15].

Целью законодательства об образовании определено установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, а одной из его основных задач — обеспечение и защита конституционного права граждан Российской Федерации на образование.

Конституционные основы образовательного права содержатся в ст. 43, закрепляющей право каждого на образование, ст. 72, относящей общие вопросы образования к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также в ст. 114, в которой установлено, что Правительство РФ обеспечивает проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области образования.

В систему источников федерального образовательного права включаются указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, а также приказы, издаваемые федеральными органами исполнительной власти.

Значительными нормотворческими полномочиями в сфере образования наделяется Правительство РФ. Созданный в структуре Аппарата Правительства РФ Департамент науки, высоких технологий и образования обеспечивает деятельность правительства по вопросам, входящим в сферу его ведения, и взаимодействует с соответствующими федеральными органами исполнительной власти, с другими государственными органами и организациями. К его функциям относится подготовка проектов актов, по которым требуется решение Правительства РФ [3, с. 23].

Анализ образовательно-правовых источников различного уровня свидетельствует, что их система источников образовательного права в России с очевидностью нуждается в совершенствовании. Для нее, в частности, характерны наличие противоречий между нормами законодательства разных уровней, пробельность законодательства, декларативность большей части норм образовательного права и т. п. В то же время чрезмерная множественность органов и организаций, правомочных осуществлять нормативно-правовое регулирование образовательных отношений, неизбежно создает дополнительные препятствия для оптимизации правового регулирования сферы образования.

В числе важнейших мер по совершенствованию правового регулирования образовательной сферы можно выделить необходимость проведения систематизации образовательного законодательства в соответствии с требованиями времени, причем главным способом такой систематизации следует признать кодификацию.

Кодификация в области образования — явление значительное, но новое и в достаточной степени трудно реализуемое. Принцип системности проектирования кодифицированного акта об образовании требует последовательного согласования всех системообразующих компонентов отрасли таким образом, чтобы они были органично связаны между собой и на этом всеобщем уровне обладали атрибутом объективности, т. е. отражали закономерности функционирования и развития образовательного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Культуроцентричность как фактор преодоления «матричности» современного права // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Козырин А. Н. О некоторых проблемах регионального законодательства об образовании // Журнал российского права. М., 2011.

3. Козырин А. Н. Современные проблемы систематизации образовательного законодательства // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2008. Т. 3. Вып. 2.

Р. Д. Галиева (Барнаул)

ПОСТРОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ ПОЛИЦИЕЙ И ОБЩЕСТВОМ

Традиционное понимание деятельности полиции предусматривает защиту основных прав и свобод личности, предотвращение и раскрытие преступлений, снижение уровня страха перед преступностью. Так, Федеральный закон «О полиции» гласит: «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [1, ст. 1].

С учетом возросших требований общества к безопасности [2, с. 206] такое понимание предназначения полиции является недостаточным. В современных условиях формулируется такая новая цель деятельности полиции как создание и поддержание безопасной и комфортной социальной среды. Новые стандарты полицейской деятельности, утверждаемые мировым сообществом, требуют перехода от контроля действий граждан к обслуживанию населения. Появля-

ются даже такие термины, как «оказание помощи и услуг населению» [3, с. 80], «качество правоохранительных услуг» [4].

Деятельность полиции должна быть направлена не только на поддержание правопорядка. «Полицейская деятельность уникальна во многих аспектах. Частично это искусство и ремесло, частично — военное дело и социальная работа», — говорится в документе ОБСЕ [5]. Такой подход требует ориентации на потребности общества, повышения доверия граждан к полиции. Вектор деятельности полиции соответственно перемещается на устранение причин, влияющих на преступность. Для этого необходимо учитывать изменения в понимании преступности в современном обществе. Преступность сейчас понимается как социальное явление, тип социального поведения, возникающий под влиянием определенных социальных факторов, роста социального напряжения. Поэтому рост или спад преступности, изменение криминальной ситуации в стране зависят не только от полиции, но и от социума. Соответственно, проблема преступности не может быть решена силами одной лишь полиции, что приводит к формулированию такой новой цели полицейской деятельности, как взаимодействие с обществом. Полиция может выступить в качестве катализатора, убеждая общественность взять на себя долю ответственности за общее качество жизни в своем районе, городе, стране.

В связи с новыми целями и задачами Министерством внутренних дел России разработана «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации». Предполагается работа по следующим направлениям: 1) повышение кадрового профессионализма и очищение от коррупции; 2) открытость и доверие. Предполагается укрепить и качественно улучшить службу участковых инспекторов полиции, в частности, поставить во главу угла оценки их работы уровень узнаваемости населением на обслуживаемом участке; 3) совершенствование системы управления и оптимизации деятельности ОВД; 4) доступность правоохранительной помощи.

В частности, отмечается, что новыми критериями оценки эффективности должны стать показатели выявления реального количества преступлений и иных правонарушений (снижения уровня их латентности), своевременности и качества реагирования на них, а также полноты и быстроты восстановления законных интересов заявителей. Данные критерии должны подкрепляться результатами и показателями, вытекающими из изучения мнения граждан о личной безопасности и деятельности органов внутренних дел на основе вневедомственных источников информации (социологических опросов и мониторинга СМИ) [6, с. 149]. Оценку уровня доверия полиции со сто-

роны населения предполагается проводить независимыми социологическими службами (по контракту) с обязательным проведением контрольных замеров ведомственными научно-исследовательскими организациями, обращая особое внимание на оценку уровня удовлетворенности населения полицейским обслуживанием, готовности к сотрудничеству с полицией, ощущения безопасности (тревоги) по поводу возможных противоправных посягательств; 5) профилактика преступности и адекватный ответ новым вызовам и угрозам [4].

Вышеуказанные меры позволяют, на наш взгляд, повысить степень реализации европейских полицейских стандартов [7] в России и максимально приблизиться к наиболее оптимальной модели функционирования органов внутренних дел. Базирование деятельности полиции на таких принципах, как соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, открытость и публичность, общественное доверие и поддержка граждан, взаимодействие и сотрудничество [1, ст. 5, 8–10] демонстрирует согласие российского законодателя с европейскими стандартами толкования назначения полиции и характера ее взаимоотношений с населением.

«Полиция должна быть организована так, чтобы ее сотрудники пользовались уважением населения как профессионалы, на которых возложено обеспечение исполнения закона, и как лица, оказывающие услуги» [3, с. 80]. Чем больше квалифицированных сотрудников работает в полиции, тем меньше жалоб и заявлений на их действия поступает от граждан. Для приобретения надлежащей квалификации необходимо обеспечить знаниями, которые сочетают теорию и практику.

Профессиональная подготовка кадров для службы в полиции осуществляется в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России [8–10]. Как отмечается в Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы, «подготовка полицейских кадров должна быть основана на фундаментальных ценностях демократии, верховенстве права и защите прав человека и должна развиваться в соответствии с целями полиции» [3, с. 80].

Необходим пересмотр и выход за рамки традиционных подходов к обучению профессиональным навыкам, основанных на принципах уважения к культуре, традициям и религии других народов, соблюдения прав человека. Высокопрофессиональная работа полиции с населением по месту жительства, повышение профессионализма полиции в части предоставления качественных услуг населению требует более широкого диапазона профессиональных умений и знаний, таких, например, как совершенствование знаний сотрудников полиции в области человеческих отношений и понимания их аспектов, разви-

тие коммуникативных навыков для установления контактов с населением; построение доверия; посредничество в конфликтных ситуациях. Кроме того, как отмечается в документе ОБСЕ, необходим «систематизированный анализ социальных проблем, основанный скорее на детальном изучении наиболее часто встречающихся моделей преступлений, нежели отдельных случаев правонарушений, и рассматривающий их как единую группу проблем. Анализ предусматривает также установление первопричин преступлений и социальных беспорядков» [5], что предполагает развитие способности разбираться в социальных, культурных и общинных проблемах [3, с. 80].

Международными стандартами предусмотрено вместо использования таких чисто количественных критериев оценки эффективности работы, как число штрафов за нарушение правил дорожного движения или количество произведенных задержаний, применение метода, основанного скорее на сочетании количественных и качественных критериев, оценивающих (в долгосрочной перспективе) такие результаты работы сотрудника, как, например, степень эффективности мер, принятых в процессе решения проблем, уровень удовлетворенности населения полицейским обслуживанием или степень сотрудничества общества с полицией, а также ощущение безопасности у населения.

В связи с этим полагаем, что необходимо серьезнее использовать социологические знания [11, с. 391] при подготовке специалистов для осуществления правоохранительной деятельности и правового обеспечения национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О полиции : Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
3. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы Rec (2001) 10 от 19 сентября 2001 г. Европейский кодекс полицейской этики // Кобзин Д. А., Черноусов А. Н. Полиция и права человека : практическое пособие. 3-е изд., дораб. Харьков, 2011.
4. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (разработана в 2013 г. расширенной рабочей группой при Министре внутренних дел Российской Федерации по дальнейшему реформированию органов внутренних

дел). Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/document/829054>.

5. Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом: Руководство ОБСЕ. — Вена: Отдел стратегических вопросов полицейской деятельности ОБСЕ, 2008. Официальный сайт ОБСЕ [Электронный ресурс]. URL: <http://polis.osce.org/library>.

6. Галиева Р. Д. Проблемы использования результатов изучения общественного мнения в деятельности МВД Российской Федерации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

7. Руденко В. В. Европейские стандарты полицейской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 21.03.2014).

9. О подготовке кадров для органов внутренних дел Российской Федерации по договорам на обучение : Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2013 г. № 21.

10. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 663 Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru>.

11. Колесникова О. Н. Взаимодействие правового и социологического образования: региональный аспект // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

Н. Г. Ахмедова (Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИНЫ-ЛИДЕРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Россияне разводятся чаще, чем жители любой другой страны. Об этом свидетельствуют данные демографического ежегодника ООН 2012 г. Если 10 лет назад в России распадался каждый третий брак, то сегодня — каждый второй. Одной из причин частых разводов эксперты назвали то, что женщины в браке вынуждены справ-

ляться с двойной нагрузкой — зарабатывать деньги, а также заниматься домашним хозяйством и детьми. Женщины все чаще стали осваивать сферу бизнеса.

Современное российское общество сегодня стоит на том же направлении развития; все меньше ограничений и все больше ответственности личности за выбранную ей судьбу. Это проявляется как в законодательстве, так и в громких лозунгах типа «Прекратить «кошмарить» малый бизнес». Но особенно наглядно это видно по СМИ, активно пропагандирующих образ человека, который ответствен за себя, за свою жизнь, самостоятельно (без общественной помощи) справляющегося с возникающими проблемами. Создание и пропаганда образа такого сильного, не зависимого «от общественной помощи» человека началась приблизительно с начала 90-х гг. XX в., продолжается и сейчас. Достаточно вспомнить любимую многими россиянами передачу «Я сама» [1, с. 51–52]. На данный момент в обществе сформировался образ бизнес-леди — это успешная, сильная и волевая женщина-руководитель.

Женщине-лидеру придется соответствовать требованиям, предъявляемым к ней сферой бизнеса. От руководителя требуются твердость, решительность, требовательность и жесткий контроль к выполнению работы подчиненными. Все эти качества по природе более характерны мужчине, нежели женщине. Принимая на себя данную модель поведения, женщине приходится сталкиваться с внутренним диссонансом и конфликтом ролей.

В литературе широко используется термин «ролевой конфликт», который определяется как конфликт ролей. Такое столкновение хорошо прослеживается у женщины-лидера. Работающие женщины — жены и матери — очень часто живут с противостоянием их ролей дома и вне его. Большое количество выполняемой работы, как в рамках своих профессиональных обязанностей, так и семейно-бытовых, усиливает эмоциональную нагрузку и усталость женщины. У представительниц слабого пола в эмоциональном плане просто не остается сил на проявление ласки, нежности по отношению к домочадцам. Те качества, которые присущи ей от природы, просто не реализовываются в связи с раздражительностью и эмоциональным выгоранием.

Если делать акцент на то, что женщине не хватает времени на реализацию своей роли матери, то это отрицательно сказывается на становлении ребенка как личности. Ребенок чаще всего воспитывается в условиях малой опеки со стороны родителей, нередко приближающейся к полной безнадзорности. Его времяпрепровождение никем не регламентируется. Родители не занимаются формировани-

ем интересов, наклонностей ребенка, мало интересуются его успехами в школе, не имеют постоянного контакта с классным руководителем [2, с. 297].

Нельзя также забывать, что долгое время в России господствовали патриархальные традиции, которые оказывали непосредственное влияние на разделение ролей между женщинами и мужчинами. Хотя распределение власти в семье стало более демократичным и решения по многим важным проблемам семьи принимаются мужем и женой совместно, все же сохраняются стереотипы: жена — прежде всего хозяйка и мать, а мужчина — добытчик и кормилец. Даже средства массовой коммуникации способствуют устоявшемуся образу хозяйки и «хранительницы» домашнего очага. Хотя уже появляются некоторые зачатки нового образа женщины, в частности «Ты женщина, а не посудомойка!» — восклицает мужчина в рекламе. Но до полного равноправия полов в обществе еще очень далеко.

Еще одной немаловажной проблемой, с которой может столкнуться женщина-лидер, — это проблема отсутствия детей или семьи в целом. Она успешна в профессиональном плане, материально обеспечена, независима и амбициозна. Времени на построения отношений, на создание домашнего уюта у нее просто нет. А нередко и желания с кем-то делить свое пространство, зависеть от кого-то в эмоциональном плане тоже не появляется. В таком случае вся неизрасходованная женская энергия перенаправляется на работу. Нередко такие женщины воспринимают свою фирму, коллектив как свое «детище», и тем самым происходит определенная сублимация энергии. Существует даже некоторое оправдание у таких представительниц слабого пола: «Мужчины боятся сильных женщин».

Интересную гипотезу о женщине высшего класса выдвинул Антонио Менегетти в своей книге «Женщина третьего тысячелетия». Он утверждал, что женщина с детских лет должна нести в себе свободный дух предпринимательства. Ей следует со всей ответственностью отнестись к достижению собственной экономической свободы, найти возможность профессионального заработка, потому что только самостоятельно заработанные деньги обеспечивают личную независимость, позволяя иметь свое мнение и быть собой. Женщина не должна рассчитывать на то, что свободу ей обеспечит любовь мужчины. Свободу нужно заработать самой: это знание, деньги, работа, которые принадлежат исключительно самой женщине [3, с. 82–83].

Женщины, стремящиеся сделать карьеру, нередко встречаются с негативным отношением к себе и со стороны мужчин, и со стороны женщин. Дискриминация продолжает существовать, хотя и в более

утонченных формах, которые часто нельзя квалифицировать как нарушение закона. Это мнение разделяют многие женщины-менеджеры, поскольку они сталкиваются с негативным отношением к стремлению сделать карьеру в сфере управления. Поэтому женщины часто весьма критически, а иногда и пессимистически оценивают свои возможности к продвижению.

Дело в том, что мужчины, составляющие абсолютное большинство на высоких руководящих постах в крупнейших корпорациях, уже привыкли к окружению коллег-мужчин. Это люди, как правило, зрелого и старшего возраста, получившие управленческое образование в то время, когда в школах бизнеса практически не учились женщины.

Чтобы быть лидером, женщина должна обладать личностью высшего класса. Превосходство такой женщины всеми признается, все ее уважают и к ней тянутся. Личность подобной женщины — это страховкой полис всех возможных отношений с ней.

Женщина высшего класса встречается редко. Она отличается высочайшим стилем личности, который не определяется возрастом, красотой, деньгами. Женщину высшего класса создает лидерский ум, умение направлять все свои способности на возвышение себя и обретение социальной власти. Безусловно, такая женщина руководствуется стремлением к удовлетворению потребностей собственного внутреннего мира и его обогащения [3, с. 84–85].

Данные тезисы А. Менегетти резко противоречат устоявшимся в обществе стереотипам поведения. От женщины требуют зависимости от мужчины, ее преклонения перед ним и минимум самостоятельности. С другой же стороны можно утверждать, что автор создает новый образ женщины-лидера и приводит основные его характеристики. Однако стоит сделать акцент на том, что данный образ доступен не всем представительницам слабого пола, а эти свойства личности необходимо воспитывать с детства, подготавливая к такой жизни.

Активное включение женщин в сферу оплачиваемой занятости привело к увеличению их доли в сфере индивидуального предпринимательства, а также на государственной и частной службе. Работающие женщины становились экономически независимыми, что способствовало росту их авторитета, а также явилось важным условием развития личности и духовного раскрепощения. Наиболее доступными профессиями для образованных женщин были преподавательская и медицинская деятельность. Однако немалая часть женщин продолжала заниматься только воспитанием детей и домашним бытом.

В новой роли женщины вынуждены отказаться от традиционных женских ценностей, принимая ценности традиционно мужские. Кон-

фликт состоит в противоречии ценностей «семья, дом, любовь» и ценностей независимости, карьеры и роста. Занимая руководящий пост, они всеми силами старались упразднить в себе лидера, потому что беспрекословное послушание вышестоящим лицам было несовместимо с такими качествами настоящего лидера, как азарт, инициатива, строптивость. В силу этих причин многие были сродни секретаршам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сытых О. Л. Проблема безопасности россиян в контексте «текущей современности» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

2. Стерляева Н. А. Роль семьи в профилактике наркозависимого поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

3. Менегетти Антонио. Женщина третьего тысячелетия / пер. с итальянского Славянской ассоциации онтопсихологии. 2-е изд. М., 2002.

Д. А. Неваева (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ*

Понятия «этничность», «этническая идентичность» заимствованы из зарубежной социально-культурной антропологии и политологических исследований. В нашей стране в советское время наблюдалась тенденция роста этнической идентичности, представляемая как унификация образа жизни, интернационализация культур разных народов. Исследования на Западе того времени прежде всего были направлены на объяснение природы социальных, этнических конфликтов, которые имеют очень сложную природу. Рассматривались способы активизации политической деятельности этнических мень-

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

шинства, взаимодействие культур и политические изменения постколониального мира. С целью понимания того, что необходимо изучать, что понимается под «этнической идентичностью», нужно рассмотреть отдельно составляющие этого понятия.

«Этнос» (греч. *ethnos* — народ, племя, группа) в современном научном мире имеет множество определений, в каждом из которых выделяются особые признаки, позволяющие отнести человека к определенной этнической группе. До сих пор является дискуссионным вопрос о наборе этих признаков. Ф. Ригс утверждает, что, этничность — это свойство. Оно принадлежит людям, которые имеют общих предков, историю, культуру и признаются как члены данного сообщества. В результате взаимодействия членов одного общества с теми, кто имеет отличные от этого культурные, исторические черты, проявляется свойство этничности. Д.Л. Горович определяет этносы как культурные сообщества, различия между которыми детерминированы пятью чертами: язык, пища, религия, одежда, чувство идентичности. Все это поддерживается идеологией общего происхождения, придающей эмоциональную значимость реальным и фиктивным родственным связям [1, с. 265].

Список этнических признаков дополняет общее название — само название, ассоциация с данной территорией проживания, чувство социальной солидарности. Таким образом, этнос — это группа людей, которые имеют общие признаки (этноконсолидирующие), а также ряд признаков, которые отличают их от других групп (этнодифференцирующие). Важность признаков имеет место и при определении понятия «идентичность».

Понятие «идентичность» (лат. *identicus* — одинаковый) получает широкое распространение в междисциплинарных исследованиях с 70-х гг. XX в. и уверенно входит в гуманитарные науки. В отечественную науку данное понятие было введено при проведении исследований позже. Факт его заимствования для русскоязычной науки создает трудности в его интерпретации, порождая многовариантность при переводе. Данный термин с английского (*identity*) переводят как «тождественность», т. е. идентичность — это подлинность, индивидуальность. Внедрение «идентичности» зависит от научного интереса, направленного на изучение процессов в обществе с точки зрения идентификации, отождествления. Изменяется интеллектуальный климат, в результате которого центральное место занимает изучение проблем идентичности. В 90-х гг. XX в. С. Хэлл отмечает, что происходит нарастание интереса к концепциям идентичности. И необходимо заметить, что в гуманитарных науках этот термин начина-

ет приобретать новое значение, при этом идентичность всегда сохраняет свою «незаконченность», она всегда формируется, всегда в процессе. Идентификация является одним из механизмов межличностного познания (как интерпретация, рефлексия).

На основе вышеизложенного и не претендуя в окончательное определение «этническая идентичность», мы будем понимать, что этническая идентичность — процесс отождествления себя с другими членами группы на основе общих социальных представлений, формирующихся у членов этнической группы (и разделяемые ими) на основе осознания своей истории, культуры, а также в процессе взаимодействия с другими народами; дающие возможность для самореализации и оценке своей значимости. Знания о традициях, обычаях, ритуалах, места происхождения выступают цементирующим моментом и для определения своей этнической идентичности, и для отделения себя от других [2, с. 46].

Безусловно, эмоционально-когнитивный процесс порождает ряд трудностей в сфере гармонизации общества. И для многих стран проблема этнической идентичности в 90-х гг. XX в. актуализируется. Причиной является глобализация мира, оказавшая влияние на активацию процессов миграции населения и повлекшая возникновение необходимости отвечать на современные вызовы (построение общества в новом мире). Исключением не стала и Россия, население которой сталкивается с проблемой идентификации. В регионах стали предприниматься попытки разработать схемы построения общей идентичности. Важным моментом становится выработка у населения регионов страны чувство общности среди граждан единой многонациональной страны. У. О. Бимен пишет, что подобная выработка связана со многими сложностями. «Эти сложности особенно велики в тех случаях, когда данная нация включает в себя несколько этнических, религиозных или лингвистических групп» [3, с. 156]. В регионах России, являющихся постсоветским пространством, проблема этнической идентичности становится проблемой политического поля [4, с. 121]. Э. Е. Лебедева отмечает, что самым главным модусом самоопределения и социальной идентификации личности является этничность, определение которой после распада СССР у населения регионов только началось. Увеличивается роль национального фактора в социально-политических процессах, повышается интерес к традиционной культуре, усиливая этнические чувства во всех сферах жизни. Внутри каждого региона наблюдается многообразие этносов.

Этнический парадокс современности заключается в том, что процесс их возрождения идет параллельно с мировыми процессами, ино-

гда противоречия глобализации. Возникает еще одна сложность изучения этнической идентичности. Она заключается в том, что часто ее политическое измерение подменяется религиозными и культурными моментами, порождая стереотипы и страхи [5, с. 281].

В настоящее время зачастую этническая идентичность связывается с дезинтеграционными событиями и сепаратистскими настроениями. Некоторые ученые и практики считают, что социальную напряженность порождает существующее до сих пор выделение субъектов Российской Федерации по этнотерриториальному принципу, Конституционное право на определение (не определение) и указание (не указание) своей национальности. Употребление выражений «коренной народ», «своя земля», «государство в государстве» и подобных является серьезным поводом для этнонационализма. В современных регионах России население имеет ряд противоречий, влияющих на неопределенность ситуации. На смену общей идентичности (советской) приходят субнациональные, двунациональные, транснациональные этнические идентичности. Это особенность, множественная идентичность современного населения, является характеристикой нашего времени, но для большинства россиян пока не полностью осознается и воспринимается. На особенности этнической идентичности также оказывает влияние неблагоприятная демографическая ситуация (депопуляция). Специфика миграционных процессов имеет немаловажное значение, так как способствует формированию идентичности диаспор. Мигрирующие в Россию группы сегодня пытаются сохранить все элементы своей культуры, не ассимилируясь в культуру принимающей страны. В условиях мультикультуризма актуализируется потребность в поддержании позитивной этнической идентичности, формировании существующих различий между культурами как безопасных для других, толерантного отношения. В противном случае могут возникать стереотипы и негативные чувства к этническому разнообразию [2, с. 50].

Следовательно, особенности этнической идентичности формируются вместе с глобализационными процессами, и важное значение на них оказывает политика, реализуемая в государстве. На основе тенденций современного мира, особенностей формирования этнической идентичности, необходимо отметить влияние данного процесса на социальную стабильность. Важной проблемой современной России является кризис идентичности, который влияет на возникновение новых задач перед государством и в других сферах жизнедеятельности. Формирование чувства общности при принятии различий среди граждан, безусловно, будет иметь благоприятные последствия для страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бауман З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. М., 2002.
2. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2.
3. Бимен У. О. Формирование национальной идентичности в условиях мультикультурализма: на примере Таджикистана // Политические исследования. 2000. № 2.
4. Попов Е. А. Основные научно-исследовательские направления в изучении современного терроризма // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.
5. Анисимова М. С. Ксенофобия как социальный риск. Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.

Ю. В. Трофимова (Барнаул)

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ»
И «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ»
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ***

Современная наука объясняет становление человека как идущее по линии от «мы» (социально-психологической общности со взрослым) к «я» (освоение возможности самостоятельно устанавливать контакты с окружающим миром). По мере взросления человек, однако, нуждается в группе, которая обеспечивала бы такую идентичность, которая позволяла бы включаться в разнообразные социальные группы и выходить из них, но при этом чувствовать свою сопричастность социальному миру. Такую «широкую» идентичность может обеспечивать этнос как устойчивая во времени межпоколенная груп-

* Подготовлено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

па со стабильным составом [1]. Человек же, идентифицирующийся с этносом, приобретает устойчивый этнический статус. В ситуации роста этнической идентичности и расширения межэтнической коммуникации (трудовая миграция, академическая мобильность, туризм, эмиграция, беженцы) возникает необходимость изучения этнической самоидентификации, а также восприятия и отношения к представителям другой этнической группы [2]. Для изучения этнической идентичности может быть применим объяснительный потенциал теории социальных представлений (С. Московичи, Д. Жоделе, В. Дуаз, К. Абрика, И. Б. Бовина), однако все чаще при изучении социальных представлений их рассматривают как когнитивные системы, и в этой связи следует утонить связь между понятиями «социальное представление» и «ментальная репрезентация».

На основе научно-теоретического анализа можно выделить несколько точек пересечения концепции «ментальных репрезентаций» и теории «социальных представлений».

Во-первых, и социальные представления, и ментальные репрезентации, выступая как особые «психологические орудия», позволяют понимать смысл окружающего человека мира, что создает возможность понимать других людей, быть понятным для других людей, организовать коммуникативный процесс по поводу различных событий.

Понятие «ментальная репрезентация» направлено на изучение содержания вербальных и образных представлений человека о себе, мире и Других, позволяет изучить избирательность взаимодействия людей с миром, предпочтения человека, направленность человека к определенным аспектам взаимодействия, соответствие-несоответствие человека ситуации или Другому человеку. Репрезентации выступают как возможность категоризации информации о каком-либо предмете или аспекте действительности. Самым популярным является понятие «репрезентация знаний» как символически представленная информация [3]. Именно этим понятием когнитивисты пытаются объяснить различия в восприятии мира. Различия обнаруживаются в том, что представления одного человека не совпадают с представлениями другого об одной и той же реальности (предметной или социальной), не совпадает содержание воспринятого и сохраненного (информации или опыта). Р. Солсо указывает на то, что репрезентация информации в памяти не является точным воспроизведением реальной жизни, но указывает на то, что репрезентации — это «сочетание информации, умозаключений и реконструкций» [3, с. 39].

Теория С. Московичи фиксирует, «ухватывает» процесс рождения социальных представлений в обыденном, повседневном мышлении конкретного человека, социальной группы, т. е. объективирует «переходную» форму системы «человек-общество», где субъект осмысливает, понимает окружающий его социальный мир, осмысливает и интерпретирует окружающую человека социальную реальность.

Во-вторых, и социальные представления, и ментальные репрезентации обеспечивают человеку построение относительно непротиворечивой, согласованной картины мира.

Ч. Носал рассматривает репрезентации в качестве уровней переработки информации [4]. Он выделяет четыре уровня переработки информации, первый из них отвечает за создание репрезентаций окружающей действительности в форме кратковременных перцептивных образов. Автор указывает, что уровни переработки информации и способы переработки информации лежат в основе когнитивных стилей как индивидуально-своеобразных способов переработки информации.

В общем смысле социальные представления можно рассматривать и как особый «инструментарий» индивида для овладения действительностью и ориентации в диффузном и изменяющемся мире. И. Б. Бовина [5] выделяет в качестве одной из функций социальных представлений функцию облегчения осуществления коммуникаций. Суть этой функции автором видится в том, что человек, вступая в коммуникацию, нуждается в предмете разговора, интересном для всех общающихся сторон. Условно предметом такой коммуникации, бесчисленных разговоров, являются социальные представления. Будучи социально выработаны и разделены, представления порождаются, закрепляются и видоизменяются в этих коммуникациях.

В-третьих, и социальные представления, и ментальные репрезентации на основе когнитивной «работы» трансформируют одни понятия в другие (переводя «незнакомое», «непонятное» в «знакомое», «понятное») и, что является крайне важным, придают усвоенному субъективную «окрашенность», наполняют усвоенное реальным, «личностным смыслом» (А. Н. Леонтьев).

Л. В. Лаенко указывает на то, что ментальные репрезентации представляют собой оперативную форму ментального опыта, которая меняется как по мере изменения ситуации, так и в результате динамики интеллектуальных усилий субъекта, и в самом общем виде являются специализированной умственной картиной события [6]. В это связи интересен структурный подход Ж.-К. Абрика [7], согласно которому для описания социального представления необходим анализ

структуры представления, позволяющий проводить процедуру сравнения, а именно: выявить сходства и различия представлений в различных группах. Структурными элементами социального представления по Ж.-К. Абрику являются ядро (стабильное и устойчивое) и периферия (динамичная и изменчивая, обеспечивающая способность человека адаптироваться к конкретной реальности). Репрезентации — это результат трансформации получаемой информации на основе уже имеющейся у человека «богатой и сложной сети наших знаний» и прошлого опыта [3].

Говоря о социальных представлениях, ученые выделяют их главную функцию — функцию трансформации незнакомого в социальные представления, которые задают оценки мира, формируют поведение и определяют вектор направленности коммуникации человека. Процесс от незнания к знанию, к субъективной реальности человека С. Московичи объясняет тремя механизмами: закреплением (категоризация, отнесения понятия к обыденным образам, устойчивым знакомым категориям), объектификация (наименование, после отнесения к той или иной категории познаваемое приобретает известные характеристики) и натурализация (функционалирование в языке общения, становится объектом коммуникации) [8]. Такая динамика социальных представлений позволяет человеку сохранить внутреннюю картину мира непротиворечивой.

А. Г. Андреева выделяет еще одну крайне важную связь между социальными представлениями и ментальными репрезентациями — это проблема соответствия [9]. И ментальные репрезентации, и социальные представления обеспечивают селективный отбор информации, что ведет к получению лишь той информации, которая соответствует когнитивному плану, когнитивному опыту, когнитивной схеме (если говорить о когнитивном подходе), социальным представлениям (если придерживаться теории С. Московичи). Основная задача механизма «соответствия» — обеспечить устоявшуюся картину мира человека (понятную, связанную, непротиворечивую, комфортную). В этой связи стоит выделить и защитную функцию социальных представлений. Так, О. А. Полюшкевич видит содержание защитной функции социальных представлений в регуляции отношения человека с миром [10]. По мнению автора, социальные представления ограничивают поступление в сознание информации, которая могла бы противоречить сложившимся представлениям, а также возможности человека в выборе и модификации поведения, что, в свою очередь, придает существенную устойчивость когнитивной сфере человека и его поведению.

Таким образом, нами были отмечены основные четыре сходства между понятиями «ментальные репрезентации» и «социальные представления», что позволяет принять тезис, высказываемый разными авторами, о том, что социальные представления, прежде всего когнитивные системы, системы ментальных репрезентаций. А это, в свою очередь, позволяет нам говорить, что и социальные представления, и ментальные репрезентации в силу их разделяемости разными людьми обеспечивают конструирование и поддержание социальной идентичности. Человек не просто идентифицируется с группой, у человека, вовлеченного в группу, вырабатывается свое собственное «групповое» самосознание, восприятие себя как элемента данной группы (общности), разделяющего общее мировоззрение, общий взгляд на мир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учебник для вузов. М., 2009.
2. Дирин Д. А., Гончарова Н. П. Роль социологии в изучении этнокультурных ландшафтов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.
3. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб., 2006.
4. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.
5. Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3.
6. Лаенко Л. В. Категория ментальной репрезентации: результаты теоретического и методологического поиска // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1.
7. Муращенкова Н. В. Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12 (20).
8. Якимова Е. В. Социальные представления: теория, критика, эмпирия // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11: Социология. 1995. № 4.
9. Андреева Г. М. Психология социального познания : учебное пособие. М., 1997.
10. Полошкевич О. А. Основы анализа гендерной специфики социальных представлений. Иркутск, 2009.

Д. А. Омельченко, Г. С. Авдеева (Барнаул)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АКЦИОНИЗМА*

Российская молодежь сегодня демонстрирует парадоксальность, сочетая в своих установках и поведении противоречивые черты. Наряду с «аполитичностью», регистрируемой при изучении отношения к политическим институтам, молодежь обращается к протестной активности, новым способам политической коммуникации. Неформальные молодежные политические практики, как правило, воспринимаются политическими элитами как деструктивные, угрожающие стабильности политической системы и общества [1]. Однако игнорирование или правовая «стигматизация» молодежных политизированных акций, инициированных молодежными сообществами, способны лишь усилить недоверие молодежи к действующим политическим институтам. Новый молодежный акционизм должен стать предметом научного изучения и обсуждения, поскольку без понимания этого явления сегодня невозможно создать все необходимые условия для полноценного участия молодых россиян в политической жизни страны.

Понятие «акционизм» имеет полисемантическую структуру, обусловленную различными практическими и научными сферами его применения и интерпретации. В сфере искусства под акционизмом понимается одна из интердисциплинарных форм художественного выражения, постмодернистских динамических художественных практик. Яркими примерами акционизма в искусстве являются работы М. Абрамович, Дж. Поллока, И. Кляйна, Г. Бруса, В. Аккончи, а среди российских художников — А. Бренера, Е. Ковылина, О. Кулика, Ю. Лейдермана, П. Павленского, получившие скандальную известность акции арт-групп «Э.Т.И.», «Война», «Бомбилы», «Pussy Riot». Подобные художественные акции зачастую носят провокативный, шокирующий характер, часто имеют скрытый политический контекст, выступая инструментом социальной критики властных институтов и культурных стереотипов путем высмеи-

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ в области поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-5922.2014.6 «Молодежный акционизм в общественно-политическом пространстве регионального социума: концептуальный анализ социальных практик и сетевых моделей» и государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

вания и абсурдизации, пародии и карнавальной инверсии установленных иерархий, травестирования жанров, утверждения спонтанности и игры воображения [2].

В общественных науках термин «акционизм» используется для обозначения публичных политических действий, зачастую сопряженных с экстремальностью, нарушением моральных норм и правопорядка. Так, в «Энциклопедии социологии» (2009) акционизм определяется как «тактика определенных, чаще всего экстремистки ориентированных социальных групп, в основе которой лежат неясно осознанные политические цели и спонтанный протест против властей». Акционизм, наиболее ярко проявившийся на мировой политической арене в эпоху массовых антивоенных и правозащитных движений 1960-х гг., вызвал критику теоретиков общественной мысли. Так, Т. Адорно и Ю. Хабермас обвиняли «новых левых» в отсутствии рефлексии, стремлении к импульсивным действиям, «опасной практике мобилизации ради самой мобилизации», которые не могут быть эффективным способом изменения общественного мнения [3].

Д. В. Громов, анализируя феномен уличного протеста, определяет акционизм как «практику специфических коллективных и индивидуальных действий, направленных на формирование информационного посыла и имеющих черты театрализованной презентации», используемые политическими сообществами для высказывания своих политических требований и оказания влияния на принятие решения социально-политических проблем [4, с. 3].

Анализ исследовательского контекста, в котором используется термин «акционизм», позволяет заключить, что наиболее существенными признаками данного явления являются следующие:

- публичность: акции обязательно происходят в публичном пространстве, освещаются средствами массовой информации и новыми социальными медиа, направлены на привлечение внимания, акцентуацию какой-либо проблемы. Публичность связана с прямым взаимодействием индивидов, разделяющих ту или иную систему ценностей, именно в публичной сфере происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями;
- рациональность: в отличие от стихийных форм коллективного поведения акции представляют собой заранее спланированные, осознанные действия, хотя их последствия не всегда осознаются и подвергаются рефлексии;
- альтернативность: в эпоху кризиса традиционных политических институтов (прежде всего институтов выборов и политических партий), отчуждения большинства молодежи от «тра-

диционной политики» акционизм представляет собой неконвенциональную форму активного политического участия;

- креативность: трансляция смыслов и информационных посланий, заложенных в акции, происходит не напрямую, а в игровой, театрализованной манере, посредством заимствованных в арт-активизме художественных средств (перформанс, хеппинг, использование пародии, карнавальных форм, субверсивной аффирмации);
- экстремальность: выбор эпатажных, зачастую идущих вразрез с общественной моралью и существующим законодательством форм действия приводит к неоднозначному восприятию акции общественным мнением и столкновению с органами правопорядка.

Принимая данные характеристики в качестве отправной точки, мы предлагаем расширить понимание данного термина и определить молодежный акционизм как форму активного политического участия молодежи в виде публичных индивидуальных и коллективных действий, осуществляемых для привлечения внимания общественности к актуальным социальным вопросам, оказания влияния на функционирование политической системы, выработку политических решений.

Таким образом, в сферу нашего анализа попадают разнообразные практики, которые могут носить как легальный (конвенциональный), так и протестный несанкционированный характер, а их участники действовать в рамках как формальных (общественные и общественно-политические организации, политические партии, парламентские структуры), так и неформальных объединений и ассоциаций гражданского общества, индивидуальных инициатив, разрабатываться в реальном и виртуальном коммуникационном пространстве.

Такой широкий подход к определению молодежного акционизма обоснован особенностями проявления политического участия в условиях поздней или «текучей» современности (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман). Глубинные социокультурные трансформации, затронувшие все современные общества и придавшие им черты высоко медиатизированных, технологически развитых и в то же время в крайней степени индивидуализированных, предопределили пересмотр определения «политического» в его обычном понимании.

В качестве политического начинает рассматриваться не только действие, структурированное посредством политических институтов и неправительственных организаций, но любое действие, в том числе индивидуальное, подрывающее установленные иерар-

хии ценностей и норм, институтов и авторитетов действие, облеченное в свободные неформальные формы. Эти действия активно перемещаются в сферу частной жизни, в область альтернативных и более индивидуализированных способов самовыражения, что нашло отражение в концепциях «личного политического», «субполитики», «персонализованной политики», «политики жизненного стиля» [5–8]. В дополнение к конвенциональным формам эти проекты отражают идеалы сетевого управления и обычно имеют нелинейную, неиерархическую и флюидную природу. Этот процесс опосредованной мобилизации локализован в рамках социальной активности и описывается микродействиями индивидуальных агентов, участия на основе потребности, отсутствии четко определенных обязательств. Альтернативные активисты используют альтернативные средства коммуникации, создавая и культивируя межличностные онлайн-сети, и претендуя на автономные пространства участия — свободные от идеологии, основанные на диалоге, обсуждении и разделении идей [9].

Таким образом, модель современного политического участия, сложившаяся в постиндустриальных обществах (к которым в определенной степени можно отнести и Россию), включает в себя деятельность, носящую более широко понимаемый политический характер, большая часть гражданского участия реализуется не в политически ориентированных формах, а в активности, связанной с целями нового образа жизни [10, с. 520–521]. Следовательно, анализ того, в какой форме, через какие каналы и практики молодежь стремится донести до других участников политического процесса свое видение актуальных проблем российского общества, крайне важно для налаживания продуктивного диалога между молодежью и властью. Явление молодежного акционизма доказывает, что, вопреки распространенной точке зрения, молодежь является (и должна быть) не объектом, а субъектом политического процесса в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нагайцев В. В. Феномен негативной мобилизации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.
2. Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72).
3. Thomassen L. Habermas: a guide for the perplexed. Bloomsbury Publishing, 2010.

4. Громов Д. В. Уличные акции молодежных политизированных сообществ как объект социально-антропологического изучения : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013.

5. Carroll S. J. The Personal Is Political: The Intersection of Private Lives and Public Roles Among Women and Men in Elective and Appointive Office. *Women & Politics*. 1989. №9 (1).

6. Beck U. Subpolitics: Ecology and the Disintegration of Institutional Power // *Organization & Environment*. 1997. Т. 10. №9. 1.

7. Lichterman P. The search for political community: American activists reinventing commitment. Cambridge, 1996.

8. Micheletti M., Stolle D., Berlin D. Habits of Sustainable Citizenship: The Example of Political // *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. 2012. Т. 12.

9. Garrett R. K. Protest in an Information Society: A Review of Literature on Social Movements and New ICTs. // *Information, Communication and Society*. 2006. №9 (2).

10. Патрушев С. В. и др. Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // *Россия реформирующаяся* : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М., 2008.

Н. П. Гончарова, Д. А. Дирин (Барнаул)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ И СИСТЕМ ГОРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ АЛТАЯ В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ КОШ-АГАЧСКОГО РАЙОНА*

Вопрос о специфике природы этнических общностей до сих пор не нашел однозначного ответа в отечественной науке. Одним из подходов к анализу данного явления можно считать подход, сложившийся в рамках культурной географии, — теория культурного ландшафта [1]. Под культурным ландшафтом понимается природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и местного сообщества людей, рационально осваивающих (утилитарно, семантически и симво-

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

лически) и преобразующих пространство согласно своим духовным и материальным потребностям [2].

В статье представлен анализ результатов анкетирования ($n = 210$) и нарративных интервью ($n = 28$) с представителями местных сообществ Республики Алтай. На примере Кош-Агачского района представлены субъективные характеристики основных показателей и особенностей современного функционирования и трансформации этнокультурных ландшафтов Алтая. В статье представлены результаты исследований, выполненных при поддержке гранта РФФИ № 14-05-00650 «Постсоветские трансформации систем горного природопользования в Южной Сибири».

Образ жизни казахов, по мнению половины опрошенных, сильно отличается от образа жизни других национальностей. Однако 35,7% респондентов считают, что отличается, но незначительно. За последние 20 лет образ жизни местного населения изменился — появились новые автоматизированные технологии, пришедшие на смену ручному труду, изменился сам уклад жизни. Все активнее стали применяться новые способы хозяйствования с применением новой техники: трактора, машины, сенокосилки.

Основным принципом создания населенных пунктов испокон веков было то, что предки выбирали место для основания селений в долинах рек (46,2%), в предгорьях (30,8%) или в гористой местности (23,1%). Традиционно территорией своей этнической группы местные жители считают ту территорию, на которой они проживают: долину Чуя, Кош-Агачский район, село Кош-Агач, Акташ. «Своей» она считается потому, что здесь живет семья (41,7%), это историческая Родина (25%), здесь живут представители своего этноса (16,7%).

В настоящее время жилища в селе Кош-Агач располагаются рядом друг с другом (80%), точно так же, как и с момента его основания. Внутренне убранство дома опрошенных не отличается от убранства жилища предков и включает сегодня ковры и дорожки, занавеси, картины и предметы украшения, предметы мебели, посуду, предметы культа и поклонения.

Местное население сегодня занимается такими промыслами, как скотоводство (85,7%), рыболовство (28,6%), торговля (28,6%), охота (14,3%). Предки местных жителей с момента основания поселения занимались теми же промыслами, но скотоводство все же преваляло (100%). Во владении местных жителей — представители казахской этнической группы — с момента основания поселения имеется как приусадебный, так и полевой земельные участки. При этом земельные наделы в местной общине переделываются сего-

дня по семейным парам (57,1%) и поровну по дворам (42,9%), тогда как раньше переделы происходили не только поровну по дворам (46,2%), но и по мужским душам (30,8%).

Культовые места в селении располагаются, как правило, в центре поселка, на склоне горы или у ее подножия. Там же создавали культовые места предки местных жителей. До настоящего времени местные жители сохранили такие традиции, как элементы национальной культуры — в одежде, в предметах украшения, в убранстве дома, на участке (62,5%), национальная пища — секреты и способы приготовления (62,5%), традиционный календарь (25%). Элементами национального костюма респонденты называли чапан, тюбетейку, женский головной убор саукеле. Традиционными видами пищи считаются мясо (53,8%), супы (46,2%), молоко (38,5%), напитки (38,5%), выпечка (15,4%). Эта система питания сохранилась до настоящего времени.

Также сохранились у местного казахского населения и национальные обряды — сватовство, 40 дней со дня рождения ребенка Керек чельбек, ураза. В целом, как говорят опрошенные, «каждая нация живет по своим традициям». Среди местного населения существуют до сих пор такие игры, как алтыбакан, кокбар, конные скачки, ку-реш. Есть также традиционные песни — кара жорга.

Родство по мужской линии у казахов имеет большее значение. С момента освоения данной территории предками численность всего населения казахской этнической группы увеличилась, по мнению половины опрошенных, из-за естественного прироста. Вероятно, это произошло потому, что местные жители сохраняют свои обычаи и традиции (53,8%), а также придерживаются своих, выработанных годами норм поведения (23,1%). При этом представителям казахского этноса скорее удалось адаптироваться к современным условиям жизни — большинство из них (72,7%) идентифицируют себя с жителями Республики Алтай и не собираются менять место жительства (78,6%). Несмотря на свою региональную самоидентификацию, респонденты не забывают о своей национальности — считают себя казахами, потому что связывают себя и своих родителей с этой этнической группой, воспитывались на национальной культуре и считают ее своей, говорят на казахском языке.

Результаты анкетного опроса подтверждаются и данными нарративных интервью, которые проводились с представителями казахской этнической группы в Кош-Агачском районе. В интервью изучался традиционный образ жизни казахов в Республике Алтай, складывающийся на протяжении истории. Нарративы содержат информа-

цию о том, как исторически, от поколения к поколению, до настоящего времени складывался и изменялся жизненный уклад казахского этноса на территории Горного Алтая.

Казахское население появилось в Кош-Агачской долине в начале XVII в., тогда и возникли первые упоминания о них. Это были кочевые племена, которые переселялись из Восточного Казахстана: *«в 1670-е гг. один казахский бай-кочевник обратился за выделением земель для кочевых народов на правое побережье Чуи к теленгитам, ему дали добро, с тех пор казахи в основном живут в Кош-Агачском районе, где их примерно 12–13 тыс. человек, а в самой Республике — 30 тыс. человек»*. Предков казахов называли казахами Чуйской степи.

Первоначально казахи занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни: *«Казахстан — Алтай — Монголия — Китай и обратно»*. По мнению опрошенных, основали Кош-Агачское поселение русские купцы. Изначально здесь была перевалочная база на Монголию, с которой развивались торговые отношения. Позднее, во второй половине XIX в., стали вести оседлый образ жизни. Сначала жили в кибитках, потом в юртах: *«юрты здесь стояли, потом погранотряды были, потом постепенно, постепенно стали оседать, дома строить»*.

В советский период уклад жизни немного изменился за счет коллективизации: *«были образованы сначала Томский уезд, потом Бийский уезд, здесь в районе был аймак. В 1960-е гг. было 15 тыс. населения, 11 населенных пунктов, было организовано 9 колхозов, развивалось животноводство в основном. С развалом советского колхозного хозяйства начался еще один новый уклад жизни»*. При советской власти в районе стали строить саманные дома. Нужно отметить, что в Республике Алтай колхозы долго сохраняли свое существование, *«в 2003 г. они не развалились, но по решению колхоза были розданы колхозникам на паи»*.

Традиционным и приоритетным видом хозяйства в районе испокон веков является скотоводство, что со временем не изменилось. Способствуют этому неблагоприятные климатические условия, которые пригодны только для скотоводства, потому что *«картофель даже не растет, все завозное»*. Хотя сегодня скотоводство — это в основном традиции, оно стало менее развито, основной доход не дает, *«кто предприимчивее, тот держит скот»*.

Сегодня в районе развиваются фермерские хозяйства, строительство, торговля, производство кирпича, кумыса. Последние 7–8 лет активно развивается туристическая деятельность. Местное население зарабатывает на туризме — *«сувениры, на лошадях катают,*

на верблюдах». А молодежь стремится уехать в город или на Север на заработки.

В настоящее время строятся в основном деревянные дома, «из кирпича не строят, дорогой он очень, раньше строили, сейчас нет». Как отметил один из опрошенных, в 2003 г. после землетрясения стали строить деревянные дома, а в последнее время — блочные.

По оценкам опрошенных, на протяжении истории все этносы, населяющие Кош-Агачский район, а именно «алтайцы, казахи и русские — все дружно живут». Объясняется это тем, что край суровый, люди друг другу очень помогают, эта традиция сохранялась испокон веков. Хорошим межэтническим отношениям способствуют и достаточно распространенные смешанные браки. Сохранили казахи и такие традиции, как почитание старейшин, национальные праздники (наурыз), религиозные традиции («мечеть открыли»). Фольклор, по оценкам опрошенных, может быть раньше и сохранялся, но сейчас уже забывается. Из ремесел сохранился процесс изготовления сырмака — узорчатого казахского ковра, сшитого из кусков войлока разных цветов, одного из главных предметов убранства казахской юрты. Святыми местами для местного населения считаются вершины гор, родники в деревне, например, Аржан-Суу.

Таким образом, анализ результатов анкетирования и нарративных интервью с представителями местных сообществ показал, что трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в значительной степени природообусловлена как территория с резкими природными ограничениями для жизни населения и ведения хозяйственной деятельности. Скотоводство как традиционный вид хозяйства хоть и сохраняется в настоящее время, но больше считается традицией, нежели способом получения дохода. Естественная изолированность и труднодоступность территории Алтая, его удаленность от цивилизационных центров, сложные климатические условия определяют значительную устойчивость и сохранность традиционных форм культуры и в целом традиционных культурных ландшафтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дирин Д. А., Гончарова Н. П. Роль социологии в изучении этнокультурных ландшафтов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия: География. 2001. № 1.

И. В. Антонович (Барнаул)

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Одним из приоритетных направлений стратегии государственной молодежной политики в РФ является привлечение молодежи к добровольческому труду в регионах России и за рубежом в сферах массового молодежного спорта, туризма и досуга молодежи. Добровольческие инициативы распространяются на любую сферу человеческой деятельности — работу с социально незащищенными слоями населения; развитие проектов, укрепляющих дух социальной терпимости; миротворчество; разрешение конфликтов; экологическая защита и другие сферы.

В России в последнее время широко поддерживаются социальные и добровольческие инициативы, такая деятельность соответствует социальной политике государства, направленной на развитие и поддержку институтов добровольчества, реализацию демократических идей, прав человека и социальной справедливости.

Добровольчество позволяет развивать и совершенствовать профессиональные компетенции студентов, готовит их к практической деятельности и способствует формированию мобильности молодых людей как ключевого качества специалиста.

Сегодня государство признает, что именно молодые люди, а более точно — молодые добровольцы, призваны стать важными субъектами реализации государственных задач в сфере социальной политики. К 2020 г. необходимо, чтобы добровольцев в России было 30% от всех молодых людей. В Европе сейчас 35% [1].

Добровольчество есть мощный инструмент и ресурс для решения серьезных социальных проблем, повышения эффективности работы студенческих сообществ, представляющих экономический, политический и социальный потенциал нашей страны. В последнее время в студенческой среде существует тенденция увеличения числа студентов, которые вступают в студенческие профсоюзы, занимаются общественной деятельностью с целью самореализации, установления личных контактов, желания найти новых друзей, накопить жизненный опыт, навыки, применить свои знания на практике.

Студенческая добровольческая деятельность осуществляется преимущественно в рамках студенческого самоуправления, которое успешно развивается и поддерживается, давая молодым людям возможность проявить себя.

Система студенческого самоуправления позволяет современной молодежи влиять на решение вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы как студентов, принимать активное участие в общественной жизни, а также проявлять и находить себя [2].

В качестве критериев подготовленности студентов вузов к волонтерской деятельности выступают: сформированность определенных личностных качеств и черт характера добровольцев; сформированность мотивации к достижению успеха в волонтерской деятельности; осознание и принятие ценностей волонтерства как жизненно важных; стремление студентов-волонтеров к гуманистически ориентированному взаимодействию [3].

В любом высшем учебном заведении, на любом факультете всегда есть активные студенты с высоким потенциалом и активной жизненной позицией, что позволяет организовать добровольческую деятельность или инициативную группу.

Рассмотрим направления студенческого добровольчества в системе реализации молодежной политики на примере некоторых высших учебных заведений Барнаула и общественных организаций, осуществляющих добровольческую деятельность.

1. Волонтерский центр Алтайского государственного университета, целью которого является координация и поддержка деятельности добровольцев АлтГУ.

Центр осуществляет добровольческую деятельность по следующим направлениям: социальное, экологическое, стихийное, психологическое, донорство, патриотическое.

При осуществлении добровольческой деятельности центр поставил перед собой следующие задачи: 1) продвижение и популяризация добровольческих ценностей в АлтГУ; 2) определение направлений деятельности добровольцев; 3) разработка и реализация эффективных механизмов, форм и методов работы с различными целевыми группами; 4) курирование руководителей добровольческих отрядов, оказание им практической и методической помощи; 5) координация деятельности добровольческих отрядов с организациями-партнерами; 6) обобщение опыта реализации добровольческих проектов и подготовка предложений по дальнейшему развитию добровольческой деятельности и др.

В волонтерский центр может вступить любой студент Алтайского края.

2. Центр спортивного добровольчества «Лидер», цель которого состоит в том, чтобы развить спортивное добровольчество на территории Алтайского края, административным центром которого является Барнаул.

Направления деятельности добровольческого движения следующие:

- пропаганда здорового образа жизни;
- проведение социально значимых спортивно-массовых мероприятий в Барнауле и Алтайском крае;
- взаимодействие с государственными органами, общественными и коммерческими организациями, заинтересованными в осуществлении деятельности добровольческого движения;
- оказание помощи в проведении спортивно-массовых мероприятий заинтересованных лиц и др.

Задачи Центра спортивного добровольчества «Лидер»:

- популяризация идей спортивного добровольчества в студенческой среде, осуществление рекламно-информационной деятельности;
- создание оптимальных условий для распространения спортивного волонтерского движения и активизации участия молодежи в социально значимых проектах;
- участие в подготовке и проведении спортивных, массовых социально-культурных, информационно-просветительских мероприятий;
- реализация программ профилактической и информационно-пропагандистской направленности;
- привлечение молодежи к участию в добровольной безвозмездной помощи благополучателям (нуждающимся) и др.

3. Добровольческий центр Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА). Цель деятельности центра состоит в координации добровольческой деятельности студентов АлтГПА поддержке добровольческих инициатив, создании благоприятных условий для наиболее полной реализации образовательного, интеллектуального, профессионального, добровольческого и творческого потенциала добровольцев [4].

4. Алтайский государственный медицинский университет также осуществляет добровольческую деятельность.

Направления добровольческой деятельности студентов АлтГМУ следующие:

- благотворительные акции;
- донорские акции;
- мероприятия по уборке лесных и прибрежных территорий;
- акции по пропаганде здорового образа жизни;
- студенческие медицинские отряды для оказания медицинской помощи жителям сельской местности.

Таким образом, добровольческая деятельность студентов помогает вузам устанавливать контакты с общественными и муниципальными организациями с финансовой и стратегической выгодой. В результате участия в добровольческой деятельности у студентов формируется активная жизненная позиция, развитие студенческого добровольчества должно оставаться эффективным инструментом для решения проблем социальной политики современного общества.

Сегодня государство признает, что именно молодые люди, а более точно — молодые добровольцы, призваны стать важными субъектами реализации государственных задач в сфере социальной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодренкова Г. П. Добровольчество как фактор повышения эффективности государственной социальной политики: международный и российский опыт // Общественные институты — реальная сила развития гражданского общества в России : сборник статей по материалам заочной научно-практической конференции / под ред. О. А. Копцевой. М., 2006.

2. Чуканова Т. В. Профилактика социально неадаптированного поведения как условие оптимального социального самочувствия подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

3. Учитель : газета. 2014. № 8.

4. Педагогические условия подготовки студентов вузов к волонтерской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-pedagogicheskie-usloviya-podgotovki-studentov-vuzov-k-volonterskoj-deyatelnosti>.

Д. А. Зальцман (Барнаул)

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ЦЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Одним из важнейших факторов становления демократического правового государства является развитие гражданского общества, основу которого составляет сознательное добровольное участие граждан в общественной жизни страны [1]. В практическом

измерении это означает, что уровень развития гражданского общества, укрепление гражданственности, преодоление бедности и решения многочисленных социальных проблем напрямую зависит от степени вовлеченности граждан в общественно-полезную деятельность на добровольных началах (добровольческую деятельность) [2, с. 12].

С основой на положения Всеобщей декларации прав человека базовые принципы и ценности добровольчества впервые в международном масштабе были сформулированы во Всеобщей декларации добровольчества, принятой в 1990 г. на XI Всемирной конференции добровольцев Международной ассоциации добровольческих усилий в Париже. В ней изложены основные принципы и концептуальные подходы добровольчества, обосновывающие необходимость развития добровольчества в каждой стране, в каждом обществе. Именно с этого времени добровольчество рассматривается как инструмент экономического, социального, культурного и экологического роста общества [3].

В основе феномена добровольчества лежит твердая вера в такие ценности, как равенство, солидарность, гражданская ответственность, коллективная и сознательная свобода.

В новой редакции Всеобщей декларации добровольчества сформулированы базовые положения, показывающие неотъемлемое право каждого человека, независимо от национальности, места проживания, социального положения, религиозных и политических убеждений, на участие в добровольческой деятельности [4].

«Добровольчество — фундамент гражданского общества. Добровольчество, — будь это индивидуальное или групповое действие — является способом, посредством которого:

- в обществе поддерживаются и усиливаются такие человеческие ценности, как забота и помощь;
- люди реализуют свои права и ответственность членов общества, одновременно с процессом познания нового, совершенствования своей жизни, раскрытия своего полного человеческого потенциала;
- могут быть установлены связи, которые независимо от различий способствуют тому, чтобы жить в здоровых, устойчивых сообществах, работать вместе над созданием инновационных решений общих проблем и построения общей судьбы» [5].

В основе современной концептуальной и философской основы добровольчества лежат несколько основополагающих идей [2, с. 19]:

Добровольчество как социальное явление — глубокая традиция многих цивилизаций и народов, корни которого исходят из социальной природы людей, их естественного желания откликнуться на нужды других, объединять усилия для улучшения своей и окружающей жизни.

Добровольчество как междисциплинарное универсальное явление, возникает везде, когда в нем появляется социальная потребность.

Добровольчество вносит общий и особый психологический смысл в жизнь любого сообщества, на местном уровне объединяет людей, укрепляет межличностные связи, помогает устранить противоречия.

Быть добровольцем — это значит на основе выбора, исключаящим какое-либо принуждение, помогать отстаивать права граждан на достойную жизнь, помогая обществу в целом.

В любом обществе есть люди, которые нуждаются в помощи, как и люди, готовые помочь. Добровольческая деятельность столь же выгодна для людей, получающих помощь добровольцев, так и для тех, кто ее оказывает (добровольцев) [6].

Существуют множество мотивов, почему люди становятся добровольцами [2, с. 22]. Мотивы альтруизма, включающие чувство солидарности и идентификации себя с обездоленными и страдающими, а также желание дать надежду и достоинство людям, которым они требуются. Мотивы полезности, включающие возможность встречи с новыми людьми, приобретения новых навыков и интересное проведение досуга. Мотивы долга и морального удовлетворения, включающие возможность вернуть долг обществу, выполнение работы от которого невозможно отказаться, а также душевное удовлетворение.

В практическом измерении добровольческая деятельность определяется на основе совокупности трех основных критериев, обеспечивающий полный охват возможных видов деятельности добровольцев, в то же время позволяющий исключить другие возможные формы общественного поведения, не являющегося добровольческим [2, с. 29–30]:

1. Добровольческая деятельность не направлена на получение прибыли (осуществляется без ожидания получения вознаграждения).

2. Является результатом свободного, осознанного выбора человека (без принуждения и указания «сверху»).

3. Результат приносит пользу третьим лицам и (или) обществу в целом, а также самим добровольцам.

На основе данных критериев можно дать следующее определение понятия «добровольцы»: это люди, независимо от возраста, пола, положения в обществе, политических и религиозных убеждений, посвящающие часть своего личного времени, знаний, энергии для помощи другим людям, улучшения окружающей жизни или развития общества в целом, работая без вознаграждения (безвозмездно), на основе свободного, осознанного выбора.

Выделяют следующие типы добровольческой деятельности.

Неуправляемая (неорганизованная) добровольческая деятельность — это деятельность, основанная на спонтанном проявлении оказания помощи, как правило, соседям или помощи во время чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, катастроф [2, с. 30].

Управляемая (организованная) добровольческая деятельность — добровольческая деятельность, организованная и осуществляемая через некоммерческие, государственные, муниципальные учреждения, бизнес-организации, инициативные и иные самоорганизующиеся группы [2, с. 31].

Добровольческая деятельность независимо от типа может приобретать разный характер [7]:

- краткосрочная добровольческая деятельность — это одноразовое, единичное, несистематическое участие волонтера в добровольческой деятельности;
- регулярная добровольческая деятельность — осуществляемая на систематической основе регулярная или периодическая деятельность, например, один раз в неделю или несколько раз в месяц (по 3–4 часа);
- долгосрочная добровольческая деятельность — деятельность добровольца на постоянной основе в течение определенного срока (по согласованному временному графику работы).

Направления добровольческой деятельности классифицируются следующим образом [2, с. 32–33]:

1. Обслуживание (традиционные виды оказания добровольческой социальной помощи нуждающимся людям, оказание профессиональных услуг, организационно-техническая помощь).

2. Руководящая деятельность (руководство НКО, членство в советах директоров, наблюдательных, экспертных, попечительских советах НКО).

3. Общественное участие, гражданская социальная активность (защита прав и интересов граждан, работа в комитетах самоуправления, взаимодействие с органами государственной власти и др.).

4. Взаимопомощь, самопомощь (деятельность групп граждан по месту жительства, объединение и деятельность групп в интересах ее членов).

5. Сбор средств (деятельность по сбору добровольных пожертвований для благотворительности или реализации конкретной социально значимой цели, добровольческих программ, проектов).

Таким образом, добровольчество — признанный во всем мире эффективный способ объединения усилий и ресурсов общества и государства в решении социальных задач, мобилизации общественной инициативы, социальной консолидации общества, метод воздействия на повышение эффективности социальной политики и в целях достижения благополучия общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонович И. В. Деятельность некоммерческих организаций в контексте социологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

2. Бодренкова Г. П. Системное добровольчество в России: от теории к практике : учебно-методическое пособие. М., 2013.

3. Всеобщая декларация добровольчества [Электронный ресурс]. URL: <http://svg-rainbow.org/publ/4-1-0-2> (дата обращения: 10.11.2014).

4. Антонович И. В. Вектор молодежного добровольчества в России на современном этапе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

5. Материалы XVI Всемирной конференции добровольцев Международной ассоциации добровольческих усилий (IAVE), Амстердам, 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rostovgorod.ru/upload/uf/763/7635688b47d2e36d7979fb195bfbdc92.pdf>. (дата обращения: 10.11.2014).

6. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. М. Якобсона. М., 2010.

7. Роль добровольчества в содействии социальному развитию. Записка Генерального секретаря ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org>

М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, Д. К. Щеглова (Барнаул)

МНОГООБРАЗИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

В условиях современной социальной реальности этнические процессы в рамках других глобальных социокультурных явлений действуют в направлении интеграции или дифференциации. В первом случае они имеют культурсинтезирующий характер, а во втором культуротличительные тенденции. Эти процессы часто взаимообуславливаются. В связи с этим актуализируется проблема поиска идентичности в условиях стремительно увеличивающейся тенденции унификации человечества. Одной из основополагающих проблем в научном поле исследования этнической идентификации, ее прикладного характера имеет изучение ее форм и типов. При описании форм этнической идентичности важно принять разные критерии ее классификации. Так, в контексте осознанности этнической идентичности ее делят на осознанную или бессознательную. Например, реальное проявление качеств определенных этносов может не соответствовать представлениям о должном, характерном для данного этноса.

На основе критерия целостности идентичность может быть полной или частичной, когда индивид отождествляет себя с представителями нескольких этнических групп. Критерий обусловленности делит этническую идентичность на непосредственную и опосредованную. Социальный механизм опосредования связан с включением человека в определенную этническую общность, для которой характерна сложная иерархическая структура. В данном случае включается механизм самоидентификации. Среди форм этнической самоотождествленности можно выделить личностную и групповую. Личностная идентичность включает совокупность таких факторов, как поведенческие, когнитивные, ролевые, межличностные и др. Особое влияние на качество негативной или позитивной идентичности играет самооценочный компонент личности. Ведущими аттитюдами позитивной этнической идентичности являются удовлетворенность своим членством в этнической группе, гордость своим этносом и т. п.

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Противоположными социальными установками негативной идентичности являются чувства неприятия, стыда за свой этнос, вплоть до предпочтения других этнических общностей. Негативная этническая идентичность может стать одним из факторов формирования декларируемой идентичности, не совпадающей с подлинной этнической идентичностью. Декларируемая идентичность, выступающая как причисление себя к этнической общности, проявляется в «самоназвании» и в большой степени зависит от социальной ситуации. В рамках социальных отношений индивид может эффективно использовать «переключение этнических кодов», которое не затрагивает основ его подлинной идентичности [1; 2]. Разнообразные конфигурации и совокупности личностных (психологических) и групповых (социальных) факторов и детерминант формируют специфические типы этнической идентичности, имеющие стойкие константы. Согласно представлениям Л. М. Дробижевой с соавторами, под *нормальной идентичностью*, понимаются позитивные представления о своей национальности, сопутствующие им эмоции, понятия чести, достоинства, защищенности, благополучия, близости к своим. Сюда же автор относит патриотизм, исключая фаворитизм, а также толерантные установки к «другим». *Негативной идентичности* сопутствуют ущемленная национальная гордость, обделенность, подавленность, апатия, страхи, равнодушие к политическим событиям, комплексы неполноценности [3].

На практике существуют разные факторы, детерминирующие описанные типы идентичностей. Например, согласно результатам современных социологических исследований, этническая идентичность русских меньше определяется культурными факторами, а больше базируется на государственности, зависит от политического контекста, доверия к власти. Как отмечают Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян, А. А. Сусоколов и другие, «при идеологической нечеткости отношения к прошлому и проектов на будущее, в том числе в сфере этнонациональной политики, массовое сознание русских может еще долго оставаться неконсолидированным на позитивных ценностях, а чаще опираться на оборонительные, защитные настроения» [3]. А. П. Садохин выделяет следующие типы идентичности: этноцентрическая идентичность; этнодоминирующая идентичность; этнический фанатизм; этническая индифферентность; этнонигилизм в форме космополитизма; амбивалентная идентичность [4].

Этноцентрическая идентичность связана с некритичным предпочтением какого-либо этноса. Для данной идентичности характерен конфликтный потенциал, обусловленный замкнутостью, некомму-

никабельностью, этнонационализмом, определяющийся культурно-религиозными традициями. Этноцентрическая идентичность проявляется как некритическое предпочтение какого-либо этнического сообщества и самоидентификация индивида с ней. В этом виде идентичности заметны элементы замкнутости, некоммуникабельности и этнонационализма, которые чаще всего обусловлены национально-религиозными традициями. Как считают этнологи, в условиях доминирования ориентации на мультикультуризм как одного из условий мирового развития и признания прав личности на самовыражение, в том числе и этнического, наличие умеренной этноцентрической идентичности все же оказывает заметное влияние на политические процессы современности. В связи с наличием определенно конфликтотенного потенциала данный вид идентичности может трансформироваться в крайние формы этноцентрической идентичности — этнодоминирующую идентичность (этнический гегемонизм) и этнический фанатизм [4].

В контексте этнодоминирующей идентичности у индивида принадлежность к этносу приобретает абсолютную ценность, а все другие виды идентичности, в частности семейная, профессиональная и другие, становятся вторичными. На крайнем полюсе агрессивного отношения к «другим» расположен этнический фанатизм. Для данного типа идентичности характерно абсолютное преобладание собственных этнических интересов, часто принимающих иррациональные формы. Цели такого этнического фанатизма оправдывают все средства его достижения, поэтому отличаются деструктивностью и препятствуют национальной интеграции.

Крайне негативное восприятие других этносов базируется на социальных стереотипах. В противовес типам идентичностей, препятствующим интегративным процессам, в настоящее время формируются такие типы идентичностей, которые способствуют интеграции. Например, этническая индифферентность. Для данного типа идентичности, как вытекает из его названия, незначимы проблемы собственной идентичности, а также проблемы межнациональных отношений. В данном случае акцентируется независимость от ценностей этнической группы в любых сферах жизнедеятельности. Очевидно, что если в обществе базовым будет являться тип личности с индифферентной этнической идентичностью, то этническое перестанет быть фактором развития политического процесса, фактически исчезнет с политического поля [4].

Активное отрицание этничности, этнических ценностей формирует следующий тип идентичности — этнонигилизм. Как считает

Г. И. Козырев, такое изменение является итогом негативной этнической идентичности, осознания низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности по сравнению с другими. Данная форма негативной этнической идентичности, при которой индивид избегает демонстрировать свою этничность или вообще отрицает ее, может привести к космополитизму [3]. Данная идентичность близка к трансэтнизму, когда личность, не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень представления о своем «я» как субъекте мирового сообщества (гражданин мира) [4]. Отличие космополитического этнонигилизма заключается в том, что данная идентичность освобождает человека от каких-либо существующих этнических ценностей. Тогда как в случае трансэтнизма, наоборот, наблюдается стремление «вобрать в сознание индивида все лучшие и обще приемлемые установки и ценности, созданные в рамках различных культур» [3]. В современном обществе, для которого характерен высокий уровень полиэтничности и мультикультурализма, широко представлена амбивалентная идентичность, которая характеризуется латентностью и этнической невыраженностью. Такая идентичность проявляется в равноценном отношении к разным этносам, желании принять ценности и языки нескольких предпочитаемых этносов. Например, в некоторых государствах приветствуется полиэтничная, билингвальная личность, которая сохраняет врожденную и приобретенную за счет страны проживания этническую идентичности. Такие процессы характерны, в частности, для американской культуры.

В целом в современном мире представлено значительное многообразие идентичностей. Этническая процессуальность должна стать пристальным предметом исследования современных ученых

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Черепанова М. И. Социальные риски как факторы, формирующие поведенческое пространство молодежи Алтайского края (на примере социологического исследования) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
2. Черепанова М. И. Рискологический подход к анализу современных социальных явлений // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 5. Барнаул, 2013.
3. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12.
4. Садохин А. П. Этнология. М., 2006.

С. А. Воронина (Барнаул)

РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Основная черта информационного общества — его сверхчувствительность к любому изменению, к каждой новой идее, новому образу мыслей и действия. С одной стороны, и это естественно, такая реакция приводит к образованию пространства для индивидуального творчества и, если говорить в масштабе общества в целом, расширении социального творчества, которое «вбирает в себя любое действие человека (и в целом его духовную деятельность), направленную на поддержание, развитие, совершенствование всех явлений и процессов и феноменов, связанных с взаимодействием человека, общества и культуры» [1, с. 18]. С другой стороны, приводит к унификации и полному духовно-нравственному коллапсу.

Современное общество стоит перед проблемой изменения типа его социально-структурной организации. Данные процессы затрагивают прежде всего области культуры, духовного бытия личности, системы норм и ценностей, а уж потом — экономики, политики, которые целиком зависят от духовно-нравственной составляющей социальных процессов.

Становление коммуникативного общества знаменуется относительной информационной стабилизацией, при этом интенсивность потребления информации остается достаточно высокой, но, как это ни парадоксально, сокращается разнообразие выбора информации. Формирование все новых и новых информационных структур позволяет индивиду больше ориентироваться на преимущественное потребление информации, необходимое для специализированной профессиональной, общественной, культурной деятельности. Однако следует учитывать, что формирования новых информационных структур невозможно достичь путем их искусственного внедрения, как это мы наблюдаем в современном обществе, это только усиливает стохастичный характер инфопроцессов в информационном обществе.

Резкое увеличение количества циркулирующей информации в новом обществе, не обеспеченное соответствующими информационными структурами ее отбора и применения, приводит к ситуации, когда преобладают бессистемные инфосвязи, недостаточно эффективные инфовзаимодействия и распадается единое духовное инфополе, объединяющее людей. Несмотря на обилие информации, «индивид оказывается погруженным в поток разрозненных, неупорядоченных

сообщений: он знает понемногу обо всем на свете, но структурность его мышления крайне ограничена» [2, с. 43]. Отсутствие упорядоченного объединяющего информационного поля, в свою очередь, способствует разрыву существующей системы коммуникаций и социальных отношений. Подобная структурная «разорванность», т. е. отсутствие целостности, имеет негативные социокультурные последствия, вызывая у людей чувство неуверенности, ощущение неустойчивости общества и своего положения в нем.

Стремление изменить ситуацию к лучшему путем ускоренной модернизации, как показывает опыт, обречено на неудачу. Воссоздание традиционных структур или создание совершенно новых по готовым заимствованным образцам — две крайности, соседствующие в современном информационном обществе, привели к обратному эффекту: в результате того, что амплитуда колебаний достигла в информационном обществе некоторого порогового значения, в современном нам социуме субъект блокирует поток информации, не в состоянии воспринимать, перерабатывать и применять ее на практике.

В связи с этим в информационном обществе усиливается противоречие, связанное с конфронтацией универсальных стандартов и традиционных для общества ценностей. Первые должны удовлетворять потребности в информации, обеспечивающей принципы эффективности и высокой технологичности, которые ассоциируются с рациональной общественной политикой. Последние определяют информационное единство общества и противостоят рациональным силам [3, с. 144].

Еще одна группа проблем обусловлена противоречивым взаимодействием между процессом дифференциации, т. е. созданием структурного разнообразия социальной системы, требованиями равенства и способностью системы к интеграции. Появившаяся в информационном обществе возможность использовать разнообразную информацию в разных видах и формах деятельности ведет к возрастанию социальной мобильности населения. Те индивиды, которые в условиях нестабильности могут обнаружить и включиться в эффективно работающие цепочки информационных взаимодействий, значительно повышают свой социальный статус, в то время как остальным не всегда удается даже сохранить имеющийся. Подобная дифференциация сталкивается с эгалитаристскими установками общественного сознания, в результате чего трудно сформулировать позитивные цели, интегрирующие общество для процессов созидания. Здесь также проявляется характерная для информационного общества тенденция преобладающего внимания к ценности слов и идео-

логий и недооценки прагматических предложений, исходящих из реальных и достижимых целей.

Реальный выход из сложившейся ситуации возможен, на наш взгляд, только при обращении к духовным константам национальной культуры, формировании в обществе культуры потребления и распределения информации, а именно — информационной культуры.

Многогранность культуры позволяет рассматривать ее в качестве информационной системы, включающей систему духовно-нравственных ценностей, этических норм и традиций, творческих поисков и открытий. Эта система не может не учитывать социоструктурную динамику современного мира, для которой характерны четыре основополагающие тенденции: центральное место в социальном процессе занимает человек; культура находится в постоянном прогрессивном развитии в условиях технологической революции; культура развивается параллельно с современным типом цивилизации; культура ориентирована на тенденцию к духовной интеграции человечества, и эта межцивилизационная тенденция становится ее доминантой. Эта культура, ориентированная на удовлетворение человеческих интересов, представляется нам как гармоничная и чрезвычайно сложная информационная система глобального характера.

В данной ситуации особое значение приобретает распространение культуры с помощью информационных технологий. В этих условиях культура выступает как информационно-коммуникативный процесс, в котором информация доступна каждому человеку. Поэтому информация — одно из фундаментальных ее проявлений. Благодаря дифференцированности информации, каждая культурная подсистема получает возможность вести диалог с другими культурами, приобретает динамизм и свою особую структуру. Обогащенная серьезной информацией, культура получает дополнительную возможность привлечь внимание общества к острейшим духовно-нравственным и социальным проблемам.

Будучи неотъемлемой частью культуры, в целом информационная культура представляет собой существенный момент социальной природы человека, его отношения к окружающей действительности. Именно наличие информационного аспекта в любых культурных феноменах явилось одной из причин отождествления культуры и информации, сведения всей культуры к ее информационной составляющей [4, с. 20–31].

Можно по-разному понимать информационную культуру. Одни исследователи пытаются обосновать положение, согласно которому информационная культура представляет собой всю совокупность

знаний об основных моментах информационного процесса [5, с. 13], другие трактуют ее в контексте исторического развития и ее существенной характеристикой является способность опережающего отражения. В узком смысле под информационной культурой понимается уровень развития информационных связей в конкретном обществе, а также характеристика специфической информационной сферы деятельности людей.

Информация, являющаяся активным отражением реальности через человеческий организм как проводник, проникая в общество, отражается там многократно сама на себя. Таким образом, создается информационная система культуры. Эта система позволяет информации функционировать, поэтому она является определяющей для индивидуума. Еще А. Моль отмечал, что «структурная организация поля культуры всегда очень близка к подобной структурной организации форм мышления» [6, с. 187].

Развитие информационных процессов приводит к развитию интеллекта, как индивидуального, так и коллективного, и именно культура выступает в качестве коллективного интеллекта, так как она «как целое обладает особым аппаратом коллективной памяти и механизма выработки принципиально новых сообщений на принципиально новых языках» [7, с. 4].

«Стремительный рост сложности информационных связей между людьми и количества задействованных в этой системе индивидуальных интеллектов показывает, что скорость развития коллективного интеллекта все время нарастает,» — считает Н. Н. Моисеев. Исследователь задает вполне адекватный проблеме вопрос: «А не присутствуем ли мы при качественной перестройке общества, способной привести к появлению у него новых свойств, о которых мы пока не догадываемся?» [7, с. 29].

Информационные ориентационные структуры составляют основу ориентационных подсистем, которые, в свою очередь, делятся на знаковые системы, а также системы, имеющие установочный характер, как, например, традиции и обычаи. Информационные ориентационные системы имеют ярко выраженный адаптивный характер, так как прежде всего с помощью этих структур человек адаптируется к окружающей среде. Сложная система включает в себя многообразные разнородные элементы, помимо подсистем она обладает разными уровнями. В системе культуры это прежде всего два основных уровня: идеальный (духовный, сознательный) и материальный. Взаимодействие между этими двумя уровнями составляет способность систем к самоорганизации. «Чем сложнее самоорганизующаяся система, тем выше

ее возможности модельного отображения внешней действительности и самой себя, и тем шире ее способность самопреобразования и саморазвития,» — считает Д. И. Дубровский [8, с. 110]. Поддерживая точку зрения о том, что информация по сути — активное отражение, через анализ психических процессов Д. И. Дубровский приходит к выводу о том, что идеальное — это информация в «чистом виде», однако без материального носителя (нейродинамических систем) существование его невозможно. Это утверждение не отрицает существование идеального уровня, речь идет о сложном уровне взаимодействия материального и идеального, что является условием существования сложной информационной системы культуры.

Существование идеального ставит информацию в системе культуры в особое положение, информация может быть рассмотрена как субстанция системы культуры. Сложность последней доказывает сложность функционирования в ней информации. Механизм этого функционирования может быть выявлен только с помощью субъектно-объектного взаимодействия. Степень сложности системы культуры находится в прямой зависимости от количества и качества информации, механизмов ее свертывания и хранения, информационных каналов связи, их пропускных способностей, а также от состояния тезауруса всех членов инфопроцесса, происходящего в контексте культуры.

Особое место в инфосистеме культуры занимают знаковые системы, с помощью которых происходит приобретение, хранение, переработка и передача информации. Знаковые системы, как и все подсистемы культуры, развивались по мере развития культуры, в результате «вся культура человечества находит свое отражение в знаках, и изучение знаковых систем — это анализ духовного содержания культуры и связанных с нею заблуждений» [9, с. 67]. Как порождение человеческой рефлексии, знаковая система сохраняет ее имманентные свойства — двойственную природу принадлежности идеальному миру «чистой» информации и одновременно материальному отображаемому миру. Знак замещает обозначаемый им объект для функционального существования в системе культуры. Единственный путь сохранения информационной системы культуры, а значит, и феномена человека, — обучение включенных в систему индивидов кодированию (и, соответственно, декодированию). При этом накопление информации приводит к развитию старых кодов, их отмиранию и появлению новых, более совершенных. «Фактически накопление всех кодов (даже низших по нашей иерархии) и навыков владения ими продолжается всю жизнь. Всю жизнь мы совершенствуем и надстраива-

ем все коды взаимодействия с действительностью, но после введения очередного, более высокого типа кодов происходят качественные изменения не только в нашем видении мира вообще, но и оперировании уже знакомыми кодами» [10, с. 34]. Каждая подсистема культуры имеет свои собственные коды, универсальным же кодом является языковая знаковая система.

Как всякая сложная система, инфосистема культуры обладает эмерджентными свойствами. Эмерджентная система должна как целостное противостоять окружающей среде и состоять из взаимосвязанных элементов. И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин подчеркивают при этом необходимость наличия в системе двух или более типов связей [11, с. 61]. Действительно, сложная система, обладающая соответствующим сложным механизмом функционирования, должна обладать разными типами системообразующих связей. В системе культуры это материальные, энергетические и информационные связи. Последние являются основными и приводят к формированию огромного числа инфовзаимодействий.

Сложноорганизованная система культуры имеет структурированную информационную сеть связей. Кроме того, в целях самосохранения она стремится закрепить информационные связи многократным дублированием. Способность системы к решению подобных задач указывает на ее способность к самоорганизации. Обладая высоким уровнем развития информации, более того, информационной системой, культура имеет высший уровень самоорганизации. Она способна оперировать информацией, и не только функционирующей в системе в данный момент, а и накопленной предыдущими поколениями, освоившими и совершенствующими способы кодирования информации. Из сложности структуры и особенностей организации системы вытекает многофункциональность, одно только количество компонентов, частей инфосистемы культуры свидетельствует о многофункциональности последней.

Таким образом, функции информационной культуры следующие: во-первых, это функция отражения, в результате чего возможно существование информационно-адаптивной среды для выживания феномена человеческого интеллекта. Во-вторых, коммуникативная функция: культура выступает как среда для обмена информацией, общения; функция развития интеллекта — психического механизма, способного к активному отражению и, наконец, все социальные процессы возможны только в информационной культурной среде. С нашей точки зрения, большими возможностями обладает ее трактовка как единства информационных способностей и творческой духовной дея-

тельности, реализуемых в информационном взаимодействии субъектов в процессе создания, хранения, преобразования, трансляции, восприятия и использования информации в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
2. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
3. Арнольдov А. И. Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления). М., 1997.
4. Воробьев Г. Г. Твоя информационная культура. М., 1987.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
6. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М., 1977.
7. Моисеев Н. Н. Проблема возникновения системных свойств // Вопросы философии. 2005. № 11.
8. Древние цивилизации. М., 1989.
9. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1974.
10. Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992.
11. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

О. Н. Замятина (Барнаул)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА

Современная реклама является неотъемлемым элементом общественной жизни общества. В зависимости от вида и целей рекламы они могут ориентировать на потребительское отношение к жизни, а также на значимость социальных и нравственных ценностей.

Представления о ценности менялись по мере развития научного знания и по-разному объяснялись и трактовались. Современная трактовка заключается в том, что ценности придают жизненный смысл устремлениям людей, групп, общностей и т. д., способствуют интеграции общества, что указывает на предпочтение тех или иных альтернатив при решении актуальных общественных проблем.

Необходимо уточнить различие в трактовках ценностей и ценностных ориентаций. Если ценности — это материальные или иде-

альные предметы, обладающие значимостью для всех социальных субъектов с позиций удовлетворения потребностей общества, то производные от них ценностные ориентации есть установки личности, групп, общностей на избранные ими ценности [1].

К одним из базовых ценностей относятся здоровый образ жизни, гуманистическая культура общения, ценность семьи, патриотизма. Трансляция ценностей такого рода осуществляется с помощью социальной рекламы.

Термин «социальная реклама» применяется только в России. В других странах ему соответствуют понятия «некоммерческая реклама» и «общественная реклама», именно из-за этого существует разница в толковании терминов:

«Некоммерческая реклама — реклама, спонсируемая некоммерческими институтами или в их интересах и имеющая целью стимулирование пожертвований, призыв голосовать в чью-либо пользу или привлечение внимания к делам общества» [2].

«Общественная реклама передает сообщение, пропагандирующее какое-либо позитивное явление. Профессионалы создают ее бесплатно (корректнее говорить об этической позиции отказа от прибыли), место и время в СМИ также предоставляются на некоммерческой основе» [3].

Согласно определениям, понятия «общественная» и «некоммерческая реклама» не идентичны. Общественная реклама трактуется как реклама, обладающая определенной социальной ценностью. Она рассчитана на самую широкую аудиторию, которую волнуют общечеловеческие проблемы.

Российский термин «социальная реклама» по своему значению ближе к западному — «общественная реклама», и отождествление социальной и некоммерческой рекламы нецелесообразно в силу того, что социальная реклама является лишь одним из видов некоммерческой рекламы.

В отечественной научной литературе представлены различные подходы к понятию «социальная реклама».

Согласно мнению С. Исаева, социальная реклама представляет собой вид рекламы: «Нет необходимости доказывать, что социальная реклама — частное проявление рекламы вообще. Это следует хотя бы из синематики самого термина: существительное «реклама» проясняется прилагательным «социальная», а словосочетание «социальная реклама» конкретизирует область применения рекламы вообще в интересах общества (социума) в частности». Согласно позиции автора, «социальная реклама — это общественная коммуника-

ция с использованием инструментов и методов рекламы и PR-организациями, выступающими субъектами продвижения в обществе такого «товара» массового спроса, как определенная социальная политика. Притом, что социальная политика, — это действительно «товар массового спроса», поскольку каждый гражданин нуждается в социальной политике, которая была бы к нему справедливой — обеспечивала бы спрос на социальную защищенность» [4].

Ряд авторов, придерживаясь обозначенной точки зрения, указывают на отличительные признаки социальной рекламы:

«Социальная реклама — это реклама, которая нас побуждает не к покупкам, а к поступкам. Например, не курить — на это нет времени, позвонить родителям, беречь природу и т. п. Никакой экономической выгоды такая реклама, понятно, дать не может» [5].

«... если реклама изготавливается и распространяется на некоммерческой основе — это реклама социальная» [6].

По мнению О. Феофанова, социальная реклама представляет собой специфический вид профессиональной коммуникативной деятельности. Поскольку реклама сама по себе выполняет социальную миссию, являясь эффективной коммуникативной технологией, то данный факт «делает необходимым рассмотрение социальной рекламы как специализированного вида профессиональной коммуникативной деятельности, которая, в отличие от других видов рекламы, работала бы не с узкопотребительской, а с гражданской массовой аудиторией, посылая ей предложения, затрагивающие интересы каждого гражданина — его физического здоровья, материального, духовного, нравственного и социального благополучия» [7].

Взросший в последние годы интерес к социальной рекламе стимулировал разработку данной проблематики силами ученых и специалистов в области рекламы в целом и социологии в частности. В социологической науке в последние годы появляется ряд работ, в которых анализируется феномен социальной рекламы и осуществляются попытки ввести научное определение данного понятия.

Большой вклад в исследование социальной рекламы внесла Л. Федотова. Анализируя последствия макроэкономических изменений, она пишет: «Родился и феномен, специально нас интересующий — так называемая социальная реклама. Организационно оформилась специфическая деятельность по созданию текстов, формирующих образ социально одобряемого и социально не одобряемого действия или мнения (эмоции), при этом подразумевается, что сверхзадача такого обращения к массам — это участие людей в решении обозначенной проблемы» [4].

В Федеральном законе РФ «О рекламе» в статье 18 дается такое определение: «Социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей» [8].

Исходя из различных трактовок социальной рекламы, можно выделить основные ее характеристики. Цель социальной рекламы — изменение мнения общества к какой-либо социальной проблеме. Предмет социальной рекламы — конкретная идея, которая в перспективе должна стать новой социальной ценностью.

Обратимся к основным функциям социальной рекламы. Одна из центральных и первостепенных функций, выделяемая и Е. В. Степановым, исследователем социальной рекламы, и Е. В. Медведевой, исследователем коммерческой рекламы, — *функция привлечения внимания, информирования о проблеме* [9, с. 34]. Применительно к социальной рекламе информирование может включать в себя и предостережение: до 50% больных алкоголизмом страдают нарушением половых функций.

Образовательная функция (Г. Николайшвили говорит об образовательной роли социальной рекламы) отличает социальную рекламу от коммерческой [10, с. 120]. Социальная реклама дает обществу знание о проблемах и методах их преодоления, повышает интеллектуальный уровень нации. Например, будьте предусмотрительны: храните деньги в нескольких банках в разных валютах.

Следующая немаловажная функция, на которую обращает внимание Н. Н. Грибок, — *воспитательная* [11, с. 198]. Социальная реклама призвана воспитывать у общества определенное поведение и отношение к окружающей действительности: не сорить, поддерживать чистоту, беречь скамейки в парке и детские площадки. Социальная реклама призывает чаще общаться с родителями, заботиться о детях, беречь культуру своей страны, любить родину и т. д.

Так, воспитательная функция тесно переплетается с *патриотической*, которая декларирует важные для данного общества ценности. Например, для России сейчас актуально возрождение любви к своей малой родине, к своему городу, дому, подъезду; возрождение культурного наследия, которым можно и нужно гордиться: Культура России — наше достояние. «Жница» А. Венецианов (билборд, на котором изображена репродукция картины).

С воспитательной функцией взаимодействует и функция *пропагандирования* определенного образа жизни, которую также выделяет Н. Н. Грибок. Как правило, эта функция выражается в пропаганде здорового образа жизни: не курить, не выпивать спиртные напитки,

заниматься спортом, — и в законопослушании, формировании гражданской ответственности.

Н. Н. Грибок выделяет отдельно *имиджевую* функцию [11, с. 199]. Нам представляется логичным объединить две функции, ведь имиджевая функция — это создание стиля жизни, определенной идеальной модели, к которой нужно стремиться: быть здоровым, успешным, иметь крепкую семью, детей (в социальной рекламе в России именно детей, а не одного ребенка).

Объектами социальной рекламы могут выступать:

- здоровый образ жизни (и профилактика СПИДа);
- соблюдение правил дорожного движения;
- призыв к исполнению гражданских обязанностей (уплата налогов, служба в армии и т. п.);
- бережное отношение к природе;
- воспитание патриотизма и любви к родине;
- семейные отношения (в том числе повышение рождаемости);
- воспитание гуманизма и чувства ответственности за судьбу социально незащищенных людей;
- профилактика преступности несовершеннолетних [12, с. 220–225].

Данными объектами социальная реклама не ограничивается поскольку общество растет, развивается, появляются новые социальные проблемы, которые, безусловно, требуют решения.

Социальная реклама обладает отличительными характеристиками. Она формирует отношение к окружающей действительности, является импульсом к благим поступкам в интересах общества. Призывает оставаться равнодушными к бедам других людей, предупреждает каждого от неправильных решений и заботиться о здоровье нации. Тексты социальной рекламы могут служить индикатором нравственного состояния общества, тем самым формируя ценности общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тезаурус социологии: словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2009.
2. Гольман И. А. Рекламная деятельность: Планирование. Технологии. Организация. М., 2002.
3. Денисон Д., Тоби Л. Как стать известным, не тратя денег на рекламу : учебник по рекламе / пер. с польск. Н. В. Бибиной. Минск, 1997.
4. Федотова Л. Н. Социология рекламной деятельности. М., 2002.

5. Владимирская А., Владимирский П. Рекламные игры для взрослых. Нестандартный учебник по рекламе. Ростов н/Д., 2004.
6. Девятко И. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
7. Глазкова С. России нужна не социальная реклама, а социальная политика // PR-диалог. 2002. № 5–6.
8. О рекламе : Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ. Новосибирск, 2011.
9. Степанова Е. В. Особенности языка и стиля в социальной рекламе // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2007. № 4.
10. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама. Теория и практика. М., 2008.
11. Грибок Н. Н. Социальная реклама : учебное пособие. М., 2008.
12. Стерлядева Н. А. Роль социальных служб в системе профилактики преступности несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

К. А. Великжанина (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРАНТОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В современной России данная тема носит достаточно актуальный характер ввиду того, что на протяжении последних десятилетий социальная политика в нашей стране рассматривалась в качестве единственного фактора, который обеспечивает стабильность в обществе. Основанием для этого послужили и социальные проблемы, возникшие в постсоветский период, и недостаточный уровень экономического обеспечения социальной сферы в настоящее время. Исходя из этого государство должно выступать в качестве носителя культуры, которое способно обеспечить социальное благополучие всех жителей, именно поэтому местное самоуправление как наиболее приближенные к населению органы власти обязаны осуществлять поддержку социально уязвимых слоев населения. Вместе с тем их работа не должна зацикливаться на поддержке только социально незащи-

щенных групп населения, но и реализовывать свои полномочия в интересах всего населения муниципалитета. В данном ракурсе целесообразным становится упор на пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено реальными показателями экономического и социального общественного развития, т. е. его благополучие [1, с. 16–23].

Одним из механизмов повышения эффективности социальной политики, проводимой органами местного самоуправления, является привлечение к участию так называемых новых субъектов социальной политики [2, с. 45], таких как бизнес и общественные организации. Главная цель привлечения этих субъектов социальной политики — переход от финансирования процесса к финансированию результата, от финансирования учреждения к финансированию услуги, от финансирования текущей деятельности к финансированию конкретного проекта [2, с. 45]. Таким образом, участие «новых» субъектов социальной политики — в том числе и на муниципальном уровне — осуществляется главным образом через научные исследования и мероприятия, в которых существует потребность у территории, входящей в ведение органов местного самоуправления. В самом широком смысле это выражается через грантовую политику и поддержку научного сообщества и общественных организаций.

Если обратиться к этимологии понятия «грант», то можно встретить следующие определения. Автор «Толкового словаря иноязычных слов» Л. П. Крысин понимает под грантом единовременное денежное пособие, выдаваемое ученому или научному учреждению для проведения исследований по определенной проблеме [3]. Электронные ресурсы трактуют данный термин как «субсидия на безвозмездной основе, предоставляемая компаниям, организациям и физическим лицам в денежной или натуральной форме для проведения научных работ, исследований, опытно-конструкторских работ, обучения» [4]. В нашей стране грант вошел в отечественный научный обиход в период активизации деятельности многочисленных зарубежных фондов. Гранты — в этой связи — предоставляются некоммерческим общественным организациям с целью реализации разного рода общественно-полезных программ в зависимости от сферы деятельности грантополучателя.

С точки зрения А. Акрамовской, грант в своей фундаментальной основе выражается в четырех ипостасях [5]: 1) средства, предоставляемые физическим и юридическим лицам для реализации конкретных общественно-полезных программ или проектов в различных сфе-

рах; 2) финансовая помощь, оказываемая России иностранными государствами для проведения и поддержки реформ и проектов в различных областях; 3) стипендии, т. е. средства, выделяемые учащимся, студентам, аспирантам для поддержки их деятельности в области образования или научных исследований; 4) премия, т. е. поощрение физических лиц за какие-либо заслуги перед обществом или государством.

Основными преимуществами конкурсных технологий является создание открытой конкурентной среды, в которой существуют определенные правила игры; данная технология носит целевой характер, так как в муниципальном социальном заказе предполагаются четкие цели, механизмы их достижения, ожидаемые результаты, фиксированные сроки исполнения и прозрачность финансирования. Все это позволяет говорить о том, что данный метод является наиболее приемлемым для улучшения качества оказания существующих и инициации новых услуг населению, появления инноваций в социальной сфере и соответствует приоритетам государственной политики Российской Федерации. Вместе с тем существует определенная трудность — оценка эффективности проводимых научных исследований и мероприятий, которые заказываются органами местного самоуправления. В данном контексте автором в дальнейшем планируется изучить данную проблему, решение которой поможет определить дополнительные возможности для эволюции конкурсных технологий, в частности, мероприятий и научных исследований, и повышения эффективности их реализации в социальной сфере в первую очередь на муниципальном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 /под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.
2. Воронина Т. Д. Конкурсные технологии как механизм повышения эффективности социальной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konkursnye-tehnologii-kak-mehanizm-povysheniya-effektivnosti-sotsialnoy-politiki/>
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2006.
4. Словарь бизнес-терминов. Академик.ру.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/3050>
5. Акрамовская А. Что такое грант? // Деньги и благотворительность. 2004. № 1 (52).

О. В. Лысикова (Саратов)

СОЦИОЛОГИЯ ТУРИЗМА КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Сегодня актуальность туристской тематики объясняется важностью теоретического осмысления и необходимостью методологической разработки новых подходов в рефлексии современного туризма как социального и культурного феномена в системе взаимодействия человека с глобальным миром. Находясь в центре исследовательского интереса, туризм соотносится с целым рядом сфер общественного сознания и деятельности, таких как культура, политика, экономика, наука, социальная сфера, религия, что придает ему статус глобального современного явления, как объединяющего и структурирующего социум, так и обнаруживающего маргинальные проявления и риски, предотвращение которых является задачей любого государства и потребностью каждого участника пространственной туристской мобильности.

Занимающий важное место в антропологии современности туризм представляет особое место глобальный проект, маркируя социальное пространство и время, в универсуме которых туристы как акторы межличностных коммуникаций и социальные агенты пространственной мобильности своими практиками конструируют его реалии и перспективы в масштабе глобальных трендов и локальных модусов. Исследовательский подход обусловлен селективным применением ряда теоретических положений классической, информационной, интеракционистской парадигм.

Особое значение для методологического осмысления проблемы социальных изменений практик туризма имеют фундаментальные работы современных российских социологов: исследование И. Ф. Деятко эволюции социологических теорий деятельности и практической рациональности [1, с. 290]; социологическая концептуализация пространства А. Ф. Филипповым [2, с. 141]; социологическая интерпретация Л. Г. Иониним повседневных практик в концепциях модерна и постмодерна [3, с. 367]. Однако результативность научных исследований в рамках проблемного поля социологической рефлексии туризма на примере локального российского опыта не успевает за интенсивностью перемен в этой сфере. За последние двадцать лет социальные изменения в практиках российских туристов, их реальные и виртуальные смыслы, символические значения существенно опережают их теоретическое осмысление. Социология туризма сфокусирована преимущественно на пересечении вопросов потребле-

ния, опыта, идентичности. Без концептуальной проработки остаются такие проблемы, как формирование и эволюция туристских ценностей, предпочтений, мотиваций, особенности конструирования типов идентичности современных российских туристов, смыслообразующая практика социальных интеракций между акторами туризма, выявление локальных ограничений и социальных барьеров в реализации туристской активности.

В контексте социологии мобильности П. А. Сорокиным в работе 1927 г. «Social mobility» была предложена модель общественной структуры, основанной на представлении об иерархизированном социальном пространстве, разделенном на различные страты. Человек прикреплен системой координат в социуме, что не исключает его социальных передвижений. Уровень социальной мобильности зависит от его пребывания в конкретном социуме — динамичном или иммобильном, т. е. строго иерархизированном. Социальная мобильность взаимосвязана с пространственной. Так, в советское время максимально поощрялись путешествия по своей стране и жестко регулировались все формы туристской активности за рубежом. В постсоветский период соотношения внутреннего и выездного туризма кардинально меняются в пользу второго, и для выезда за границу с туристскими целями главным становится финансовый фактор: все расходы на поездку турист берет на себя. Социальные фильтры в виде отбора по месту работы, характеристики, поощрение за труд больше не действуют, регулирование происходит при помощи паспортно-визового контроля. П. А. Сорокин рассуждает о влиянии мобильности на поведение и психологию человека, которые в мобильном обществе характеризуются разнообразием модификаций. Результатом социальной мобильности является многообразие и пластичность поведения людей [4, с. 102].

Непосредственный опыт путешествий помогает человеку узнавать культурные особенности, различные обычаи, стандарты поведения. В процессе путешествия смена окружающих условий предлагает человеку разнообразные комбинации ценностей, образов, материальных объектов, вызывающие особые чувства и мотивирующие к совершению определенных действий. Сознание человека становится более пластичным и открытым, а ограниченность познаний и ощущений — менее заметной. Мобильность ведет к увеличению умственного напряжения. П. А. Сорокин полагает, что периоды интенсификации коммуникаций людей с разными культурами отмечены плодотворностью идей, активизацией интеллектуальной жизни, созданием новых экономических, научных, философских, религиозных, нрав-

ственных, эстетических ценностей. Рост мобильности способствует интенсификации умственной жизни и созиданию новых ценностей.

П. А. Сорокин размышляет о современном для него туристе как человеке, не имеющем побудительной причины изучать окружающую среду, поскольку срок его пребывания в конкретном месте исчерпывается одним-двумя днями, что диаметрально противоположно положению местного жителя. Турист заинтересован в том, насколько конкретное место подходит для получения им удовольствия. Различие положений туриста и аборигена сравнивается им с состояниями представителей мобильного и недвижимого обществ. В первом случае ощущения и приспособления к окружающей обстановке туриста, равным образом как и человека мобильного социума, поверхностны, временны, ситуативны, поскольку предполагают дальнейшие перемещения, кратковременные остановки либо в географическом месте, либо в социальной нише. Психология и установка туриста характеризуются фрагментарностью и поверхностностью [4, с. 108]. Учебники и хрестоматии — не что иное, как модифицированные справочники для туриста, предлагающие все необходимое на торопливом туристическом пути или скоротечном жизненном пути человека мобильного социума с его «широтой взглядов», лишенной пронизательной глубины и основательности.

Джон Урри прослеживает эволюцию от одиночного взгляда туриста XIX в. к современному многообразию форм и воплощений туристского взгляда современника глобализации. Введенный им в академический дискурс термин «туристский взгляд» (tourist gaze) включает статичные формы, беглые взгляды, мобильное зрение. Взгляд современного туриста мобилен, неутомим, всепроникающ. В своей совокупности «туристский взгляд» отражает особенности глобальной культуры с присущим ей многообразием видов мобильности, сопровождающих социальные изменения в восприятии пространства-времени. Туристское восприятие окружающего мира связано с визуальным потреблением пространства. Концепт «туристский взгляд» отражает идею упорядочивания взаимоотношений туриста со средой, ограничения себя от Другого. Однако турист обладает не только динамичным взглядом, но и мобильностями другого рода — желаний, интересов, потребностей, действий в окружающем его парадоксальном мире. Именно мобильность становится важным фактором самоидентификации молодежи, пожилых обеспеченных людей, выходцев из диаспор, которые могут позволить себе жить в движении и уже не мыслят свою жизнь вне мобильности [5, с. 148].

Дж. Урри обосновывает концепцию образования пространства потоков и символов, включающих как субъекты, так и материальные и не-

материальные объекты. Интенсивные перемещения людей, вещей, капиталов, технологий, информации, образов, символов, рисков трансформируют исторически сложившийся предмет социологических исследований. В центре внимания социологии мобильности находятся изменения социальной структуры под воздействием глобальных сетей и потоков. Социология мобильности метафорична: базовыми конструктами являются «сеть», «поток», «скейп», «глобализация», «путешествие». «Глобальное» и «туризм» — части единой системы сложных взаимосвязанных процессов. Потоки людей, образов, сама практика туристической рефлексии может быть осмыслена в единстве, как распространяющийся по земному шару глобальный гибрид наподобие Интернета, автотомобилизации, единой финансовой системы. Метафора «турист» отражает организованное движение людей — носителей своих стандартов счастья в проведении отпуска, склонных навязывать чужим местностям свои смыслы. Сопряженные с путешествиями социально-пространственные практики включают различные виды мобильности: физическую, телесную, транспортную, творческую, воображаемую, виртуальную, добровольную, вынужденную [6, р. 104]. Мобильность во всех своих формах и воплощениях является характерной чертой нашего времени, предметом социологической рефлексии, в том числе в контексте туристского дискурса. Дж. Урри развивает идею о том, что путешествуют не только сами туристы, но и предметы, и образы культуры; складывается общая «мобильная культура», истоки которой восходят к началу XX в. — периоду генезиса массового туризма.

Итак, в разных социально-исторических контекстах у П. А. Сорокина, Дж. Урри научные дефиниции «туризм» и «турист» наполняются метафорическим содержанием и символическими смыслами. Несмотря на переносное значение этих терминов, как в прошлом, так и в настоящем, принципиально важным остается их подлинная сущность, состоящая в пространственной и культурной мобильности социальных акторов. В рамках социологии мобильности мы находим основания для поступательного развития социологии туризма как актуального направления социологического знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
2. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008.
3. Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004.
4. Сорокин П. А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию // Мониторинг общественного мнения. 2004. № 2.

5. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005.

6. Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. London ; N. Y., 2000.

Н. Е. Щёголева (Барнаул)

СОЦИКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В современных условиях динамичных изменений в социальном пространстве происходит увеличение социально-экономических угроз его развития. В настоящее время в России территориальными очагами социально-экономических угроз являются сельские сообщества [1, с. 164]. Сельский туризм является важным комплексным стимулом развития сельской местности, позволяет перевести избыток трудовых ресурсов в альтернативный сектор производства услуг и создать новые рабочие места. Интенсивное развитие сельского туризма во всем мире в последнее десятилетие привлекло внимание ученых многих областей знания. Чаще всего изучением сельского туризма занимаются экономисты, географы и социологи. Экономисты рассматривают сельский туризм с точки зрения формирования спроса и предложения, его влияния на занятость, экономическое развитие и другие экономические показатели. Внимание географов направлено на проведение экспертизы проектов туристского освоения территорий; составление кадастра рекреационных ресурсов сельского туризма; создание атласов туристского потенциала регионов и т. д. Приоритетным направлением социологических исследований сельского туризма является изучение отношений, возникающих при взаимодействии субъектов сельского туризма и влияния сельского туризма на общество в целом. Кроме того, актуальными вопросами, возникающими при изучении сельского туризма с социологической точки зрения, являются социокультурные аспекты сельского туризма, классификация туристских мотивов, изучение механизмов институализации сельского туризма и социальной базы сельского туризма.

Субъектами сельского туризма являются:

- туристы;
- предприниматели, предоставляющие туристические услуги;
- органы государственной власти разного уровня (местные, региональные, федеральные).

Самым малоизученным субъектом являются туристы. До сих пор не определено, какие группы и слои населения готовы воспользоваться услугами сельского туризма. Чтобы ответить на данный вопрос, следует четко определить, что же такое сельский туризм. Сельский туризм является многофункциональным явлением, и дать точное, полное определение понятия довольно сложно. «Туризм в сельской местности» более широкое понятие. Принадлежность к нему различных видов туризма определяется по фактору локализации. Так, познавательным туризмом можно заниматься и в городе, и в сельской местности. И там, и там есть памятники природы, истории и культуры, интересные сооружения, различные объекты аттракции туристической индустрии. В сельской местности можно заниматься различными видами туризма: спортивным, природным, событийным, ностальгическим, гастрономическим, приключенческим и т. д. Чем же отличается сельский туризм от других видов туризма в сельской местности? Различные определения позволяют выделить такие факторы, как использование ресурсов сельской местности, польза местным сообществам и культурный аспект — взаимодействие с местным сообществом, погружение в специфическую сельскую среду. Вместе с тем сельский туризм тесно связан с другими видами туризма, развивающимися в сельской местности. Подчас связь между ними настолько тесна, что можно говорить об их сращивании [2, с. 100]. Эффект сращивания отражен в определениях различных исследователей. А. Б. Здоров полагает, что при характеристике сельского туризма в качестве синонимов используются термины «агротуризм», «зеленый туризм», «туризм фермы», «деревенский туризм» [3, с. 51]. Л. В. Дубиничева, П. М. Советов полагают правомерным считать синонимами понятия «агротуризм» и «сельский, деревенский, фермерский туризм». И дают следующее определение: «агротуризм — это вид туристской деятельности по использованию природных, культурно-исторических и иных ресурсов сельской местности для создания комплексного продукта, когда размещение туристов берет на себя принимающая сторона» [4].

Н. Н. Мозгунов разводит понятия «сельский туризм» и «классический сельский туризм». И считает, что классический сельский туризм — вид туризма, который имеет целью удовлетворить потребность рекреантов в тишине и спокойствии посредством ресурсов сельской местности. Данный вид туризма не имеет пересечения с другими видами туризма. Для его организации не требуется никаких услуг, кроме базовых, размещения и предоставления питания. Однако изучение классического сельского туризма представляется нецелесообразным ввиду его редкого распространения [5, с. 15].

Таким образом, сельский туризм тесно связан с другими видами туризма, развивающимися в сельской местности, но не идентичен им. Основным его отличием является мотивация совершения туристских поездок — знакомство с сельской местностью и сельским образом жизни.

В Алтайском крае классический сельский туризм встречается довольно редко. Об этом можно судить, проанализировав предложения гостевых домов Алтайского края, представленных на сайте www.selo22.ru. На сайте содержится информация для туристов о бытовых мероприятиях, туристских достопримечательностях, а также о возможности размещения и контактные данные владельцев гостевых домов различных районов Алтайского края. Все представленные на сайте гостевые дома предлагают, кроме услуг проживания и организации питания, дополнительные услуги. Так, гостевой дом семьи Шкрылевых «Русский дом» предлагает участие в сельскохозяйственных работах (агротуризм), экскурсионные услуги по 6 маршрутам в окрестностях села Новохарьковка Змеиногорского района (познавательный туризм). Гостевой дом семьи Сапроновых «У Галины Ивановны» предлагает посещение сельской пекарни (гастрономический туризм), рыбалка на реке, на озере, охота, поход за ягодами, грибами и лекарственными растениями (промысловый туризм), участие в сельскохозяйственных работах (агротуризм). Гостевой дом семьи Шахматовых «Таежник» предлагает рыбалку (промысловый туризм), парапланеризм (экстремальный туризм).

Самым распространенным среди гостевых домов Алтайского края является предложение поучаствовать в сельскохозяйственных работах, уходе за домашними животными (агротуризм). Довольно часто встречаются предложения заняться элементами оздоровительного, спортивного и промыслового туризма. Сельский оздоровительный туризм предполагает посещение бани, сауны, различные водные процедуры, фитотерапию. Ресурсы для данных мероприятий имеются во всех селах без исключения. Сельский спортивный туризм включает в себя прогулки на лошадях, велоспортом, занятия плаванием, теннисом, катание на лыжах и коньках. Сельский промысловый туризм представляет собой сбор грибов, ягод, лекарственных растений, охоту и рыбалку. При этом виде туризма понадобятся рыболовные снасти, охотничье снаряжение, услуги егеря. Однако сбор грибов, ягод и рыбалка не предполагают каких-то крупных финансовых и прочих затрат. А вот охота требует и от предпринимателей и от туристов наличие лицензий на промысел животных и птиц, разрешений на пользование оружием и является довольно затратным занятием, в связи с этим встречается среди предложений

гостевых домов очень редко. Слабо развит сельский туризм с элементами образовательного туризма: это различные мастер-классы по плетению из лозы, росписи по дереву, изготовлению кукол-оберегов, выпечке хлеба и т. д.

Таким образом, сельский туризм обладает целым рядом специфических черт, вместе с тем тесно взаимодействует и пересекается с другими видами туризма. Его социальная база может быть достаточно широкой, привлекая людей различных возрастов и социальных групп.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сергиенко А. М., Гончарова Н. П. Бедность сельского населения как индикатор социально-экономических угроз российского общества: методологические основы измерения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

2. Солтанмамедов А. А. Сельский туризм: типология и особенности организации // Сборник конференций НИЦ СОЦИОСФЕРА. 2014. № 28.

3. Агротуризм: проблемы и перспективы развития : монография / В. А. Кундиус [и др.]. Барнаул, 2011.

4. Дубиничева Л. В., Советов П. М. Агротуризм в развитии сельских территорий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vscs.ac.ru/small.php?module = Articles&action = view&aid = 427>.

5. Мозгунов Н. А. Географические факторы развития сельского туризма в центральной России : дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010.

Д. Ш. Цырендоржиева, Ю. Ю. Малышевская (Бурятия)

ЖЕНЩИНЫ–ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В последнее время в нашей стране женское предпринимательство начинает играть все большую роль в рыночной экономике и решать важнейшие экономические и социальные задачи. По данным Бурятстата, если в 2007 г. женщины составляли 35–40% от общего числа предпринимателей, то сегодня — 55–60%. Исследования, проведенные в 2014 г., показали, что женское предпринимательство развивается динамичнее мужского и превышает последнее по темпам роста в 1,8 раза. Если эта тенденция сохранится, то через 5 лет доля женщин в бизнесе поднимется до отметки 70% и выше.

На протяжении семи лет проводилось панельное исследование по изучению социальной группы «женщины-предприниматели»*. В исследовании приняли участие 863 женщины, занимающиеся предпринимательской деятельностью. Анализ полученных данных позволил выявить мотивы женского предпринимательства. Так, по данным исследований 2007 г. и 2014 г., смысл предпринимательской деятельности женщины видят прежде всего в обеспечении нормальной жизни себе и своей семье — 57 и 40% соответственно, а затем — в самореализации, реализации собственных идей (38 и 10,8%), финансовой независимости (30 и 22%), стремлении к самоутверждению (11 и 3,1%), отсутствию возможностей для служебного роста на работе (8 и 7,1%).

По сравнению с предыдущим этапом исследования результаты демонстрируют то, что современные женщины, отвечая на вопрос «Что побудило Вас открыть собственное дело?», уже не выделяют мотив самореализации, стремление к самоутверждению. Возможно, это говорит о том, что женщины достигли определенного социального-ролевого положения, связанного с признанием личности в профессиональной сфере.

В ходе исследования нами была определена гендерная структура предпринимательства в республике. В сфере предпринимательства четко обнаруживается асимметрия: чем крупнее бизнес, тем меньше в нем женщин. При этом с утверждением анкетного опроса о том, что «Современное предпринимательство в России является преимущественно мужской сферой деятельности, где женщинам отведена второстепенная роль» согласны 11,9% респондентов, большая часть женщин-предпринимателей (69,3%) данное утверждение не поддерживают и считают, что мужчины-предприниматели воспринимают их как равноправных деловых партнеров (65,5%), а не как женщин, случайно попавших в бизнес (11,1%).

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, женщина, попадающая в предпринимательскую среду, должна обладать мужским характером, уметь «перешагивать» через людей, стремясь к достижению своей цели, чтобы выжить в современном мире бизнеса?», респонденты разделились на две примерно равные группы: 45% опрошенных женщин согласны и 44% — не согласны с данным утверждением.

* Социологический анкетный опрос женщин-предпринимателей Республики Бурятия проведен Ю. Ю. Лыгденовой в первом квартале 2007 г. и группой авторов в 2014 г. Выборочная совокупность составила 813 единиц анализа. Проектирование выборочной совокупности производилось на основе статистических данных по Республике Бурятия. Сбор эмпирического материала производился через многоступенчатую квотную выборку.

Изучив основные тенденции развития бизнеса женщин, мы можем сделать вывод о том, что преобладание тех или иных форм предпринимательской деятельности зависит не только от возрастных характеристик, но и от места жительства. Основной сферой, в которой занято наибольшее количество женщин-предпринимателей на селе, является сфера торговли. Такая ситуация характерна для всей республики в целом. Из опрошенных нами предпринимательниц торговой-посреднической деятельностью занимается 52,4% женщин. Можно констатировать, что торговля является наиболее крупным сектором малого бизнеса не только в нашей республике, но и в целом по стране.

Анализ данных 2007 г. показывает, что одной из распространенных стратегий выживания для женщин в Республике Бурятия стал «рынок» — розничная или мелкооптовая торговля, «челночество», где 52,4% женщин-предпринимателей занимались торговой-посреднической деятельностью. Челночество, торговля на рынке являлась специфической формой предпринимательской деятельности женщин в Бурятии.

Однако результаты исследования 2014 г. показали изменение сфер предпринимательской деятельности женщин. Торгово-посреднической деятельностью занимается лишь 31,68%, основная часть женщин задействована в сфере оказания услуг населению (общественное питание, бытовое обслуживание, рекламные, медицинские услуги и др.).

К отраслям, наименее освоенным женщинами, принадлежат пищевая промышленность, оптовая торговля, а также строительство, транспорт и другие отрасли промышленности. Это объясняется тем, что женщины не имеют соответствующего специального образования, им труднее найти заемный капитал, так как данные отрасли требуют большого объема первоначального капитала. Выбор сферы деятельности у мужчин-предпринимателей часто связан с соответствующим базовым образованием (техническим, экономическим) и имеющимся положительным опытом предыдущей работы в сфере, где создается предприятие, накопленным профессионализмом и компетентностью. Мужчины чаще, чем женщины, являются профессиональными специалистами в выбранной области или имеют разносторонний опыт работы. Таким образом, в Республике Бурятия выраженная отраслевая специфика: женщины-предприниматели сконцентрированы в традиционных для женской занятости отраслях.

К числу факторов, воздействующих на выбор сферы бизнеса для женщины, помимо некоторого опыта в выбранной сфере, относятся социально-психологические факторы: интерес к данной области деятельности, осознание собственной возможности что-то в ней сделать, личные увлечения, а также отклик на существующую проблему и же-

вание помочь в ее решении, что объясняется повышенной социальной ответственностью женщин.

Кроме того, современные женщины-предприниматели периодически оказывают спонсорскую помощь социальным учреждениям, нуждающимся людям и т. д. Так, отвечая на вопрос «Оказываете ли Вы спонсорскую помощь социальным учреждениям, нуждающимся людям?», 11 % указали, что являются меценатами на постоянной основе, 39 % оказывают помощь по возможности, 31 % не имеют возможность оказания спонсорской помощи.

Не обнаружилось единства в вопросе о том, нужны ли в республике специальные центры по поддержке и развитию женского предпринимательства. Если в 2007 г. 75 % респондентов указали, что не видят необходимости в организации таких центров, то в 2014 г. 81 % респондентов указали, что такие центры необходимы. Кроме того, 15 % респондентов полагают, что не нужно делить предпринимателей по гендерному признаку, ведь независимо от пола в бизнесе от человека требуется активность, инициативность, предприимчивость, разносторонность, определенная смелость для занятия предпринимательской деятельностью.

Данные нашего исследования позволили выявить динамику жизненных ценностей женщин-предпринимателей, характеризующие их аксиологические основы жизнедеятельности. Для анализа ценностных ориентаций женщин-предпринимателей респондентам был предложен ряд ценностей, из которых нужно было выбрать наиболее значимые.

Важным показателем в расстановке приоритетов женщин-предпринимателей является ответ на вопрос «Что для Вас важнее всего в настоящее время?». В 2007 г. 65% женщин-предпринимателей ответили, что профессиональная деятельность и семья имеют одинаковое значение, в 2014 г. — 55% респондентов. В 2007 г. для 30% женщин в структуре жизненных ценностей доминирует работа и карьера, однако в 2014 г. этот пункт отметили для себя лишь 21% женщин, для 9% респондентов 2007 г. семья стоит на первом месте, в 2014 г. — этот вариант выбрали для себя уже 24% предпринимательниц. Таким образом, для большинства женщин-предпринимателей одинаково важны как личные ценности, так и ценности, связанные с профессиональной деятельностью. Кроме того, социальные перемены не повлияли в Бурятии на такую базовую женскую ценность, как семья и все, что с ней связано.

Таким образом, прежняя структура ценностей начала трансформироваться в новую, дифференцированную на несколько элементарных ценностных позиций. Причины такой трансформации лежат во вновь складывающихся экономических отношениях и, в част-

ности, в условиях реализации потребности женщин в новом типе утверждения себя через предпринимательскую деятельность. Ценностные ориентации социальной группы «женщины-предприниматели» постепенно меняются вслед за изменениями социальных условий жизни общества.

М. Б. Максимов, С. Г. Максимова (Барнаул)

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ СУИЦИДАЛЬНЫЕ ПОПЫТКИ*

В условиях стремительно изменяющейся социальной реальности, требующей столь же быстрой адаптации, субъекты социальной жизни лишены традиционных форм социального порядка, определенности и стабильности и оказываются один на один с неопределенностью, непредсказуемостью и риском. А поскольку в современном обществе риск продуцируется самими социальными институтами — экономикой, наукой, политикой и прочим, то он превращается в фатальную угрозу жизнедеятельности большинства категорий населения. Как интегральная характеристика современности, из вопроса персональной судьбы он превращается в явление социальное, имманентно присущее всем обществам на стадии высокого модернизма [1, с. 231].

В течение всей жизни у человека меняется социальная ситуация развития, и он входит не в одну относительно стабильную и референтную для него общность, адаптация или дезадаптация, индивидуализация и деиндивидуализация, интеграция или дезинтеграция множество раз воспроизводятся, а соответствующие эффекты закрепляются, что приводит к формированию достаточно устойчивой структуры его индивидуальности [2, с. 220; 3, с. 111]. Социальная среда, в которой существует и изменяется личность, лишь относительно стабильна и сама находится в состоянии постоянных изменений и развития. Она поворачивается новыми и новыми гранями и включает человека во все новые ситуации, новые группы, новые обстоятельства жизни [4, с. 428].

Завязываются узлы противоречий, усложняющих процесс становления личности в крайних своих проявлениях, приводящих к социальной дезадаптации личности, нередко заканчивающийся суи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14–13–22010 «Социальные риски воспроизводства суицидального поведения в региональном социуме (на примере исследований в Алтайском крае)» 2014–2015 гг.

цидом. Зачастую неспособность справиться с жизненными трудностями, адекватно реагировать на предъявляемые требования окружающего мира приводят к суицидальным поступкам. Достаточно часто формируется определенная модель поведения, уже сформировавшаяся реакция готовности на какую-либо психотравмирующую ситуацию, связанная с суицидальными действиями [5, с. 119; 6, с. 8].

Возникновение у человека идеи о самоубийстве, процесс принятия решения о совершении этого акта, его социальная и психологическая мотивация, различия в мотивах, позволяющие выделить разные типы самоубийств, — эти и многие другие вопросы, к сожалению, и сегодня не утрачивают своей актуальности, продолжая оставаться сложным для ответа по многим основаниям.

Целью исследования явилось сопоставление смысложизненных ориентаций и ценностей лиц, совершивших суицидальную попытку и социально-экономических условий жизнедеятельности населения Алтайского края.

Объекты и методы. Выборка исследования включала 60 пациентов городской больницы № 3 г. Барнаула в возрасте от 15 до 70 лет, совершивших суицидальную попытку.

Изучение смысложизненных ориентаций суицидентов в региональном социуме было основано на применении теста «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева.

Результаты и обсуждения. В рамках проведенного социально-психологического исследования были проанализированы особенности смысложизненных ориентаций лиц, совершивших суицидальную попытку, проживающих в Алтайском крае, в социальных представлениях в «прошлом», «настоящем» и «будущем».

В зависимости от возраста респонденты были разделены на три группы: 1 — молодое поколение (15–30 лет); 2 — среднее поколение (31–50 лет); 3 — старшее поколение (от 51 года).

В группе лиц молодого поколения доминируют следующие показатели, в социальных представлениях в «прошлом»: «Жизнь кажется мне всегда волнующей и захватывающей» ($5,2 \pm 1,82$), «Я полагаю, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию» ($5,73 \pm 2,01$), «Моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею» ($5,33 \pm 2,05$), «Активный» ($5,53 \pm 2,23$), «Энергичный» ($5,8 \pm 1,69$), «Упрямый» ($5,33 \pm 1,87$).

В социальных представлениях в «настоящем» молодые люди выделили следующие смыслообразующие ориентации: «В жизни я имею очень ясные цели и намерения» ($4,46 \pm 2,5$), «Я человек очень обязательный» ($4,46 \pm 2,38$), «Я полагаю, что человек имеет возмож-

ность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию» ($4,46 \pm 2,77$), «Я определенно могу назвать себя целеустремленным человеком» ($4,73 \pm 2,43$), «Общительный» ($5,33 \pm 2,25$), «Моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею» ($5,13 \pm 2,32$).

В социальных представлениях в «будущем» преобладают следующие смыслообразующие ориентации: «Когда я уйду на пенсию, я займусь интересными вещами, которыми всегда мечтал заняться» ($6 \pm 2,07$), «Моя жизнь наполнена интересными делами» ($6,2 \pm 1,61$), «Я человек очень обязательный» ($6,53 \pm 0,83$), «Я полагаю, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию» ($6,73 \pm 0,45$), «Энергичный» ($6,53 \pm 0,74$), «Упрямый» ($6,33 \pm 1,29$).

Согласно полученным данным, респонденты, относящиеся к группе «молодежь», как в социальных представлениях в прошлом и настоящем, так и в будущем осуществляют жизненный выбор самостоятельно. Можно предположить, что суицидальная попытка в этом случае является способом демонстрации возможности самостоятельного выбора, особенно это характерно для респондентов в возрасте от 15 до 20 лет, так как именно это возрастное периода характерно стремление к демонстрации так называемой самостоятельности и взрослости.

Таким образом, после совершения суицидальной попытки у представителей молодого поколения временно ослабевают поведенческие характеристики, однако после лечения и социально-психологической реабилитации появляются новые цели и ориентации на продуктивную жизнь в будущем. У представителей молодого поколения поведенческие характеристики ослабевают на момент пребывания в больнице (в настоящем).

В отличие от группы «молодое поколение», в группе «среднее поколение» во всех периодах жизни остаются неизменными осознанность и целеустремленность жизни, самостоятельность в осуществлении жизненного выбора.

Для респондентов данной возрастной категории эти характеристики практически неизменны после осуществления суицидальной попытки. В настоящем поведенческие характеристики (энергичность, активность, целеустремленность) заменяются позицией «Я — достойный человек». Чувство осмысленности и целеустремленности жизни и самостоятельного жизненного выбора остается неизменным.

В представлениях о настоящем и будущем лиц старшего поколения поведенческие характеристики отсутствуют, наиболее выражены следующие показатели: «Если бы мне пришлось сегодня подво-

дить итог своей жизни, то я бы сказал, что она была вполне осмысленной» (настоящее — $5,5 \pm 3$; будущее — $6,25 \pm 1,5$), «Если бы я мог выбирать, то я бы построил свою жизнь совершенно иначе» (настоящее — $4,75 \pm 2,87$; будущее — $5,5 \pm 1,73$), «Мои жизненные взгляды вполне определились» (настоящее — $5,5 \pm 3$; будущее — $5,75 \pm 2,5$).

Выраженность данных показателей объясняется тем, что старшее поколение ориентировано на подведение итогов жизни и большинство представителей данной группы считают свою жизнь осмысленной, однако не удовлетворены всей своей прошлой жизнью. Также большинство респондентов определились в своих жизненных взглядах и нашли свое призвание. В настоящем и будущем представители старшего поколения не видят новых целей и ориентированы на выполнение повседневных дел.

Суицидальные попытки являются катализатором для реакции переосмысления смысложизненных ориентаций, анализа предыдущей жизни и выработки новых ориентаций для будущей жизни. Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения. Анализ смысложизненных и ценностных ориентаций людей, совершивших суицидальные попытки в современном регионе России, требует более серьезного рассмотрения. Выявление дезорганизующих факторов, ведущих к конфликтным ситуациям, социальной напряженности, проблема их снятия или смягчение, разработка и реализация профилактических программ нуждаются в серьезном научном обосновании, требуют и новых подходов, и совершенно иных масштабов развития социального знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Черепанова М. И., Кайзер Н. Ю. Анализ риск-аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2/2.
2. Максимова С. Г. Воспроизводство рискованных форм сексуального поведения в контексте анализа социальной безопасности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6.
3. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Максимов М. Б. Социальные девиации в рейтинге угроз сохранения безопасности социально-экономического развития региона (на примере социологи-

ческого исследования населения Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. №9.

4. Sutton A. J., Vickerman P., Hickman M., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Parry J., Platt L., Bonell C., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. 2009. Т. 19. №4.

5. Морев М. В., Любов Е. Б. Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №6 (18).

6. Процык В. А. Суицидальные проявления при психических расстройствах у лиц старше 45 лет : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Харьков, 1992.

Е. А. Попов (Барнаул)

ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО: ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ*

Нельзя не обратить внимание на то, что общепотребительным термином, характеризующим состояние мира, человека в нем и во многом определяющим ракурс развития науки, становится *социальность*. «Многомерная социальность» [1, с. 27] — примета эпохи, в которой нет четкого понимания чрезвычайной важности и необходимости изучения общества, культуры и человека не самих по себе в отдельности, а только в их взаимодействии. Отсюда, видимо, берет свое начало «эффект» междисциплинарной интеграции наук, осознанных диспропорцию в понимании такого взаимодействия, но вместе с тем следует обратить внимание на то, какое место указанным элементам «триединства» отводится в этом сотрудничестве. Полагаем, что многомерная социальность предопределяет тотальное превосходство общественных интересов и отношений. В самом собирательном образе социальности кроется некий негативизм, связанный прежде всего с превосходством потребностей общества над интересами человека. Но в таком случае как поддерживается наукой данный тезис? Во-первых, по-прежнему отсутствует единое мнение относительно дифференциации гуманитарных и социальных наук, в одних случа-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 28.1475.2014/К Минобрнауки России «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ях используется тот или другой термин, но нередко возникают и более сложные образования — социально-гуманитарная область знания или социогуманитарные науки. Только на первый взгляд в применении этой терминологии в различных контекстах не имеется принципиальной разницы, но вместе с тем доказательность и эвристичность знания зависит во многом именно из-за точности в определении статуса науки. Во-вторых, только индивидуальные и коллективные потребности человека не могут рассматриваться в качестве основания для «специализации» научных отраслей. Однако более выраженным становится как раз социальный пафос в исследованиях общества, культуры и человека. Повседневность, обыденность, потребительство — это, пожалуй, те явления современной реальности, которые узурпировали «вкусы» наук — и гуманитарных, и социальных. Духовность не может стоять в один ряд с этими явлениями, проигрывая им «по востребованности». «С духовным возрождением в стране пока не очень получается... По всей видимости, духовность, как и высшая власть, — отмечает В. Н. Шевченко, — должна носить такой объединительный и надпартийный по своему содержанию характер, который окажется способным объединить людей вокруг практического осуществления Общего Дела» [2, с. 19]. Действительно, и духовность можно при желании «приладить» для практического осуществления и сделать инструментом партийной или надпартийной борьбы. Очевидно, что расподобление духовности прежде всего явится свидетельством явного кризиса наук, от которого не уберезет и «поход» за междисциплинарностью.

Социальность важна как девиз современных наук, по сути лишившихся на рубеже веков некоторых методологических «скреп» (например, постмодернизма), но зато склонившихся к «многонаучию», когда разные науки брались за один и тот же объект исследования, например, культуру, и при этом могли утратить свои приоритеты в изучении явлений и процессов, традиционно изучаемых данными науками. Интуитивно все области знания уловили необходимость поставить во главу угла именно культуру как «скрепу» и наук, и общества, но это прежде всего привело к тиражированию «культур» — экономической, правовой и правоприменительной (см. об этом: [3]), бухучета, рынка, медиапространства и т. д.

Проекции социального мы находим во многих явлениях и процессах современности, не исключение в этом ряду — социальная безопасность. Немаловажное значение при рассмотрении проблем, связанных с обеспечением безопасности, имеет культуроцентричный ракурс. Как правило, если речь идет о безопасности, то исследователи

делают упор на социоцентричный характер развития данного феномена (см., например: [4, 5]). Между тем сегодня, когда мир находится в состоянии «ответа на вызовы», необходимо учитывать и первооснову многих социальных явлений, проблем и испытаний; следовательно, важность приобретает обращение к ценностно-нормативной системе. Безопасность как феномен социального бытия касается всех структур повседневности, затрагивает интересы всех субъектов социальных отношений, и в то же время безопасность обеспечивается многими структурами, которые подчинены социальному порядку и находятся, как правило, в ведении государства. Между тем безопасность не может не являться элементом ценностно-нормативной системы общества. В этом смысле следует иметь в виду, что обеспечение безопасности прежде всего соотносится с нормативной системой (на институциональном уровне взаимодействия общества, человека и государства), в то время как для оценки эффективности мер по обеспечению должной безопасности важно рассматривать безопасность и в системе ценностных установок общества. В том случае, когда безопасность понимается именно в таком ключе — ценностно-нормативном, — не возникает особых сложностей и сводятся к минимуму неэффективные или малоэффективные способы обеспечения всесторонней безопасности. Иными словами, все предлагаемые меры по обеспечению безопасности должны учитывать специфику ценностно-нормативного регулирования в том или ином обществе. Очевидно, что на разных исторических этапах развития обществ и государств, а также с учетом особенностей национального характера и ментальности способы и должные меры обеспечения безопасности будут существенным образом отличаться друг от друга. С другой стороны, безопасность в том смысле как она понимается достаточно широко и является по сути масштабным феноменом, не может быть исключена из перечня культурных универсалий. Именно этот смысл — безопасность как культурная универсалия — становится ключом к выработке эффективных мер по обеспечению безопасности в обществе и государстве.

Социальная безопасность — явление социокультурного плана. Культурные универсалии, оказывающие влияние на обеспечение социальной безопасности, могут быть как традиционными, т. е. связанными с ценностями и нормами, на протяжении длительного времени актуальными для данного общества и культуры, так и могут быть новейшими или инновационными. К примеру, И. И. Кравченко называет высшей ценностью общее благо, а все ценности подразделяет на две группы — базисные и первичные [6, с. 6], однако ценно-

сти — это один из фундаментальных элементов ценностно-нормативной системы, другим элементом является и антропосоциетальный базис, связующий воедино ценности и нормы. К первому типу культурных универсалий, составляющих такой базис, можно отнести следующие: 1) человек; 2) духовная жизнь человека и общества; 3) религия; 4) наука; 5) национальный характер; 6) образование; 7) язык; 8) природа; 9) здоровье и др.

Как видим, в этом перечне присутствуют ключевые для развития любого общества и государства культурные универсалии, и обеспечение социальной безопасности как раз заключается в сохранении данных приоритетов для конкретного общества и государства. При этом, разумеется, нужно иметь в виду, что культуры, принимая культурные универсалии и следуя им, допускают определенные aberrации или трансформации, опираясь исключительно на свой социокультурный опыт. Здесь речь можно вести и о национальной идее, и о социальной безопасности, а В. М. Межуев, к примеру, отмечает: «Подобно Европе, Россия искала и пыталась выразить в своей культуре некоторое *универсальное* начало (курсив наш. — Е. П.), способное объединять людей и народы в общепланетарном масштабе» [7, с. 9]. Конечно, этот дух универсализма в наши дни «оброс» различными дискредитирующими обстоятельством, если иметь в виду социально-политические санкции Европы и США против России. Коллапс ценностей и норм налицо, и тем более сложнее обеспечивать социальную безопасность в таких условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3.
2. Шевченко В. Н. О перспективах реформирования российского государства: современные дискуссии в науке и за ее пределами // Философские науки. 2013. № 7.
3. Кузьмина А. Содержание и функции современной правоприменительной культуры // Власть. 2011. № 4.
4. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 2/1 (74).
5. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Варава В. В., Дубова Т. Г. Современные реалии социальной безопасности регионального социума // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 2/1 (66).

6. Кравченко И. И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2.

7. Межуев В. М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12.

Т. А. Павлова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одними из характеристик современного общества являются непостоянство и неопределенность.

Непростой является экономическая ситуация в мировой экономике.

В сентябре 2008 г. произошел обвал на биржах. Цены на акции снизились, опустились также бумаги «здоровых компаний», по которым на рынке нет сведений об убытках или понижении доходности. Даже ведущие российские корпорации, такие как «Газпром», понесли серьезные потери. Вслед за этим упали цены на нефть. Фондовые рынки вступили в полосу нестабильности, что сразу отразилось на товарных рынках и способствовало развитию финансового кризиса. Экономисты стали успокаивать общество, объясняя, что произошла только «корректировка курса акций» [1, с. 327].

Финансовый кризис может быть использован для решения задач передела мира, на это указывают оценки и выводы, содержащиеся в докладе «Глобальные тенденции 2025: изменившийся мир». Согласно этому документу в будущем мир столкнется с проявлением следующих основных тенденций своего развития: изменение баланса и расстановки мировых центров силы; обострение борьбы за ресурсы в связи с ростом народонаселения Земли; усиление оттока капиталов с Запада на Восток; рост числа конфликтов и войн [2, с. 14–15].

Нельзя не признать объективного характера кризиса. Источники кризиса существуют постоянно, но они сдерживаются определенными механизмами и противовесами.

Сложны и противоречивы экономические реалии России. Особенность российской экономики связана с низким уровнем доходов основной массы населения и постоянно возрастающей нагрузкой на их семейные бюджеты, особенно в результате реформы ЖКХ. Каждый раз, когда увеличиваются налоги и обязательные платежи, звучат заверения правительства, о том, что гражданам «не стоит пе-

реживать», так как, если оплата услуги ЖКХ превышает определенный процент бюджета семьи, то государство поможет. Это уже совсем не согласуется не только с тенденциями развития цивилизованных стран, где предполагается, что работающий человек не стоит «с протянутой рукой», но это сегодня не вписывается и в представления очень многих российских граждан [3, с. 52].

В целом, система экономической безопасности России характеризуется неустойчивостью, которая в свою очередь приводит к возникновению дисбалансов, нестабильности в функционировании общественных институтов [4, с. 81].

Неустойчивость в экономической системе России может привести к тому, что в экономике будут появляться новые угрозы, тем самым экономическая безопасность граждан будет ослабевать.

В. И. Добренков и П. В. Агапов выделяют следующие угрозы экономической безопасности России:

1. Режим либерализованной экономики в России, который способствует кризисам и стагнации экономики, развитию ее в сырьевом варианте, разрушению государственности, ослаблению ВПК, поощрению криминального бизнеса, внедрению западных ТНК в экономику.

2. Экономическая «открытость» России. Экономическая реформа раскрыла хозяйство страны мировому рынку. Либерализация национальной экономики подразумевает ее открытость компаниям американского и западного капитала. С этой целью выстроены все современные мировые экономические организации (ВТО, МВФ и т. д.), возникшие под руководством США после Второй мировой войны [5, с. 123].

3. Переориентация российского хозяйства на внешний рынок привела к важной деформации экономики — секторному разрыву. Промышленность переориентировалась на удовлетворение потребностей мирового хозяйства, перестала обеспечивать материалами и техникой отечественное сельское хозяйство [5, с. 125–126].

Важно реализовать на практике преимущества России, связанные с особенностями экономического положения страны. Необходимо развивать высокотехнологичные отрасли, эффективно использовать в собственных интересах опыт экономического развития западных стран.

Н. И. Лапин, изучая состояние экономики России, отмечает, что по результирующему показателю инновационности наша страна отставала от развитых стран в 2–2,5 раза. На этом низком уровне обнадуживал рост доли инновационных товаров и услуг в 39 субъектах РФ. В 2013 г. заметно повысили инновационную активность респуб-

лики Мордовия и Татарстан, Брянская, Липецкая и Свердловская области. Но в большинстве случаев это небольшой рост. В 26 субъектах снизилась доля инновационных товаров и услуг в отгруженной продукции, из них в 21 регионе она и ранее была низкой, значит, регионы стали еще более застойными, в их число традиционно входят республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Тыва, Хакасия, Чеченская. Снизили долю инновационных товаров и услуг такие прежде высоко инновационные регионы, как Москва, Волгоградская, Мурманская и Новгородская области [6, с. 218].

Схожей позиции придерживается В. Д. Попов, который пишет, что в российском ВВП в 2012 г. 60 % занимали услуги, к которым относятся не только связь, транспорт, банковскую деятельность, оптовую и розничную торговлю, но и образование, науку, здравоохранение, деятельность государственного аппарата, вооруженных сил [7, с. 61].

Ученый отмечает, что не все услуги, учитываемые в структуре ВВП, входят в понятие реального сектора экономики. А без этого невозможно выделить производство материальных благ и услуг, которые реально увеличивают богатство страны, благосостояние народа, ее безопасность [7, с. 61].

Представляется, что условием дальнейшего развития России является сохранение своего собственного экономического потенциала, рост производительности труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабурин С. Н., Небренчин С. М. Кризис: Россия спасет мир? М., 2009.
2. Бабурин С. Н., Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты : монография. М., 2012.
3. Сытых О. Л. Проблема безопасности россиян в контексте «текущей современности» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
4. Нагайцев В. В. Новые угрозы социальной безопасности населения современного российского региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
5. Добреньков В. И., Агапов П. В. Война и безопасность России в XXI веке. М., 2011.
6. Новые идеи в социологии / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2013.
7. Попов В. Д. Россия: испытание Смутой, или Долгий путь к истокам. М., 2012.

Раздел III

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

О. Н. Колесникова, С. В. Шепелева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕМЬИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Социальное самочувствие относится к числу научных категорий, которые требуют комплексного исследования. Первые отечественные исследования носили междисциплинарный характер: от философских поисков до общетеоретических и прикладных психологических и социологических изысканий. Изучение социального самочувствия семьи интересно авторам с позиций теорий общей социологии, социологии и психологии семьи, различных теорий социальной работы. Радикальные политические и социально-экономические изменения, трансформация общественных отношений на современном этапе развития российского общества порождают нестабильную социально-психологическую ситуацию, противоречивость протеканий социальных процессов, рост социальной напряженности у представителей разных социальных групп. Об этих показателях в целом могут сказать данные исследований по социальному самочувствию населения.

Самочувствие в самом широком смысле слова можно понимать как состояние физических и духовных сил человека. Социальное самочувствие является результатом процесса осознания субъектом самого себя в системе общественных отношений. Иначе говоря, социальное самочувствие можно определить как форму реального функционирования общественного сознания и поведения, в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами, организациями и институтами [1, с. 56].

Социальное самочувствие людей как обобщенную эмоционально-оценочную реакцию на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе определяют социологи Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик [2, с. 58].

Важность социологического подхода в том, что он улавливает основу, на которой формируется социальное самочувствие, т. е. результат субъективного отражения в сознании социума объективных условий его жизни [3, с. 130]. Считается необходимым регулярно изменять этот показатель для оценки эффективности социальной поли-

тики, с точки зрения ее влияния на социально-психологическую атмосферу и массовые настроения.

Многогранным и представляющим особый интерес является социальное самочувствие семьи как малой группы. Актуальность изучения феномена социального самочувствия семьи обусловлена тем, что оно отражает основные тенденции мироощущений членов семьи и является индикатором социально-психологического состояния общества в целом.

При исследовании любого предмета необходимо придерживаться рабочего определения категории. Термин «социальное самочувствие семьи» включает несколько составляющих: это взаимодействие семьи и других социальных институтов (семья — общество, социальное положение семьи, соответствие системы ценностей семьи требованиям и возможностям, которые предъявляет и предоставляет общество), удовлетворенность внутрисемейным психологическим и душевным состоянием (комфорт семейных взаимоотношений), удовлетворенность семьи степенью реализации своих функций (отсутствие проблем ее функционирования), перспективы развития семьи (предполагаемые изменения в жизнедеятельности семьи) [4, с. 99]. Из анализа данного определения следует вывод о том, что на социальное самочувствие семьи, помимо прочего, непосредственное влияние оказывает ее принадлежность к определенной категории. Особую специфику имеет социальное самочувствие многодетных семей. Пребывание данной категории семьи в зоне социально-экономического риска, особенности воспитания и социализации детей оказывают особое влияние на показатели социального самочувствия данной группы, что требует внимательного учета при разработке и реализации социальных программ, совершенствовании форм социальной работы, направленных на данную категорию.

Актуальность проблемы социального самочувствия семьи подтверждается пристальным вниманием к ней со стороны ученых различных областей научного знания. Процессы реформирования российского общества невозможны без учета состояния и динамики развития социального самочувствия всех его членов и социальных групп, в том числе семьи [4, с. 102].

Вторичный анализ материалов социологических исследований показывает прямое влияние особенностей политических, социально-экономических, культурных характеристик региона на социальное самочувствие населения. Анализ результатов исследования, проведенного на факультете социологии Алтайского госуниверситета в 2014 г., свидетельствует о сохраняющейся актуальности вопросов

материального положения семьи. Главной причиной, мешающей сегодня созданию семьи или ведущей к ее разрушению, больше половины респондентов (55,7%) считают «отсутствие средств для ее нормального обеспечения», не менее важным фактором, по мнению отвечающих (45,8%), являются «плохие жилищные условия». 47,6% опрошенных значимым условием, мешающим созданию семьи, считают «характер людей, их эмоции». Наименьшее число респондентов (12,5%) ставят разрушение семьи в зависимость от «нравственности людей и приверженности нормам религии». Что касается института семьи, то он респондентам представляется «несокрушимым». Семья — неотъемлемая часть жизни каждого человека. В семье, как ни в каком другом месте, люди обретают душевный покой, тепло и взаимопонимание (70,3%). Именно собственная семья в настоящее время выступает основным психологическим «убежищем» человека от проблем и опасностей окружающего мира, именно свои родные и близкие и составляют его жизненный мир. Значительно больше социальная дистанция респондентов от друзей — только пятая часть респондентов сказали, что наибольшее взаимопонимание они находят в компании друзей (21%).

В социальном самочувствии проявляется единство и противоположность общественного бытия и общественного сознания, закономерности и особенности социально-психологического восприятия населением в целом и его отдельными слоями и группами социальной реальности во всем ее многообразии, составляя богатую и мозаичную картину народного жизнеощущения, в котором переплетаются когнитивные и эмоционально-психологические элементы сознания и подсознания: на современное жизнепонимание налагаются отпечатки традиционного менталитета и устаревших стереотипов мышления, обусловленных реалиями прошлого.

Помимо объективных причин (уровень благосостояния, нормы оценки жизненных обстоятельств в рамках определенной субкультуры) формирования определенного самочувствия, отражаемых в социальном опыте отдельных слоев населения, на характер восприятия действительности и оценки своих возможностей в реализации ожиданий большое влияние оказывают коммуникативные процессы, как официальные, так и латентно-стихийные механизмы дискурса — повседневного на бытовом уровне обмена впечатлениями, мнениями и оценками явлений социальной реальности [5, с. 18].

С учетом вышесказанного и анализом мнения представителей учреждений социальной службы мы можем говорить об эффективности внедрения таких направлений работы с многодетными семья-

ми, как групповые формы работы и креативные технологии. Помимо содержания в себе специальных целевых функций, они направлены на содействие внутреннему взаимодействию членов многодетных семей, налаживанию связей с другими семьями.

Социальное самочувствие, как и социальное настроение, позволяют сделать их интегрированными показателями поддержки социальной политики и степени готовности людей к действию. В социальном самочувствии акцентируется внимание на самооценке субъектом своих возможностей удовлетворения собственных, представляемых обоснованными притязаний в жизни. Самочувствие определяется сравнением своих ожиданий с возможностями их реализации [5, с. 19].

Уровень социального оптимизма — своего рода результирующий показатель социального самочувствия в целом. В проведенных исследованиях социальный оптимизм измерялся через показатели личной уверенности в будущем и оценку перспектив жизни семьи респондента. При оценке личной уверенности респондентов относительно своего будущего оказалось, что 39,5 % опрошенных «воплне уверены» и «скорее уверены, чем нет» в своем будущем. Меньше четверти опрошенных (22,3 %) не выражают оптимизма по поводу своей дальнейшей жизни. Большая доля респондентов не может однозначно оценить степень своей уверенности в будущем (38,2 %). В целом, результаты, полученные в 2013 г., соотносятся с данными 2010 г. — жители края стабильны в отношении оценки уверенности в будущем.

Детальный анализ показателей социального самочувствия семей в совокупности с учетом мнений специалистов может показать готовность многодетных семей к интерактивной работе, в перспективе положительно влияющей на их положение. Изучение феномена социального самочувствия семьи послужит в современных условиях трансформации российского общества для совершенствования государственной и региональной семейной политики и социальной поддержки семьи, поиска инновационных форм социальной работы с семьей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурко А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество: тезисы I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб., 2000.
2. Головаха Е. В., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. Теория и методы самочувствия // Социология: 4М. 1998. № 10.

3. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

4. Мустаева Ф. А., Потрикеева О. Л. Социальное самочувствие семьи в современных условиях // Дискуссия: политематический журнал научных публикаций. 2013. №8 (38).

5. Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. №1.

С. Г. Чудова (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Демографической наукой на различных этапах ее становления неоднократно предпринимались попытки создания общепринятой теории, объясняющей исторические тенденции и закономерности снижения рождаемости.

Наиболее традиционными к исследованию процессов народонаселения можно признать факторный и макроэкономический подходы. При этом необходимо подчеркнуть, что влияние факторов часто рассматривается упрощенно: как непосредственно благоприятствующие высокой рождаемости либо как непосредственно ее ограничивающие. Макроэкономическая теория также не смогла ответить на вопрос о природе взаимосвязи между благосостоянием и рождаемостью.

Можно констатировать, что общепринятой теории, объясняющей повсеместной снижение рождаемости, пока еще нет, но она активно разрабатывается современными социологами, демографами, историками. Трудности ее создания проистекают из-за сложностей применения социологического подхода к изучению рождаемости.

Здесь необходимо говорить не о технических приемах, а о социологическом анализе общественного развития и его демографических процессов. Научное объяснение современных тенденций репродуктивного поведения зависит прежде всего от надежности общесоциологической теории, в рамках которой возможно понять исторические изменения репродуктивного поведения личности и семьи, а так-

же от четкости представлений о социально-психологической регуляции поведения индивида.

В отечественной науке теоретическая конструкция современных тенденций рождаемости основывается на теории социального управления рождаемостью через изучение репродуктивного поведения. Это работы В. В. Бойко, В. В. Борисова, А. И. Антонова, В. А. Беловой, А. Г. Вишневого, Л. Е. Дарских [1–6].

При этом возможно выделить три самостоятельные концепции современных тенденций рождаемости:

- 1) теория демографического гомостаза;
- 2) концепция ослабления потребности в детях;
- 3) ценностная концепция.

В этих концепциях в наиболее концентрированном виде проявляется единство социологического, экономического и социально-психологического подходов к интерпретации причин эволюции репродуктивного поведения в общем контексте изменения образа жизни, стереотипов поведения и социальной структуры ценностей, адекватно отражающие потребности индустриального, урбанистического общества.

В теории репродуктивного поведения основное внимание уделяется детерминации снижения рождаемости, диалектике исторического воздействия на сужение функций семьи, на усиление внесемейных ориентаций личности. Согласно современной теории репродуктивного поведения изменение типа воспроизводства населения является следствием кардинального изменения функций семьи и типов демографического поведения. Изменяется структура социальных норм регуляции детности, связанный с перемещением норм регуляции рождаемости на события репродуктивного цикла и с расщеплением ранее связанных воедино всех основных видов демографического поведения.

Под влиянием социальной среды в процессе формирования личности у каждого человека складывается определенная система ценностей, и в этой системе семьи и дети занимают свое место. Представления о роли семьи и детей, о том сколько лучше всего иметь детей вырабатываются у человека под влиянием существующих в обществе социальных норм. Социальные нормы формируются и изменяются под влиянием социально-экономического строя общества. Однако неверно было бы утверждать, что материальное положение семей не влияет на их репродуктивное поведение. Но влияние это ограничено социальными нормами детности.

Потребность в детях, формируемая в ходе социализации, реализуется в зависимости от того, оцениваются ли условия жизни как по-

мехи или как стимулы к рождению второго и последующего детей. Вероятность более полной реализации имеющихся установок детности зависит от соотношения семейных и внесемейных ценностей.

Социальный характер воспроизводства населения выражается в том, что общество регулирует отношения между полами через социальные институты семьи и брака, деторождение определяется совокупностью условий жизни, труда и быта, детерминирующих определенные социальные потребности, и регулируется социальными и культурными нормами. Совокупность социальных норм и установок определяет линию репродуктивного поведения.

Как и условия жизни, так и соответствующие им социальные отношения и социокультурные нормы меняются с развитием общества, что придает воспроизводству населения характер исторически обусловленного процесса.

Ценности у каждого человека взаимосвязаны и образуют систему ценностей, которые также вырабатываются в процессе социализации. Исходя из собственных возможностей каждый человек стремится удовлетворить в той или иной степени определенные потребности, чтобы в соответствии со своей системой ценностей достичь максимально возможного блага. Особое значение здесь имеют социальные нормы поведения.

Вследствие изменений в цепи: общество — семья — личность происходит ориентированность всех источников жизнеобеспечения не на семью, а на индивида, что указывает на неизбежное изменение ценностных ориентации личности в сторону внесемейных ценностей.

Таким образом, малодетность возникает в ходе социально-экономического развития, когда идет радикальное изменение функций семьи.

В этой связи заслуживает внимания концепция В. В. Бойко, интерпретирующая формирование малодетного типа репродуктивного поведения как адаптацию человека к современным условиям жизни. Такой процесс он называет социальной адаптацией, под которой понимает гармоническое взаимодействие определенной количественной общности с окружающей социальной средой. Он понимает социальную адаптацию как средство сохранения относительной устойчивости, покоя, стабильности, целостности внутреннего мира личности и согласованности ее поведения с внешней средой. Смысл социальной адаптации в том, что личность сознательно обеспечивает себе ту или иную степень независимости репродуктивного поведения от полового. «Регулирование числа детей — средство регулирования отношений между индивидуальной культурой человека и культурой

общества, средство распоряжения личной свободой, рациональной концентрации жизненных сил» [2].

Таким образом, с точки зрения В. В. Бойко, в современную эпоху, когда повысилась ценность человека, требования к его качествам как работника, так и личности, человек изыскивает резервы сохранения своих психофизиологических ресурсов, и репродуктивное поведение обеспечивает экономию этих ресурсов, поэтому снижение рождаемости рассматривается В. В. Бойко как наиболее доступное и адекватное для популяции средство приспособления к условиям жизни в современном обществе [3].

Целый ряд исследователей отмечают, что участие женщин в общественном производстве сопряжено с усилением внесемейных ориентаций и прежде всего видоизменяет структуру ценностей и потребностей женщин. Таким образом, делается вывод о том, что основная причина современных тенденций рождаемости кроется в перераспределении структуры потребностей.

С точки зрения другого отечественного ученого, А. Г. Вишневского, современный тип репродуктивного поведения отличается не количеством рожденных женщиной детей, а тем, насколько число рожденных ею детей — результат сознательно принятого решения. Решение — это следствие ценностно ориентированного рационального выбора демографических целей и средств их достижения. Оно складывается в непрерывном поисковом процессе, в непрерывном сопоставлении с другими социальными целями и ценностями. Поэтому давление на репродуктивное поведение человека в современных условиях, по мнению А. Г. Вишневского, это давление собственных потребностей человека [5].

Нормы детности, репродуктивные ориентации, потребность в детях являются неотъемлемой составной частью ценностных ориентаций, системы потребностей. Поэтому нельзя поменять малодетность на среднететность, не меняя всего образа жизни. Нормы среднететности в нашем обществе практически утрачены. Эти нормы необходимо как бы создавать заново.

Только коренное изменение образа жизни людей таким образом, чтобы укрепить социальный институт семьи, повысить привлекательность жизни в семье, полезность нескольких детей для родителей, ценность заботы о здоровье и подобное может существенно изменить демографические тенденции.

Исходя из этого важно понимать, что оптимизация демографических процессов не может быть осуществлена в короткий срок. Ощутимый эффект возможен через десятилетия, т. е. тогда, когда станет

традиционным соответствующий оптимуму «идеал» числа детей в семье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонов А. И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М., 1980.
2. Бойко В. В. От чего зависит потребность в детях // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983.
3. Бойко В. В. Малодетная семья (социально-психологический аспект). 2-е изд. М., 1988.
4. Борисов В. А. Возможности и границы социального контроля репродуктивного поведения семей // Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.
5. Вишневский А. Г. О мотивационной основе рождаемости // Демографическое развитие семьи. М., 1982.
6. Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М., 1982.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Проблема репродуктивных установок является одной из важных и значимых проблем нашего времени. Современные условия жизни заставляют человека по-иному оценивать свою позицию по отношению к созданию семьи и рождению детей. Семья все чаще становится однодетной, а это приводит к падению воспроизводства населения. Кроме того, репродуктивные установки тесно связаны с репродуктивным здоровьем молодого поколения. Более 50% детей подросткового возраста имеют заболевания, которые в дальнейшем могут повлиять на снижение репродуктивной функции [1].

В последние годы в России отмечается рост рождаемости. Так, в 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости увеличился на 30,5% по сравнению с 2006 г. Ожидается, что уровень рождаемости в 2014 г. сохранится на уровне прошлого года и составит около 1,9 млн детей. Для повышения рождаемости государством предпринимаются активные меры прямой материальной поддержки. В 2013 г. введено пособие на третьего и последующих детей: ежемесячная денежная выплата была установлена в 65 регионах, в 2014 г. — в 66. Кро-

ме того, в 2014 г. в 51 регионе, где наблюдается естественная и миграционная убыль населения и суммарный коэффициент рождаемости ниже среднероссийского уровня, эта выплата софинансируется из федерального бюджета [2].

Одним из элементов репродуктивного поведения является репродуктивная установка, т. е. желание иметь детей, потребность в детях. Репродуктивные установки нельзя сводить только к числовому выражению намерений о предпочитаемом числе детей. Они включают также готовность к определенному результату репродуктивного поведения, т. е. характеризуют отношение к рождению. Репродуктивная установка включает в себя идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. Среди репродуктивных установок выделяются установки на число детей, установки на пол ребенка, установки к беременности и благополучному ее исходу, а также установки на интервалы между рождениями и беременностями.

Проведенные социально-психологические исследования выявили, что на формирование базовой системы установок человека огромное влияние оказывает семья. И чем выше потребность в детях у родителей в семье, тем больше детей в семье и, следовательно, сильнее эта потребность у потомства. Кроме семьи, определенное влияние оказывают СМИ, социальная реклама посредством формирования определенного общественного мнения [3].

Репродуктивные мотивы побуждают индивида к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей. Выделяют экономические, социальные и психологические мотивы рождения детей. Психологические мотивы побуждают к рождению, так как через это достигаются внутренние цели личности. В первую очередь это желание проявить заботу о ребенке, любовь к нему, стремление направлять развитие личности, опекать детей, укрепить брак и др.

В настоящее время Правительство РФ предпринимает меры по стимулированию рождаемости в стране, о чем свидетельствует множество программ и подпрограмм помощи молодым людям в рождении и воспитании детей. Проводимая демографическая политика выражается в воздействии на воспроизводство населения, на динамику демографических процессов не прямо, а опосредованно через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости, места жительства.

На уровне субъектов также принимаются программы, направленные на увеличение рождаемости. Например, в Алтайском крае реализуется долгосрочная целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края» на 2010–2015 гг. Улучшению демогра-

фической ситуации служит государственная программа Алтайского края «Обеспечение жильем молодых семей Алтайского края» на 2011–2015 гг.

Изменения репродуктивных установок у молодежи лежат в основе снижения рождаемости. У молодых супругов появляются другие, с их точки зрения более важные потребности, такие как желание продолжить образование, приобрести недвижимость, сделать карьеру, добиться высокого уровня материального благополучия, что, соответственно, даст, по их мнению, в последующем их детям хороший уровень образования, материального благосостояния. В связи с этим представляется актуальным изучение репродуктивных установок молодых семей. Показатели желаемого, ожидаемого и фактического числа детей являются ключевыми в исследовании репродуктивных намерений молодежи.

В ходе исследования репродуктивных установок молодых семей Алтайского края в возрасте от 18 до 30 лет, состоящих в официально зарегистрированном браке до 5 лет, выяснилось, что половина (51,7%) молодежи ориентирована иметь двух детей; 30% планируют иметь одного ребенка; 16,7% желают иметь троих детей и только 1,7% хотят иметь четырех и более детей. Данные результаты свидетельствуют, что молодежь ориентирована по преимуществу на двухдетную семью.

По мнению респондентов, основными обстоятельствами, мешающими иметь желаемое число детей, являются неуверенность в завтрашнем дне (11,7% — «очень мешает»; 50,0% — «мешает частично»); трудности материального характера (13,3% — «очень мешает»; 55,0% — «мешает частично») и трудности с жильем (16,7% — «очень мешает»; 28,3% — «мешает частично»). При этом большинство опрошенных молодых семей определяют свое материальное положение как благополучное, но основную долю расходов они тратят на жилищно-коммунальные расходы и кредиты (50% респондентов) и приобретение продуктов питания (33,3% респондентов).

Еще одним фактором, влияющим на репродуктивные установки, является состояние здоровья молодых семей: четверть опрошенных (25%) отмечают наличие проблем со здоровьем, которые не позволяют им родить ребенка. Но, несмотря на это, данная группа молодежи желает иметь детей.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что отсутствие жилья и уровень удовлетворенности имеющимся жильем также влияют на репродуктивные установки молодых семей. Больше половины (63,3%) респондентов имеют собственное жилье, но уровень удовле-

творенности его качеством не у всех высокий: 26,7% не удовлетворены качеством своего жилья.

Стремление повысить свою карьеру, реализовать в другой сфере не являются условиями, способствующим снижению репродуктивных установок: только для 3,3% молодых семей этот фактор мешает иметь желаемое количество детей.

В структуре жизненных ценностей на первом месте находится семья (71,1% опрошенных); на втором — любовь (40% респондентов). На вопрос: «Что привлекает Вас в семейной жизни?» 65% респондентов отвечали, что дети и любовь; 48,3% — уверенность, надежность. Еще одной важной семейной ценностью является забота, так ответили 46,7% респондентов.

Результаты исследования свидетельствуют о репродуктивных намерениях молодежи в случае незапланированной беременности: большинство респондентов (75%) планируют рожать ребенка; 6,7% говорят о прерывании беременности в этом случае; 18,3% молодежи затруднились ответить. В целом, отношение молодежи к аборту отрицательное: 35% относятся категорически отрицательно; еще 33% — скорее отрицательно. Это означает, что в случае незапланированной беременности, большинство молодых семей решится оставить ребенка.

В ходе исследования выяснилось, что большая часть опрошенных (60%) знает о программах, направленных на поддержку молодых семей. Но лишь 20% респондентов являются участниками данных программ. Эффективность данных программ отметили 38,3% молодых людей; 35,0% ответили, что неэффективна; 26,7% затруднились с ответом на этот вопрос. При этом 40% опрошенных либо что-то слышали про государственную поддержку, либо вовсе не знают о ней. Этот факт свидетельствует о недостаточной информированности молодых людей о реализуемых программах, поэтому делать выводы об эффективности сложно. Следует только отметить, что респонденты, которые ответили, что знают о государственной поддержке, по большей части считают, что она эффективна.

Выявлены гендерные различия в репродуктивных установках молодых людей. Так, мужчины в отличие от женщин (среди семей, ориентированных на двухдетность) в большей степени ориентированы на двух детей (31,6% мужчин и 20% женщин). В целом же женщины больше ориентированы на трехдетную семью. Для женщины потребность в детях — это внутренний мотиватор ее поведения [4].

Таким образом, исследование показывает, что для уменьшения факторов, негативно влияющих на репродуктивные установки и на-

мерения молодых людей, целесообразно повысить уровень информированности о программах, направленных на их поддержку, упростить процедуру вступления в программу (так как молодые люди чаще всего считают данную процедуру довольно сложной и предпочитают отказаться от помощи государства). Также необходима психологическая поддержка молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в контексте репродуктивного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голикова Т. А. О выполнении в 2007–2009 годах мероприятий плана реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, направленных на улучшение состояния здоровья женщин, детей и подростков. Тезисы выступления.

2. [Электронный ресурс]. URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/1229894>.

3. Замятина О. Н. Современная реклама как форма социальной коммуникации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

4. Ахмедова Н. Г. Роль женщины в современном российском обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

С. Г. Чудова (Барнаул)

СЕМЬЯ С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

В настоящее время доминирующим подходом при организации работы с семьей, находящейся в трудной жизненной ситуации, является системный подход. Использование такого метода подхода при организации социальной работы называют семейноцентрированным или семейноориентированным. Теоретическую основу системной семейной теории составляет общая теория систем. Главный постулат этого подхода состоит в том, что семья является видом социальной системы, помощь ей невозможна без знаний и учета законов функционирования систем, аналогично тому, как лечение человека невозможно без знания его анатомии и физиологии. Системный семейный подход, основываясь на общей теории систем, заимствует из данной теории два основных положения: 1) целое больше, чем

сумма его частей; 2) все части и процессы целого взаимовлияют друг на друга и взаимообуславливают друг друга [1].

В рамках системного подхода семья рассматривается как социальная система, объединяющая группу людей и их взаимоотношения, т. е. это комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом. Семейная система первична по отношению к своим составляющим — часто то, что происходит в семье, не зависит от намерений и желаний людей, а подчиняется правилам функционирования семейной системы. Семейная система — это открытая система, она находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой. Семейная система — это самоорганизующаяся система, т. е. поведение системы целесообразно, и источник преобразований системы лежит внутри ее самой [2].

При анализе системы семьи специалисту в области социальной работы важно владеть следующим понятийным аппаратом: стадия жизненного цикла данной семьи; эмоциональная связь всех членов семьи между собой; особенности ролей; границы; иерархии и гибкость; коалиции и привязанности; коммуникация, явные и скрытые конфликты; семейный миф; стереотипы взаимодействия; семейные правила и ценности; стабилизаторы; семейная история; наличие аутсайдера [3].

Существует два закона, по которым происходит развитие семьи: закон развития и закон гомеостаза. Закон развития гласит о том, что семья стремится к развитию, это ее естественное состояние. Закон гомеостаза гласит, что всякая система стремится к постоянству, к стабильности. Закон постоянства обладает огромной силой. Данный закон обуславливает возникновение, формирование и поддержание стабилизаторов в семье. При этом стабилизаторы имеются как в функциональной, так и в дисфункциональной семье. Так, к функциональным стабилизаторам можно отнести общее место проживания, общие деньги, общие дела, общие развлечения, общие достижения и успехи. Функциональные стабилизаторы — это традиции и ритуалы — повторяющиеся узаконенные действия, имеющие символический смысл. Дисфункциональные стабилизаторы — болезни, нарушение поведения, инвалидность. Больного ребенка, подростка с ограниченными возможностями, инвалида нельзя бросить. Пока ребенок болен, родители могут объединяться и искусственно сдерживать союз [2].

Взаимосвязь изменчивости и стабильности, развития и гомеостаза хорошо видна при описании жизненного цикла семейной системы.

Жизненный цикл — последовательность смены событий и стадий. Каждая семья, согласно организмическому взгляду, проходит стадии своей трансформации от возникновения (рождения) до прекращения жизнедеятельности (смерти). В литературе описываются системы периодизации развития семьи с различными стадиями жизненного цикла, но все они выделяют следующие стадии: 1) добрачный период — стадия монады (взрослый вне брачного союза); 2) образование новой семейной пары — стадия диады; 3) семья с маленькими детьми (включает в себя стадию триады, появление нескольких детей, выход детей во внешний мир — сад, школу); 4) семья с детьми подросткового возраста; 5) стадия отделения детей от родителей; 6) семья после отделения детей (стадия диады).

Эти стадии универсальны для любого общества, но их прохождение имеет свою специфику, обусловленную традициями и культурой каждой отдельной страны.

Прохождение жизненного цикла представляет собой смену периодов кризисов развития и периодов стабилизации в жизни семьи и является так называемым горизонтальным стрессором [4].

Специалисты по социальной работе при организации работы с семьей делают акцент на способности семейных систем к адаптации, в том числе по отношению к окружающей среде. Особенно хочется подчеркнуть, что ни в коем случае не должна ставиться задача менять людей, составляющих семью. Все люди, какими бы они ни были, могут жить более счастливо в своей семье. Препятствие этому не в том, что люди вокруг плохи, а в том, что сама семейная система функционирует неправильно. Вот это функционирование и можно изменить [5, с. 364–368].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985.
2. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб., 2001.
3. Сатир В. Вы и ваша семья. М., 2001.
4. Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. 3-е изд., испр. и доп. М., 2001.
5. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

И. В. Антонович, Т. В. Чуканова (Барнаул)

МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В основе профилактических и коррекционных мероприятий чаще лежит комплексный подход, который включает в себя следующие функции: воспитательная, компенсаторная, стимулирующая, корректирующая, регулирующая.

Девиантное поведение мы рассматриваем как действия, не соответствующим официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. В данном случае объективным способом решения проблемы является ее предотвращение через превенцию. Слово «превенция» (профилактика) происходит от латинского «*praevenire*» — «предшествовать, предвосхищать».

Занимаясь профилактикой риска девиантного поведения подростков, основное внимание следует уделить развитию качеств, которые будут выступать как факторы защиты от девиантного поведения (социальным навыкам и умениям преодоления стресса; уверенность в себе, развитие адекватного отношения к собственной личности, эмпатии; навыки практического применения активной стратегии проблем, совершенствование поиска социальной поддержки; навыки общения, умение общаться со сверстниками и взрослыми; открытость к мнению и опыту других людей; способность усваивать новые знания).

Способствовать развитию вышеперечисленных факторов может социально-психологический тренинг, арттерапия.

В отечественной психологии распространены определения тренинга как одного из активных методов обучения или социально-психологического тренинга. Л. А. Петровская рассматривает социально-психологический тренинг как средство воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения [1]. Мы предлагаем такое определение социально-психологического тренинга, как многофункциональный метод преднамеренных изменений и развития психологических особенностей человека или групп с целью улучшения, гармонизации психологического состояния человека, обретения им жизненно важных коммуникативных знаний, умений, навыков.

Основная цель всех занятий — обеспечение психологической поддержки и содействие полноценному личностному и интеллектуальному становлению личности [2]. С помощью тренинговых игр и упражнений активизируются познавательные процессы, творческое мышление, коммуникативные навыки и умение взаимодействовать в группе.

Выделяются основные принципы организации социально-психологического тренинга: 1) принцип диалогизации взаимодействия, т. е. полноценного межличностного общения; 2) уровень организации работы в значительной мере зависит от того, как практически реализуется принцип психологического взаимодействия. Для достижения положительных личностных изменений, перестройки отношений иногда нужны «острые моменты, потрясение»; 3) одним из основных является принцип самодиагностики, спровоцированной группой для каждого из участников и руководителя; 4) также необходимо сделать акцент на принципе практической материализации социально-психологических феноменов, которые изучаются. Важно организовать переживание предложенных межличностных феноменов каждым участником группы; 5) отправным пунктом для обеспечения успешной работы тренинговой группы выступает принцип добровольности [3].

Таким образом, в ходе тренингов значительно развиваются житейские знания и навыки, повышается творческая продуктивность, углубляются и расширяются способы самоактуализации, совершенствуется социально-психологическая компетентность в общении, усваиваются новые, более эффективные приемы общения и поведения, техника владения собой и точного понимания других людей.

Часто возникает ситуация интегрирования и ассимилирования социальной работой передовых достижений других областей знаний, в частности психологии. В последние десятилетия сложился научный подход в использовании произведений искусства и творческой деятельности для профилактики развития различных заболеваний широко используются такие понятия, как «искусствотерапия», «психозстетотерапия», «культуротерапия», «арттерапия». Арттерапия как одна из форм терапии творчеством представляет собой не только нетрадиционный подход, но и уникальный феномен. Она является результатом взаимодействий науки и искусства, вербальных и невербальных механизмов отражения действительности.

Арттерапия — это наиболее мягкий метод работы, контакта с трудными проблемами. Подросток может не говорить или не может признать свои проблемы своими, но при этом лепить, двигаться и выражать себя через движения телом. Также занятия арттерапией могут снимать психическое напряжение.

В занятии искусством очень важно, чтобы ребенок чувствовал свой успех в этом деле. Если он видит, что имеет успех в выражении и отображении своих эмоций, создании уникальных поделок, рисунков, к нему приходит успех в общении, а взаимодействие с миром становится более конструктивным [4].

Арттерапевтическая работа с подростком осуществляется в активной и пассивной формах, а также в индивидуальной и групповой.

При пассивной форме ребенок «потребляет» художественные произведения, созданные другими людьми; рассматривает картины, читает книги, прослушивает музыкальные произведения. При активной форме арттерапии ребенок сам создает продукты творчества: рисунки, скульптуры и т. д.

При использовании групповой формы простая манипуляция и игра с материалом порой оказывается очень важным фактором активизации детей, тренировки памяти, мышления и других функций. Групповые формы в настоящее время используются очень широко. Групповая арттерапия- позволяет развивать ценные социальные навыки, связана с оказанием взаимной поддержки членами групп и позволяет решать проблемы, дает возможность наблюдать результаты своих действий и их влияния на окружающих, повышает самооценку и ведет к укреплению личной идентичности.

Групповая терапия предполагает взаимодействие между участниками групп посредством вербальной и невербальной коммуникации. Она опирается на принципы групповой вербальной психотерапии и на арттерапевтические достижения, синтезируя и то, и другое уникальным образом [5].

Наибольшее значение в разработке технологий арттерапии, направленных на профилактику девиантного поведения подростков, имеет ее содержательная сторона и те средства коррекции, с помощью которых происходит восстановление, выравнивание их возможностей в социальном самоутверждении.

Основными методами арттерапии являются: изотерапия, сказкотерапия, музыкотерапия, танцевально-двигательная терапия, глино-терапия, игровая терапия, библиотерапия, фототерапия.

Фототерапия — это лечебно-коррекционное применение фотографии для решения психологических проблем, а также развития и гармонизации личности [6]. Фототерапия основывается на использовании фотографий и взаимосвязей с ними в рамках модели «клиент — специалист», при которой квалифицированные специалисты в области психического здоровья используют различные техники и методики в процессе консультирования клиентов.

Фототерапевтические занятия могут проводиться в специальных образовательных или медицинских учреждениях, социальных центрах под руководством детского психолога и социального педагога. Занятия по фототерапии рекомендуется сочетать с другими видами творческой деятельности, такими как лепка, рисование, коллажирование, сочинение сказок, изготовление из фотографий фигур, показ спектаклей, а также проведение игр, конкурсов, викторин.

Финский фотограф и социальный педагог Миина Саволайнен разработала технику поддерживающей фотографии, которая активно применяется в социальной работе с детьми и деструктивными семьями [7, с. 5].

Суть техники состоит в использовании детьми и их родителями готовых фотографий, а также непосредственное создание снимков клиента и процесс его фотографирования. В ходе проведения техники поддерживающей фотографии специалист стремится побудить клиентов к изучению и осознанию своей жизни, различных ролей, семейных отношений и взглядов на жизнь. Клиенту предоставляется возможность понять себя, улучшить взаимоотношения с окружающими, принять и осознать свою внутреннюю силу, свой неповторимый потенциал. Одним из результатов процесса поддерживающей фотографии является создание специалистом серии фотопортретов клиента.

В итоге можно прийти к выводу, что с помощью социально-психологического тренинга и арттерапевтических занятий корректируется личностное взаимодействие и общение в группе, а также выстраивается система компенсаторных механизмов, которые помогают преодолевать возникающие жизненные трудности. Социально-психологический тренинг представляется наиболее адекватным методом профилактики риска девиантного поведения у подростков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
2. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения : учебное пособие. — СПб., 2008.
3. Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб., 2003.
4. Психология художественного творчества. Минск, 1999.
5. Лебедева Л. Д. Практика арттерапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб., 2007.
6. Копытин А. И. Техники портретной фотографии // Школьный психолог. 2010. № 5.
7. Копытин А. И., Платтс Дж. Руководство по фототерапии. М., 2009.

А. Д. Абашина (Санкт-Петербург)

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЖИЗНЕННОГО ПЛАНА БЕЗНАДЗОРНЫХ ПОДРОСТКОВ

Жизненный план является внешним коррелятом сложнейшего процесса овладения безнадзорным подростком своим внутренним миром, оформления его мировоззрения. Это определенная система приспособления к окружающей действительности, впервые осознаваемая ребенком в подростковом возрасте. Так как именно в этот период происходит «осознание» собственной индивидуальности, открытие «Я», установка на сознательное построение своей жизни, постоянное вращение в различные сферы общественной жизни. Параллельно с этим происходят психологические процессы самооценивания, формирования самоотношения.

Категория «жизненный план» безнадзорных несовершеннолетних в рамках проводимого нами исследования рассматривается как совокупность трех основных составляющих:

1. Психолого-социальная. По отношению к безнадзорным несовершеннолетним профессиональное самоопределение выступает как активный долговременный процесс формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой сфере и способ его самореализации через согласование внутриличностных и социально-профессиональных потребностей с помощью самоанализа, самопознания и самоориентирования собственных способностей и ценностных ориентаций. В роли внутриличностных детерминирующих факторов профессионального самоопределения выступают: приоритетные интересы безнадзорного подростка в сфере профессионального становления, личностная направленность, темперамент, уровень эмпатии, тип акцентуации личности, стремление к риску в достижении целей, потребность аффилиации.

По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что в большинстве случаев (89,7%) подростки имеют иждивенческие интересы («пусть другие работают, только не я...»). При этом фактически отсутствует образ социально приемлемого трудового пути когонибудь из близких (родителей, родственников и т. д.).

2. Социальная. Социально-мотивационная направленность личности обездоленного подростка — динамический процесс формирования мотивов, которые обуславливают выбор жизненного пути, а также определяют возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм профессиональной и иных видов деятельности

в непосредственной зависимости от возрастных, социально-личностных характеристик безнадзорных несовершеннолетних.

Детерминирующее влияние на формирование социальной направленности безнадзорных несовершеннолетних подростков оказывает ведущий «мотивационный комплекс личности».

В процессе формирования социально направленных мотивов «внутренний фильтр» играет ведущую роль. Чем более зрелым в социальном плане является подросток, чем меньше времени он пробыл в уличной среде, с ее «бездвременным пространством», тем больше его устремлений направлено в будущее, тем больше у него формируется социально позитивных мотивационных установок, связанных с намечаемой жизненной перспективой.

По своему виду мотивы выбора жизненной перспективы можно разделить на три группы:

- общая мотивировка;
- ссылка на пример;
- немотивированный выбор.

Подавляющее большинство безнадзорных несовершеннолетних подростков осуществляют немотивированный выбор, что обусловлено неспособностью (ввиду различных психосоциальных обстоятельств) к планированию будущей жизни. В других же случаях, когда безнадзорные несовершеннолетние осуществляют так или иначе мотивированный выбор, более 50% из них делают это, ориентируясь на перспективу удовлетворения своих потребностей и получения материальной выгоды. Здесь прослеживается потребительское отношение к социальному окружению, государству, жизни в целом.

3. Индивидуально-психологическая. Ведущим показателем данной составляющей жизненного плана является самооценка как показатель сформированности представлений безнадзорных подростков о себе, их психологической готовности к определению социально-позитивного жизненного плана и его реализации.

На основании этого мы выделяем два основных приоритетных процесса, непосредственно зависящих от самооценки: самовоспитание; прогнозирование своей жизненной позиции.

В процессе исследования нами выделены характеристики трех уровней адекватности самооценки обездоленного несовершеннолетнего:

Высокий уровень присущ тем безнадзорным несовершеннолетним, чья самооценка интересов, способностей, личных качеств полностью совпадает с оценкой родителей (или лиц, их заменяющих), школьных учителей, воспитателей социально-реабилитационных центров и интернатов, специалистов по социальной работе и отча-

сти ближайшего социального окружения. Это подтверждается успехами подростка в различных видах занятий и организацией своего свободного времени. Высокая самооценка может быть и у криминально настроенного ребенка, когда, одобряемый криминальными авторитетами, он подтверждает свою самооценку «результативностью и успехами», которые в кратчайшее время приводят его в колонию для несовершеннолетних.

Средний уровень наблюдается в том случае, когда подростки частично переоценивают или недооценивают свои возможности по сравнению с оценкой взрослых. Жизненная стратегия определяется на основе познавательного интереса к различным видам деятельности без учета своей пригодности.

Низкий уровень имеет место тогда, когда заметна резкая переоценка или недооценка своих интересов, способностей, личных качеств по сравнению с оценкой учителей, воспитателей, специалистов по социальной работе.

Как показало наше исследование, подавляющее большинство безнадзорных несовершеннолетних имеет заниженную самооценку, которая, по нашим предположениям, может являться как изначально заложенной психофизической особенностью ребенка, так и следствием прохождения процесса социализации в крайне неблагоприятной социально-педагогической и психосоциальной обстановке.

Таким образом, категория «жизненный план» выступает для нас как совокупность внутриличностных и психосоциальных особенностей несовершеннолетних, определяющих и характеризующих процесс жизненного самоопределения и социальной зрелости безнадзорного ребенка, находящихся в прямой зависимости от социально-педагогических условий протекания процесса его социализации и жизнедеятельности.

А. В. Кротов, В. А. Мелехин (Барнаул)

ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫЕ ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Социологическое знание, суть которого составляет в данном случае физкультурно-спортивное знание, независимо от его уровня, характеризуется двумя функциями: это объяснение социальной действительности и преобразование социальной реальности. В первом варианте речь будет идти о теоретической интерпретации реалий со-

циальной жизни, а во втором — об эмпирическом исследовании общественных отношений.

Физкультурно-спортивное знание в методологической ориентации общесоциологического анализа научной деятельности относится к такой среднеуровневой дисциплине, как социология физической культуры и спорта.

Само название статьи содержит в себе двуединую задачу научного анализа, поскольку речь, с одной стороны, идет о физкультурно-спортивном знании (прерогатива социологии физической культуры и спорта), а с другой — о социологии социальной работы, которую, как и социологию физической культуры и спорта, относят к теориям среднего уровня.

Это не означает, что социология социальной работы не в состоянии взаимодействовать с третьим элементом системы «физическая культура и спорт», а именно «спортом», особенно когда речь идет об инвалидном спорте, о спортивных соревнованиях среди лиц пожилого возраста (ветеранское спортивное движение), однако эта тема заслуживает отдельного исследования.

Преимущественно речь должна идти о проблемах сохранения, укрепления здоровья людей, о вопросах, связанных с понятиями физической культуры для уяснения того, какую роль играет физическое воспитание в формировании здорового образа жизни.

Здоровье не следует рассматривать лишь как биологическую категорию. Ее следует трактовать шире — с позиции социальной характеристики, когда в научный оборот вводится понятие «социальное здоровье».

В определении понятия «социальное здоровье» преобладают два подхода: общетеоретический и дисциплинарный. В общетеоретическом плане социальное здоровье — это интегральное качество функционирования общества в многообразии его социально-экономических, политических, культурных, духовно-нравственных и других отношений, их гармоничности и стабильности. В медицинском плане социальное здоровье — это совокупное здоровье (физическое, психическое и социальное) субъектов общественной жизни, описываемые медико-статистическими и демографическими показателями [1, с. 11].

В названных подходах значимость физической культуры и спорта как необходимом элементе формирования социального здоровья населения не упоминается, что требует соответствующего уточнения и дополнения.

Речь должна идти о проблеме сохранения, укрепления здоровья людей, о вопросах, связанных с понятиями физической культуры для уяснения того, какую роль играет физическое воспитание в формировании здорового образа жизни.

В связи с достижениями общественного развития, приведшими к прогрессу в области функционирования системы трудовых отношений, особенно в системе «человек — техника», развитии транспортных систем; в обществе возникла проблемная ситуация разрыва между его биологической сущностью — необходимостью физической активности, с одной стороны, и достижениями цивилизационного развития, обусловившими его малоподвижный образ жизни — с другой.

Выход видится в развитии массовой физической культуры, которая стала основным средством преодоления несоответствия между потребностью в мышечной активности и условиями жизни, которые создал человек, особенно в городской среде. Социальные работники должны иметь основательные представления о феномене здоровья, способах его сохранения, улучшения и здоровом образе жизни. Без таких представлений социальная работа становится непрофессиональной.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что лица, ориентированные на здоровый образ жизни, с меньшей степенью вероятности станут клиентами социальных служб, особенно это касается социальных групп, находящихся в работоспособном возрасте и не имеющих врожденных ограничений по здоровью.

Всю свою деятельность по формированию здорового образа жизни специалист социальной сферы должен проводить с учетом возрастных и индивидуальных морфофизиологических и психологических особенностей детей и взрослых. При этом особое внимание следует уделять таким возрастным этапам, как дошкольный, подростковый и юношеский, когда особенно интенсивно осуществляются рост и перестройка функционального состояния всех систем жизнедеятельности развивающегося организма. Нельзя забывать и о сохранении и поддержании здоровья у представителей старших возрастных групп [2].

Действенным средством формирования здорового образа жизни признаны физическая культура и спорт, являющиеся одновременно средством социальной защиты населения. Физическая культура — это совокупность достижений общества в деле создания и рационального использования социальных средств, методов и условий для целенаправленного физического совершенствования человека.

Общество испытывает постоянную потребность формировать необходимые в жизни человека двигательные навыки (ходьба, бег, плавание и т. п.), развивать до оптимальных уровней его физические способности (силу, выносливость, ловкость и т. п.) в интересах труда, обороны, активного отдыха и других видов деятельности. Все эти потребности общества удовлетворяют такой вид активной деятельности, как физическая культура и спорт.

Возможности физической культуры в сфере социальной защиты людей безграничны. Раскрыть здесь всю методику реабилитационной или рекреационной работы с помощью физической культуры не представляется возможным.

Социальная защита инвалидов, наиболее ущемленных в социально-экономическом и морально-психологическом отношении слоев населения, требует целенаправленной деятельности государства и других субъектов в области формирования цивилизованных условий жизни, которые обязательно включают в себя и занятия физическими упражнениями [3]. Это, кроме повышения рейтинга остаточного здоровья инвалидов, позволяет успешно справляться с учебной нагрузкой, профессиональной деятельностью, налаживать межличностные контакты, получать положительные эмоции, купировать стрессы. Одним из ведущих направлений в восстановлении утраченных возможностей нормальных двигательных актов является применение современных тренажерных устройств.

Особенности современного производства и производственных отношений требуют от человека высоких функциональных возможностей организма: внимания, памяти, оперативного мышления, быстроты реакций, устойчивости к неблагоприятным факторам, высокой работоспособности и т. д. Все это возможно развить и поддерживать на высоком уровне при помощи так называемой профессионально-прикладной физической подготовки.

Значительное ускорение темпа жизни и усиление потока информации вызывают психическое напряжение, которое требует разрядки. Немаловажно постоянное ощущение бодрости и жизнерадостности при регулярных занятиях физическими упражнениями. Введение в программу своей повседневной жизни этого необходимого компонента образа жизни позволит более организованно выполнять свои обязанности в труде, быту, общественной деятельности.

Подводя итоги, необходимо указать общие цели и средства физической культуры в формировании здорового образа жизни:

Принцип оздоровительной направленности — один из основных принципов массовой физкультурной деятельности. Это физическое

развитие подрастающего поколения и молодежи, физическое совершенствование взрослого населения, сохранение хорошей физической формы людей пожилого возраста.

Так как физическая культура является средством активного полноценного отдыха людей, особенно важное общегигиеническое значение имеют занятия физическими упражнениями на лоне природы, т. е. ее виды, которые способствуют регуляции вегетативных функций организма.

Физическая культура для многих становится формой самовыражения. В большинстве видов спорта мы имеем дело не просто с проявлением физической силы и выносливости, а с целостным выражением человеческой личности или силы коллектива.

Физическая культура и спорт — эффективное средство для снижения социальной напряженности в обществе, для профилактики асоциального поведения молодежи, перевода негативной энергии в позитивную.

Именно поэтому социальному работнику необходимо работать в тесном контакте со специалистами физической культуры. В содружестве с ними необходимо решать и задачи по укреплению материально-технической базы для занятий физической культурой и спортом в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ноянзина О. Е. Особенности отражения проблем социального здоровья молодежи в массовом сознании населения в условиях распространения социально обусловленных заболеваний. (На материале социологических исследований в Алтайском крае). Барнаул, 2006.

2. Абашина А. Д., Зилинских И. А., Юрченко К. Н. Пожилой человек как объект исследований в социологии и социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

3. Мазайлова Т. А. Технологии ухода за инкурабельными больными в социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

Т. В. Сиротина (Барнаул)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ (на примере Алтайского края)

Социальная работа в России находится в состоянии развития. Следствием сложной социально-экономической ситуации в стране является большое число нуждающихся в разнообразной квалифицированной помощи. Это обстоятельство стало одним из факторов, стимулирующих развитие профессиональной социальной работы в России [1, с. 63].

Профессионализация в широком смысле понимается как создание и развитие общественных институтов, а также правил и норм, связанных с формированием профессиональной структуры общества. В узком смысле процесс профессионализации — это формирование профессиональных групп, имеющих специфические интересы и ценности, а также профессиональные позиции и роли. Профессионализация означает пригодность и готовность индивида к выполнению той или иной профессиональной роли [2, с. 31].

Профессионализация социальной работы в России тормозится дисфункциями ее внутреннего и внешнего контекстов. Е. Р. Ярская-Смирнова отмечает, что, во-первых, она затрудняется неадекватными финансовыми ресурсами на федеральном и местном уровнях, негативно влияющими на качество услуг и мотивацию сотрудников. Во-вторых, восприятие социальной работы во многом основано на воспоминаниях о далеко не лучших сторонах советского социального обеспечения. Некоторые социальные службы унаследовали кадровый состав, стиль руководства и организационную культуру бывшего собеса — мира безразличных чиновников, чьи функции требуют лишь общих бюрократических навыков, но не социально ориентированной специальной квалификации, столь необходимой при анализе проблем, индивидуальной работы с клиентами или координации междисциплинарных услуг [3, с. 90].

Профессиональный статус гарантирует высокое материальное вознаграждение, предполагает элементы престижности, чего в случае с социальной работой не происходит. Можно определить и такую существенную проблему в развитии профессиональной социаль-

ной работы, как неясность профессиональной идентичности, впервые отмеченную Флекснером. История этой проблемы в России восходит к появлению законодательной базы в конце XX в., утверждавшей возникновение социальной работы, когда в обиход вошли такие схожие на первый взгляд понятия, как «социальный работник» и «специалист по социальной работе». Смешение этих понятий в общественном сознании спровоцировало размытость критериев профессиональной принадлежности и профессиональных достижений представителей социальной работы. Понятие «социальный работник» до сих пор понимается двояко: им обозначается и должность в социальной службе и вообще любой сотрудник организации социального обслуживания [1, с. 65; 4, с. 243].

Нами было проведено прикладное социологическое исследование, направленное на выявление основных видов деятельности, функций и роли специалиста по социальной работе в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями Алтайского края*. В исследовании приняли участие 28 специалистов из 9 учреждений, выполняющих функции по социальной защите детей с ментальными нарушениями. Основным методом сбора информации послужило полустандартизированное интервью.

Большинство опрошенных (19 из 28 человек) ответили специалисту по социальной работе роль организатора и координатора разнообразной работы как с детьми с ментальными нарушениями и их семьями, так и с другими специалистами и организациями, осуществляющими реабилитацию детей с ограниченными возможностями.

Следует отметить, что роль специалиста по социальной работе в организации системы социальной защиты детей с ментальными нарушениями тесно связана с функциями, которые он выполняет. А именно, спланировать, организовать, скоординировать работу более узких специалистов, наладить социальные контакты и др. Что же касается направлений деятельности специалистов по социальной работе, то другие специалисты системы реабилитации не всегда ясно и четко представляют, чем занимается специалист по социальной работе, какие функции он выполняет.

В ходе исследования мы постарались выявить некоторые профессиональные характеристики специалиста по социальной работе в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями (атрибуты профессии), к которым мы отнесли пол, возраст, стаж рабо-

* Исследование было проведено при участии магистра факультета социологии АлтГУ И. А. Федоровой.

ты, образование, наличие дополнительного образования, причины выбора профессии и личные качества.

В учреждениях социальной защиты детей с ограниченными возможностями работают преимущественно молодые специалисты по социальной работе. Возраст респондентов колеблется в интервале от 21 года до 54 лет, при этом семь из девяти специалистов данной профессии моложе 30 лет. Необходимо отметить, что из 28 экспертов, принявших участие в интервью, 9 занимали должности специалистов по социальной работе.

В ходе исследования выяснилось, что стаж работы специалистов по социальной работе разнообразен — от одного месяца до 7 лет, но 7 из 9 респондентов работали менее трех лет.

У всех специалистов по социальной работе имеется высшее образование, но только у двоих из девяти — образование по специальности. Три специалиста имеют педагогическое образование. Остальные специалисты получили математическое, филологическое, психологическое и социологическое образование. На вопрос, потребовалось ли специалистам при трудоустройстве на данную должность дополнительное образование, семь из девяти ответили отрицательно, аргументируя это тем, что придя работать, они набирались знаний и опыта у старших коллег.

Двое специалистов считают, что при работе в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями есть необходимость получения специализированного образования, например, дефектологического.

На вопрос о причинах выбора профессии «специалист по социальной работе» два респондента ответили, что пришли работать в учреждения реабилитации после преддипломной практики.

Пять специалистов по социальной работе на вопрос: «Каким образом Вы пришли работать в систему социальной защиты?» — ответили, что это была случайность. Респонденты отметили, что они просто искали работу (через биржу труда, родственников, знакомых), и так сложилось, что они пришли в эту сферу. При этом несколько респондентов ранее даже не знали о существовании данной профессии.

Все принявшие участие в исследовании специалисты по социальной работе — женщины. Двадцать шесть экспертов из двадцати восьми отметили, что в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями работают преимущественно женщины. Однако причины данного явления специалисты называли разные. Десять респондентов отметили, что это связано прежде всего с низким уровнем заработной платы.

Два специалиста считают, что социальная работа — «женская профессия». Десять специалистов отметили, что специфика данной профессии требует от человека качеств, присущих в большей степени женщине, а именно гибкости, мягкости, терпимости.

Четыре специалиста не смогли выявить причин того, почему специалистами по социальной работе в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями становятся чаще всего женщины.

Двое специалистов считают, что не следует разделять данную профессию по половому признаку, так как социальной работой могут заниматься как мужчины, так и женщины.

На вопрос, какими личными качествами должен обладать специалист по социальной работе, респонденты отвечали очень разнообразно, но, тем не менее, в ответах можно найти несколько схожих качеств. Наиболее популярные ответы: доброта (выделили 10 человек), любовь к детям (8); терпение (8); коммуникабельность (6); толерантность, терпимое отношение к людям (6); доброжелательность (5). Такие качества, как ответственность, организованность, умение управлять эмоциями, умение выслушать, стрессоустойчивость, — не пользовались популярностью.

В рамках глубинного интервью на вопрос о том, применим ли к специалисту по социальной работе термин «профессионал», все респонденты (28 человек) ответили утвердительно, хотя аргументировали свой ответ по-разному. Так, часть респондентов (9 из 28) отметили, что этот термин можно применить к любому специалисту со знанием и опытом в различных сферах деятельности.

Другая часть интервьюируемых (19 человек) считает, что термин «профессионал» применим к специалистам, которые обладают определенными знаниями и личными качествами, заинтересованностью в работе и хотят совершенствоваться и повышать уровень образования.

Нас также интересовало мнение респондентов о престижности данной профессии. Специалистам системы социальной защиты был задан вопрос, престижно ли сегодня быть специалистом по социальной работе. Мнения респондентов разделились. Четыре из двадцати восьми респондентов отметили, что в настоящий момент профессия специалиста по социальной работе престижна.

Два специалиста считают, что каждый человек сам для себя определяет престижность профессии, все будет зависеть от личных качеств. Так, если человеку нравится работать специалистом по социальной работе, следовательно, эта профессия для него престижна.

Пять человек считают, что профессия «специалист по социальной работе» одновременно и престижна, и не престижна, так как престижность профессии можно рассматривать с разных сторон.

Еще три специалиста затруднились ответить на этот вопрос. Возможно, что они просто не захотели его обсуждать. Остальные респонденты (12 человек) ответили, что сегодня непрестижно быть специалистом по социальной работе, и дали объяснения, почему. Специалисты системы социальной защиты считают, что непрестижность данной профессии обусловлена низким уровнем заработной платы и отсутствием признания.

Относительно миссии профессии «специалист по социальной работе» мнения респондентов также были разнообразными. Встретилось два самых распространенных варианта ответов на вопрос, в чем состоит миссия профессии «специалист по социальной работе» в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями. Девять респондентов считают, что миссия профессии состоит в оказании помощи детям с ментальными нарушениями и их семьям.

Трое специалистов считают, что миссия данной профессии состоит в том, чтобы научить детей и их родителей жить в обществе, адаптировать их к социальным условиям.

Остальные специалисты назвали довольно разнообразные определения миссии профессии специалиста по социальной работе.

В данном исследовании мы постарались определить представления экспертов о профессиональной деятельности специалистов по социальной работе в системе социальной защиты детей с ментальными нарушениями. Мы выяснили, что в процессе социальной защиты детей с ментальными нарушениями участвует целая команда специалистов. Это не только специалисты по социальной работе, социальные педагоги и социальные работники, но и психологи, педагоги по творчеству, инструкторы ЛФК, логопеды и многие другие. Однако специалисту по социальной работе отведена роль организатора и координатора процесса социальной защиты детей с ментальными нарушениями.

На наш взгляд, профессия специалиста по социальной работе во многом уникальна. Человеком при выборе данной профессии движут благие намерения. Он не стремится ни к власти, ни к материальному достатку. Об этом свидетельствуют те личные качества, необходимые специалисту по социальной работе, которые были выделены в ходе исследования, а также миссия данной профессии, ее непрестижность с точки зрения условий труда и заработной платы. Специалист по социальной работе в системе социальной защиты де-

тей с ментальными нарушениями искреннее желает помогать людям, обладает терпением и толерантностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бетурлакин В. В. Профессиональная социальная работа: состояние и перспективы // Вопросы научной теории и социальной практики : сб. науч. статей. Вып. 3. Саратов, 2007.
2. Бетурлакин В. В. Актуальные проблемы профессионализации социальной работы // Вопросы научной теории и социальной практики. Вып. 2. Саратов, 2005.
3. Ярская-Смирнова Е. Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5.
4. Чудова С. Г. Внедрение результативных принципов управления в сфере социального обслуживания населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3.

Е. Н. Дронова (Барнаул)

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОЦЕНКАХ СПЕЦИАЛИСТОВ «ПОМОГАЮЩИХ» ПРОФЕССИЙ

В Алтайском крае достаточно остро стоит вопрос суицидального поведения несовершеннолетних. По данным следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю, в 2013 г. на территории региона зарегистрировано более 45-ти попыток суицидов, не окончившихся летальным исходом, а также отмечается рост суицидальной смертности несовершеннолетних в сравнении с 2012 г. [1].

Выраженная динамика роста суицидов среди молодежи, в том числе несовершеннолетних, начиная с 15-летнего возраста, как отмечает М. И. Черепанова, обусловлена ее уязвимостью в современном обществе, кризисом социализации, проблемами несвоевременного формирования социально-психологических новообразований, факторами дезадаптации, которые в совокупности порождают множество точек бифуркации и способствуют пресуициду и суициду [2, с. 241]. Современные исследования психологов (О. А. Сагалакова, И. Я. Стоянова, Д. В. Труевцев) показывают, что «ключевым в антивитальной настроенности подростка выступают случаи отвержения, осмеяния, неприятия сверстниками на фоне отсутствия возможностей компен-

сации неприятных переживаний в ближайшем окружении, дисфункциональных отношений в микросоциальном окружении» [3].

В практике работы с несовершеннолетними деятельность по профилактике суицидального поведения требует системного анализа и планирования, особенно в силу того, что причины самовольного ухода из жизни, в том числе детей и подростков, являются латентными и не ограничиваются влиянием единственного фактора антивицидального риска (социального, психологического, педагогического, культурного и др.).

В 2014 г. в целях определения содержания профилактики суицидального поведения несовершеннолетних в Алтайском крае нами проведен опрос специалистов помогающих профессий (педагогов, педагогов-психологов, специалистов по социальной работе, врачей). Респондентами выступили участники окружных семинаров «Подходы к профилактике суицидальных рисков среди детей и подростков» образовательных округов (Алейского, Барнаульского, Бийского, Заринского, Каменского, Рубцовского, Славгородского).

В процессе количественного и качественного анализа данных получены следующие результаты:

1. В представлении специалистов помогающих профессий подростковый суицид — это «крик о помощи» (37,5%), «проявление социального неблагополучия» (22,5%), «проявление психического неблагополучия» (10,8%); «духовная слабость» (8,3%), «отсутствие смысла жизни» (7,5%).

2. По мнению респондентов, суицидальным рискам в большей степени подвержены: «подростки, страдающие депрессивным расстройством» (48,3%), «подростки с заниженной самооценкой» (36,7%), «несовершеннолетние аддиктивного поведения» (5,8%), «здоровые дети» (3,3%), «дети, страдающие шизофренией и другими психозами» (1,7%), «дети, находящиеся под опекой» и «дети с низким уровнем духовно-нравственной культуры» (по 0,8%). Среди 2,5% подростков — «подростки, попавшие в трудную жизненную ситуацию и не имеющие ресурсов для выхода из нее», «дети, проживающие в неблагополучных семьях», «дети, не получающие качественного внимания от взрослых», «подросток с акцентуациями и психологическими проблемами». При этом необходимо отметить, что при характеристике подростков, склонных к суицидальному поведению, часть респондентов опиралась на свой профессиональный опыт работы по суицидальному случаю. Например, «Мальчик, 13 лет, из опекунской семьи, из-за непонимания матери и конфликта с девушкой покончил жизнь самоубийством через повешение», «Мальчик, 16 лет, повесился, был

нетрезв. Ранее поссорился с друзьями», «Подросток из неблагополучной семьи, злоупотребление алкоголем, ссора с девушкой, суицид (повешение)», «Ранее обращалась несовершеннолетняя в связи со случаем завершенного самоубийства (потеря близкого друга)». Предположение о том, что на восприятие специалистами феномена подросткового суицида зависит от рода трудовой деятельности, профессии в целом не получило подтверждения, за исключением психологов, независимо от их сферы работы (образование, здравоохранение, социальная защита населения): 46% психологов, выбравших «*проявление психического неблагополучия*» в суицидальных актах, работают в должности педагога-психолога, медицинского психолога.

3. Иерархия факторов суицидального риска, как показывают ответы специалистов, представлена следующими пятью доминирующими факторами: 1) «*нарушение детско-родительских отношений*»; 2) «*несчастливая любовь*»; 3) «*наличие трудной жизненной ситуации в семье подростка*»; 4) «*отчужденность, нарушение коммуникации*»; 5) «*одиночество*». Иное видение у специалистов системы здравоохранения: наряду с вышеуказанными факторами респонденты указывают «*наличие зависимости*», «*психическое заболевание*».

4. Рейтинг используемых опрашиваемыми мер профилактики суицидального поведения выглядит следующим образом: «*индивидуальные беседы*» (60,8%); «*налаживание детско-родительских отношений*» (60,8%); «*информирование детей о службе «Телефон доверия»*» (75%); «*выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении*» (56,7%); «*организация досуговых мероприятий*» (57,5%); «*информирование родителей о признаках суицидального поведения ребенка, об источниках помощи*» (57,5%); «*пропаганда здорового образа жизни*» (55%); «*содействие в направлении ребенка с зависимостью на лечение*» (50%); «*индивидуальная диагностика (тестирование, анкетирование)*» (36,7%); «*духовно-нравственное воспитание личности*» (33%); «*социально-психологический тренинг*» (29,2%); «*просмотр фильмов, актуализирующих жизнь*» (24,2%); «*лекция*» (6,7%).

Таким образом, результаты проведенного исследования приводят нас к заключениям:

- в профессиональной среде, как и в науке, нет сегодня единого представления о причинах, детерминирующих суицидальное поведение несовершеннолетних;
- в группу суицидального риска прежде всего, по мнению специалистов, попадают несовершеннолетние с психическими расстройствами, однако доминирующим фактором риска вы-

ступает фактор ослабленной коммуникации в ближайшем социальном окружении несовершеннолетнего;

- в качестве превентивных мер суицидального поведения несовершеннолетних в реальной практике специалистов помогающих профессий большее распространение получили информирование, социальная диагностика и содействие социально-полезной занятости несовершеннолетних.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В следственном управлении СК РФ по Алтайскому краю состоялось совместное заседание Общественного и консультативного совета по вопросам детского суицида // Барнаул. Новости. 2013. 12 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barnaul-altai.ru>.

2. Черепанова М. И. Особенности формирования суицидальных рисков среди российской молодежи: ретроспектива и прогноз // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 2/2 (78).

3. Сагалакова О. А., Стоянова И. Я., Труевцев Д. В. Социальная тревога — маркер антивиталяного поведения в подростковом и юношеском возрасте // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 4 (6).

И. В. Антонович, Т. А. Мазайлова (Барнаул)

ТЕХНОЛОГИЯ «ДОКТОР КЛОУН»: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, ОЦЕНКА ВНЕДРЕНИЯ В ПРАКТИКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Больничная клоунада, существующая в мире уже более 30 лет, представляет собой систему мер, направленную на интенсивную социокультурную реабилитацию детей, находящихся на стационарном лечении, и их родителей с помощью средств клоунады и игротерапии. В странах Западной Европы уже в течение 20 лет «лечебные клоуны» являются составной частью оздоровительных программ крупных больниц.

Институт больничных клоунов появился в 1986 г. Администрация одной из нью-йоркских больниц попросила клоуна из известной труппы Big Apple Circus Майкла Кристенсена выступить перед детьми, страдающими сердечными заболеваниями. Опыт оказался настолько

успешным, что выступления было решено устраивать на постоянной основе. В ходе наблюдения за состоянием пациентов было выявлено, что клоунада позволяет детям гораздо легче адаптироваться к больничным условиям, переживать боль и состояние психологического дискомфорта — в результате нью-йоркский опыт переняли сначала другие клиники Америки, а затем сообщества актеров в белых халатах появились и во всем мире.

Американский невролог Уильям Фрай доказал, что от смеха в крови резко увеличивается количество антител, а значит, сопротивляемость организма болезням повышается. В то же время снижается выброс гормона стресса — адреналина, усиливается выделение эндорфинов — собственных «наркотиков» человеческого организма, притупляющих болезненные ощущения и вызывающих приятное чувство эйфории [1].

Также смех — это особый вид лечебного массажа. Психологи полагают, что воздействие развлекательных комических техник, которые применяют клоуны, побуждает пациентов самостоятельно создавать атмосферу радости, что помогает легче переносить боль, снизить связанные с ней страхи и придать положительный смысл негативным эмоциям [2].

Одним из самых эффективных методов снятия стресса в больничных стенах является визит доброго, озорного персонажа, имя которому «Больничный клоун». Данный вид социокультурной реабилитации всемирно признан, является высокоэффективным при работе с данной целевой группой.

Именно ситуация госпитализации является наиболее психотравмирующей как для самого ребенка, так и для его родителей. В периоды госпитализаций происходит отрыв ребенка от естественных условий развития, потеря привычных социальных связей, возникает дефицит обычного, не искаженного болезнью общения, изменяется ситуация внутри семьи. При длительных госпитализациях, каждая из которых является психотравмирующей ситуацией, больной ребенок оказывается в условиях дефицита позитивных впечатлений и положительных эмоций. Кроме того, длительная госпитализация ограничивает активность ребенка, является причиной сенсорной и эмоциональной изоляции. В связи с этим большое значение имеет правильная организация среды вокруг больного ребенка, которая не только облегчает детское самочувствие и настроение, но и будет стимулировать активность ребенка, побуждать его к действию, к скорейшему выздоровлению [3].

«Больничные Клоуны» — организация, которая помогает в реабилитации детей, находящихся на стационарном лечении. Помогает

ет средствами клоунады, арт-терапии и игротерапии, она является первой в России профессиональной организацией, практикующей регулярную и системную реабилитацию детей с помощью средств больничной клоунады.

Сейчас наиболее активно движение «Доктор-клоун» реализуется в Москве и Санкт-Петербурге, Томске и Одессе, Харькове и Астане и других городах.

Работают клоуны парами: так легче создать игровую ситуацию и вовлечь в нее ребенка. Взаимодействие строится на конфликте белого клоуна-начальника и рыжего — подчиненного, но опытные актеры часто меняются ролями: и в смешной ситуации может оказаться как первый, так и второй. Четко заданного сценария выступления у клоунов нет — все зависит от темперамента пациента и строится на импровизации [4].

В отличие от Европы и США российский Минздрав «Больничных клоунов» поддерживает, но денежных средств не выделяет. Получать вознаграждение от семьи ребенка или больницы запрещено — существует организация исключительно на частные пожертвования.

С 8 по 12 июля в Москве состоялся Международный обучающий семинар по больничной клоунаде для волонтеров России и стран ближнего зарубежья. Данное мероприятие проходит во второй раз. Преподаватели и руководители АНО «Больничные Клоуны» поделились многолетним опытом работы, на занятиях использовались методики, полученные в Швейцарии, Израиле, Франции и Голландии.

Семинар посетили инициативные группы регионов России и стран СНГ, в том числе представители из Архангельска, Барнаула, Иванова, Саратова, Самары, Белоруссии (Гомель), Украины (Ровно, Запорожье), Казахстана (Астана) и т. д.

Основной целью семинара была передача опыта, накопленного АНО «Больничные Клоуны» в процессе регулярной и профессиональной работы. Был аккумулирован опыт 8 лет работы в России, принципы классической школы театра и цирковой клоунады, навыки актерского мастерства преподавателей — актеров и режиссеров, опыт клинических психологов.

В семинар были включены тренинги по поиску образа клоуна, пластике тела, тренинги на развитие взаимодействия в паре, доверие партнеру, внимание и реакцию, тренинги, посвященные специфике работы больничных клоунов в больничных палатах, т. е. были представлены почти все аспекты работы актера со средствами больничной клоунады.

Участники познакомились с понятием клоунотерапия, узнали, как клоун может не только развлечь, но и помочь научиться чему-то новому, открыть в себе ресурс смеха и радостной эффективной коммуникации с другими людьми.

Семинар включал в себя освоение некоторых понятий актерского мастерства, таких как артистическая смелость, реагирование, мышечная свобода. Особое внимание было уделено созданию атмосферы во время занятий, часто через навыки импровизации.

Больничные клоуны работают также и с сиротами: в детской психиатрической больнице в деревне Никольское Рузского района и в детском доме для детей с физическими отклонениями города Новочеркасска. Еще одна сфера деятельности, которая будет осуществляться в будущем, — это работа в домах престарелых.

Для Алтайского края клоунотерапия является инновационной социальной практикой. На сегодняшний день при наличии 9 клинических больниц ни в одной из них нет волонтеров, способствующих улучшению психологической атмосферы у детей, родителей и сотрудников больниц [5]. В среднем в больницах Барнаула лежат более 1000 детей в месяц, степень их эмоционального состояния варьируется от тяжелой до удовлетворительной в зависимости от поставленных диагнозов. Таким образом, данное направление является актуальным и перспективным для Алтайского края. В рамках исследования кафедры социальной работы «Состояние паллиативной помощи в Алтайском крае» был проведен экспертный опрос специалистов системы здравоохранения, социальной сферы, включенных в процесс оказания помощи онкологическим больным. Эксперты считают, что реализация такой технологии в учреждениях «могла бы быть полезной и необходимой, поскольку ничего похожего на данный момент нет», «возможно, это было бы и странно, для взрослых, но детям, конечно, было бы интересно», «такие технологии являются необходимыми для детей. Они так долго находятся на лечении, что устают от процедур, от стен, постоянных требований врачей и, конечно, им нужна разрядка. Наверное, в онкогематологическом отделении клоуны будут самыми востребованными». Внедрение такой технологии на территории Алтайского края может потребовать некоторого времени. У руководителей учреждений, где она может быть использована, нет опыта ее апробирования, а также на данный момент в крае отсутствует взаимозаменяемая команда добровольцев, обученных работе с детьми по этой технологии. Таким образом, данное направление является актуальным и перспективным для Алтайского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доктор Клоун, или Лечение смехом [Электронный ресурс]. URL: <http://rodim.ru/psychhelp/bol-deti/doc-cloun.html>.
2. Семинар «Клоунада в работе с детьми и взрослыми, клоунотерапия» [Электронный ресурс]. URL: http://samopoznanie.ru/trainings/klounada_v_rabote_s_detmi_i_vzroslymi_klounoterapiyao/?date=141049.
3. Грищенко Е. Н. Деятельность социального педагога в медицинских учреждениях, осуществляющих стационарное лечение // Молодой ученый. 2011. Т. 2. № 7.
4. Как вылечить смехом [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/lifestyle/562949988800397>.
5. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

Ю. А. Калинина (Барнаул)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИИ**

В настоящее время для многих стран актуальными являются вопросы совершенствования системы реализации государственных гарантий, развития новых социальных технологий, сети специализированных учреждений социального обслуживания, обеспечения качества социальных услуг, разработки стандартов социального обслуживания разного уровня.

Требованием времени становится повышение уровня безопасности жизни, здоровья граждан в процессе социального обслуживания, предоставление качественных социальных услуг. Обеспечение соответствия услуг и процесса обслуживания этим требованиям входит в число задач стандартизации [1, с. 242–243; 2, с. 364; 3, с. 74–75].

В настоящее время одной из актуальных проблем социальной сферы является разработка разного рода стандартов (см. табл. 1). Стандартизация объемов, форм, видов услуг и их качества, процесса обслуживания и подобного является приоритетным направлением деятельности многих организаций и учреждений социальной сферы, в том числе и социального обслуживания населения.

Стандартизация — это деятельность, направленная на достижение оптимальной степени упорядочения в определенной области посредством установления положений для всеобщего и многократного использования в отношении реально существующих или потенциальных задач [4]. Эта деятельность реализуется в Российской Федерации на основании Концепции развития национальной системы стандартизации, где определены ключевые принципы стандартизации: добровольного применения документов в области стандартизации; максимального учета при разработке стандартов законных интересов заинтересованных лиц; недопустимости создания препятствий оказанию услуг; обеспечения условий для единообразного применения стандартов.

Таблица 1

Стандарты в области социального обслуживания разных категорий населения

<i>Стандарт</i>	<i>Профессиональный стандарт специалиста по социальной работе</i>	<i>Национальный стандарт ГОСТ Р Социальное обслуживание населения Требования к персоналу учреждений социального обслуживания</i>	<i>Административный регламент предоставления государственной услуги. (Стандарт предоставления услуги)</i>
<i>Содержание</i>	Требования к знаниям и умениям; требования к уровню квалификации; описание трудовых функций	Требования к должностям	Алгоритм работы специалиста
<i>Характер применения</i>	Обязательный характер соблюдения	Добровольный характер соблюдения (регионы вправе самостоятельно определять порядок соблюдения стандартов)	Обязательный характер применения

Деятельность в области стандартизации регулируется положениями ФЗ «О техническом регулировании», 2002 [5], вместе с этим не все виды стандартов являются объектами регулирования этого ФЗ (см. рис.).

В соответствии с международной практикой стандартизации социального обслуживания, в частности, как свидетельствует опыт Великобритании, в процессе разработки требований учитывается мнение всех участников этого процесса, потребителей, изготовителей и исполнителей услуг. Так, в Великобритании создана специальная инспекция социальных служб для совершенствования стандартов и повышения качества оказываемых услуг, повышения эффективно-

сти работы, гарантии безопасности жизни и здоровья потребителей услуг. Инспекция социальных служб, разрабатывая стандарты, учитывает опыт разных регионов страны, различных групп потребителей и лиц, ухаживающих за ними, общественных организаций [5].

Важной отличительной особенностью социального обслуживания за рубежом является участие клиентов и лиц, ухаживающих за ними, в подборе персонала, разработке штатного расписания, определении круга производственных обязанностей, оценке работы персонала социальных служб потребителями, которая проводится один раз в 6 месяцев.

Действие Федерального закона «О техническом регулировании», 2002 г.

В России в практике социального обслуживания в настоящее время Министерство труда и социальной защиты РФ формирует независимые системы оценки качества работы организаций, оказываю-

щих социальные услуги, включая определение критериев эффективности работы таких организаций и введение публичных рейтингов их деятельности. В субъектах РФ были реализованы проекты с участием общественных организаций по проведению независимой экспертизы качества социальных услуг. Основой для разработки системы критериев оценки качества социальных услуг послужили национальные стандарты социального обслуживания и административные регламенты государственных услуг.

Национальный стандарт — это стандарт, утвержденный национальным органом Российской Федерации по стандартизации [6]. С 1997 г. в России началась разработка национальных стандартов (до июля 2003 г. в России разрабатывались государственные стандарты (ГОСТ Р), а после — национальные стандарты) социального обслуживания. В число рабочей группы в России по разработке стандартов социального обслуживания (технический комитет 406) вошли представители Государственного комитета РФ по стандартизации, метрологии и сертификации (Росстандарт), Министерство труда и социального развития (в настоящее время Министерство труда и социальной защиты), Министерство здравоохранения, Министерство культуры, а также общественных объединений инвалидов, ассоциации работников социальных служб и др. Тем самым была принята попытка учесть интересы всех участников процесса социального обслуживания.

В настоящее время на территории РФ действует 29 национальных стандартов, которые можно разделить на следующие группы (см. табл. 2):

1. Основополагающие стандарты.
2. Стандартизация социальных услуг отдельным категориям населения.
3. Качество социального обслуживания населения и методы его оценки.

В настоящее время одной из актуальных проблем социальной сферы является разработка стандартов организаций. Стандартизация объемов, форм, видов услуг и их качества, процесса обслуживания и другого является приоритетным направлением деятельности многих организаций и учреждений социальной сферы, в том числе и социального обслуживания населения. Организации социального обслуживания разрабатывают и утверждают стандарты организаций на основе ФЗ «О техническом регулировании», 2002 г. и ГОСТ Р 1.4 — 2004 «Стандарты организаций. Общие положения». В общем случае стандарт организации содержит следующие элементы:

титульный лист; предисловие; содержание; введение; нормативные ссылки; определения, обозначения и сокращения (при необходимости) и текст стандарта.

Таблица 2

Национальные стандарты социального обслуживания населения в РФ

1	<i>Основополагающие стандарты</i>	ГОСТ Р 52498–2005, ГОСТ Р 52495–2005, ГОСТ Р 52882–2007, ГОСТ Р 52883–2007, ГОСТ Р 53060–2008, ГОСТ Р 52143–2013
2	<i>Стандартизация социальных услуг отдельным категориям населения</i>	ГОСТ Р 52880–2007, ГОСТ Р 52881–2007, ГОСТ Р 52884–2007, ГОСТ Р 52885–2007, ГОСТ Р 52886–2007, ГОСТ Р 52887–2007, ГОСТ Р 52888–2007, ГОСТ Р 53064–2008, ГОСТ Р 53059–2008, ГОСТ Р 53058–2008, ГОСТ Р 53349–2009, ГОСТ Р 54343–2011, ГОСТ Р 54990–2012
3	<i>Качество социального обслуживания населения и методы его оценки</i>	ГОСТ Р 52497–2005, ГОСТ Р 52496–2005, ГОСТ Р 53062–2008, ГОСТ Р 53061–2008, ГОСТ Р 53348–2009, ГОСТ Р 53347–2009, ГОСТ Р 53555–2009, ГОСТ Р 54342–2011, ГОСТ Р 52142–2013

Организации социального обслуживания заинтересованы в разработке стандартов организаций по нескольким причинам: во-первых, в связи с необходимостью конкретизации положений национальных стандартов социального обслуживания из-за возможного отсутствия в них специальных, детализированных требований; во-вторых, из-за отсутствия национальных стандартов социального обслуживания, в которых разработаны требования к социальным услугам для определенных категорий клиентов, таких как молодежь, мужчины и др.; в-третьих, возможности учета мнений потребителей социальных услуг, так как при разработке стандартов организаций необходимо участие всех заинтересованных сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чудова С. Г. Внедрение результативных принципов управления в сфере социального обслуживания населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

2. Чуканова Т. В. Разработка концепции социальной защиты населения как условие социальной безопасности региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

3. Антонович И. В. Гражданское общество в России на рубеже XIX–XX веков и в советский период (сравнительный анализ) // Система ценностей современного общества. 2010. № 12.

4. Экономические и финансовые словари [Электронный ресурс] / Яндекс. Энциклопедии. — Электрон. дан. (1 файл). URL: <http://encycl.yandex.ru>.

5. О техническом регулировании : Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ // Российская газета. — 2002. — 31 дек.

6. Ригина Н. Ф. Совершенствование стандартов социальной работы в Великобритании // Российский журнал социальной работы. — 1996. — № 2.

Н. Н. Касьянова (Орел)

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В ХОДЕ ПЕНСИОННЫХ РЕФОРМ

Человек, столкнувшийся с проблемой многочисленных преобразований в пенсионной системе, необходимостью принятия решения о судьбе своих пенсионных накоплений и не имеющий возможности решить ее самостоятельно, может осознать и обозначить зону собственных затруднений, но, как правило, не представляет, что именно и каким путем необходимо изменить, чтобы проблема была решена. В такой ситуации консультант — специалист по социальной работе реализует на практике социальное консультирование. При этом важнейшая задача консультанта состоит в том, чтобы не только помочь в решении определенной проблемы, проинформировать о существующих негосударственных пенсионных фондах, критериях их эффективной деятельности и т. д. [1, с. 208]. Консультант — специалист по социальной работе должен способствовать преобразованию внутреннего мира клиента — застрахованного лица на основе переосмысления им своих жизненных ценностей в соответствии с изменяющимися условиями социально-экономической ситуации в стране. Изменение ценностных структур происходит в результате длительного и систематического общения застрахованного лица со специалистом, в процессе реализации разнообразных видов консультирования.

Длительность этого процесса позволяет выделить последовательный ряд этапов социального консультирования, каждый из которых направлен на решение определенных задач и достижения определенных целей.

На первом этапе происходит анализ социальных проблем обязательного и добровольного пенсионного страхования, изучение опыта тех застрахованных лиц, которые уже воспользовались своим правом по управлению пенсионными накоплениями. Подобный взгляд позволяет понять, что многие затруднения связаны не столько с объективными трудностями и обстоятельствами, сколько с субъективными установками, связанными с недоверием граждан к деятельности негосударственных пенсионных фондов, недоверием к действиям государства в сфере пенсионного обеспечения [2, с. 99].

Постановка проблемы — второй этап социального консультирования. Он предполагает непосредственное воздействие на систему ценностей, проявляющихся в процессе пенсионной деятельности и развитие у застрахованного лица системы ценностных ориентаций как элементов внутренней структуры личности, которые формируются и закрепляются жизненным опытом индивида в ходе экономической социализации. К ним можно отнести: развитие инициативы и активности у потенциальных пенсионеров, преодоление патерналистских тенденций; формирование ответственности за свое пенсионное будущее; воспитание готовности к реализации своих прав и обязанностей в новой пенсионной системе [3, с. 57]. Формирование системы ценностей вообще, и в сфере пенсионного страхования в частности, требует переосмысления в условиях современных динамичных социально-экономических систем.

Необходимо помнить, что для решения всего комплекса задач требуется время, в течение которого клиент нуждается в поддержке и необходимой помощи со стороны специалиста.

Формулировка целей — этап, на котором человек при поддержке и помощи консультанта получает возможность поставить перед собой новые цели в соответствии с новой системой ценностей, выработанных на предыдущем этапе.

На следующем этапе осуществляется выработка решений в ходе совместной с консультантом деятельности, когда клиент имеет возможность определить диапазон возможных решений и при их практической реализации становится возможным достижение им новых жизненных целей.

Далее следует реализация принятых решений, что предполагает процесс реализации застрахованным лицом новых моделей поведения на рынке пенсионных услуг на основе имеющихся знаний нового пенсионного законодательства и сформированных пенсионных умений. К последним относятся: умение определять доступность различных форм пенсионного обеспечения исходя из текущих доходов

и расходов индивида; способность оценивать факт наличия и качество корпоративных пенсионных программ, предлагаемых в составе социального пакета при поступлении на работу; понимание необходимости и преимуществ формирования пенсионных накоплений в раннем трудоспособном возрасте; умение сравнивать качества пенсионных продуктов, предлагаемых различными пенсионными фондами; умение применить санкцию закона, наказывающую или ограничивающую возникновение факта нарушения пенсионных прав застрахованных лиц.

Указанные умения становятся основой для активного конструктивного взаимодействия застрахованного лица со всеми субъектами пенсионного страхования.

Для успешной и эффективной организации и осуществления процесса социального консультирования необходимо соблюдение ряда следующих принципов.

1. Принцип заинтересованности клиента, предполагающий, что при работе с клиентом консультант должен в первую очередь убедить его в необходимости принятия новой модели экономического поведения, влияющей на его благополучие в пенсионный период.

2. Принцип ситуативного контроля, соблюдение которого позволяет консультанту даже в условиях напряженной работы сохранять возможность объективного взгляда на ситуацию, чтобы вмешаться в нее в случае возникновения негативных или деструктивных тенденций.

3. Принцип органичности и естественности, заключающийся в том, что консультанту не следует форсировать и искусственно ускорять процесс формирования ценностей экономического поведения. Он должен быть естественным результатом совместной деятельности консультанта и клиента по осмыслению и анализу возникшей проблемы.

4. Принцип незавершенности направлен на то, чтобы оставить клиенту возможность принятия другого решения, формирования новых, дополнительных ценностей, пересмотра решений, принятых ранее.

5. Целесообразность и целеустремленность. Консультация должна иметь конкретную цель, решать строго определенную задачу, проблему.

6. Добровольность и ненавязчивость. Консультируемый вправе в любое время отказаться от помощи консультанта. Эффективность консультации определяется ценностью идей, а не статусом консультанта.

7. Методическая грамотность и компетентность. Грамотный консультант должен обладать широкой эрудицией и быть компетентным в области обязательного и добровольного пенсионного страхования, уметь методически грамотно и убедительно вести консультации.

Реализуя эти принципы в практике своей профессиональной деятельности, консультант всегда должен помнить о том, что ведущая роль в процессе консультирования принадлежит клиенту. Именно он выбирает конкретный вид консультирования, формы и методы его осуществления. Задача консультанта состоит в том, чтобы побудить клиента к принятию решения, а также к необходимости нести ответственность за принятое решение.

Таким образом, социальное консультирование в процессе формирования пенсионной грамотности позволяет гражданам — потенциальным пенсионерам — эффективно в процессе всей трудовой деятельности обеспечивать благосостояние в пенсионный период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашина А. Д., Зилинских И. А., Юрлова К. Н. Пожилой человек как объект исследований в социологии и социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Бондарева Т. В. Подготовка студентов к социальной работе с пожилыми // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2006. № 2.

3. Абашина А. Д., Бондарева Т. В. К вопросу о гуманизации потребностно-ценностных характеристик будущих специалистов социальной сферы // Актуальные проблемы человека в инновационных условиях современного образования и науки : сборник материалов III Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2014.

4. Абашина А. Д. Социальные модели развития университетов третьего возраста // Социальные технологии в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф. Четвертых Санкт-Петербургских социологических чтений. СПб., 2012.

Т. В. Бондарева (Орел)

КРИТЕРИИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ К РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

В условиях развития транзитивного российского общества представляется важным повысить эффективность осуществления социальной работы, что предполагает совершенствование подготовки спе-

циалистов в этой сфере. Выявление возможных направлений оптимизации системы подготовки будущих специалистов к познавательной и практической деятельности и взаимодействию с пожилыми людьми предполагает наличие совокупности признаков готовности к работе с данной категорией населения.

Личностно-профессиональная готовность выступает как интегрированное и активно-деятельностное состояние, которое мотивирует и ориентирует ценностные установки личности на определенные нормы поведения и мобилизацию своих сил для выполнения конкретных задач профессиональной деятельности.

Личностно-профессиональная готовность будущего специалиста структурно включает следующие взаимосвязанные компоненты, представляющие одновременно и критерии ее проявления и сформированности у студентов: мотивационно-ценностный, когнитивно-оценочный, коммуникативно-волевой, активационно-деятельностный.

Мотивационно-ценностный критерий включает в себя систему устойчивых мотивов, установок, которые обеспечивают оптимальный ход формирования личностно-профессиональной готовности специалиста. В деятельности специалиста по социальной работе пожилыми людьми мотивационно-ценностный критерий определяется посредством следующих составляющих его показателей: мотивация достижения успеха в профессиональной деятельности; позитивное отношение к оказанию социальной помощи нуждающимся пожилым; мотивационный комплекс, обеспечивающий результативность и непрерывность профессионального образования.

Мотивационно-ценностное отношение к данной профессиональной деятельности включает в себя убежденность в значимости деятельности специалиста по оказанию социальной помощи пожилым людям, сознательное и эмоциональное принятие избранной профессии, ее специфических ценностей. Ценности социальной работы с пожилыми людьми как особой категорией населения подразделяются на ценности самодостаточного и инструментального типов. Ценности самодостаточного типа характеризуют общие ценности социальной работы как вида профессиональной деятельности, вне зависимости от ее специализации. Ценности инструментального типа отражают специфику конкретной профессиональной деятельности и включают в себя ценности-отношения, ценности-качества, ценности-знания. К типу специфических инструментальных ценностей социальной работы мы относим знания особенностей оказания помощи пожилым людям как особой категории населения, признание индивидуальности и значимости каждого клиента, творческий подход к ре-

шению проблем клиента и профессионально важные для этой деятельности качества личности (эмпатийность, толерантность, коммуникативность, ответственность и т. д.). Кроме того, важен комплекс мотивов, обеспечивающих эффективность, устойчивость и непрерывность осуществления процесса формирования личностно-профессиональной готовности. В их число входит оптимальная профессиональная мотивация, мотивация достижения успеха, установка на проявление активности в профессиональной деятельности по оказанию социальной помощи пожилым людям.

Когнитивно-оценочный критерий проявляется в отражении когнитивной репрезентации содержания профессиональной деятельности, профессиональных возможностей самого специалиста по социальной работе, осуществляющего данную деятельность, а также в выработке соответствующих стратегий, направленных на оптимизацию выполнения деятельности при конструктивном взаимодействии с пожилым человеком. Показателями данного критерия являются: система теоретико-прикладных знаний, необходимых в работе с пожилыми; адекватная самооценка результатов своей подготовленности и соответствия с оптимальным профессиональным образцом; познавательная активность личности в выполнении социальных проектов для пожилых. Адекватная самооценка имеет большое значение для обеспечения надежности и эффективности профессиональной деятельности, поскольку побуждает к проявлению высокого уровня активности. Особенно это важно при работе с людьми пожилого возраста как особой категорией населения. Неадекватная самооценка существенно снижает результативность такой деятельности. Для эффективной профессиональной деятельности необходимо наличие адекватной и устойчивой самооценки субъекта деятельности.

Необходимым условием для успешного осуществления рассматриваемой профессиональной деятельности является наличие у будущего специалиста по социальной работе объективных и полных знаний о содержании и специфике деятельности по оказанию социальной помощи людям пожилого возраста, сформированность адекватной и устойчивой самооценки, стремление и способность посредством реализации определенных когнитивных процедур найти оптимальное решение проблем пожилого клиента, а также способность к когнитивной оценке возможных проблемных ситуаций и выработке соответствующих путей их разрешения.

В качестве характеристики коммуникативно-волевого критерия могут быть рассмотрены эмоционально-волевые процессы саморе-

гуляции, которые обеспечивают координацию всех остальных компонентов в направлении реализации значимых для субъекта целей и тем самым обеспечивают целенаправленность, устойчивость и непрерывность процесса формирования личностно-профессиональной готовности.

К показателям данного критерия относятся: эмоциональная устойчивость при установлении контакта с пожилым человеком; тревожность в самостоятельном выборе адекватных способов общения с пожилым клиентом; способность к саморегуляции в ситуациях взаимодействия с пожилыми; фрустрированность при конструктивном взаимодействии с пожилыми людьми.

Эмоциональное регулирование создает необходимый для активной деятельности эмоциональный настрой, благоприятное эмоциональное состояние, личностное отношение к полученной информации и является наиболее интегральной формой активности. Помимо того, что данный критерий является важной составляющей эмоционально-волевой саморегуляции, он включает в себя и такие специфические личностные характеристики, которые придают устойчивость процессу профессиональной деятельности. Так, способность к саморегуляции, профессионально важные волевые качества и определенные характеристики эмоциональной сферы личности необходимы в социальной работе с пожилыми людьми.

Активационно-деятельностный критерий включает в себя механизмы активизации, мобилизации, преобразования и распределения активационно-энергетических ресурсов субъекта деятельности в процессе профессиональной подготовки.

Показателями данного критерия выступают: стремление к квалифицированной деятельности по оказанию помощи пожилым; адаптивность студентов к профессиональной деятельности с пожилыми клиентами; активная жизненная позиция в выборе способов мобилизации внутренних сил пожилого клиента на самопомощь; умение моделировать и разрешать проблемные ситуации при оказании поддержки пожилому клиенту; локус контроля в выполнении проектной деятельности по оказанию социальной поддержки пожилых.

Для эффективного осуществления деятельности по оказанию помощи пожилому человеку необходимо, во-первых, наличие у специалиста по социальной работе развитых активационно-энергетических ресурсов; во-вторых, наличие определенной формы активности, которая в ходе профессиональной деятельности способствовала бы максимальному использованию активационно-энергетических ресурсов для решения профессиональных задач любой сложности.

Таким образом, личностно-профессиональная готовность формируется в процессе профессиональной подготовки и выступает в виде интегративной критериальной характеристики личности специалиста, а обоснованные критерии и показатели составляют основу его деятельности. Процесс формирования в вузе личностно-профессиональной готовности студентов к социальной работе с пожилыми людьми (по обоснованным критериям ее проявления) выступает важнейшим средством, обуславливающим успешное развитие качеств профессионально компетентного и конкурентоспособного специалиста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашина А. Д., Зилинских И. А., Юрченко К. Н. Пожилой человек как объект исследований в социологии и социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
2. Абашина А. Д., Бондарева Т. В. Системно-интегративная подготовка студентов гуманитарного вуза к социальной работе с различными категориями населения : монография. Орел, 2008.
3. Абашина А. Д. Социальные модели развития университетов третьего возраста // Социальные технологии в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф. IV Санкт-Петербургских социологических чтений. СПб., 2012.
4. Бондарева Т. В. Подготовка студентов к социальной работе с пожилыми // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2006. № 2.

О. В. Шестибратова (Пушино, Московская область)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ОБЕЗДОЛЕННЫМИ ДЕТЬМИ

В динамике развития современного российского общества сложился комплекс управленческих принципов государственной социальной политики в интересах детей, включающий законодательное обеспечение прав ребенка; последовательную государственную поддержку семьи в целях обеспечения защиты прав детей, установленную правовую ответственность должностных лиц и граждан за на-

рушение прав и законных интересов ребенка; постоянный государственный контроль органов местного самоуправления и поддержку общественных объединений и иных организаций, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребенка.

Принципы — это основные исходные установки, обобщенные руководящие положения и нормативные правила, определяющие характер моделирования и реализации отношений, выбор средств взаимодействия и порядок осуществления квалифицированных действий специалиста при системном и последовательном исполнении социальной и социально-педагогической работы [1, с. 159].

Собственно социально-педагогические принципы при интегративной организации социальной и социально-коррекционной работы с обездоленными детьми касаются двух основных ее аспектов — организации и профессионально компетентного исполнения.

Во-первых, они определяют методику построения личностноориентированных отношений с социально неблагополучными детьми и включают в себя: гуманность по отношению к ребенку, стремление к сопереживанию, понимание, установление доверия и сотрудничества во взаимоотношениях с ребенком в ходе реадaptации и ресоциализации его личности в окружающей среде.

Во-вторых, они пронизывают характер организации социально-реабилитационной деятельности, определяя и предполагая системность и последовательность в профессиональной деятельности по реинтеграции обездоленного ребенка; индивидуализацию выбираемых способов, приемов и средств социализации; позитивное стимулирование жизненной активности ребенка и его семьи; социальное партнерство и комплексное взаимодействие различных органов и служб в контроле за жизнеустройством социально неблагополучных детей; социальную адекватность и дифференциацию методов социально-коррекционной работы с безнадзорными, имеющими разные жизненные проблемы и трудности развития [2, с. 449].

Все данные принципиальные положения реализуются с учетом особенностей практики интегративной и единой организации социальной и социально-педагогической работы специалистами-профессионалами с особой категорией детей из группы социального риска. Содержательно педагогические принципы при профессионально компетентном выборе действий по реадaptации и ресоциализации таких детей важно охарактеризовать по основным параметрам их реализации:

1. Принцип приоритетности интересов ребенка. Он означает учет и соблюдение интересов детей во всех спорных ситуациях, в которых

существует конфликт интересов взрослых граждан, учреждений и детей. Социальный работник (социальный педагог) всегда выступает на стороне защиты социальных и гражданских прав ребенка в его жизнеустройстве и социальном развитии.

2. Принцип гуманизма. Он требует представления социально неблагополучного ребенка как главной ценности в системе социальных отношений, нормой которых является гуманность. Реализуется в сосредоточении и направлении профессиональных усилий, прежде всего на человеческую, заботливую защиту социальных прав абсолютно всех обездоленных детей, без их разделения на «перспективных» и «неспособных», «хороших» и «плохих».

3. Принцип доверия и добровольности означает, что любая социально-реабилитационная деятельность начинается с доверительного контакта с обездоленным несовершеннолетним, что возможно только в том случае, когда ребенок сам готов вступить в этот контакт. Насильно ресоциализировать и реадaptировать ребенка невозможно. Прежде всего необходимо пробудить его добровольное желание быть жизнеспособным, собственное стремление к активному самозменению своей жизни.

4. Принцип социального закаливания личной жизнеспособности означает специальное проектирование систематического включения детей группы социального риска в особые ситуации, которые требуют от ребенка самодисциплины, контроль за самонапряжением внутренних сил и способностей, выработку у него волевого усилия для самопреодоления собственной лени и личных установок на преодоление негативного воздействия со стороны социума. На практике его соблюдение предполагает целенаправленную выработку личных способов такого преодоления, психологическая помощь в накоплении индивидуального опыта ребенка в стрессоустойчивом поведении, поддержку его социального иммунитета к различного рода внешним соблазнам.

5. Принцип системности в профессиональной деятельности требует последовательного целеполагания и планирования контекстных задач при организации деятельности с учетом проблем несовершеннолетнего. При этом необходим отбор комплекса средств, применение которого обеспечит разрешение основных жизненных трудностей личности, а не исправление отдельно взятой формы отклоняющегося поведения [3, с. 144].

6. Принцип социальной адекватности требует соответствия запланированного содержания и выбранных средств социально-педагогического воздействия тем конкретным ситуациям, в которых ор-

ганизуются процессы реадaptации, реабилитации и ресоциализации личности ребенка и его семьи.

7. Принцип социального партнерства включает разработку стратегии и тактики сотрудничества, определение общих усилий в процессе совместной организации адаптации и реабилитации личности ребенка в жизненном пространстве его развития со стороны всех заинтересованных участников этого процесса.

8. Принцип индивидуализации в организации процессов реадaptации и ресоциализации обездоленных детей означает необходимость выбора индивидуальной траектории социального развития личности каждого ребенка с учетом его внутреннего мира, специфики характерологических особенностей (интеллекта, потребностей, способностей, качеств физического развития, познавательных интересов). Он реализуется в разных формах, выбор которых каждый раз диктуется выявленными причинами социально неприемлемого поведения ребенка и его жизненными проблемами. Они определяют конкретные средства и конкретные способы включения данного ребенка в необходимые социальные отношения и тип деятельности (учебную, трудовую, коммуникативную, общественно-полезную, художественную, досуговую или спортивную).

Однако если принципы профессиональной организации социальной и социально-педагогической работы с безнадзорными, социальными сиротами и беспризорными детьми являются относительно незыблемыми правилами и руководством к действию, то технологии и алгоритм воплощения их содержания чрезвычайно разнообразны. Они зависят не только от категории (типа социальной дезинтеграции) несовершеннолетнего группы социального риска, но и от конкретно поставленных целей и задач, имеющегося личного опыта работы социальных педагогов (специалистов по социальной работе), от того фактического набора специфических средств социальной ресоциализации, реадaptации или реинтеграции обездоленного ребенка, которыми он сам владеет, от его личностно-профессиональной компетентности и развития практических способностей к профессионально-компетентной организации своего конструктивного взаимодействия с детьми [4, с. 23].

Вместе с тем практическую реализацию всех принципов и технологий организации социальной и социально-педагогической работы с различными категориями обездоленных детей следует рассматривать с позиций системно-интегративного подхода и к конкретному социальному пространству, и к месту их воплощения.

С одной стороны, все они призваны обеспечить заботу и сопереживание социально обездоленному ребенку в решении проблем его семьи, содействовать в успешном жизнеустройстве, компетентно поддерживать в трудный период жизнедеятельности. С другой — все они одновременно направлены на постоянную активизацию существенных сил личности и жизнеспособности самого несовершеннолетнего, т. е. сфокусированы в личном времени его развития.

Забота и сопереживание, опека, помощь, социальная поддержка обездоленным детям начинаются с официального сообщества (соответствующих социальных, местных и управленческих структур государства, общественных организаций и объединений).

В системе локально-бытовой культуры обездоленных несовершеннолетних — это участие со стороны кровных родственников и в ходе значимых взаимоотношений (с учителями, воспитателями, социальными педагогами, специалистами по социальной работе).

В системе межличностного взаимодействия — это общение самого ребенка с матерью и отцом, а также специалистами, оказывающими социальную и социально-педагогическую помощь. Весь этот множественный социально-временной континуум стратегически (по целям) и тактически (по своим средствам влияния) в итоге реально и в идеале должен, как зонтик, в нужное время, в нужном месте защитить ребенка, попавшего в трудную и (или) социально опасную жизненную ситуацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашина А. Д., Маслова Н. Ф. Социальное сиротство, безнадзорность и беспризорность детей в динамике развития российского общества : учебное пособие. Орел, 2008.

2. Абашина А. Д., Решетникова О., Цветкова Е. Социально-педагогическая модель работы с детьми группы риска в учреждениях различной ведомственной принадлежности // Проблемы педагогической инноватики в профессиональном образовании : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, С. В. Кривых. СПб., 2014.

3. Брысина О. П., Дронова Е. Н., Калинина Ю. А. Использование информационных технологий в процессе консультирования подростков, находящихся в конфликте с законом // Педагогическое образование на Алтае. 2012. № 1.

4. Абашина А. Д., Антонович И. В., Бахарева А. В., Бугрова Т. С., Васильева Е. В. и др. Инновационные практики профилактики социаль-

ного сиротства на региональном уровне : монография / под общ. ред. С. Г. Чудовой. Барнаул, 2012.

С. П. Личман (Санкт-Петербург)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Практика социальной работы включает в себя множество видов деятельности, проявляющихся в широком спектре ее применения и предстает в аспектах профессиональной деятельности, выполняемой лицами, получившими профессиональную подготовку, прослушавшими в соответствующем учебном заведении официальный курс по теории и практике социальной работы; профессиональную деятельность по оказанию помощи инвалидам, группам и общинам, усиление или возрождение их способности к социальному функционированию и созданию благоприятных общественных условий для достижения этих целей. Это интегрированный универсальный вид деятельности, направленный на удовлетворение потребностей в равной степени как индивида, так и общества. Наконец она представлена в аспектах профессионального содействия людям в успешном разделении их жизненных проблем посредством осуществления социальных перемен, высвобождения и развития ресурсов человека и его социального окружения. Поэтому, безусловно, социальная работа — мультидисциплинарная область исследований и практики (см.: [1–3]).

В данной статье мы представляем анализ влияния административной школы управления на практику социальной работы. Представители данной школы попытались обозначить и сформулировать принципы административного менеджмента, приводящие к «неминому» успеху. Попытаемся проиллюстрировать примерами принципы, которые предложил А. Файоль.

Принцип разделения труда. У всех специалистов учреждений социальной защиты населения есть своя должностная инструкция, которая регламентирует деятельность каждого сотрудника. В данной инструкции можно установить количество рабочих часов, список задач согласно компетенции специалиста и много прочих организационных моментов социальной работы.

Принцип ответственности и дисциплины. Как и в любом другом учреждении, в центре социальной помощи семье и детям существует ряд правил, прописанных в уставе учреждения, нарушение которых может повлечь за собой проблемы для специалиста.

Принцип единоначалия. Что касается учреждений данного типа, то в них существует директор — высшая управляющая должность в рамках центра социальной помощи.

Принцип единства руководства. Цели, задачи и результаты, преследуемые заведующими отделениями и директором, одинаковы.

Принцип подчинения частных интересов общим. Каждый сотрудник отделения работает для улучшения статистики всего отделения в целом. Также каждое отделение работает для улучшения статистики всего учреждения.

Принцип вознаграждения. В данных учреждениях существует система премии для работников, сотрудники продвигаются по «карьерной лестнице».

Кроме организации рабочего процесса, идеи административной школы можно использовать в качестве механизма решения проблем управления социальной работой.

Проиллюстрируем применение принципов Г. Эмерсона при решении проблем профессионального выгорания сотрудников центра социальной помощи семье и детям.

В основе работы принцип, который Г. Эмерсон обозначил как принцип «здорового смысла». Прежде чем начать реализовывать остальные принципы, нужно прежде всего признать наличие проблемы. Имеется в виду не просто логика действия, а мужество посмотреть правде в глаза: если есть трудности в организации, то имеются и причины, которые необходимо устранить.

Следующий принцип: компетентная консультация. Целесообразно и выгодно привлекать к постоянному совершенствованию системы управления специалистов в области решаемой проблемы. В нашем случае это могут быть психологи, конфликтологи, они могут привлекаться с целью организации групповых терапий.

Выделим немаловажный принцип обратной связи, который позволяет быстро, надежно и полноценно учитывать и контролировать предпринятые действия. Нарушение в обратной связи ведет к сбоям в системе управления. При реализации данной идеи можно организовывать круглые столы для встреч специалистов, руководства. В ходе подобных собраний, специалисты будут освещать волнующие их проблемы, предлагать пути их решения. Также это ведет к реали-

зации принципа нормализации условий, необходимых для эффективной работы специалистов.

Еще одним шагом на пути решения проблемы профессионального выгорания сотрудников центра социальной помощи может стать создание или усовершенствование уже имеющейся должностной инструкции. Создание и использование подобных инструкций реализует целый ряд принципов: четко поставленные цели производства и четко обозначенные задачи персонала, дисциплина (настоящая дисциплина требует прежде всего четкого распределения функций: каждый управленец и исполнитель должен четко знать свои обязанности; каждый должен быть осведомлен, за что он отвечает, как и кем он может быть поощрен или наказан), порядок и планирование работы, нормы и расписания, нормирование операций (труд необходимо нормировать так, чтобы работник был в состоянии выполнить задание и хорошо заработать), письменные стандартные инструкции.

Последними же будут комплексы мероприятий, направленных на создание системы бонусов для сотрудников, которая позволит нам соблюдать еще два принципа Г. Эмерсона: справедливое отношение к персоналу, выражающееся в идее «лучше работаешь — лучше живешь» и принцип вознаграждения за производительность.

Приведя данные примеры, можно сделать вывод, что основные принципы административного менеджмента успешно реализуются в социальной работе. Они ориентированы на цели и стратегию учреждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашина А. Д., Бондарева Т. В. Осмысление социальной работы в контексте современного научного знания // Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, С. В. Кривых. СПб., 2013.

2. Словарь-справочник по социальной работе / под ред. Е. И. Холостовой. М., 2000.

3. Абашина А. Д., Бондарева Т. В. Системно-интегративная подготовка студентов гуманитарного вуза к социальной работе с различными категориями населения : монография. Орел, 2008.

Т. Н. Коваленко (Санкт-Петербург)

ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ СЕМЬИ, УСЫНОВИВШЕЙ РЕБЕНКА

Нестабильная ситуация по семейному устройству детей в современной России требует прояснения факторов, оказывающих влияние на стабильность и оптимальную адаптацию детей в усыновивших их семьях, а также приводящих к отказу родителей от ранее усыновленных детей, так называемому вторичному социальному сиротству. Развивающаяся в настоящее время постклассическая социология дает возможность по-новому осмыслить как семью в целом, так и особый ее тип — семью, усыновившую ребенка. Большое значение для развития знания о семье данного типа имеет, в частности, виталистская парадигма, которая позволяет исследовать развитие жизненного потенциала усыновительской семьи и ребенка.

Исследование жизненных сил семьи, усыновившей ребенка, опирается на целый набор показателей, среди которых показатели, описывающие биологическую составляющую члена семьи (пол, возраст, общее состояние здоровья, наследственность), показатели, учитывающие психическую (психологическую) сторону (темперамент, психологические особенности и др.), духовно-нравственную составляющую и особенности социального взаимодействия членов семьи, усыновившей ребенка, друг с другом и с социальным окружением.

Особое значение имеет введение категорий «социальный микрорайон семьи» и «социальный микрорайон личности» по отношению к усыновленному ребенку и другим членам семьи, так как это позволяет проанализировать проблемы соотношения привычных систем взаимодействия со средой обитания, средствами обеспечения жизни во всех сферах общественных отношений с новообразовавшимися.

Представляется возможным сформулировать цель адаптации семьи к ситуации усыновления как восстановление и оптимизацию способности каждого члена семьи воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами, используя потенциал социального микрорайона семьи [1, с. 34].

Для адекватного анализа семьи необходимо придерживаться позиции совмещения социологического макроанализа и микроанализа семьи, т. е. наряду с пониманием семьи как социального института следует одновременно понимать семью как малую группу, так как

процессы, происходящие в семье, зависят одновременно и от внешних, социокультурных влияний, и от внутренних взаимодействий.

Семья, усыновившая ребенка, является типом семьи и обладает всеми признаками семьи: родством, отношениями родители — дети и супружеством. Также семья, усыновившая ребенка, выполняет все функции семьи.

В современном социологическом знании понятие социальной аномалии и социальной девиации имеет большое распространение. Оба этих понятия противопоставляются социальной норме. При этом социальной аномалией чаще называют отклонения в развитии общества, а социальная девиация предполагает отклонение в индивидуальном поведении.

Оба этих понятия предполагают двоякое толкование «нормы». С одной стороны, норма — это некий идеал, с другой — наиболее распространенная форма, соответствие общепринятым канонам. При этом норма является приемлемой для большинства, что само по себе делает ее одобряемой вне зависимости от качества.

Анализируя различные типы семьи, можно говорить о социальной норме и аномалии исходя из понимания семьи как социального института и о социальной норме и девиации, подразумевая индивидуально-личностные взаимоотношения в семье как малой социальной группе.

Две нормы (идеал и социокультурная приемлемость) могут не совпадать. Для современного общества характерно распространение типов семьи, не являющихся оптимальными с научной точки зрения. Такими примерами могут служить семьи с одиноким родителем, повторные браки, малолетние семьи. Однако поскольку такого рода типы семей многочисленны, они перешли в разряд нормы, что существенно облегчает для них выживание в социуме. Надо понимать, что это не исключает для таких семей формирования внутренних проблем, обусловленных типологическими особенностями. Другой пример касается несовпадения нормы как оптимума с малой распространенностью в обществе. Ярким примером служит многодетная семья, которая, являясь оптимальной с точки зрения комплектности ролей, испытывает сложности с точки зрения включения в социум (более низкий доход, общественное отнесение семьи в категорию «группа риска» и др.) [2, с. 58–62]. Очевидно, что сближение двух «норм» ведет к оптимизации баланса внутренней и внешней стабильности семьи.

Семья, усыновившая ребенка, также является примером дисбаланса между соответствием норме как оптимуму и норме как общепринятому.

Усыновление ребенка приближает семью к идеальной норме общемировых стандартов гуманного отношения к детям-сиротам, восполнения утраченной семьи, обеспечения полноценной «семейной» социализации. Другой аспект приближения к идеалу проявляется в возвращении к историческим формам семейного устройства детей-сирот, принятым в дореволюционной России. В это же время семья, усыновившая ребенка, одобряется государством, поскольку реализует семейную политику государства по переводу детей-сирот в семьи.

Несмотря на все перечисленное, до общепринятой нормы семье, усыновившей ребенка, очень далеко. Учитывая незначительное количество усыновленных детей, семья, усыновившая ребенка, — явление для нашего общества необычное. Члены такой семьи интуитивно чувствуют свою «ненормальность» и стремятся скрыть факт усыновления. Косвенные признаки культурно-исторической неприемлемости данного типа семьи можно встретить в различных преломлениях. О насущной необходимости скрывать усыновление говорит статья 155 Уголовного кодекса РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», определяющая наказание должностных лиц за разглашение тайны усыновления вопреки воле усыновителя. Не каждый усыновитель, конечно, стремится сохранить усыновление в тайне, но наличие данной статьи в уголовном кодексе подразумевает, что сокрытие факта усыновления является общественно одобряемым.

Другая иллюстрация повышенного интереса к семье, усыновившей ребенка, как к необычному явлению — муссирование СМИ темы жестокого отношения к детям со стороны усыновителей [3, с. 106]. У населения сложилась стойкая убежденность, что в настоящее время злободневной является проблема нечистоплотных усыновителей и насилия над детьми в принявших их семьях. Вспомним, что подобных фактов в России было освещено два-три, а по поводу российских детей-сирот, усыновленных иностранцами, — четыре-пять. По сравнению с цифрами, отражающими насилие над детьми в биологических семьях (в России около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет ежегодно избиваются родителями, а некоторые из жертв от зверских побоев умирают), проблема насилия в усыновительских семьях не выглядит такой острой. Однако средства массовой информации отражают «кассовый интерес» публики к усыновлениям наряду с другими «кричащими» явлениями общества, такими как террористические акты, неуставные отношения в армии и тому подобными. Средства массовой информации в этом случае являются индикатором интереса общества к необычным явлениям.

Следует отметить, что в России в дореволюционный период семьи, усыновившие детей, были социокультурной нормой, соответствовали оптимуму, с точки зрения хозяйствования и культурно-религиозной преемственности, поскольку осиротевшего ребенка брали в свою семью родственники или соседи. Для ребенка переселение в знакомую семью было щадящим, с точки зрения адаптации, а для новой семьи приобретение ребенка было материально выгодным, так как он помогал по хозяйству. Кроме того, это соответствовало религиозным канонам, предписывающим заботиться о сиротах.

Итак, очевидно, что семьи, усыновившие детей, в современном российском обществе являются одновременно и социальной нормой, и социальной аномалией, являясь малораспространенным явлением, такие семьи далеки от канонов нашего общества, а потому — ненормальны. Однако по сути семьи, усыновляющие детей, находятся ближе к гуманистическим идеалам, чем семьи, не усыновляющие детей, а потому более справедливо расценивать их как норму, понимая при этом норму как идеал, к которому следует стремиться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григорьев С. И., Гусякова Л. Г., Коваленко Т. Н. Усыновление в России: инновации и традиции (опыт социологического анализа в русском социокультурном пространстве начала XXI века). М., 2010.

2. Антонов А. И. Системное представление семьи как объекта исследования // Семья в России. 1998. № 3—4.

3. Антонович И. В., Васильева Е. В., Дронова Е. Н., Калинина Ю. А., Мазайлова Т. А., Скорлупина Е. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г. Инновационные подходы в профилактике социального сиротства в Алтайском крае: институциональные и дискурсивные аспекты // Вестник алтайской науки. 2013. № 1.

Т. А. Мазайлова (Барнаул)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Реализуемая в настоящее время в Российской Федерации Концепция развития здравоохранения в до 2020 г. позволила впервые в рамках программного подхода законодательно закрепить меры по внедрению и развитию паллиативной помощи онкологическим больным.

Кроме пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями, в последние годы стали обсуждаться проблемы, с которыми сталкиваются ухаживающие за ними субъекты. В первую очередь это ближайшее окружение человека, а также и медицинские специалисты. Каждая семья больного обладает уникальными и только ей свойственными характеристиками и способами организации помощи, но все они нуждаются в помощи и поддержке [1, с. 247].

Паллиативная помощь чаще всего рассматривается с позиции медицины, но ВОЗ рекомендует при разворачивании паллиативной помощи опираться на развитие социальных, духовных и психологических аспектов. Основными направлениями при оказании паллиативной помощи инкурабельным больным должны быть не только уменьшение страданий пациентов, но и адекватная психологическая помощь, социальная поддержка, общение с родственниками.

Проблемы оказания паллиативной помощи часто соотносят с вопросами эвтаназии. Они являются актуальными не только для России. В некоторых странах, таких как Бельгия, Нидерланды, эвтаназия разрешена законодательно. Основным аргументом законодателей является возможность пациента осуществлять выбор того пути, который для него приемлем и верен. Очевидно следующее: инкурабельным больным необходимо уделять гораздо больше внимания, позволяя каждому пациенту и членам его семьи получать необходимую медицинскую, психологическую, духовную, социальную и юридическую поддержку. Однако проблема эвтаназии, обезболивания остро стоит для России. За 2010–2014 гг. в России произошло много событий, касающихся проблем получения обезболивания, качества предоставления помощи онкологическим больным. Так, в 18 марта 2014 г. из наградного пистолета застрелился генерал-майор С., бывший офицер Генштаба России. В оставленной записке генерал указал на то, что он устал от болей и устал жить в муках. За месяц до этого также самоубийством покончил бывший начальник управления ракетно-артиллерийского вооружения ВМФ контр-адмирал в отставке А. Причиной также стала проблема получения обезболивающего препарата для облегчения болей. Эти случаи являются одними из самых громких в России, и можно только предположить, сколько происходит таких случаев. Они являются свидетельством необходимости перемен в области оказания помощи инкурабельным больным, повышения качества медицинского обслуживания и продвижения концепции паллиативной помощи. Борьба с болью, решение психологических, социальных или духовных проблем пациентов приобретает первостепенное значение, а целью паллиативной помощи стано-

вится достижение возможного в возникшей ситуации качества жизни больных и их семей.

В Алтайском крае в 2014 г. был проведен экспертный опрос специалистов из системы здравоохранения, целью которого стало изучение проблем развития паллиативной помощи на территории Алтайского края. В результате исследования было выявлено, что в настоящий момент существуют сложности как в понимании самого понятия паллиативной помощи, так и в продвижении данного вида помощи на территории Алтайского края.

Однако на территории Алтайского края действует Государственная программа «Развитие здравоохранения в Алтайском крае до 2020 года». Подпрограмма 6 «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям» предполагает с 2016 по 2018 г. проведение обучения (специализацию) 36 врачей и 86 среднего медицинского персонала на базах российских медицинских университетов, имеющих лицензию на обучение специалистов по профилю «паллиативная медицина». В рамках программы планируется, что для развития паллиативной службы Алтайского края будут созданы дневные стационары на базе крупных многопрофильных больниц в Барнауле, Бийске, Рубцовске. Однако обучение медицинских специалистов по программе планируется начать с 2016 г.

Конечным этапом реализации программы станет открытие краевого хосписа на 120 коек, в том числе 10 детских на базе краевого онкологического диспансера. По мнению специалистов, открытие такого хосписа и дневных стационаров повысит качество медицинского обслуживания онкологических больных, но при этом специалисты отмечают, что этого недостаточно, требуется развитие и других форм оказания паллиативной помощи: специализированных коек паллиативного ухода на базе медицинских учреждений.

Также было отмечено, что рекомендации по развитию паллиативной помощи на территории районных центров осуществляются в рамках этой программы, но технически создание паллиативных коек требует дополнительных ресурсов, которых на данный момент у медицинских учреждений нет. Главной проблемой специалисты называют: отсутствие людей, которые обладают достаточным уровнем знаний по этой проблеме; а также мест для создания этих коек в стационаре.

В процессе исследования некоторыми специалистами было отмечено, что растет количество людей, которым необходим уход в связи с заболеванием, но этот уход осуществлять некому. *«Растет количество, так сказать, безродных больных, за которыми некому приглядывать. Нет близких и родных, уехали, умерли, связь оборвалась,*

не поддерживают. Иногда они могут попросить соседей, кого-то еще. Но все это временно, представьте, если таким людям нужна будет постоянная медицинская помощь, уход. Куда он пойдет? Конечно, вопрос создания паллиативных коек — это вопрос времени. Но наличие таких людей эту проблему актуализирует в несколько раз».

Все специалисты считают, что необходимо оказание психологической и социальной помощи онкологическим больным и их близким:

«Иногда человек, которому поставлен диагноз «онко», более стойко преодолевает болезнь, чем его близкие, родственники. Они боятся многого: неопределенности, страха ухода за ним, как он долго будет болеть, будет ли ему больно, и смогут ли они помочь».

«Особенно страдают мужья, которые теряют своих жен. Для них это очень сильный стресс. И доверять никому чужому не могут уход, и нет средств, и на его плечи ложится огромный груз».

Характер психологической помощи зависит от того, как человек переживает свой диагноз, свою проблему. Специалисты считают, что в том или ином объеме социально-психологическая помощь нужна всем:

«Наверное, это зависит от его психотипа. Иногда видно, что человек погас, и все, он готовится к смерти. В организме в этот момент будто запускается какая-то программа, и человек уходит. А кто-то, наоборот, дорожит каждой минутой жизни, борется с заболеванием, и они побеждают. Всегда говорю, 80 % успеха излечиться от заболевания зависит от самих пациентов».

Эксперты отмечают, что «особенность русского менталитета» не позволит обратиться за помощью к психологу, специально никто не будет обращаться за помощью, особенно во время осуществления ухода за близким. Эта помощь должна предоставляться на базе учреждения, где проходит лечение больной, и работа психолога должна быть тесно сопряжена с работой врача-онколога, чтобы именно врач-онколог рекомендовал обратиться к психологу, обращал внимание на людей, которым необходима психологическая поддержка.

По такой схеме в настоящий момент организована работа психолога на базе краевого онкологического центра «Надежда». Наиболее сложные пациенты направляются к психологу, с ними проводится соответствующая работа.

На вопрос «Как влияет оказание психологической помощи, социальной помощи на жизнь больного и его родственников?» эксперты в целом отмечают, что это поможет улучшить качество жизни как больного, так и его близких.

«Качество жизни самого больного зависит от его психологического настроения, поскольку кто-то в панику впадает, а кто-то старается жить и бороться с этим заболеванием, с надеждой это заболевание излечить, аналогичным образом и родственники. Кто-то считает, что это приговор. Кто-то руки опустил, перестает бороться, сопротивляться».

«Наверное, даже с психологической подготовки стоит начинать работать с пациентом. Или с информирования в целом. Если семья психологически подготовлена, больной психологически подготовлен, тогда все встает на свои места, и он сам к этому относится как к работе, а не сгорает в это время. Более качественно осуществляет свою жизнь».

«Нельзя сказать, что это какой-то единственный специалист. Это все равно комплекс. Не может одна медсестра сделать качественный паллиативный уход, потому что здесь все должно быть понятно и родственникам, и пациенту, все должны подключаться, и медики, и психологи, и социальные работники, для того, чтобы было проще, даже какие памперсы взять, чтобы им было понятно, что это легко».

Таким образом, эксперты считают, что качество жизни онкологического больного тесно сопряжено с характером оказываемых ему услуг, и только медицинской помощи для обеспечения качества жизни недостаточно. К сожалению, в настоящий момент, кроме медицинских специалистов и психолога краевого онкологического центра «Надежда», в состав команды паллиативной помощи никто не входит. Осуществлять уход за больными, у которых нет близких и родственников, отчасти могут социальные работники.

Специалистам было предложено по 10-балльной шкале оценить степень влияния медицинских работников, социальных работников, психологов на качество жизни онкологического больного в системе паллиативного ухода. В общем медицинскому персоналу принадлежит основная роль. Средний балл составил 7. Психологам принадлежит второе место — 5 баллов в системе паллиативной помощи больным. Социальным работникам, по мнению экспертов, принадлежит последнее место — 3 балла в системе паллиативной помощи.

В то же время эксперты считают, что не всегда медицинские специалисты играют важную роль в уходе за больным человеком:

«Не всегда медицинский работник играет главную роль. Вот больным, которые нуждаются в обезболивании, им без них никак. Но болевая форма не у всех, поэтому кто-то тихо умирает. А некоторым несколько раз в день надо ставить препарат».

Двое из экспертов считают, что необходимо создание информационной службы для людей не только онкологических больных, но и людей, страдающих неизлечимыми заболеваниями, где они бы могли получать информацию по необходимым вопросам, связанными с уходом и оказанием помощи:

«Каким образом получить наркотические препараты, как правильно оформить инвалидность для того, чтобы получать бесплатные препараты, как правильно оформить социальную помощь. Никто этого больным не объясняет. Поэтому необходима такая служба, которая бы сопровождала их».

Специфика работы специалистов (медицинских, социальных работников, психологов) в системе паллиативного ухода, по мнению экспертов, есть, и она отлична от других систем. Особое внимание должно быть уделено психологическому состоянию специалистов, которые работают с онкологическими больными. Синдром выгорания имеет место у врачей и приводит к тому, что люди «выпадают» из системы медицинской помощи [2, с. 318]. Это негативно отражается как на работе учреждения в целом, так и на качестве жизни конкретного пациента. Система паллиативного ухода имеет дело со страданием и болью, что может отрицательно отразиться на психологическом состоянии ухаживающего субъекта. *«У нас доктор, который работал с онкологическими больными, ему было порой сложно. Сейчас в больнице нет онколога. Я думаю, для него было бы полезно, чтобы его учили, помогли преодолевать сложности при общении с онкологическими больными. Ему было бы полезно», «специфика для медицинских работников заключается в морально-психологическом состоянии. Трудно работать с пациентом, ходить, улыбаться ему, разговаривать и знать, что он через пару месяцев умрет».*

Одним из вариантов преодоления трудности оказания качественной паллиативной помощи является обучение и дополнительное образование специалистов, работающих в сфере услуг онкологическим больным и членам их семей. Разработанная на кафедре социальной работы Алтайского государственного университета программа «Основы паллиативной и хосписной помощи населению» позволит повысить компетенции специалистов, сформировать необходимые навыки и умения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чудова С. Г., Захарова Т. В. Семьи, находящиеся в социально опасном положении: специфика социальной работы с учетом их жизненных стратегий // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 5. Барнаул, 2013.

2. Сиротина Т. В., Тавлетчина И. С. Синдром профессионального эмоционального сгорания среди специалистов по социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.

Т. В. Сиротина, С. М. Миллер (Барнаул)

ТВОРЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПАЛЛИАТИВНОГО УХОДА

Человек, находящийся в терминальной стадии болезни, испытывает совершенно особые психосоциальные потребности, нуждающиеся в удовлетворении. Работа с умирающим человеком требует определенной подготовки, навыков и зрелости. Эта работа начинается с серьезного анализа собственного отношения к смерти и умиранию со стороны каждого специалиста/волонтера [1, с. 13].

Следующим этапом психосоциальной работы в условиях паллиативного ухода является выстраивание доверительных отношений с неизлечимо больным человеком и его близкими.

Все большую популярность в практике паллиативного ухода приобретает использование различных творческих технологий в психосоциальной работе как со взрослыми, так и детьми. Творчество мы рассматриваем как разновидность поисковой активности, под которой нами понимается активность, направленная на изменение ситуации или самого субъекта, его отношения к ситуации при отсутствии определенного прогноза желательных результатов такой активности. Творчество — одна из наиболее естественных форм реализации потребности в поиске, причем поисковая активность значительно повышает устойчивость организма к воздействию самых разнообразных вредных факторов [2, с. 570].

Особое место в терапии творчеством занимает экспрессивная терапия, или комплекс разнообразных форм творческого самовыражения с применением движения, рисования, живописи, скульптуры, музыки, письма, вокализации и импровизации — в условиях, обеспечивающих поддержку человека с целью стимулирования его личностного роста и развития [3]. Это процесс самоисследования, конечной целью которого не является представление на сцене.

В этой связи интересен опыт знаменитого врача-психиатра, арт-терапевта, основателя первого хосписа в России А. В. Гнездилова. Так, в условиях онкологической клиники был создан Домашний психо-

терапевтический театр «Комтемук» (компанейский театр музыкальных картинок). Задачей театра являлось вызвать искренность пациентов, позволить им выразить свои сомнения, пережить негативные чувства, выстроить модели будущего. В арсенале театра были куклы, сказки, театральные костюмы и колокола [4, с. 93].

Терапия звуками. Широко известно благотворное влияние голосов природы при работе с человеком, находящимся в ситуации острого или хронического стресса. Так, успокоительно воздействуют на терминально больных звуки журчащего ручья, стук дождя по крыше, мерное дыхание морских волн.

Особенно интересен опыт использования колокольного звона в работе с онкопациентами. А. В. Гнездиловым и его коллегами в процессе работы было отмечено особое воздействие звуков колокола на пациентов хосписа. Они использовали бронзовые пластины, имитирующие колокольный звон. Пациентам предлагалось найти тот тон, который им наиболее приятен, затем найти ритм ударов и, наконец, определить силу удара в пластину. Впечатляющим оказалось облегчение некоторых болевых симптомов у пациентов хосписа. Многие подчеркивали релаксирующий эффект колоколотерапии [5, с. 80].

Сказкотерапия. Анализируя различные аспекты сказкотерапии, описанные Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, необходимо выделить следующие, наиболее актуальные для психосоциальной работы в системе паллиативной помощи составляющие лечения сказками:

- совместное с клиентом открытие тех знаний, которые живут в душе и являются психотерапевтическими;
- процесс объективации проблемных ситуаций;
- процесс активизации ресурсов, потенциала личности;
- процесс поиска смысла, расшифровки проблемных ситуаций;
- терапия средой, особой сказочной обстановкой, в которой могут проявиться потенциальные, часто не реализованные части личности, появляется чувство защищенности [6, с. 16–22].

В процессе работы с терминально больными А. В. Гнездиловым и его коллегами было выявлено стремление некоторых пациентов как бы уничтожить связь со своим прошлым, которое, по их мнению, привело их к заболеванию: одни меняли квартиры, другие (многие) сжигали старую одежду. Психологически это можно было трактовать как попытку уйти, убежать от болезни, сменив образ самого себя, или символически родиться заново, стать другим. Персонификация рака вызывала особое отношение к болезни, к образу самого себя [5, с. 89].

В театре «Комтемук» был создан довольно большой гардероб старинных костюмов, коллекция вееров. Периодически разыгрывался сказочный сюжет, включающий информацию о смерти. Пациенты, приходя на вечер, смешивались с компанией артистов, музыкантов, поэтов, никто не знал, кто есть кто. Играла музыка, люди передевались в маскарадные костюмы, каждый подходил к зеркалу и должен был создать ту картину, какую навело ему то или иное музыкальное произведение.

Незаданность ситуации, представление себя в каком-либо образе (принца, принцессы в роскошных шелках и бархате), волшебная музыка, сказки, где смерть запрятана в сюжете или является не чем иным, как сменой образа, когда маски, костюмы позволяли увидеть эффект мгновенного преображения. В пациенте, коснувшемся красоты сказочного мира, оживал и радовался внутренний ребенок. Расставаясь со сказкой, взрослый в пациенте благодарил за помощь и поддержку [4, с. 94].

Сказкотерапия достаточно тесно связана с куклотерапией. В рамках куклотерапии реально воплощаются воображаемые образы. Известны разные варианты кукол: куклы-скрутки, куклы-марионетки, куклы-пряталки, пальчиковые куклы и др. Все они могут быть использованы в куклотерапии в системе паллиативной помощи.

Кукла-марионетка прекрасна тем, что она оживает в руках человека. Она достаточно самостоятельна, находится на расстоянии от рук кукловода.

В сказкотерапии важен сам процесс изготовления куклы — процесс творения новой сказочной жизни. Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева отмечает, что, создав куклу, клиенты испытывают чувство опустошенности. Другие, напротив, испытывают прилив сил и радость.

Иногда больной человек в процессе изготовления куклы переносит на нее образ своей болезни. В таких случаях он(а) могут относиться негативно к своей кукле вплоть до стремления уничтожить ее. Процесс уничтожения куклы может принести облегчение, это проявление желания освободиться от недуга, поиск внутренних источников помощи [7, с. 121].

А. В. Гнездилов приводит такой пример использования куклотерапии в психосоциальной работе в хосписе: «Я был вызван на консультацию к молодой женщине, которой по ее просьбе онкоологи сказали все, — то есть вынесли окончательный приговор: ни химиотерапия, ни лучевая — уже не помогут. Я шел с тягостным чувством, не зная, что смогу сказать в утешение, чем поддержу. Обнадеживать нечем, да и отняты были уже все надежды. Тем не менее от меня ждали по-

мощи. И, придя к больной, я... вытащил красивую куклу — мальчика в старинном наряде принца. «Кто это?» — спросила она, пораженная. «Это принц Щелкунчик, который услышал о Ваших несчастьях и пришел, чтобы помогать Вам». Мы почти не говорили о болезни, беседа шла на языке сказки. Когда я ушел, принц остался. Потом, родные говорили, что она прикладывала его к больным местам, и он действительно помогал. До самого последнего момента он оставался с ней» [8, с. 90].

Куклы тесно связаны с культурными и религиозными традициями человечества. Первые куклы выполняли роль хранителей домашнего очага, служили защитой, были покровителями той или иной деятельности. Куклы-обереги несли с собой уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне, были даром сердца, средством творческого самовыражения.

Традиция веры в сказочное чудо давала позитивные установки. Кукла теснейшим образом связана с пластом фольклорно-сказочной культуры народа. Достаточно вспомнить обращение девочки-сироты к кукле, оставленной ей матерью: «На, куколца, покушай, мое горюшко послушай», — чтобы увидеть в кукле источник психосоциальной, психотерапевтической помощи [5, с. 89].

Д. Винникотт называет куклу «опорным объектом» ребенка для познания мира [9, с. 92]. После родителей самым близким для ребенка «существом» может стать кукла. Это прежде всего друг, такой же маленький, как и сам ребенок. В детстве одинаково реальны оба мира: внешний и внутренний. Таким образом, кукла — это вполне живое существо, с которым приятно гулять, играть, ложиться в постель, не боясь ночной тьмы, делить одиночество и т. д. Кукла занимает промежуточное положение между реальностью и фантазией.

В случае неизлечимой болезни общение через куклу дает больному ощущение тепла и единения с кем-то. Кукла может разделить судьбу с умирающим человеком, не оставлять его наедине со смертью. Больной нередко переносит на куклу свои чувства и взамен получает эмоциональную поддержку. Позитивный потенциал кукол достаточно велик, что делает перспективным их применение в практике психосоциальной работы [5, с. 89].

Так, в работе театра «Комтемук» первоначально пациентам предлагалось выбрать куклу, игрушку, которая могла бы представить их самих, или они сами могли бы о ней рассказать. К немалому смущению участников обнаружилась как внешняя, так и внутренняя идентификация с куклой. У некоторых воспоминания детства были связаны с чувством «потери друга», который делил с ними счастли-

вые и трудные моменты. Оказалось, что «судьба» куклы была связана не только с чувством потери и переживанием горя, но и с жизненной позицией, влияющей на биографию. Возвращение куклы было волнующим событием возвращения детства. Крайне важной оказалась не только игровая функция, но и талисманная роль куклы.

Прослушивание колоколов после этого создавало целую гамму переживаний — от медитативных до «оплакивания» самих себя и своей судьбы.

Следующим моментом являлось переодевание в костюмы и создание под музыку «образа», отраженного в зеркале и фиксируемого на фото. Тут же использовались элементы психодрамы с привлечением окружающих и сочинением «сказки» про себя. Возможности раскрытия «под маской» оказались настолько результативными, что в каждом сеансе имели место глубокие инсайты. Переживания детства и сказки не только активировали резервы прошлого и возможности воображаемого будущего, они выводили на осознание экзистенциальных ценностей.

Творческие технологии, используемые в хосписе, оказались очень эффективны не только для поддержки пациентов, но и при релаксации психологов и медицинских работников, имеющих дело с экстремальными ситуациями тяжелых переживаний при работе с умирающими людьми и их родственниками [4, с. 94; 10, с. 315; 11, с. 292].

Также в психосоциальной работе в условиях паллиативного ухода успешно применяются методы изотерапии.

При рисуночной терапии важна оснащенность художественного процесса, возможность свободного выбора материалов. Материалы для работы являются связующим звеном между пациентом и реальностью. Клиент сам выбирает необходимое оборудование для своего творческого процесса и основную идею своего рисунка. Некоторые инструменты позволяют усилить контроль (фломастеры, карандаши), некоторые, наоборот, ослабить (пастель, краски). Самостоятельный выбор материалов для своего творчества и темы рисунка дают пациенту возможность расслабиться, отвлечься от болезненных ощущений, а также сделать выбор, который не получается осуществить в условиях больничной среды.

Правополушарное рисование как один из методов изотерапии позволяет пациенту перестать анализировать свои действия и начать творить. Техника правополушарного рисования основана на активизации правого полушария головного мозга, которое отвечает за интуицию и творчество. Данная методика легка для восприятия как ребенком, так и взрослым, помогает развивать творческие способно-

сти, нормализовать мышление, помогает в адаптации к больничной среде и дальнейшей реабилитации, снимает агрессивность и эмоциональное напряжение [12].

Техника «Рассказ в картинках», заключающаяся в рисовании истории, «рассказе» ее с помощью фотографий. Главная задача арттерапевта в этой своеобразной «изобразительной игре» оказать помощь: 1) в вербализации осознанного материала и связанных с ним переживаний; 2) осмыслении тех символических образов, которые воспринимаются автором рисунков как опасные; 3) формировании новых интересов, значимых для дальнейшего психосоциального развития, на которые человек сможет затем опираться в повседневной жизни (по С. Валкер) [13; 14, с. 260].

Наряду с терапевтическим значением, изобразительные продукты пациентов имеют большую диагностическую ценность. Важно то, что приоритет интерпретации рисунков принадлежит самому пациенту. Это позволяет получить гораздо больше информации, чем многочисленные беседы в течение нескольких месяцев.

Каждому пациенту предлагается изобразить, что изменилось в нем самом и в семье, когда он(а) заболел(а), символически рассказать «историю болезни в картинках».

Исходя из особенностей рисунков в ходе исследований мы выявили реакции, «фокусированные на чувствах» и «фокусированные на проблеме». Примером первых является страх смерти, страх боли в связи с медицинскими процедурами. Пример вторых — изображение различного медицинского оборудования, больничных помещений и др.

Рисованием можно корректировать страхи, порождаемые воображением: боязнь болезни, операции, процедур, медицинского оборудования, больницы. В процессе рисования происходит «оживление» чувства страха, но вместе с тем и осознание условного характера его изображения. Объект страха сознательно подвергается манипуляции и творчески преобразуется [13].

Накопленный опыт использования творческих технологий в психосоциальной работе с неизлечимо больными людьми в практике паллиативного ухода свидетельствует об их эффективности. Исследования показывают, что креативная терапия позволяет клиенту глубже понять свои переживания, выразить и принять их. Креативная терапия также эффективна при работе с членами семьи, близкими умирающего человека, способствует установлению более доверительных отношений между пациентом и его ближайшим окружением, проработке негативных эмоций, страхов, способствует профилактике дальнейших кризисов у членов семьи после смерти любимого человека.

Использование творческих технологий незаменимо в работе с персоналом отделений паллиативного ухода, в профилактике синдрома профессионального сгорания.

Библиографический список

1. Корхоне Т. В. Социальная работа в кризисных ситуациях : методическое пособие. Барнаул, 2005.
2. Ротенберг В. С. Психофизиологические аспекты изучения творчества // Психология художественного творчества. Минск, 2003.
3. Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств [Электронный ресурс]. URL: <http://trialog.ru/library/scipubl/951132.htm> (дата обращения: 05.11.2014).
4. Гнездилов А. В. Особенности оказания психологической помощи в терминальный период жизни // Антология тяжелых переживаний: социально-психологическая помощь : сборник статей / под ред. О. В. Красновой. М. ; Обнинск, 2002.
5. Гнездилов А. В. Психология и психотерапия потерь. Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. СПб., 2002.
6. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. СПб., 2013.
7. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., Грабенко Т. М. Практикум по креативной терапии. — СПб., 2003.
8. Гнездилов А. В. Путь на Голгофу. Очерки работы психотерапевта в онкологической клинике и хосписе. СПб., 1995.
9. Winnicott D. W. Transitional objects and transitional phenomena — A study of the first not-me possession // The International Journal of psychoanalysis. 1953.
10. Сиротина Т. В., Тавлетчина И. С. Синдром профессионального эмоционального сгорания среди специалистов по социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
11. Мазайлова Т. А. Трудности организации паллиативной помощи в России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
12. Правополушарное рисование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.risovanie.ru> (дата обращения: 05.11.2014).
13. Лебедева Л. Д. Восстановительная арт-терапия как средство эмоциональной адаптации специалиста с дефицитом здоровья [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://www.artstherapy.ru/articles/lebedeva.htm> (дата обращения: 05.11.2014).

14. Антонович И. В. Новые арт-терапевтические техники в социальной работе: фототерапия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

И. В. Медведева (Барнаул)

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ПАЛЛИАТИВНУЮ ПОМОЩЬ

Под паллиативной помощью понимается прежде всего комплексное лечение болезни, которая сопровождается сильнейшими болями и может привести к смерти биологического тела человека. Это также комплекс мер, направленный на уменьшение этих болей и психологического дискомфорта как самого пациента, так и членов его семьи.

В Белой книге Европейской ассоциации паллиативной помощи (ЕАПП) по вопросам профессионального обучения описаны основные компетенции, которыми необходимо обладать и применять всем, кто на практике оказывает паллиативную помощь пациентам, независимо от конкретной дисциплины или специализации. Эти характеристики также полезны всем, кто знаком с Белой книгой ЕАПП о стандартах и нормах хосписной и паллиативной помощи в Европе. Кроме того, эти компетенции можно реализовать во всех ситуациях, когда необходимо оказание паллиативной помощи пациентам с любым ограничивающим продолжительность жизни заболеванием, но целенаправленно они применимы более всего к тем людям, которые работают в неспециализированных медицинских учреждениях широкого профиля. Эти компетенции разбиты по направлениям. Всего выделяют десять основных направлений формирования компетенций для оказания паллиативной помощи, которые уточняются и конкретизируются в каждом из них:

1. Реализовывать основные составляющие/компоненты паллиативной помощи там, где находится пациент и его семья (понимать важность физических, психологических, социальных и духовных проблем, которые влияют на семьи пациентов и самих пациентов с ограничивающими продолжительность жизни заболеваниями на протяжении всего периода оказания помощи и в период переживания семь-

ей тяжелой утраты; уважать ценности, убеждения и культурные традиции пациента и его семьи и др.).

2. Обеспечивать максимальный физический комфорт пациенту на всех этапах болезни (сделать все возможное в клинической практике для предотвращения страдания, насколько позволяет опыт специалистов; предвидеть возникновение возможных осложнений, которые могут усугубить страдание; подготовить план оказания помощи при таком развитии событий; вне зависимости от места пребывания умирающего пациента, в конце жизни ему должна быть оказана помощь самого высокого качества и др.).

3. Удовлетворять психологические потребности (проявлять понимание эмоционального состояния пациента и оказывать ненавязчивую поддержку; поощрять формирование у пациента механизмов психологической адаптации и др.).

4. Удовлетворять социальные потребности (принимать во внимание социальное положение пациента и его семьи, а также роль и влияние этого положения на содержание оказываемой паллиативной помощи; информировать пациента о существующих и доступных ему льготах и правах в рамках национальных программ социального страхования и медицинского обслуживания и др.).

5. Удовлетворять духовные и экзистенциальные потребности (проявлять способность к рефлексии и пониманию важности духовного и экзистенциального компонентов собственной жизни; быть аккуратными и не нарушать границ, которые могут быть обусловлены принятыми культурой табу, ценностями и выбором пациента и др.).

6. Удовлетворять потребности осуществляющих уход за пациентом членов семьи в рамках краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей оказания помощи пациенту (признать и поддержать членов семьи в их роли людей, осуществляющего уход, вовремя выявлять риск истощения и чрезмерной усталости, которым они себя подвергают; при необходимости обеспечить проведение кратковременного консультирования в период тяжелой утраты и др.).

7. Осознавать сложность принятия решений по клиническим и этическим вопросам паллиативной помощи (содействовать автономии пациента наряду с применением таких принципов, как «не навреди», будь доброжелателен и справедлив; создавать условия для того, чтобы пациент, родственники и осуществляющие за ним уход люди участвовали в процессе принятия решений и др.).

8. Координировать процесс оказания комплексной помощи силами междисциплинарной бригады везде, где оказывается паллиативная помощь (оказывать всестороннюю помощь и поддержку в про-

цессе перевода пациентов из учреждения в учреждение или в домашние условия; укреплять связи внутри межпрофессиональной команды (бригады) для достижения положительных результатов в коллективной работе с пациентом и членами семьи, осуществляющими уход за пациентом, и др.).

9. Развивать навыки межличностного общения, необходимые для оказания паллиативной помощи (всячески содействовать укреплению взаимоотношений как внутри команды (бригады), так и с коллегами за ее пределами; выбирать такие способы общения и отношений с пациентом, которые наиболее приемлемы для лиц его возрастной группы, отвечают его пожеланиям, интеллектуальным способностям; подтверждать полное понимание пациентом принимаемых решений и др.).

10. Проводить самоанализ и постоянно повышать свою профессиональную квалификацию (проводить самоанализ, осознавать собственные сильные и слабые стороны, этические и духовные убеждения и принципы, вовремя заметить ранние признаки синдрома эмоционального выгорания и обратиться за необходимой помощью и др.) [1].

К сожалению, данные компетенции далеки от отечественной практики оказания медицинскими работниками паллиативной помощи. В Алтайском крае только запускается программа развития паллиативной помощи, в 2016 г. планируете открытие хосписа. Специалистам, работающим в данной сфере, необходимо обладать всеми перечисленными компетенциями для повышения эффективности оказываемой помощи. Программа воспрепятствует эмоциональному выгоранию медицинских работников паллиативного ухода, а также проиллюстрирует отличие паллиативной помощи от «чистой» медицинской помощи онкологическим больным и их семьям.

В рамках исследования нами была разработана программа дополнительного образования для специалистов разного профиля, оказывающих паллиативную помощь. Эта программа содержит 10 модулей и охватывает как теоретическую, так и практическую составляющую паллиативного ухода. Данная программа разделена на тематические части: медицинская составляющая паллиативного ухода, духовная поддержка в паллиативной помощи, социальная работа в системе паллиативной помощи, психологическая помощь в рамках паллиативной помощи. Так, в качестве тем первого направления специалистам предлагается изучение зарубежного опыта оказания паллиативной помощи онкобольным, изучения специальных медицинских средств осуществления медицинского ухода за лежащими больными и т. д. В рамках второй тематической составляющей программы спе-

специалистам предлагается изучить проблемы принятия болезни со стороны веры; третье направление позволит специалистам узнать о стандартах социальной работы в области онкопомощи, изучить направления и способы социальной поддержки онкобольных, ознакомиться с инновационными методами социальной работы и т. д. Последнее направление будет полезным специалистам как с профессиональной, так и личной позиции — психологическая помощь онкологическим больным, их родственникам, способы и средства профилактики «выгорания» специалиста, психологические реакции больных и т. д. Тематические составляющие направлений программы позволяют формировать новые компетенции как у специалистов по социальной работе, так и у психологов, медицинских работников.

Программа носит междисциплинарный характер, и в ее реализации должны быть задействованы специалисты разных направлений работы. При реализации программы могут возникнуть трудности, связанные с выбором формы аттестации специалистов, прошедших обучение в рамках программы, требованиям, которые предъявляются специалистам разного профиля.

В Алтайском крае на данный момент отсутствует лицензированная программа повышения квалификации медицинских специалистов «паллиативная медицина». Нет специальных программ подготовки психологов в сфере оказания помощи онкобольным и их семьям [2, с. 292]. В целом отсутствуют технологии социального сопровождения таких больных и их семей. Можно предположить, что причиной этого является отсутствие полномочий, раскоординированность действий социальных и медицинских ведомств. Анализ ситуации позволяет утверждать, что все больше и больше больные и их родственники, близкие пытаются найти помощь, опираясь не только на свои ресурсы, а используя для этого ресурсы других субъектов помощи. Общим результатом работы людей, обученных по данной программе, будет являться улучшение качества оказываемой паллиативной помощи пациентам и членам их семей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Claudia Gamondi, Philip Larkin and Sheila Payne. Core competencies in palliative care: an EAPC White Paper on palliative care education // *European Journal of Palliative Care*. 2013. № 20 (2); 20 (3).
2. Мазайлова Т. А. Трудности организации паллиативной помощи в России // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество* : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

А. В. Стебунова (Барнаул)

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРТ-ТЕРАПИИ И ИГРЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ВОСПИТАННИКАМИ ДЕТСКОГО ДОМА

Положение детей, воспитывающихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как показывает анализ генезиса социальной практики, является довольно тяжелым и обусловлено недостаточным уровнем развития организационно-пространственной и реабилитационной среды, способной к восстановлению и развитию социальных компетенций личности. К сожалению, первичным критерием эффективности данных учреждений является создание условий для проживания детей, а уровень личностного и интеллектуального развития уходит на второй план.

Вместе с тем в детском доме в настоящее время практически все дети имеют отклонения в психофизическом развитии и становлении личности, которые приводят к нарушению общения, проявлению агрессии, преобладанию негативных эмоций и психоэмоциональных состояний. Воспитание в условиях интернатного учреждения затрудняет процесс социализации ребенка, что впоследствии отражается на всех сферах его жизнедеятельности во взрослой жизни. В связи с этим, на наш взгляд, важно осуществлять интеграцию традиционного воспитательного процесса и реабилитационного, направленного на формирование полноценной социализированной личности ребенка-сироты, а также на оказание помощи и поддержки в овладении необходимыми жизненно важными социальными знаниями, умениями и навыками.

В социальной работе с детьми в условиях детского дома необходимо максимально учитывать проблемы в социальном и психическом развитии детей. Так, эксперты отмечают, «дети затрудняются объяснять словами свои проблемы и переживания, и для того чтобы помочь им раскрыть свой потенциал, справиться с трудностями, а также помочь в овладении жизненно важными навыками и умениями, специалист должен прибегать к нестандартным, творческим направлениям, методам и технологиям. Творчество тесно связано с жизнью ребенка, наполненной богатой игрой фантазии и символической деятельностью. Чувства и эмоции нередко находят выражение с помощью используемых детьми символов. Творчество естественно вплетается в жизнь ребенка, являясь неотъемлемой частью его развития. С помощью творческой деятельности ребенок отображает то, что его волнует, то, что для него важно» [1].

В связи с вышеизложенным считаем, что изучение и внедрение в социальную работу с воспитанниками детских домов арт-терапевтических методов и технологий является необходимым условием для повышения эффективности реабилитационного процесса в образовательных организациях данного вида.

Арт-терапия — это способы и технологии коррекции и развития психологических и социальных качеств человека средствами искусства и художественной деятельности. К средствам искусства относятся: живопись, музыка, литературные произведения, театр и др. В основе современного определения арт-терапии лежат понятия экспрессии, коммуникации, символизации, с действием которых и связано художественное творчество. Методика рассматриваемого понятия базируется на убеждении, что внутреннее «Я» человека отражается в зрительных образах всякий раз, когда он спонтанно, не особенно задумываясь о своих произведениях, танцует, пишет картину, лепит. Принято считать, что образы художественного творчества отражают все виды подсознательных процессов, включая страхи, внутренние конфликты, воспоминания и др. Арт-терапия вариативна и включает в себя следующие направления: музыкотерапия, драматерапия, песочная терапия, сказкотерапия, изотерапия, танцевально-двигательная терапия.

Анализ научной, методической литературы, а также наблюдения свидетельствуют о том, что одним из эффективных реабилитационных методов в социальной работе с воспитанниками детских домов является игровая терапия — арт-терапевтический метод коррекции эмоциональных и поведенческих расстройств у детей, в основу которого положен свойственный ребенку способ взаимодействия с окружающим миром — игра.

Игровая терапия обладает развивающим, коррекционным и реабилитационным потенциалом. Ребенок через игру познает мир, человеческие отношения, в игре развивается его фантазия, воображение, творческие способности, воля. Это поведение «для себя», доставляющее удовольствие, бескорыстное, не претендующее ни на какую внешнюю оценку. Именно поэтому игровая терапия является эффективным инструментом деятельности специалиста в решении проблем воспитанников детского дома (неразвитость воображения и творческого мышления, боязнь свободно проявлять себя, ограниченность социального опыта и игровых навыков и др.).

Игра — это произвольная, внутренне мотивированная деятельность, предусматривающая гибкость в решении вопроса о том, как использовать тот или иной предмет. Игра — это средство для выражения чувств, исследования отношений и самореализации [2]. Игра представляет собой попытку ребенка организовать свой опыт, свой лич-

ный мир. В процессе игры ребенок переживает чувства контроля над ситуацией, даже если реальные обстоятельства этому противоречат.

Для ребенка игра — это естественный способ рассказа о себе, своих чувствах, мыслях, о своем опыте. Все, что беспокоит ребенка, волнует его, он может выразить в игре. Это удивительный вид творчества.

К характерным особенностям игры исследователи относят следующие:

1. Играющий выполняет реальную деятельность, осуществление чего требует действий, связанных с решением вполне конкретных, часто нестандартных задач.

2. Ряд моментов игровой деятельности носит условный характер, что позволяет отвлечься от реальной ситуации с ее ответственностью и многочисленными привходящими обстоятельствами.

3. Отличительными признаками развертывания игры являются быстро меняющиеся ситуации, в которых оказывается объект после действий с ним, и столь же быстрое приспособление действий к новой ситуации [3].

Основная цель игровой терапии — помочь ребенку выразить свои переживания наиболее приемлемым для него образом — через игру, проявить творческую активность в разрешении сложных жизненных ситуаций, «отыгрываемых» или моделируемых в игровом процессе.

Основные задачи игровой терапии таковы: облегчение психологического страдания ребенка; укрепление собственного «Я» ребенка, развитие чувства самооценности; развитие способности эмоциональной саморегуляции; восстановление доверия к взрослым и сверстникам, оптимизация отношений в системах «ребенок — взрослые», «ребенок — другие дети»; коррекция и профилактика поведенческих отклонений.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что игровая терапия как вид арт-терапевтической методики способствует гармонизации личности детей с проблемами через развитие способностей самовыражения и самопознания, обеспечивают коррекцию психоэмоционального состояния ребенка, психофизиологических процессов посредством соприкосновения с искусством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Киселева М. В. Арт-терапия в работе с детьми: руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми. СПб., 2006.
2. Лэндрет Г. Л. Игровая терапия: искусство отношений. М., 1994.
3. Киселева М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб., 2007.

Раздел IV

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

А. П. Голубева (Барнаул)

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Социализация как наиболее прочная связь человека и социума реально противопоставлена социальной деструктивности, возникающей как отклик на безвременье, кризисное состояние. Социализация личности — это важный *положительный* этап в концептуализации самосознания человека и одновременно показатель всех отклонений от нормы — социальной патологии. Социализация доминирует в гармонизации отношений конкретного человека и социального мира, в котором он пребывает, и в этом контексте социализация — это *образ* гармонии, допускающий смысловые aberrации и аллюзии. Так, социализация ребенка берет отсчет при его рождении — закономерно, что маленький человек появляется в семье или по крайней мере в окружении себе подобных. Но в этом случае не задействованным оказывается культурный ресурс — ребенок чувствует материнское тепло, его физическое выражение, но реально не способен различить абсолюты бытия, являющиеся фундаментом *теплой* духовной культуры — в этом ракурсе социализации культура проходит лишь пунктиром, являясь мерой родительской воли и волюнтаризма. Между тем социальная гармония уже и так достижима стереотипной ситуацией «мать-дитя». И этот социальный образ способен меняться очень быстро. Практически невозможно представить себе ту ситуацию, где бы социальный порядок был полностью подчинен культурному влиянию.

Похожий стереотип сложился в отношении «вечных» спутников современного социогуманитарного знания, и социология здесь, конечно же, не исключение, — понятий культурного и социокультурного, границы которых в научном смысле не могут быть определены исключительно эмпирическими методиками. Тем не менее, именно прикладной социологии отводится первенство в утверждении указанных концептов. По мысли М. Н. Руткевича, проблемы социального порядка (воспроизводство численности населения) способны в контексте частных социологических теорий и тесно связанных с ними эмпирических социологических исследований предоставлять «макросоциологии» «необходимый материал для принципиальных суждений о развитии мира в прошлом и настоящем» [1, с. 22]. Это положение стало своеобразным символом современной социологии, идущей по пути манифестации опытного начала; ситуация складывается

ся таким образом, что к традиционному пониманию социологии как науки об обществе (в расширительном теоретическом толковании) постепенно добавляется специальное значение социологии как науки о социальном эксперименте, социальной экспертизе и прогнозе.

Вместе с тем заметные подвижки происходят и в самой теории общества — «современное общество представляет собой социобиотехнический организм, систему» [2, с. 84]. Подобные интерпретации акцентируют внимание на современности, создавая часто картину особого положения общества рационального, развивающегося преимущественно в масштабе экономических приоритетов. Очевидно, что характеристики духовного общества категорически не подходят для современности: по законам социального развития они как будто утрачивают свой первоначальный смысл, уступая место более отвечающим времени особенностям. Действительно, современное общество не просто социологично, оно в высокой степени технологично. Разумеется, это предопределяет специальные процедурные этапы в исследовании общественных отношений и связей. Все же технологичное общество обладает выраженным стремлением к преодолению культурного традиционализма. Для социологии в этом заключается большая сложность — в последнее время складывается такое впечатление, что теоретическая социология, не способная отказаться от критерия научной классичности, в вопросах трактовки духовности и ее социальных значений на голову опережает социологию экспериментальную, в большинстве своем ведущую подсчеты духовных потерь (см.: [3, 4]). Особенно это ощутимо в исследовательском дискурсе социологии культуры и духовной жизни, раскрывающем крушение извечных ценностей и абсолютов либо их смещение в пространство «новых истин бытия». На самом деле здесь на первый взгляд нет никакой опасности — это лишь еще одна заметная сторона в развитии научного мышления и попытка представить мир не только в императивности абсолютов и сопряжении ценностей и норм. В связи с этим Ж.-Ф. Лиотар справедливо замечает, что «по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» [5, с. 14]. В этом высказывании кроется важная мысль, позволяющая признать некоторые заблуждения эмпирической социологии по поводу экспериментального доминирования в объяснении социального миропорядка и устройства культурной системы. От общества *технологического* скачок к культуре духовной, развивающейся в подтексте социальных отношений и связей, совершить невозможно. Лиотар вполне резонно «разделил» эпохи общества и культуры как не совпадающие в главном — последствиях

принятия духовности и построения модели духовного развития. Для общества в этом состоит смещение экономической доминанты в плоскость духовных исканий и, значит, вынужденное обращение к первобытным архетипам, эмансипирующим духовность. В этом случае «вхождение в постиндустриализм» обретет черты *цивилизационного слома*, при котором мифологизация действительности и анима-шаманическое прошлое человека станут главными критериями построения социальной перспективы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Руткевич М. Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // Социологические исследования. 2005. № 7.
2. Яницкий О. Н. Россия как экосистема // Социологические исследования. 2005. № 7.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. М., 1998.

М. Е. Возилкина (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ У. ЛИППМАНА*

Причину обращения к труду Уолтера Липпмана (1889–1974) в настоящем времени объясняет Р. Фрумкина. По ее мнению, массивизация сознания, распространение средств коммуникации и влияние теории в условиях демократических обществ [1, с. 124]. Обществен-

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ное мнение объединяет людей внутри группы и разъединяет людей разных групп, изначально имеющих единую социальную реальность. Отсюда У. Липпман и видит различное понимание реального мира индивидами и группами и различное поведение индивидов в одинаковых условиях.

Как и социальные представления С. Московичи, общественное мнение У. Липпмана является аналогом «здорового смысла». Подобные модели восприятия защищают человека от стресса столкновения с неизвестным, стандартизируют механизмы коммуникации. Для рассмотрения общественных представлений У. Липпман использует междисциплинарный подход.

У. Липпман утверждает, что именно символические картины, «псевдосреда», а не реальность управляют поведением людей в социальном мире. «Псевдосреды — внутренние образы мира, определяющие образ мышления, настроения и деятельности социальных групп, состоящие из убеждений, верований, стереотипов и др.» [2, с. 22]. Представления о социальной реальности существуют всегда, изменяются, сравниваются, проверяются, доказываются, но становятся особо значимыми в период напряженности и конфликтов. Более того, У. Липпман показывает, что непосредственное исследование социальной реальности как она есть следует начинать только при в сравнении с уже устоявшимися представлениями.

Общественное мнение в данной концепции обозначает «представления людей о самих себе, об окружающих их людях, их потребностях, целях, взаимоотношениях, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп», а общественные дела — релевантные для личности или группы характеристики, основанные на поведении индивида или социальных групп [2, с. 23].

Социальное восприятие может быть опосредованным и непосредственным.

Причина формирования «псевдосред» представлений — то, что непосредственная общественная среда реальности часто недоступна индивидам в непосредственном переживании. Отделенность непосредственной социальной реальности может обуславливаться объективными факторами — ее пространственной, временной недоступностью, поэтому «ее нужно исследовать, описывать, воображать» [2, с. 23], т. е. формировать представление о ней.

У. Липпман замечает, что даже первичная социализация является не знакомством с миром как таковым, а усвоением его уже готовых интерпретаций. «Нам рассказывают о мире до того, как мы его ви-

дим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними» [1, с. 44], поэтому и призывает искать истоки представлений в общности воспитания, а не коллективном и индивидуальном родовом бессознательном.

Третья группа факторов зависит от коммуникативных особенностей воспринимающего индивида или группы — заинтересованности в получении информации, ее качестве, количестве времени, которое уделяет индивид или социальная группа для получения информации, размера дохода как фактора доступности коммуникаций, страх столкнуться с фактами, противоречащими традиционному мировосприятию и др.

Четвертой ограничивающей группой факторов являются внешние социальные. *Цензура* как способ навязывания одним группам ограничения на знание, и принятие другими группами этого ограничения, *приватности* как понятия о личной информации, *секретности* как понятия о том, какая информация может или не может стать знанием, и *стереотипизацией*.

Стереотипы заставляют человека воспринимать мир сквозь прошлый опыт. Призывая наличие стереотипа через самообразование и рефлексию, человек получает возможность его поменять и выявить, при необходимости, причины его возникновения. При всей их ригидности стереотипы необходимы человеку для понимания существующих универсалий этого мира.

Согласно У. Липпману, функции стереотипов сводятся к защите положения в обществе, призваны оправдывать ожидания индивидов, мир воспринимается ими как знакомый. Они упорядоченные, обобщенные, непротиворечивые, стабильные, имеют субъективную чувственную основу. Несовпадение восприятия и «шаблона» доставляет дискомфорт. Однако формированию адекватного стереотипа должно предшествовать глубокое понимание всех сторон объекта или всех участников коммуникации.

Пятая группа помех коммуникации зависит от объема и качества источников сообщения — доступности средств коммуникации, сети социальных контактов личности, ведущего для социальной группы источника информации.

Шестая группа зависит от самого знания. Знания о мире бывают неполные, несвоевременные, зачастую противоположные реальности, и руководство ими не ведет к достижению результата. Не все, а только определенные, открытые, ранее скрытые факты становятся известным знанием, *новостью*. Знания могут быть искажены в результате их сокращения или упрощения для удобства передачи.

Важно, в какой форме представлена информация. Отдельное внимание уделяется языку и символам как объектам-носителям значений, опосредующим коммуникацию.

«Слова, подобно деньгам, представляют собой символы ценности» [2, с. 37]. Словесное сообщение может быть по-разному намерено или случайно интерпретировано, неточно выражено, подвергнуться переводу, может быть закодировано, несколько слов могут замещать целую последовательность действий, мыслей, чувств и результатов намеренно. К тому же само значение слова может меняться. Благодаря «ясности сознания» можно добраться до смысла.

У. Липпман также изучал знаки. По его мнению, они используются для сокращения усилий индивида. «Знаки являются символами идей, а идеи выполняют роль имеющейся у нас в запасе системы образов» [2, с. 43].

Следовательно, для верной интерпретации мнения, полученного из другого источника, необходимо выяснить значение образцов источника, получившего чувственный опыт.

Восприятие наблюдателя коммуникации более объективно, чем восприятие ее свидетеля, потому что восприятие второго является не отражением процесса, а его интерпретацией. «Воспринятое сообщение — это некий синтез познающего и познаваемого, в котором роль наблюдателя всегда избирательна и обычно созидательна» [2, с. 43–44]. Восприятие зависит от опыта и положения свидетеля или наблюдателя. У. Липпман также отмечал первичность, большую понятность, безбарьерность восприятия визуального образа перед словесным. Проблема понимания сводится к определению сходств и различий сравниваемых объектов, наделению их конкретным значением, выявлению мотивов его использования.

У. Липпман, считает, что при появлении стимула одновременно начинает работать и его непосредственное восприятие, и сравнение со стереотипом. Если стереотип совпадает с восприятием, он получает подкрепление. Если эти представления и результат восприятия не совпадают, ситуация может складываться в трех вариантах:

- восприятие считается ошибочным или единичным, стереотип продолжает существовать;
- восприятие вносит коррективы в стереотип;
- человек решает, что восприятие, а соответственно, и стереотипы не способны быть верными, «вещь никогда не оказывается той, какой она обычно должна быть» [2, с. 43].

Следует отметить, что мнения могут формироваться и иметь определенную степень искажения как стихийно, так и намеренно. Следо-

вательно, большая часть социальной реальности дана индивиду в интерпретации, которая обладает разной степенью полноты и верности. Многовариантность интерпретаций на всех уровнях создает ощущение множественности реального мира. Однако унифицированные представления выполняют свою функцию делать незнакомое знакомым. Понятие другого индивида или группы сводится к пониманию мотивов источника восприятия, а также интерпретации передаваемого сообщения для источника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фрумкина Р. Уолтер Липпман. Свободный коллективизм! [Электронный ресурс]. URL: corp.fom.ru/uploads/socreal/post-112.pdf.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://socioline.ru/book/uolter-lippman-obschestvennoe-mnenie>.

М. А. Гладышева (Барнаул)

ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Мотивы развития культурологического знания связаны с тем, что культура как среда обитания человека, становления его индивидуальности и закрепления его национальных корней со временем утратила свойства полиморфной системы, существовавшей в виде механических актов социального бытия, и заняла позиции двигателя истории, идеологии, мировоззрения.

В современной культурологии обнаруживаются все более отчетливые подходы к систематизации событий, вычленению наиболее ярких и значимых для эволюции человека социокультурных традиций и тенденций, рассматриваемых в процессах становления, динамики культуры. С целью обеспечить объективный взгляд на культуру вырабатываются методы, учитывающие культурную генетику, культурную коммуникацию, культуроцентричность социального знания, динамическую историю культурных норм и ценностей и т. д. У культурологии, не имеющей за своими плечами богатого научного опыта, многовековой научной традиции, теперь есть все возможности — методологические и методические — для того, чтобы интегрировать собственно «культурное» и «внекультурное» знание, представить его как открытую в мир полипарадигмальную систему.

Культурология изначально не теряла интереса к проблемам верификации культурно-исторического знания и в этом зачастую отождествлялась с традиционными «узкоспециализированными» научными сферами — историей культуры, историей культурологических учений, искусствознанием и т. д. И все же со временем ракурс оценки богатого культурно-исторического материала изменился в той мере, что культура стала рассматриваться не как «застывший» феномен, не как идеализированный мир человеческого существования, а как движущееся и движимое явление с открытыми границами для информационного взаимодействия. Именно этот момент «оживляет» культурную систему, встраивает ее в глобальное информационное поле и, таким образом, заявляет о смене полюсов в оценке культурного феномена. По словам А. Н. Быстровой, «если оставаться в рамках информационной парадигмы, то необходимо выделить минимум две стороны культуры. С одной стороны, географическое пространство, представляющее собой среду обитания людей... С другой стороны, различные символы, опредмеченное знание, результаты многообразной человеческой деятельности становятся языком культуры» [1, с. 33–34]. В любом случае культура — мощнейший информационный поток, охватывающий все структуры повседневности, социального мира, не только земные территориальные просторы, а также космические дали и высоты, — но не обязательно в качестве «передающего устройства». Культура — это всегда автономный источник информации и коммуникации, для понимания которого необходим особый «живой» язык.

Понимание культуры в ее открытости человеку и социуму зависит от многих обстоятельств — времени, концепции человека и личности, условий свободы, ответственности. Но это свойство не только эмпирического порядка, когда объективные показатели позволяют судить о самой возможности прагматично оценивать все последствия культурной динамики в социально-историческом толковании конкретных проявлений действительности. Понимание культуры предполагает высокий уровень концептуального обобщения функциональной роли культуры в духовной жизни человека, социума, в процессе становления их духовно-нравственных и ценностно-нормативных принципов. Эта черта не может быть выраженной в сознании одного человека, в представлении которого культура практически исключена из повседневности, но в то же время *понимание культуры становится задачей и обязанностью общества* (см. об этом, например: [2, 3]). От этого зависит направленность социальных действий, сохранение жизненных сил социальных субъектов, политика и идео-

логия. Кроме того, это объясняет многие закономерности формирования и развития культуроцентричных сообществ, за которыми признается не только прямая ответственность за сохранение культуры, но и возможность ее понимания и осмысления. Понимание в широком истолковании как сложный психический механизм рождается в сложноорганизованном акте мыслительной деятельности человека. Понимание культуры — выяснение тех смыслов, от которых зависит развитие человека; и это феномен мировоззренческого, философского порядка, предполагающий признание за культурой доминирующей позиции в бытии. Смысловыми элементами культурной системы, как известно, являются символы, знаки, тропы, образы и т. д. Это огромные пласты архетипов, культурно-художественной коммуникации, духовности.

В культурной динамике эти элементы трансформируются с большой скоростью. Свойства культурно-художественной коммуникации подтверждают широту проникновения семиотических моделей в жизнедеятельность людей, поэтому их толкование сопряжено с определенными трудностями. Здесь обнаруживается зависимость от нескольких важных факторов. Например, от особенностей эпохи, когда стремительно развивался постмодернизм. В русской культурной традиции архетип богатырской недюжинной силы, органично воплощенный в былинном и сказочном эпосе, прошел длительный путь «осовременивания», превратившись в конце XX в. в постмодернистские смыслы телесности. Для эпохи распознавание силы спроецировано на смысловую манифестацию прагматизма, истинного знания, законов формальной логики и т. д. В осмыслении современного состояния культурной системы преобладает семантика кризисности и индивидуализированное мироощущение кризиса, что во многом стало продолжением концептуальных возможностей постмодерна. Заметно изменился ракурс в представлениях о культуре как о многомерной системе, «следующей» за человеком, воспитывающей его, задающей его социальные роли и маркирующей пространство его повседневной жизни. Для русской культуры XX в. дешаблонизация идейно-политического концепта «культ личности» и в целом тоталитаризма была затруднена не только по причине жестокости властей и эффективного нивелирования народного самосознания, но и в связи с тем, что «витальный комплекс» культурной системы подменялся комплексом культурных форм, безжизненных и не способных преодолеть социальную инерцию, заданную эпохой и общественными отношениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12.
2. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

Е. Г. Мякиш (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (по результатам исследования в Барнауле)

Современные события на мировой арене характеризуются большим количеством конфликтов. Существуют различные точки зрения по поводу природы сложившихся ситуаций: некоторые придерживаются того мнения, что данные конфликты связаны с политическими процессами, другие, что это столкновения интересов представителей разных наций, третьи же уверены в том, что причиной большинства конфликтов являются именно религиозные противоречия. Примером таких конфликтов служат события на Украине, где происходит столкновение представителей христианства и католицизма.

Необходимо отметить тот факт, что большинство ученых связывают понятия «нация» и «конфессия». Существует точка зрения о том, что нации формировались по религиозной принадлежности ее членов. Соответственно, несмотря на развитие общества и государств с течением времени, изначально все они формировались именно в зависимости от религиозной принадлежности. В современном мире мы наблюдаем смещение акцентов на формирование государств по религиозному признаку. Можно говорить о том, что сущность современных религиозных процессов заключается в их транснациональном и трансграничном характере. Происходит столкновение интересов национальных государств с необходимостью реализации принципов прав человека в этническом и конфессиональном аспектах. От-

сюда возникает проблема методологического определения влияния межконфессиональных отношений на развитие этноса и государства [1, с. 73–75].

В последнее время социологов все больше интересует разрешение межконфессиональных конфликтов и такое понятие, как межконфессиональная толерантность, которые стали ключевыми понятиями современности. Если же говорить в общем о том, что такое конфликт, то «социальный конфликт может быть определен как процесс противодействия социальных субъектов, направленный на разрешение противоречий в их интересах и целях. В качестве исходного методологического положения в анализе социальных конфликтов могут выступать представления о том, что конфликт — постоянно присутствующий тип социальных взаимоотношений в обществе» [2, с. 142].

Необходимо отметить тот факт, что современная миграция населения приобрела характер вынужденных переселенцев и представляет собой многогранное явление, влияющее на все стороны развития общества, будь то экономика или политика, демографические процессы или национальные отношения, идеология или религия. К тому же необходимо признать, что миграционные потоки неоднородны по этническому и социальному наполнению, по определяющим причинам миграции, по направленности, протяженности в пространстве и времени. Именно в неконтролируемой миграции социологи видят причины многочисленных межконфессиональных конфликтов [3].

Принимая во внимания все перечисленные факторы, в июне-июле 2014 г. проводилось исследование для выявления мнения жителей города Барнаула по поводу межконфессиональных конфликтов в нашей стране, а также способов их урегулирования на государственном уровне. В ходе исследования было выявлено, что проблему религиозного взаимодействия между людьми разные группы людей понимают по-разному. Мужчины в возрасте от 22 до 30 лет придерживаются того мнения, что религиозных конфликтов в нашей стране практически нет, они связаны сугубо с наличием сект и религиозными противоречиями между представителями различных религий, которые сталкиваются на одной территории, если же говорить о глобальных конфликтах, то, по их мнению, они связаны с политическими противоречиями и нововведениями.

Представители же другой возрастной категории, а именно мужчины в возрасте от 40 до 60 лет, высказывают иную точку зрения. Боль-

шинство из опрошенных людей данной категории считают, что каждый крупный конфликт в нашей стране, пусть и возникший на фоне политических процессов, имеет религиозный характер, и зачастую прикрывается политикой. Респонденты высказывают свою озабоченность в связи с такой ситуацией.

Также были опрошены женщины в тех же возрастных категориях. Точки зрения данных респондентов разделились: одни из них не считают, что в нашей стране существует какая-либо религиозная напряженность, все конфликты являются по своей природе столкновением интересов сторон, другие же утверждают, что религия из нашей жизни никуда не уходит, все социальные процессы с ней тесно связаны, в том числе это относится и к конфликтам.

С уверенностью можно сказать, что большинство опрошенных респондентов считают рациональным вмешательство государства в такого рода конфликты, которое должно заключаться в формировании адекватной нормативно-правовой базы по данным конфликтам.

Несомненно, существует множество точек зрения по поводу характера конфликтов, возникающих в нашей стране и за ее пределами. Нельзя утверждать, что каждый из них носит религиозный характер. Но, тем не менее, религия тесно вплетена в нашу жизнь и природой некоторых противоречий, которые сложились пускай и на политической основе, являются конфессиональные различия между нациями, проживающими на территории одной либо нескольких стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
2. Нагайцев В. В. Основные элементы социального конфликты // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
3. Раввин Зиновий Коган: религиозная свобода в условиях глобализации // Актуальные проблемы реализации принципов свободы совести в современной России : сборник материалов. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svobodasovesti.org>

А. А. Горбунова (Барнаул)

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Большинство исследователей, анализируя причины и условия возникновения межэтнических противоречий, подчеркивают значимую роль миграционных процессов. В настоящее время в России отмечаются такие тенденции, как перемещение в города населения из «национальных районов», отток русского населения из отдельных территорий, высокий поток мигрантов из стран СНГ и Китая, а также различные уровни естественного прироста между отдельными этнотерриториальными областями, которые приводят к изменению соотношения численности контактирующих народов [1]. Массовые миграции этнических групп при этом, как правило, сопровождаются их концентрацией на определенных территориях и в определенных социальных нишах, что может привести к росту напряженности. Конфликтогенный потенциал миграции проявляется в возможности возникновения противоречий между резидентами (коренными жителями) и мигрантами, властями и мигрантами, диаспорами и резидентами, противодействии между доминирующим этносом и этническими меньшинствами [2].

Алтайский край, являясь приграничным регионом, также характеризуется активными миграционными процессами. По данным Управления Федеральной миграционной службы по Алтайскому краю, наибольший миграционный прирост в крае наблюдается с такими государствами, как Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Украина, Армения и Азербайджан [3]. А учитывая многонациональный состав населения региона, изучение миграции в контексте межэтнических отношений приобретает особую значимость.

Актуальность изучения миграционных процессов в регионе подчеркивает и тот факт, что практически все респонденты отмечают наличие в местах их проживания мигрантов из других стран или регионов. При этом, по мнению большинства опрошенных, мигранты составляют меньшинство населения (70,7%), пятая часть респондентов посчитали, что соотношение коренного населения и приезжих примерно одинаково. И лишь немногие указывают, что мигранты составляют большинство населения местно-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012–2013 гг.), государственный контракт № 14.В37.21.0270.

сти либо же, наоборот, отмечают их отсутствие (3,5 и 5,1 % соответственно). При этом, оценивая этническую принадлежность мигрантов, респонденты чаще отмечает людей другой национальности (42,6 %), что подтверждает тот факт, что миграция на современном этапе носит ярко выраженный этнический характер. Однако много и тех, кто считает, что мигранты — это представители той же национальности, что и коренное население, данный ответ дают 30,6 % респондентов. Чуть меньший процент людей отмечают, что среди мигрантов встречаются представители как другой, так и аналогичной национальности.

Что касается отношения к мигрантам, то 45,2 % респондентов отмечают, что не испытывают неприязни к каким-либо этносам и нациям из их числа, в остальных же случаях у опрошенного населения вызывают неприязнь отдельные национальности. Среди них народы Средней Азии: таджики, узбеки (20,6 % случаев), а также народы Кавказа и Закавказья: чеченцы (24,1 %), азербайджанцы (17,7 % случаев), грузины (19,9 %), армяне (21,3 %). Несколько реже респонденты испытывают неприязнь к китайцам (12,0 %), казахам (7,4 %) и евреям (7,7 % случаев).

В качестве основной причины неприязни к представителям некоторых наций выступает нежелание данных народов соблюдать обычаи и нормы поведения, принятые в России (41,5 % респондентов). Второй распространенной причиной неприязни населения является опасение терроризма, угроза которого ассоциируется с представителями определенных народов (24,8 % респондентов), что свидетельствует о существовании определенных стереотипов в массовом сознании. Третий по популярности ответ — неприятие внешности, манеры поведения, черт характера некоторых народов (12,3 % респондентов). Определенная часть населения испытывают неприязнь к представителям некоторых народов, так как считает, что они контролируют определенные сферы бизнеса (8,3 % респондентов). Примерно одинаковое количество респондентов в качестве причин неприязни отмечают вариант «эти люди не обладают элементарной культурой и не умеют себя вести» и вариант «они отнимают рабочие места у местного населения» (5,8 и 5,5 % соответственно).

Оценивая последствия миграционных процессов, многие респонденты согласны с тем, что миграция пополняет рынок труда рабочей силой (28,8 % наблюдений), увеличивает численность населения в регионе (20,2 % наблюдений), а также заполняет определенную экономическую нишу, поддерживая низкоквалифицированную

работу, за которую не берутся местные жители (29,7%). Однако часто в оценках респондентов миграция имеет и ряд негативных последствий, среди которых: снижение уровня оплаты труда (30,1%), увеличение социальной напряженности в регионе (23,6%) и «утечка» высококвалифицированных специалистов (11,9%). Приток мигрантов также часто ассоциируется у населения с возникновением криминогенной обстановки: так, в 21,4% случаев отмечалось, что миграция способствует росту преступности, коррупции, а также возникновению межэтнических конфликтов.

В числе менее указываемых последствий миграции увеличение рождаемости вследствие появления смешанных браков (9,0% наблюдений); увеличение нагрузки на объекты социального обслуживания населения (7,6%) и снижение численности населения вследствие миграционного оттока (7,7%). Еще реже отмечается улучшение социально-экономической ситуации за счет миграции (3,4% наблюдений), обогащение местного населения знаниями о культуре и традициях стран мигрантов (2,5%) и пополнение специалистов верхнего сегмента рынка труда (2,7%). Таким образом, оценка последствий миграционных процессов у населения региона достаточно дифференцирована и включает в себя как положительные, так и отрицательные явления.

В рамках представленного исследования населению было предложено оценить условия по формированию терпимости к лицам другой национальности, а также регулирование миграционных процессов в Алтайском крае. Результаты анализа показывают, что большинство респондентов оценивает регулирование внешних и внутренних миграционных процессов на среднем уровне: данную оценку дали 59,8% респондентов в отношении внешней и 58,6% респондентов в отношении внутренней миграции. При этом респонденты чаще отмечают низкий уровень регулирования миграции внутренней нежели внешней. Примечательно, что более эффективной респонденты считают деятельность по формированию в обществе толерантного отношения к представителям других конфессий и национальностей: реализацию мер на среднем уровне отметили 64,3%. Таким образом, эффективность осуществляемой деятельности в области межэтнических отношений оценивается респондентами несколько выше, чем деятельность по регулированию миграционных процессов на территории региона.

Респондентам также предлагалось выбрать меры, способные, на их взгляд, повысить эффективность регулирования отношений между коренным и приезжим населением. Так, по мнению респон-

дентов, активная работа правоохранительных органов, а также борьба с преступностью способствует установлению добрососедских отношений между мигрантами и местным населением, данную меру указали в 49,5 % случаев наблюдений. В качестве приоритетов также отмечалась необходимость адаптации мигрантов: в 33,8 % случаев респонденты посчитали нужным больше знакомить население края с культурой этих народов, а мигрантов — с культурой региона, в 34,8 % случаев — принять меры по оказанию мигрантам помощи в изучении языка, обучении их детей. Часть респондентов посчитали, что нужно развивать отношения со странами и регионами, из которых прибывают мигранты (24,5 % наблюдений). Менее распространенными оказались меры по содействию созданию национально-культурных объединений мигрантов и оказание им материальной помощи: получение жилья, выплата социальных пособий, субсидий (13,2 и 17,7 % наблюдений соответственно). Нашлись среди респондентов и те, кто посчитал, что не нужно предпринимать никаких мер (13,2 %).

Таким образом, население Алтайского края отмечает как положительные, так и негативные последствия миграции для региона. Однако у части респондентов данные процессы ассоциируются с возможным ростом преступности и возникновением межэтнических конфликтов. При этом сохраняется негативное отношение к мигрантам из числа народов Северного Кавказа и Закавказья, а также представителям народов Азии, что может негативно сказаться на межэтническом взаимодействии с представителями данных народов и свидетельствует о необходимости дальнейшей реализации мер, направленных на формирование и распространение в обществе идей толерантности и установление межкультурного диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дмитриев, А. В. Миграция: конфликтное поведение. М., 2006.
2. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ : учебное пособие / под ред. В. А. Ядова. М., 2005.
3. Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФС России по Алтайскому краю по реализации государственной политики в сфере миграции в Алтайском крае за 6 месяцев 2014 года [Электронный ресурс]. URL: http://fms-altay.ru/Statistics_and_analytics.html.

А. А. Воробьева (Барнаул)

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Некоммерческие организации, в частности социально ориентированные, являются важным звеном в системе социального обслуживания населения наряду с государственными учреждениями. Закон «О социальном обслуживании населения», который вступил в силу с 1 января 2015 г., открывает огромные возможности для социального предпринимательства. Предыдущим законом, принятым в 1995 г., определялось, что государственные услуги по социальному обслуживанию должны предоставляться государственными и муниципальными органами. С 2015 г. государство будет лишь устанавливать социальные стандарты и финансировать предоставление таких услуг. Сами заказы на социальное обслуживание будут распределяться на конкурсной основе, их поставщиками могут быть коммерческие и некоммерческие организации, а также индивидуальные предприниматели.

Определим основное понятие данной работы. Согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ, некоммерческой организацией (НКО) является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ [1].

Однако значительная часть населения недостаточно информирована и все еще не участвует активно в деятельности некоммерческих организаций. Это подтверждает масштабное социологическое исследование «Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы», проведенное группой ЦИРКОН по заказу Агентства социальной информации в апреле-мае 2008 г. Методической основой исследования являлись массовые опросы населения пяти российских городов (Москва, Барнаул, Краснодар, Ниж-

ний Новгород, Калининград) по репрезентативным выборкам. Объем выборочной совокупности — 2639 человек. В результатах исследования представлены данные об уровне информированности населения о НКО, интересе и вовлеченности граждан в благотворительную и добровольческую деятельность, мотивы участия людей в благотворительной деятельности. В опросе принимали участие руководители НКО и население.

По результатам опроса населения было выявлено, что более половины респондентов ничего не слышали о благотворительных и общественных организациях, занимающихся решением острых социальных проблем. Что касается информированности о конкретных НКО, действующих в городе проживания, то в четырех городах из пяти не смогли назвать ни одной организации более 80% респондентов, в том числе и в Барнауле (83%).

Уровень желания повысить свою информированность об НКО достаточно высок, причем Барнаул занимает лидирующую позицию (68%).

Исследование вовлеченности граждан в деятельность НКО обнаружило, что в наибольшей степени сегодня распространено участие в благотворительной или общественно-полезной деятельности в частном порядке или в составе неформальных групп, а вот участие через некоммерческие организации (благотворительные, общественные, религиозные или политические) распространено существенно слабее. Тем не менее респонденты, как и в случае с информированностью, демонстрировали готовность к участию в деятельности благотворительных и общественных организаций [2].

Анализ ответов населения позволяет сделать вывод о том, что общество современной России еще мало информировано и включено в деятельность НКО, несмотря на высокий уровень желания и готовности к принимать участие в этой деятельности. Обозначались разные причины невысокой вовлеченности. Однако опрос руководителей НКО показал, что главную причину они видят в представлении граждан о том, что благотворительной деятельностью должно заниматься государство (39% респондентов). К наиболее значимым (чаще отмеченным) причинам неучастия граждан руководители некоммерческих организаций относят также отсутствие потребности помогать ближним, кроме знакомых и родственников, пассивная жизненная позиция, а также информированности о деятельности общественных организаций. На отсутствие у граждан свободного времени указал лишь каждый пятый респондент (19%) [3].

Таким образом, оценки руководителей НКО во многом подтверждают выводы о недоверии некоммерческим организациям со стороны части населения в выполнении определенных видов деятельности, которые граждане пока хотели бы (или привыкли) относить к ведению государства.

Проанализировав результаты приведенного исследования, можно сделать вывод о том, что население в современной России нуждается в информации о действующих НКО, о предоставляемых ими услугах, проводимых проектах и акциях, каналах вовлеченности в их деятельность. Это особенно важно в условиях, при которых некоммерческая организация законодательно приравнивается к полноценному субъекту социального обслуживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p79 (дата обращения: 10.11.2014).

2. Шубина Л., Возжова Н., Колесникова Е. Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы: аналитический отчет по результатам опросов населения. М., 2008.

3. Комисаров А., Возжова Н., Шубина Л. Общественная поддержка НКО в российских регионах: взгляд руководителей некоммерческих организаций: аналитический отчет по результатам опросов руководителей НКО. М., 2008.

Д. К. Щеглова (Барнаул)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЕЖИ*

Тема патриотизма всегда была актуальна для нашей страны. Во все времена восхищались силой, храбростью и мощью нашего народа. Об этом нам говорили в школе, мы смотрели фильмы, посещали му-

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

зеи, это транслируют современные СМИ. Патриотизм — это некий собирательный элемент. Если говорить о трактовке понятия «патриотизм», то зачастую он определяется как любовь к своему отечеству, своему народу, чувство гордости за страну и народ, а также ответственности и готовности на подвиг ради своей родины [1, с. 15]. Такое чувство не возникает просто так. Его необходимо возвращать, воспитывать, и мы это прекрасно понимаем. С малолетства в нас воспитывают чувство патриотизма, но зачастую это ограничивается историческими рассказами и просмотром фильмов. Поэтому мы решили посмотреть, при помощи чего еще можно воспитать патриотизм.

Для проведения ассоциативного эксперимента было привлечено 5 экспертов, каждому из которых по очереди предъявлялись в течение 2–3-х минут структурные единицы (картины российских художников) и давалось задание: дать как можно больше ассоциаций в виде прилагательных или существительных. Затем результаты эксперимента фиксировались в виде таблицы, где каждому столбцу соответствует один эксперт, а строкам — слова-ассоциации. Семантически схожие / идентичные ассоциации выделяются любым способом, а в последнем столбце располагаются наиболее часто встречающиеся ответы.

Затем происходит построение шкал дескрипторов. По этим шкалам происходит повторный опрос экспертов по каждой картине.

Отобранные картины для исследования: первая группа «Сказки»: Васнецов В. М. «Иван-царевич на сером волке»; Васнецов В. М. «Аленушка»; Васнецов В. М. «Три богатыря»; вторая группа — «История»: Суриков В. И. «Боярыня Морозова»; Суриков В. И. «Утро стрелецкой казни»; Суриков В. И. «Степан Разин»; Репин И. Е. «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»; третья группа «Пейзажи»: Саврасов А. К. «Грачи прилетели»; Шишкин И. И. «Утро в сосновом бору»; Шишкин И. И. «Рожь».

Выделенные дескрипторы: ненависть — любовь; грусть — радость, уродство — красота, горе — счастье, задумчивость — легкомысленность, печаль — веселье, мрачность — яркость, бесцветность — красочность, безответность — надежность, трусость — смелость, медлительность — скорость, слабость — сила, поражение — победа, подчинение — власть, поощрение — наказание, лень — труд, пьянство — трезвость, покой — движение, прошлое — будущее, тишина — шум, теснота — простор, похолодание — потепление, смерть — жизнь, бедность — богатство, поверхностность — глубина, темнота — свет, чужбина — родина, отказ — просьба, реалистичность — сказочность, общество — природа.

Для данного исследования была использована квотная выборка. Выборка состоит из 5 человек в возрасте от 22 до 24 лет, имеющих высшее образование: один юноша, четыре девушки.

Результаты корреляционного анализа по объектам и дескрипторам показал, что выявленные связи имеют высокое значение.

Факторный анализ был проведен как по объектам, так и по дескрипторам, на основании чего было построено единое семантическое пространство. Исходя из графика единого семантического пространства были выделены следующие категории (на основании близости объектов и дескрипторов).

Категория 1: Пейзаж 2 «Утро в сосновом бору» и соответствующие дескрипторы (поверхностность — глубина, уродство — красота, ненависть — любовь) условно получили название «Эстетичность». С учетом средних значений данных дескрипторов можно сказать, что картина несет в себе положительную эстетическую нагрузку.

Категория 2: Пейзаж 3 «Рожь» и ближайшие дескрипторы (прошлое — будущее, теснота — простор, наказание — поощрение) условно получили название «Свобода». Среднее значение дескрипторов данной категории имеют высокие показатели. Пейзаж 3 действительно изображает простор, путь — как символ будущего.

Категория 3: Пейзаж 1 «Грачи прилетели» и ближайшие дескрипторы (чужбина — родина, безответственность — надежность, похолодание — потепление, бедность — богатство, смерть — жизнь, горе — счастье) с учетом средних значений получили название «Родина». На картине действительно изображена ранняя весна.

Категория 4: Сказка 2 «Аленушка» и дескрипторы (чужбина — родина, безответственность — надежность, похолодание — потепление, бедность — богатство, смерть — жизнь, горе — счастье) с учетом средних значений получили название «Обреченность». Данные характеристики действительно соответствуют смыслу картины.

Категория 5: Сказка 1 «Иван-царевич на сером волке» и ближайшие дескрипторы (реалистичность — сказочность, задумчивость — легкомысленность) условно получила название «Сказка». На картине действительно изображены сказочные персонажи с задумчивыми лицами, также сама поездка на сером волке ассоциируется с тем, чего в реальности быть не может.

Категория 6: Сказка 3 «Три богатыря» и дескрипторы (трусость — смелость, печаль — веселье, слабость — сила) получили название «Героизм». Высокие показатели дескриптора — веселье, возможно, связано с ассоциацией картины с мультфильмами.

Категория 7: История 3 «Степан Разин» и дескрипторы (лень — труд, покой — движение, медлительность — скорость) условно получили название «Динамичность». Характеристики данной картины оправданы изображением труда гребцов.

Категория 8: История 2 «Утро стрелецкой казни» и дескрипторы (лень — труд, покой — движение, медлительность — скорость) условно получили название «Статичность». Возможно, данные характеристики обусловлены восприятием происходящего как некой остановки — кажется, все замедлилось, т. е. некие ассоциации со смертью.

Категория 9: История 1 «Боярыня Морозова», История 4 «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и дескриптор (тишина — шум) получила название в соответствии с дескриптором «Шум». На картине изображено большое количество людей, все они запечатлены в каком-либо действии.

На основании полученных данных было выявлено два фактора:

Фактор 1: «Динамичность». Говоря о расположении категорий в пространстве, можно отметить, что снизу вверх (по оси X) прослеживается тенденция динамизма, т. е. внизу расположены категории, для которых более характерна размеренность, некая созерцательность, выше расположены категории, для которых более характерна какая-либо деятельность, а также некоторый эмоциональный аспект.

Фактор 2: «Родина». Слева направо (по оси Y) категории расположились таким образом, словно характеризуют историю страны — этапы подъема сменялись статичностью, упадком, а затем неким прорывом — свободой, героизмом.

В ходе исследования были выявлены дескрипторы, характеризующие картины, их восприятие и содержание. Эксперты имели схожее восприятие картин и давали одинаковые характеристики. По результатам корреляционного анализа были выявлены высокие связи между объектами и дескрипторами.

Дескрипторы также связаны между собой не только в рамках отдельных компонентов (эмоциональных, когнитивных, поведенческих), но и эти компоненты имеют высокую связь между собой. Также в ходе исследования по дескрипторам было выделено 8 категорий. При построении единого семантического пространства для объектов (картин) и дескрипторов было выявлено, что характеристики категорий с учетом средних значений дескрипторов соответствуют смыслу, содержанию и восприятию картин. Помимо этого, чувство патриотизма может формироваться не только на каких-либо возвышенных, положительных характеристиках. Ассоциации Родины с победой, силой, смелостью не единственны. Родина может также ассоциироваться с печалью.

лью, покоем, бедностью. И такое восприятие свойственно нам не только на основе изобразительного искусства, но и поэзии, прозы. Также, зная историю своей страны, мы воспринимаем не только победы и богатство, но и поражения, бедность, голод, страдания, бывшие неотъемлемой частью нашей истории и послужившие основой для формирования патриотических чувств у современного общества [2, с. 68–73]. Все это воспитывает чувства сострадания, сочувствия, сопереживания как своей стране, своему горю, так и по отношению к другим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.

2. Максимова С. Г. Гончарова Н. П., Омельченко Д. А. Образ «другого» в многонациональном государстве: анализ восприятия социальных ролей этнофоров в контексте изучения национализма // Социально-политические перспективы развития государства и общества в условиях глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Социально-политические перспективы развития государства и общества в условиях глобализации» (27–28 июня 2012 г., Харьков, Украина). Харьков, 2012.

А. А. Яковлева (Барнаул)

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ

Органы власти ставят своей задачей, помимо прочего, поддержание достаточного уровня развития культуры и создания условий для всесторонней духовной жизни населения. Это может выражаться в принятии и реализации положений эффективной культурной политики, направленной на развитие культурных комплексов и создание духовно-консолидирующих систем регионального масштаба. В указанном направлении деятельности органов власти ключевую характеристику приобретает антропосоциетальный базис культурно-духовного созидания (см.: [1, 2]), представляющий собой ценностно-смысловую систему, обеспечивающую всестороннее развитие человека в условиях все более возрастающего масштаба социальных отношений, связанного с усложнением уровней социальной коммуни-

кации, изменением социальной структуры, трансформацией многих социальных институтов. Именно с точки зрения антропосоциетальных показателей становится более отчетливой «программа» достижения человеком культурного благополучия, определенной социокультурной ситуации. И главное при этом состоит в том, что отношение к культуре, социокультурной жизни региона не должно замыкаться в рефлексивных оценках самого человека. По мысли Ф. Рейца, «каждый человек прежде всего устанавливает строгую планку собственно оценивания своего мира, его состояния, сопутствующих ему острых проблем и возможностей их преодоления, но этого явно недостаточно в современной жизни. Общество не сможет дожидаться такого человека на перекрестке, оно стремительно идет вперед и уничтожает миражи на пути такой личности. Что это значит? С очевидностью нужно признать, что человек должен постоянно заглядывать в будущее, чтобы предвидеть те сложные барьеры, при помощи которых общество будет испытывать каждого...» [3, с. 76]. Этот момент можно использовать и в характеристике социально-культурного портрета региона.

Органы власти, утверждая различные программы социокультурного развития региона, вынуждены сегодня создавать не только нормативно-правовые акты, регламентирующие общественные отношения в этой сфере, но и принимать решения по конкретным вопросам социокультурного регулирования. Для этого органы власти должны обладать необходимым потенциалом: помимо отведенных для этого законом полномочий, они должны иметь необходимых специалистов или, точнее, — специалистов достаточной профессиональной квалификации, способных принимать действенные решения по указанной проблематике. Кроме этого, органы власти должны с экономической позиции поддерживать внедрение таких программ социокультурного развития региона, не допуская финансирования этой сферы по остаточному принципу.

В этом смысле, как нам кажется, «планирование» в социально-культурной сфере не должно стать прерогативой только социума и важнейших социальных институтов, т. е. исходить только от них и направлять в этом русле деятельность органов власти. «Государство устанавливает приоритеты и требует их достижения от каждого гражданина, но при этом, — отмечает Д. И. Хайруллин, — оно руководствуется излишне нормативными обстоятельствами — *инерцией* норм, правил, законов. Как бы мы ни желали обратить внимание государства на то, как с течением времени меняется человек, в какой степени нормы права должны соответствовать духовной традиции народа, утолять его культурный голод, и как бы мы ни хотели

признать, что государство этот факт осознает и дает себе в том отчет, мы не можем до конца быть уверенными в адекватности протекания этих процессов...» [4, с. 12].

Органы региональной власти выступают не только элементом правовой системы государства в целом и конкретного субъекта Российской Федерации в частности, но и интегратором социума, фактором экономической, социальной, политической, культурной безопасности и стабильности на определенной территории. Вместе с тем органы власти являются частью социокультурного портрета региона, они дополняют ту многоаспектную характеристику регионального развития, которая составляет ядро любой комплексной социокультурной системы регионального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

2. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

3. Рейц Ф. Декадентские настроения в мире отчуждаемых ценностей. Этика и эстетика человеческого и социально-экономического. Рига, 2012.

4. Хайруллин Д. И. Государство в решении социально значимых проблем // Государство и мир. 2012. Т. 3.

Е. В. Самодурова (Барнаул)

РЕГУЛЯЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕРЕЗ МЕДИАПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА (на примере Алтайского края)

Россия — одно из крупнейших многонациональных государств мира. На территории нашей страны проживает более 160 народов, крупнейшими из которых являются русские (115 млн чел.), они составляют 80% населения страны, татары (5,5 млн чел.), украинцы

(около 3 млн чел.), башкиры, чувашы, чеченцы и армяне, численность которых превышает 1 млн чел.

Алтайский край — один из субъектов Российской Федерации — является полиэтничным регионом, на его территории проживают представители 142 национальностей. Согласно итогам переписи населения за 2010 г., которые приводил Алтайкрайстат, в Алтайском крае проживает 2 234 320 русских, что составляет 93,93% всего населения края. В состав остальных 6,07% входят иные национальности, среди которых немцы, украинцы, казахи, армяне, татары, белорусы, алтайцы, кумандинцы и др.

Вместе с тем современное многонациональное общество характеризуется рядом проблем, среди которых рост этнической напряженности, территориальные споры, международный терроризм, экстремизм, этнический сепаратизм и другие межнациональные конфликты, которые могут привести к дезинтеграции региона и страны в целом. «Проблема этнических конфликтов остается актуальной для России и в настоящее время. Периодически в прессе и на телевидении появляются сообщения о столкновениях населения на почве национальной неприязни в самых разнообразных уголках нашей страны» [1]. Безусловно, очень важно предотвращать такие вопросы и не доводить сложные ситуации до конфликта.

Добиться межнационального согласия очень сложно, и этому должны способствовать все сферы общества. Немаловажную роль, на наш взгляд, при этом играет медиапространство региона (СМИ, интернет-ресурсы, общественные, политические и некоммерческие организации). Ведь в современном мире медиапространству отводится очень большое значение, именно оно зачастую оказывает значительное влияние на формирование настроений и отношений граждан к явлениям, происходящим в социуме.

Освещение межэтнических и межконфессиональных отношений все более осознается и обществом, и журналистским сообществом как серьезная этическая проблема, требующая особой профессиональной рефлексии. С одной стороны, большинство СМИ воспринимают закрепляющиеся в обществе ценности толерантности и политкорректности и стремятся рассказывать о событиях таким образом, чтобы минимизировать возможный вред от своих материалов, с другой — многие журналисты, выражая противоположные общественные настроения, преднамеренно или ненамеренно способствуют разжиганию межэтнической и межконфессиональной розни [2].

Одним из основных механизмов осуществления и регуляции взаимоотношений между людьми, а также каналом для реализации инди-

видуальной и коллективной социальной активности выступает массовая коммуникация, осуществляемая СМИ, которые являются необходимым звеном в формировании гражданского общества в нашей стране [3].

В связи с этим нами была изучена деятельность медиапространства Алтайского края, направленная на развитие межэтнического взаимодействия.

СМИ и интернет-ресурсы

Проанализировав основные интернет-ресурсы и средства массовой информации региона с 2012 г., мы выявили следующую картину.

Новости, затрагивающие тему отношений в многонациональном обществе, условно можно разделить на три вида.

- 1) характеризующие миграционную ситуацию в регионе;
- 2) описывающие жизнь народов разных национальностей в Алтайском крае и их взаимоотношения. Так, газета «Алтайская правда» ведет цикл публикаций на тему взаимоотношений представителей разных культур и национальностей, проживающих в регионе;
- 3) связанные с международными ярмарками, фестивалями, конференциями и другими мероприятиями, которые имеют международный характер и регулярно проходят в крае (международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай»; Международный молодежный форум «Алтай. Точки роста» и др.).

Важно отметить, что в течение последнего года также появилось очень много сообщений, посвященных поддержке Алтайским краем и его жителями украинцев, что вполне объяснимо ситуацией, происходящей в Украине.

Общественные и политические организации, некоммерческие организации

В Алтайском крае существует целый ряд некоммерческих, а также общественных и политических организаций, деятельность которых направлена на укрепление межэтнического взаимодействия. Среди них есть организации, поддерживающие национально-культурные традиции определенной нации (например, защищающие интересы российских немцев Алтайского края).

Также действуют организации, которые способствуют международному сотрудничеству в регионе, помогают сохранению и развитию национально-культурных традиций всех народов региона (совет по этнокультурному развитию Алтайского края, общественная некоммерческая организация «Алтай — XXI век» и др.). Эти и другие орга-

низации регулярно занимаются подготовкой и проведением многих мероприятий в регионе, способствующих сохранению единства многонационального общества.

На основе проведенного нами анализа можно сделать вывод о том, что деятельность медиапространства Алтайского края направлена на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе. Однако, к сожалению, неприязнь к представителям других народов, непонимание их культуры, стереотипное мышление все еще характерно для жителей региона. Это является барьером во взаимопонимании и комфортной жизни жителей всех национальностей Алтайского края. Следовательно, медиапространство должно продолжать работу по поддержке межэтнического взаимодействия, что поддерживается и властью. Согласно выступлению министра регионального развития И. Н. Слюняева на заседании Совета по межнациональным отношениям в Уфе (октябрь 2013 г.) разовые меры по предупреждению межнациональных конфликтов неэффективны. Нужны современные системные методы и подходы. В частности, поддержка медийных проектов, направленных на укрепление гражданского единства, создание специализированных рубрик и тематических передач на телевидении и радио, более активное присутствие в социальных сетях; образовательные мероприятия по распространению знаний о народах России [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горбунова А. А., Максимова С. Г. Государственное регулирование этнических конфликтов в приграничных регионах России // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Вып. 10. Барнаул, 2013.
2. Назаретян К. А. Проблемы этической регуляции журналистской деятельности (на примере освещения в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений) : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2013.
3. Воронина С. А., Воронин Р. А. Перспективы социологического анализа деятельности региональных СМИ // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 5. Барнаул, 2013.
4. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19475> (дата обращения: 05.10.2014).

К. Б. Старикова (Барнаул)

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЖЕНЩИНАМИ, ПОДВЕРГШИМИСЯ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ (на примере Краевого кризисного центра для женщин Барнаула)

Насилие в семье является одной из острых и распространенных социальных проблем. Данная проблема существует давно и во всех странах, отражая дисгармонию и перекосы, существующие во взаимоотношениях в обществе. Острота данной проблемы свидетельствует о нездоровой социально-нравственной обстановке в обществе.

Под словом «насилие», если обратиться к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, понимается применение грубой физической силы к кому-нибудь; принудительное действие в отношении кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности; притеснение, беззаконие [1]. Такое действие индивида в полной мере можно отнести к агрессивности, выраженной направленности на причинение неприятностей, вреда окружающим.

Мы будем пользоваться следующим определением: насилие над женщиной в семье — это действия, связанные с причинением прямого физического, психического, нравственного ущерба или с угрозой такого причинения, исходящие со стороны супруга по отношению к супруге в семье.

Домашнее насилие является формой деструктивного социального взаимодействия в семье, отражает ее общее неблагополучие и нарушения в ценностно-нормативной сфере образующих ее индивидов. Оно становится фактором социального риска, провоцирует усугубление социально-психологической и нравственной разобщенности, ослабление взаимного доверия и развитие враждебности по отношению к членам семьи, грубость и жестокость в общении с другими людьми [1].

Формы проявления домашнего насилия над женщинами обширны: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое насилие, а также пренебрежение. Наиболее часто женщины подвергаются физическому, сексуальному, психологическому и экономическому насилию. При этом необходимо учитывать, что насилие любого характера сопряжено с психологическим насилием.

События последних лет заставляют обратить внимание специалистов на то, что большая часть населения (особенно женщины и дети) уязвима в отношении травмирующих ситуаций. Локальные войны,

гуманитарные, техногенные и природные катастрофы, социально-экономические кризисы — вот далеко не полный перечень событий, с которыми все чаще сталкивается мировое сообщество. К этому необходимо добавить и внутренние социальные проблемы каждого государства — преступность, бедность, глубокие диспропорции в области доходов наиболее богатого и наиболее бедного населения, интенсивная депопуляция, наркомания, алкоголизм, падение нравственности усиливают эффект от негативных процессов глобального масштаба и подрывают общество изнутри [1].

На сегодняшний день полной и отражающей реальность статистики о масштабах и частоте случаев насилия в семье не существует по многим причинам: закрытость семьи как самостоятельной системы, взаимозависимость жертв и насильников, отсутствие доступа в семью для социальных работников, недостаточность информации из медицинских учреждений и правоохранительных органов, не позволяющей делать валидные выводы о масштабах данного явления. Таким образом, статистически видимой остается лишь «верхушка айсберга». Например, по результатам исследований, 30–40 % тяжких насильственных преступлений совершается именно в семье. Жертвы семейно-бытовых конфликтов составляют наиболее многочисленную группу среди погибших и пострадавших от любых преступлений. В целом по России, по некоторым оценкам, 36 тысяч женщин в день подвергаются избиениям в семье [2]. По данным исследований, от 40 до 75 % женщин, подвергающихся насилию со стороны партнера, получают серьезные физические повреждения. В семьях, где женщины подвергаются насилию со стороны мужей, дети также часто становятся объектами насилия. У российской женщины вероятность быть убитой своим мужем или партнером в 2,5 выше, чем у американки, и в 5 раз выше, чем у жительницы Западной Европы [3].

Последствия домашнего физического и сексуального насилия для здоровья жертв носят тяжелый и разрушительный характер. Женщины, подвергающиеся насилию, испытывают различные проблемы со здоровьем — от возникновения депрессий до ощущений постоянных болей. Они подвергаются риску заражения болезнями, передаваемыми половым путем, а также нежелательной беременности. В связи с проблемами со здоровьем женщины вынуждены пропускать работу в течение длительного времени. Домашнее насилие может привести к смертельному исходу. По всему миру 40–70 % женщин, ставших жертвами убийств, были убиты своими партнерами [1]. Домашнее насилие также имеет негативные последствия для детей, семьи, друзей, сотрудников и общества в целом.

В КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» г. Барнаула (далее краевой кризисный центр), специалисты предоставляют всестороннюю помощь женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе пережившим насилие в семье. Это широкий спектр услуг, направленных на восстановление, сохранение и поддержание социально-психологического здоровья женщин, подвергшихся насилию в семье. Структура краевого кризисного центра для женщин подразделяется на отделения: консультативной помощи реабилитации, ранней помощи семье и отделение временного проживания для женщин с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации. Все отделения предоставляют следующие услуги клиентам: консультация, экстренная социально-психологическая помощь по телефону, психодиагностика и обследование личности, психопрофилактика, привлечение к участию в группах взаимоподдержки и клубах общения, оказание психологической помощи, семейное консультирование, оказание правовой помощи, тренинг, обеспечение временного приюта женщинам и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

В нашем исследовании мы выявляли степень эффективности технологий социальной работы с женщинами, подвергшимися насилию в семье (на примере кризисного центра для женщин).

В ходе проведенного нами исследования выявлены следующие результаты:

1. Эксперты при работе с женщинами используют следующие технологии: консультацию (36% опрошенных), диагностику (13%), устройство женщин и детей в специализированные учреждения на временное проживание (13%), психотерапию (7%), групповые коррекционные работы по формированию навыков (7%), организацию «телефона доверия» (7%), оказание юридической помощи (7%), тренинг (7%), а также оказание психологической помощи и социальной адаптации в посттравматический период (2%).

2. Наиболее эффективными технологиями, по мнению экспертов, являются психотерапия (25%), оказание психологической помощи и социальной адаптации в посттравматический период (20%), юридическая помощь (15%), организация «телефона доверия» (10%), консультация (7%), диагностика (7%), устройство женщин и детей в специализированные учреждения на временное проживание (7%), тренинг (5%), оказание медицинской помощи (2%) и дальнейший патронаж семьи (2%).

3. Наименее эффективными технологиями, по мнению экспертов, являются организация семейного досуга (40%), диагностика (25%), помощь в трудоустройстве (25%), устройство женщин и детей в спе-

специализированные учреждения на временное проживание (5%) и оказание медицинской помощи (5%).

4. 90% экспертов считают, что те технологии, которые они применяют в работе с женщинами, эффективны и действительно помогают решить их проблемы.

5. 90% опрошенных экспертов полагают, что имеющиеся технологии социальной работы необходимо совершенствовать, а также отметили направления, в которых необходимо совершенствовать используемые технологии: налаживание межведомственного взаимодействия специалистов разного профиля, государственная поддержка и дополнительного финансирования, квалифицированной помощи специалистов, создании специализированных учреждений, занимающихся проблемой насилия в семье.

Таким образом, основываясь на результатах нашего исследования, можно сделать вывод, что существующие на данный момент технологии социальной работы с женщинами, подвергшимися насилию в семье, эффективны и действительно помогают женщинам решить их проблемы, но разрабатывать более новые и совершенствовать старые технологии необходимо, поскольку как социальное государство, как и специалисты по социальной работе, должны «шагать в ногу со временем», должны соответствовать теоретическим разработкам исследователей доказывая на практике значимость решения данной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ерусланова Р. И., Милыхин К. В. Насилие в семье. М., 2011.
2. Домашнее насилие в отношении женщин: масштабы, характер, представления общества / под ред. И. Д. Горшкова, О. М. Здравомыслова. М., 2003.
3. Елисеев Д. Жестокое обращение с женщинами как проблема современного общества. М., 2009.

Т. А. Мазайлова, Я. А. Чирченко (Барнаул)

ПАЛЛИАТИВНАЯ ПОМОЩЬ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ, ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время актуализируются вопросы оказания помощи неизлечимым больным. Это связано в первую очередь с ростом числа онкологических больных, а также людей, страдающих другими хроническими заболеваниями в терминальной стадии (в том числе

СПИДом). Кроме того, в России, как и во всем мире, отмечается тенденция к старению населения [1, с. 3].

Помощь, оказываемая людям на последнем этапе жизни, получившая название «паллиативная помощь», представляет собой систему ухода, направленную на борьбу с болями и другими соматическими симптомами, а также решение психологических, социальных или духовных проблем больного и его семьи.

Истоки современной паллиативной помощи следует искать в первых домах сестринского ухода, а также в богадельнях и домах призерения, которые возникали в средневековье при костелах и монастырях [2, с. 213]. В настоящее время паллиативная помощь умирающим пациентам оказывается в первую очередь в хосписах. Кроме того, в нашей стране организованы отделения паллиативной помощи, созданные на базе медицинских учреждений, отделения сестринского ухода, противоболевые кабинеты. Еще одной организационной формой организации паллиативной помощи является помощь на дому, оказываемая выездными службами, которые могут быть как самостоятельными структурами, так и подразделениями стационарных учреждений.

В подавляющем большинстве регионов Российской Федерации явно недостаточно существующих подразделений системы паллиативной помощи. Европейский норматив оказания хосписной и паллиативной помощи — 0,5 коек на 10 тыс. человек — не выполняется, потребности населения в паллиативной помощи не удовлетворяются [3].

В настоящее время в нашем регионе заложены основы для развития паллиативных форм помощи населению: действует долгосрочная целевая программа «Развитие здравоохранения в Алтайском крае до 2020 года», включающая подпрограмму «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям». В рамках данной подпрограммы запланирован ряд мероприятий по развитию системы паллиативной помощи в регионе: в том числе открытие краевого хосписа на 120 коек на базе краевого онкологического диспансера [4].

Однако на сегодняшний день услуги в рамках паллиативного направления оказываются средним и младшим медицинским персоналом и в основном заключаются в подборе препаратов, снижающих уровень болевого синдрома. В подобных условиях вся тяжесть по уходу за пациентами в терминальной стадии болезни ложится на плечи родственников, которые в большинстве случаев не владеют специальными навыками и знаниями для осуществления медицинского и психосоциального ухода за такими больными. Кроме того, они чаще

всега сами нуждаются в квалифицированной поддержке со стороны специалистов учреждений системы паллиативной помощи [5, с. 293].

Нами было проведено исследование «Состояние паллиативной помощи в Алтайском крае», в ходе которого были опрошены жители края, столкнувшиеся с необходимостью ухода за своими тяжело больными родственниками, а также был проведен экспертный опрос специалистов из системы здравоохранения и системы социальной защиты населения.

Основываясь на полученных данных, можно говорить о том, что уровень оказания паллиативной помощи в крае низок, это отмечают как эксперты, так и ухаживающие за больным субъекты.

По мнению специалистов, открытие хосписа и дневных стационаров повысит качество медицинского обслуживания онкологических больных, но при этом специалисты отмечают, что этого мало, поэтому требуется развитие и других форм оказания паллиативной помощи. Главной проблемой в продвижении паллиативных форм помощи специалисты называют отсутствие людей, которые обладают достаточным уровнем знаний по этой проблеме.

Все специалисты отмечают необходимость оказания не только медицинской, но и психологической, социальной помощи онкологическим больным и их близким. На вопрос «Как влияет оказание психологической помощи, социальной помощи на жизнь больного и его родственников?» эксперты в целом отмечают, что это поможет улучшить качество жизни как больного, так и его близких.

По мнению экспертов, основная специфика работы психолога и социального работника заключается в консультировании и информировании. Тонкая работа психолога в большой мере нужна больному, при работе с его страхом и беспокойством, а также его близким, страдающим от массы неразрешимых вопросов. При этом помощь социального работника может носить комбинированный характер: консультирование родственников по социальным вопросам, отчасти правовым, информирование о системе бесплатного получения помощи. Духовная помощь, оказание которой предполагается в рамках паллиативного подхода, должна предоставляться только по требованиям пациента. Отмечается, что многие больные пациенты, считающие себя атеистами, во время болезни пытаются приобщиться к религии: просят купить им иконку, крестики, исповедаться.

Эксперты отмечают, что особое внимание должно быть уделено психологическому состоянию специалистов, которые работают с онкологическими больными. Синдром выгорания, который происходит у врачей, схож с проблемой всех специалистов «помогающих про-

фессий», приводит к тому, что они выпадают из системы медицинской помощи. Это негативно отражается как на работе учреждения в целом, так и на качестве жизни конкретного пациента [5, с. 317].

Большинство респондентов из числа ухаживающих за неизлечимо больным родственником оценивают его состояние как «тяжелое», т. е. в постели больной проводит более половины дневного времени и требует существенного ухода. При этом более 70% опрошенных не обладали необходимыми знаниями и навыками, необходимыми для осуществления ухода. На вопрос «Как вы приобрели навыки ухода за больным родственником?» большинство ухаживающих отвечали: «*рекомендации врача, медицинских сестер*». Также в качестве источника информации использовались советы людей, которые имели опыт ухода. Особое место занимает вариант «*метод проб и ошибок*», который может свидетельствовать о состоянии растерянности, отсутствии возможности получить квалифицированную информацию, низком уровне информированности по проблеме.

В ходе исследования было установлено, что помощь инкурабельным больным и их семьям носит прежде всего медицинский характер. У больных и ухаживающих за ними родственников наблюдается низкая обращаемость за помощью в социальные службы и к услугам психологов. 53,8% семей не получали никакой социальной помощи. К числу основных социальных проблем, переживаемых в период ухода за тяжелобольным родственником, респонденты относили финансовые проблемы (71,4%), бытовые (42,9%), проблемы, связанные с потерей профессионального статуса (28,6%). Была выявлена высокая нуждаемость в юридических услугах. Родственникам необходимы консультации по самым разным вопросам: какие меры социальной поддержки им гарантированы, как получить статус инвалида, вопросы правового сопровождения процедур ухода (помещение в больницу, оформление сделок, получение обезболивающих препаратов). 78,6% испытывали психологические проблемы. 85,7% опрошенных отмечали, что испытывали сложности при общении с больным. Из них 50% сталкивались с подобными проблемами только в наиболее сложные для себя и больного периоды, остальные (35,7%) — почти каждый день. Более 90% ухаживающих испытывали чувство вины. Однако за профессиональной психологической поддержкой не обратился ни один из опрошенных родственников, а также ни один больной. Среди основных причин: отсутствие специалистов по месту жительства, низкий уровень доверия к специалисту. Эксперты также отмечают, что «*особенность русского менталитета*» не позволяет обратиться за помощью к психологу. Такая помощь должна предоставлять-

ся на базе того учреждения, где проходит лечение больной. Работа психолога должна быть тесно сопряжена с работой врача-онколога, что бы именно врач рекомендовал обратиться к специалисту за психологической поддержкой.

В целом, потребность в паллиативной помощи в Алтайском крае специалисты оценивают как высокую. Как считают эксперты, эта потребность настолько высока, что хоспис на 120 коек не сможет решить проблему и помочь всем нуждающимся. Респонденты из числа работников здравоохранения сходятся во мнении, что необходима организация выездных служб, оказывающих помощь на дому. Также прозвучали предложения о создании службы информационного сопровождения нуждающихся в паллиативной помощи. Под информационным сопровождением понимается организация консультаций медицинского, социального, психологического характера, в том числе и дистанционных (например, телефон доверия).

Актуальным направлением деятельности подобной службы можно считать организацию обучающих занятий для родственников тяжелобольных, так называемых школ паллиативного ухода. На подобных занятиях родственники могли бы освоить методы, приемы ухода за лежачими пациентами с учетом специфики физического состояния больного, а также ознакомиться с психологическими особенностями этапа умирания, научиться правильной тактике общения с умирающим. Такая практика позитивно скажется на качестве жизни больного, а также характере ухода и отношения к нему родственников.

Кроме того, среди предложений экспертов по развитию паллиативных форм помощи прозвучали идеи создания небольших домов ухода на 15–20 человек, где могли бы получать помощь одинокие люди, за которыми некому ухаживать.

Таким образом, качество современного состояния развития паллиативной помощи неизлечимо больным людям в Алтайском крае в целом оценивается как неудовлетворительное и плохое, хотя в последнее время наметились тенденции к изменению ситуации в лучшую сторону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Методические рекомендации по организации паллиативной помощи / Н. В. Эккерт, Г. А. Новиков, А. К. Хетагурова, М. Г. Шарафутдинов. М., 2008.
2. Хосписы : сборник материалов. М., 2011.
3. Усенко О. И. Организационные проблемы оказания паллиативной помощи в России. [Электронный ресурс] // Всемир-

ный День хосписной и паллиативной помощи в России. URL: <http://hospiceday.ru/index18.php> (дата обращения: 06.11.2014).

4. Об утверждении государственной программы «Развитие здравоохранения в Алтайском крае до 2020 года»: Постановление администрации Алтайского края от 26 июня 2013 г. № 331 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdravalt.ru/docs/reglaws/finish/5/856> (дата обращения: 07.11.2014).

5. Сиротина Т. В., Тавлетчина И. С. Синдром профессионального эмоционального сгорания среди специалистов по социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6.

Д. И. Михайлец (Барнаул)

ИНКЛЮЗИВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Вопрос об оказании помощи и обучении детей-инвалидов был поставлен довольно давно. На сегодняшний день существует множество методик по работе с детьми с особыми нуждами [1].

Проблема инклюзии — одна из фундаментальных междисциплинарных научных проблем, которая изучается на различных уровнях научного знания.

Сегодня инвалиды относятся к наиболее социально незащищенной категории граждан. Именно от успешности социальной интеграции зависит дальнейшая их социализация в социокультурное пространство современного общества [2, с. 15].

Актуальность работы заключается в том, что в ней рассматривается инновационная модель социальной работы, ее основные направления, а также возможность применения в сельской местности.

В качестве теоретической основы исследования взяты фундаментальные положения научных работ Л. С. Выготского [3], Н. Н. Малофеева [4] и др., рассматривающие развитие личности как следствие специфических отношений между людьми в пространстве социальных связей.

Энциклопедический фонд России определяет инклюзию как «процесс увеличения степени участия всех граждан в социуме, и в первую очередь, имеющих трудности в физическом развитии» [5].

Условия равных возможностей достижимо лишь в том обществе, где присутствуют все возможности для успешной адаптации (социаль-

ная инфраструктура, высококвалифицированные специалисты и т. д.) и отсутствует дискриминация обществом. Это возможно благодаря совместным усилиям специалистов всех уровней социальной поддержки.

Предлагаемая нами модель предполагает не только активное участие субъектов социализации (на разных уровнях социальной работы), но и превращение объекта в субъект. Следовательно, первый уровень модели — базовый, или практическая социальная работа. Здесь необходима социальная работа с семьей человека с особыми потребностями, развитие их уверенности в неограниченных возможностях своего ребенка.

Следующий уровень — общественный. Ребенок с особыми нуждами — полноценный участник всех общественных процессов. Социальная работа же предполагает проведение акций, концертов, создание клубов и подобного, где человека с инвалидностью не ограничивают. И к третьему уровню социальной работы относится законодательство, направленное на успешную адаптацию. Это законы, федеральные программы и пр. На этой ступени мы рассматриваем пока только инклюзивное образование и Федеральную программу «Доступная среда», их действие в сельском социуме.

Ведущей идеей проектируемой нами модели является совместная деятельность всех субъектов социализации и субъектная включенность в нее ребенка, активизация имеющихся в социуме адаптационных возможностей. Наше общество должно строиться на принципе со-развития детей и социума села и иметь инклюзивную направленность.

В завершение хотелось бы отметить: инклюзивная модель не предполагает, что специалисты «бросают» ребенка на произвол судьбы. Мы подразумеваем то, что она способна помочь человеку с ограниченными возможностями стать полноценной частью общества. Невозможна полная реализация цели социального работника — сделать все, чтобы клиент перестал им быть. Физическая болезнь не уйдет. Но на социальном и психологическом уровне проектируемая модель способна помочь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Репринцева Г. И. Игротерапия как метод психологической реабилитации детей с ограниченными возможностями // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 1997. № 1.
2. Антонович И. В., Качур А. С. Практика внедрения инклюзивного образования в Алтайском крае // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сборник ст. по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. № 5 (40). Новосибирск, 2014.

3. Выготский Л. С. Психологический словарь. М., 1997.
4. Малофеев Н. Н. Актуальные проблемы специального образования // Дефектология. 1994. № 6.
5. Евстафьев П. Б. Инклюзия // Энциклопедический фонд России : сборник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russika.ru/ef.php?s=3401>.

Е. О. Буханько (Санкт-Петербург)

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Социальная работа как область научного знания, являющаяся социальной в своей основе, возникла на стыках таких наук, как психология, философия, педагогика, правоведение, этика, политология, антропология и социология (см.: [1–3]).

В подготовке специалистов по социальной работе социология имеет немаловажное значение. Социология призвана помогать социальным работникам ориентироваться, в какой социальной среде ведется социальная деятельность (т. е. что собой представляет конкретное общество, в котором живут люди, его основные институты), какова социальная структура этого общества в целом и что собой представляют те группы и слои, которые считаются «слабо» социально защищенными. Социальная работа как наука по сравнению с социологией является преимущественно прикладной, или, можно сказать, в большей степени прикладной, чем социология.

Социология, как и социальная работа, изучает социальное взаимодействие людей (социальные институты, отношения и общности). Основу теории социальной работы составляют социологические категории: «общество», «социальная группа», «социальный институт», «социализация», «социальная защищенность», «социальный статус», «социальная роль», «социальный контроль», «социальный конфликт» и др.

Многие методы, используемые в социальной работе, являются междисциплинарными, что предопределяется, как уже отмечалось, универсальным характером социальной работы и как вида деятельности, и как науки, и как учебного процесса.

Социологические методы исследования применяются в социальной работе при социальной диагностике проблем клиентов. Цель диагностики состояния социального объекта — установление достоверности информации о нем и об окружающей его среде, прогнозирова-

ние его возможных изменений и влияния на другие социальные объекты, а также выработка рекомендаций для принятия организационных решений, социального проектирования действий по оказанию социальной помощи. Социологические методы в социальной работе включают интервьюирование, как свободное, так и формализованное, анкетирование, социометрию, мониторинг, наблюдение, метод экспертной оценки.

Говоря о ведущей роли социологии как методологии социальной работы, следует также учитывать немалое влияние знания в социальной работе на социологию. Они помогают конкретизировать не только содержание понятийного аппарата, углубляя (опредмечивая) философско-социологическую трактовку социальных институтов, социальных явлений и процессов. Знания в социальной работе как науке обогащают также понимание социальных закономерностей, исследуемых социологами, помогают выявить новые, еще нераскрытые.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калинина Ю. А. Социальное обслуживание как явление социальной жизни // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.

2. Абашина А. Д., Бондарева Т. В. Осмысление социальной работы в контексте современного научного знания // Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, С. В. Кривых. СПб., 2013.

3. Абашина А. Д., Зилинских И. А., Юрченко К. Н. Пожилой человек как объект исследований в социологии и социальной работе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6. Барнаул, 2014.

Я. В. Кайль (Барнаул)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА МОЛОДЕЖИ НА ЗДОРОВЬЕ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Как известно, здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. В ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации признается право каждого человека на охрану здоровья

и медицинскую помощь в соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека и ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также ст. 2 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Проблема сбережения здоровья молодежи в настоящее время приобретает особую актуальность в связи со стремительным ростом количества детей и подростков с аддиктивным поведением, которое питается мощной силой подсознания, и это придает им такие качества, как непреодолимость влечения, требовательность, ненасытность и импульсивная безусловность выполнения.

Согласно статистическим данным Всемирной Организации Здравоохранения [1]:

- 320 000 молодых людей в возрасте 15–29 лет умирают от причин, связанных с алкоголем, что составляет 9 % всех случаев смерти в этой возрастной группе;
- по меньшей мере 15,3 млн человек страдают расстройствами, связанными с употреблением психоактивных средств;
- употребление инъекционных наркотиков зарегистрировано в 148 странах, из которых 120 стран сообщают о ВИЧ-инфекции среди этой группы населения;
- от общего числа наркоманов в России 20% — это школьники; 60% — молодые люди в возрасте 16–30 лет; 20% — люди более взрослого возраста;
- приблизительно 8–10 % молодых людей крупных городов страдают игровой зависимостью.

Статистические данные говорят о том, что аддиктивное поведение препятствует успешной социализации личности. Это подтверждают и данные проведенного нами исследования:

1. Согласно мнению респондентов, самым опасным видом аддиктивной реализации является наркомания. Так считают 96,7% опрошенных. И это действительно так, ведь наркомания — это страшная беда, которая ставит под угрозу здоровье людей по всему миру [2, с. 11]. На втором месте стоит алкоголизм (90%), третье место занимает токсикомания (66,7%). Нельзя оставить без внимания вопрос уровня наркотической, алкогольной и табачной зависимостей в России. Респонденты считают, что эти виды аддиктивной реализации находятся на очень высоком уровне в нашей стране, так ответили 56,7% респондентов. Отсюда следует, что, по мнению респондентов, наиболее опасной является химическая зависимость, между тем, такие виды нехимической зависимости, как иг-

романия, пищевые аддикции, трудоголизм не влекут за собой особо тяжелых последствий.

2. Наше исследование подтверждает, что существует связь между поведением родителей и последующим аддиктивным поведением детей. По мнению респондентов, семейный конфликт и дезорганизация семьи являются главенствующими факторами риска аддиктивного поведения, так считают 55,5 % опрошенных. 30 % студентов полагают, что главную роль в формировании аддиктивного поведения играют окружающие. Это не случайно, согласно мнению Е. В. Змановской, для некоторых социальных групп зависимое поведение является проявлением именно групповой динамики. Например, на фоне выраженной тенденции группирования подростков психоактивные вещества выступают в роли «пропуска» в подростковую субкультуру [3, с. 125].

3. При оценке факторов защиты на возможные риски аддиктивного поведения респонденты обращают внимание на следующее. Из общего числа респондентов 40 % молодых людей считают, что такие факторы защиты от рисков, как социально-средовые наиболее значимы, чем индивидуальные (0 %), факторы семейной (30 %) и психологической защищенности (30 %), в то время как 55 % опрошенных девушек считают, что наиболее важными являются факторы психологической защищенности.

Прогрессирующая тенденция непрерывного роста различных направлений зависимого поведения в молодежной среде, их объективность и неизбежность ставят перед обществом в качестве основных задач поиск форм, методов и технологий работы, направленных на предупреждение отклонений от социальных норм, т. е. устранение условий, прямо или опосредованно оказывающих отрицательное влияние на поступки и действия молодых людей.

Анализ литературы позволил нам выделить следующие составляющие профилактической деятельности — здоровьесберегающей поддержки молодежи:

- *Мотивирование молодых людей к профессиональной диагностической помощи.* Она включает в себя диагностику особенностей личности, которые могут оказать влияние на формирование аддиктивного поведения. Это могут быть: повышенная тревожность, низкая стрессоустойчивость, неустойчивая я-концепция, низкий уровень интернальности, неспособность к эмпатии, некоммуникабельность, повышенный эгоцентризм, низкое восприятие социальной поддержки, стратегия избегания при преодолении стрессовых ситуаций, направленность на поиск ощущений и др.

• *Информационная поддержка молодежи.* Создание Internet-ресурсов, проведение социальных акций, флэшмобов, привлекающих внимание целевой группы к здоровому образу жизни, позиционирующих ценность здоровья и здоровьесбережения.

• *Духовное воспитание и просвещение молодежи.* Внедрение таких формы работы с молодежью (коммуникативный тренинг, тренинг гармонизации детско-родительских отношений, группа взаимопомощи, добровольческие акции и др.), которые будут направлены на формирование духовных ценностей, навыков саморегуляции собственного поведения, само- и взаимопомощи, конструктивного разрешения конфликтных ситуаций с родителями и иными лицами. Одним из действенных механизмов формирования у несовершеннолетних и молодежи потребности в здоровом образе жизни и умения сказать «нет» выступает реализация социально-психолого-педагогической деятельности, направленной на развитие социальных компетенций целевой группы, в том числе через систему тренинговых упражнений [4, с. 34].

• *Организация досуга молодежи.* Необходимо повышать социально-психологическую культуру молодежи как индикатора саморегуляции действий и эмоций, конструктивного социального взаимодействия, способствующего самоопределению, творчеству и саморазвитию, социально-полезной занятости не только молодежи, но и общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информационные ресурсы Всемирной Организации Здравоохранения [Электронный ресурс]: информационные бюллетени. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/ru>.

2. Дронова Е. Н. Социальная профилактика наркомании в Нидерландах // Психология, социология и педагогика. 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/03/2873>.

3. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003.

4. Дронова Е. Н. Развитие социальных компетенций подростков в условиях временного детского коллектива // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2011. № 9.

О. В. Шлыкова (Барнаул)

ВРАЧ И ПАЦИЕНТ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проводимая реформа здравоохранения в России пока не привнесла в систему социальных отношений определенности. Это сохраняет высокий уровень социальной напряженности и развивает конфликт интересов субъектов медицинской практики. Одна из его основных причин — условия, в которых оказались медицинские работники. Среди врачей наблюдается неудовлетворенность условиями труда, уровнем заработной платы, ограничением в самореализации, трудностями в предоставлении пациентам действительно необходимой помощи.

Суть конфликтов врачей с пациентами заключается в столкновении мнений, взглядов, идей, интересов, точек зрения и ожиданий участников взаимодействия.

Сегодня уровень конфликтности взаимоотношений врача и пациента зависит от материально-технической базы лечебного учреждения; квалификации медицинского персонала; качества и стоимости оказываемых услуг; оценки пациентом объективных и субъективных составляющих медицинской помощи [1].

Н. А. Смирновой и Е. Е. Лобановой был проведен анонимный опрос врачей городской поликлиники, в котором приняли участие 50 врачей различных специальностей. У 66 % респондентов стаж работы превышает 20 лет. Проведенное авторами исследование позволило выявить наиболее острые проблемы в работе поликлиник. Такие проблемы, возможно, актуальны для подавляющей части поликлинических учреждений нашей страны.

Часть проблем, которые и пациенты, и врачи считают причинами возникновения конфликтов, обусловлена неукомплектованностью штатов (очереди, перегрузка врачей, невозможность попасть на прием к узким специалистам) [2].

В качестве наиболее частых причин конфликтов врачи указывают низкую грамотность и культуру населения, а также то обстоятельство, что число пациентов, негативно или с недоверием относящихся к врачам, с каждым годом увеличивается. В то же время многие врачи уверены, что причина конфликтов — в недостатках работы самой поликлиники [2].

В феврале-апреле 2014 г. в МУЗ «Городская поликлиника № 1» г. Барнаула в рамках подготовки выпускной квалификационной работы было проведено исследование факторов формирования кон-

фликтов при взаимодействии врачей и пациентов в условиях реформирования системы здравоохранения.

По итогам анкетирования и результатам полустандартизированного интервью можно сделать следующие выводы.

И врачи, и пациенты отмечают неэффективность реформирования системы здравоохранения, ее неполноценность, неполную и неточную реализацию. Основными недостатками такого реформирования можно выделить следующие: ограниченное время на прием пациента; плохие условия, старое оборудование; низкая заработная плата; неудобства с интернет-талонами как со стороны врача, так и со стороны пациента; незнакомство специалистов с компьютерами и интернет-сетью и абсолютные требования заполнения электронной базы данных и использования интернет-талонеров. Такого рода изменения, таким образом, приводят к определенным противоречиям между врачами и пациентами, перерастающим в открытые конфликты.

С помощью результатов данного исследования были выделены следующие факторы формирования конфликтов между врачами и пациентами. Первый фактор — произошедшие в последние годы изменения в системе здравоохранения. Новые реформы привели к сокращению штатов, снижению зарплаты врачей, сокращению времени на прием пациентов, что привело к росту напряженности в отношениях врачей с пациентами. Реформирование системы не улучшило, а усугубило ситуацию на многих уровнях. Второй фактор — отрицательное мнение пациентов по отношению к работе врачей. Врачу дается ограниченное время на прием пациента, который, в свою очередь, не всегда доверяет работе врача. Современное планирование деятельности поликлиник и больниц заставляет врачей выполнять определенное количество осмотров, диагностирования, лечения и профилактики больных. Врач уже не стремится качественно обследовать, поставить диагноз и вылечить больного. Третий фактор — нежелание врачей работать в таких условиях и с такими мерами. Низкая зарплата, сокращение ставок, повышение квалификации за свой счет — все это снижает степень стремления врачей трудиться в полную меру.

Причинами таких проблем во взаимодействии врачей с пациентами являются: ограничение времени на прием пациента; введение интернет-талонеров; введение электронной базы данных; увеличение бумажной работы врача; снижение заработной платы; игнорирование государства в необходимости улучшения технического состояния медицинских учреждений, постановки нового оборудования, использования новых технологий; равнодушие государства по от-

ношению к необходимости роста квалификации врачей, дополнительного обучения и использования новых средств и способов в лечении пациентов.

Можно отметить, что реформирование системы здравоохранения порождает конфликтные ситуации во взаимодействии врачей с пациентами. Неэффективность данных нововведений доказывается в выше представленных результатах проведенных исследований. Здравоохранение нуждается в поддержке не только государства, но и общества, усилении эффективности новшеств, которые будут упрощать, а не усложнять работу врачей для более согласованного взаимодействия друг с другом и с пациентами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Медицинская конфликтология // Пятифан [Электронный ресурс]. URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=2747>.

2. Смирнова Н. А. Конфликтные ситуации в городских поликлиниках: основные причины и способы разрешения // Здравоохранение. 2013. № 1.

3. Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.

4. Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.

М. С. Лазарева (Барнаул)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ В РОССИИ

В настоящее время в российском обществе семейные ценности претерпевают серьезные изменения (см.: [1, с. 12–14; 2, с. 16–18]).

Социальный институт семьи несет в себе множество функций, начиная репродуктивной и заканчивая психологической, эмоциональной поддержкой своих членов и др. Важность данного феномена для общества в целом бесспорна.

Однако на фоне социально-экономических преобразований, влияния глобализации, воздействия информационных, культурных, сексуальных революций происходит разрушение семейного уклада, потеря духовно-нравственных ориентиров, как следствие: увеличение удельного веса разводов, рост количества неполных семей, распространение малодетности или бездетности, добровольного безбрачия.

Многопоколенная семья уступает место нуклеарной. Многодетность перестает быть традиционной и значимой среди российских граждан. Многодетных семей (имеющих трех и более детей) в нашей стране насчитывается чуть более трех миллионов, причем большинство из них имеют 3–4 детей, а имеющие 7 детей и более составляют всего доли процента [3, с. 301].

В дореволюционной России массовая многодетность была нормой и естественной необходимостью для общества.

Анатолий Вишневский в своих трудах, анализируя уровень рождаемости в России в конце XIX в., фиксирует наличие в русских семьях в среднем 7–8 детей. К концу 1930-х гг. этот показатель снижается до 4–6. Последующие годы вплоть до 1970 г. сохранялась тенденция на рождение 2–3 детей [4, с. 157].

«Медленное снижение рождаемости, деформированное демографическими волнами и мерами демографической политики, сменилось его обвальным падением вначале 1990-х гг., до 1–2 детей» [3, с. 302].

В этих условиях становится особенно актуальным изучение ценностных ориентаций многодетных семей, на которые возлагаются определенные надежды в пользу изменения демографической ситуации в стране.

Семья играет большую роль в формировании личности и относится к наиболее значимой ценности. Детство, безусловно, оказывает воздействие на взрослую жизнь человека, поскольку служит первой ступенькой в процессе социализации ребенка. Сильное влияние прежде всего оказывают межличностные отношения в родительском доме как между родителями и детьми, так и между супругами.

«Дети в многодетных семьях вырастают более отзывчивыми, и по отношению к друг другу, и по отношению к другим людям. У них выше межличностная сплоченность ... Дети из многодетных семей более успешны по сравнению с остальными, добиваются в жизни большего, чем другие, потому что общительны» [5, с. 305].

Несмотря на это, для многих людей в России все большую значимость приобретают высокий уровень дохода, карьерный рост. Семья при этом теряет свои приоритеты, становясь неконкурентоспособной. Создание новой «ячейки общества», как и рождение ребенка, откладывается на будущее.

Аналогичная ситуация наблюдается в экономически развитых и успешных странах Западной Европы и Японии, где рост благосостояния населения привел к снижению рождаемости, т. е. высокий уровень жизни не влияет на количество детей в семье.

Часто «в семьях с низким уровнем дохода и образования (вне зависимости от страны проживания) итоговое число детей зачастую оказывается выше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и образования. Этот феномен получил название обратной связи рождаемости с уровнем жизни» [6, с. 32].

Для многих многодетных семей материальное благополучие не является главной ценностной составляющей, а служит необходимым условием выживания и обеспечения достойной жизни детей. Вместе с тем на обеспечение детей и семьи всем необходимым требуются средства, поэтому полностью отрицать, что действующие государственные программы по поддержке многодетных семей не имеют никакого влияния, хотя бы морального, нельзя. Государство должно помогать в улучшении условий жизни и оказывать материальную поддержку, однако следует помнить, что увеличить долю многодетных семей в России только экономическими средствами, без учета духовной составляющей, не получится.

В жизненные ценности членов многодетной семьи входят любовь, дружба, чувства сплоченности и коллективизма.

Для распространения модели трехдетной семьи и ее закрепления в России необходимо с детства воспитывать личности с ориентацией на семейные ценности, стремиться к развитию духовного и культурного уровня семейных отношений, формировать представления старшеклассников о семейной жизни, освещать значимость социальной и демографической политики в нашей стране.

Государство должно формировать в обществе необходимую репродуктивную установку, в том числе на положительных жизненных примерах, тем более, что в России такие примеры есть [7]. В последние годы у отечественных звезд стало престижно заводить большую семью. Статус многодетной матери (отца) получили: певица Валерия, модель Наталья Водянова, режиссер Никита Михалков, телеведущие Татьяна Лазарева и Мария Шукшина, актеры Михаил Пореченков и Иван Охлобыстин и др.

Анализ положения многодетных семей в России показывает, что для их количественного роста и увеличения числа детей в средне-статистической семье до трех и более, необходимо оберегать важнейшие ценности, которые на протяжении тысячелетий обеспечивали устойчивое самосохранение и эффективное функционирование общества. Важно стремиться возрождать семью как социальный институт, повышая ценности классической семьи с несколькими детьми, являющейся одним из фундаментальных ценностей нашего общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
2. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.
3. Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М., 2006. (Новая история).
5. Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.
6. Социология : журнал Российской социологической ассоциации. 2012. № 2.
7. Стерляева Н. А. Роль семьи в профилактике наркозависимого поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

А. В. Гамаюнова (Барнаул)

СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Семья как открытая система находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой. Это самоорганизующаяся система, т. е. поведение системы целесообразно, и источник преобразований системы лежит внутри ее самой. Исходя из этого понятно, что люди, составляющие семью, поступают так или иначе под влиянием своих потребностей и мотивов. Система первична по отношению к входящему в нее элементу. Поэтому целесообразно работать со всей семейной системой, а не с одним ее элементом. Семейная система — это группа людей, связанная общим местом проживания, совместным хозяйством, а главное — взаимоотношениями. То, что происходит в семье, например, конфликт, часто не зависит от намерений и желаний людей, входящих в эту семейную систему, потому что жизнь в семье регулируется свойствами системы как таковой. В этом пси-

хотерапевтическом подходе утверждается, что намерения и поступки людей вторичны и подчиняются законам и правилам функционирования семейной системы. Это так называемый принцип тотальности системы [1, с. 4].

В развитии концепций социального конфликта можно выделить три основных этапа. Первый период господства марксистской теории — классовый конфликт как основа общественного развития и объяснения истории. В противоположность этой идее представителями немецкой классической социологии (М. Вебер и Г. Зиммель) утверждалось, что социальный конфликт неотделим от всей культурной жизни, он имеет психологическую природу и обладает как позитивными, так и негативными функциями. В концепции П. Сорокина конфликт выступает движущим фактором социокультурной динамики.

Второй этап связан с доминированием структурно-функциональной теории (Т. Парсонс), которая была ориентирована на исследование социальных институтов, законов, взаимодействий (личностных и групповых), ориентированных на сохранение и поддержание их стабильности и интеграцию. В рамках данного подхода конфликт трактовался как социальная патология. Третий подход свойствен конфликтным функционалистам, которые рассматривали социальный конфликт как фактор поступательного развития общества (Л. Козер), а также структуралистов, трактовавших его как неотъемлемый элемент социального действия (Р. Дарендорф) [2, с. 15].

На основании этих конфликтологических теорий в социологии произошел отказ от попыток «разрешения» конфликта как полного и окончательного и устранения противоречий, свойственных человеческим сообществам, и был принят тезис о важности его «урегулирования». При этом конфликты как «структурно произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп», в отличие от марксизма, не основаны на классовых, производственных отношениях, и не носят антагонистический характер. Социальная структура общества в рамках этих теорий основана на отношениях власти-подчинения, а отличительными чертами общества являются господство, конфликт и подавление. Смена конфликтологических подходов, которые стремились ответить на основные социологические вопросы «как обеспечить целостное существование общества» и «как соотносятся общественный порядок и его изменение», была тесно связана с динамикой общественных изменений, и в частности, объясняла функционирование института семьи и семейной структуры.

Семья в рамках марксистской теории конфликта рассматривается как микрокосмос конфликта в большом обществе, в котором конфликт — естественное состояние, присущее самой природе общества. Промышленная революция способствовала преобразованию семьи в совокупность денежных отношений. Подлинное понимание семьи не связано с анализом эмоциональных или родственных отношений между ее членами, семья — «место борьбы». В семье осуществляется экономическое производство и перераспределение материальных благ, при этом интересы каждого ее члена вступают в конфликт с интересами других членов и общества в целом.

Примером таких конфликтов являются споры, кто должен зарабатывать деньги, какую часть семейного дохода следует выплачивать государству и др. Немарксистская ориентация конфликтологической парадигмы представляет социальный конфликт в качестве универсального и позитивного фактора, который способствует социальному прогрессу общества. Основной идеей этих конфликтологических теорий являлось изучение влияния конфликта на сохранение и восстановление целостности систем, на процессы приспособления общественных структур к требованиям действительности. В отличие от функционалистского подхода к анализу семьи (домашняя занятость как результат справедливою обмена экономической поддержки на домашний труд), конфликтологические теории подчеркивают асимметричный характер обмена экономической поддержки на домашнюю работу, который является результатом и воспроизводит отношения власти и эксплуатации. Согласно этому подходу домашний труд, в отличие от оплачиваемой занятости, являясь рутинным и непрестижным, не дает возможности личностной самореализации. Распределение домашних обязанностей является предметом «торга», в котором каждый член семьи стремится минимизировать объем выполняемого им домашнего труда.

Поэтому большая занятость в домашнем хозяйстве — это следствие бесправия в семье: индивиды вынуждены это делать вследствие культурных норм (эгалитарных или патриархальных установок супругов, уровня их толерантности и т. д.) и экономической зависимости. Экономическая составляющая функционирования семьи не является единственной, но обладает значительным конфликтогенным потенциалом. Отсюда необходимость выполнения большего объема домашнего труда может выступать источником неудовлетворенности и конфликтов и связана с отсутствием власти в семье.

Социологические исследования свидетельствуют, что «несправедливое» распределение домашних обязанностей обладает значитель-

ным конфликтным потенциалом: конфликты, вызванные распределением домашних обязанностей, случаются в 50 % опрошенных семей, наряду с конфликтами, связанными с расходами семейного бюджета, вопросами проведения досуга и т. д. [1, с. 34].

Конфликт, возникая из различия интересов индивидов в борьбе за собственный статус, власть и долю вознаграждения, выполняет и ряд позитивных функций, способствуя разрядке напряженности, налаживанию эмоциональных отношений и контактов между членами социальной группы, выступая интегральной частью отношений. Г. Зиммель в работе «Конфликт» писал, что отсутствие поводов для конфликта не является признаком настоящих и глубоких отношений.

Напротив, такое поведение часто характеризует отношения, в которых отсутствует подлинная и безусловная привязанность. Ощущение непрочности отношений часто заставляет людей в стремлении сохранить их любой ценой, механически сохранять отношения путем принципиального избегания любого возможного конфликта. Если же индивиды уверены в искренности и неизменности своих чувств, «мир любой ценой» не нужен, так как им известно, что никакой кризис не затронет основ этих отношений [2, с. 34].

Позже Л. Козер, опираясь на труды Г. Зиммеля и выделяя группосохраняющие и группосозидающие функции социального конфликта, подчеркивает, что для сохранения социальной группы враждебные чувства не всегда должны подавляться. «Недовольство, которое сразу находит выражение, а не накапливается по одной только основной линии раскола, способствует сохранению группы» Накопление враждебности в латентной форме обладает более разрушительным потенциалом, чем частота конфликтных ситуаций, возникающих в группе [3, с. 21].

Таким образом, проблемное поле семейных отношений в контексте конфликтологических теорий может быть разнообразным: это и характер распределения власти внутри семьи с учетом механизма принятия решений — члены семьи, владеющие материальными средствами, приобретают в семье большую власть; ценностно-нормативные конфликты в семье; межпоколенные проблемы «отцов и детей»; проблемы эмоционально-психологической совместимости [4, с. 254].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. СПб., 2001.
2. Бинеева Н. К. Семья в контексте теорий социального конфликта // Аналитика культурологии. 2008. № 11.
3. Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

4. Чудова С. Г., Захарова Т. В. Семьи, находящиеся в социально-опасном положении: специфика социальной работы с учетом их жизненных стратегий // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник научных статей. 2013. № 5.

А. С. Качур (Барнаул)

БАРЬЕРЫ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время государство много говорит о создании условий для реализации личностного потенциала молодежи, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья. Сегодня, в XXI в. образование является ключевым фактором, способствующим социализации человека в обществе, дети с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в ней еще в большей степени, чем нормально развивающиеся.

По состоянию на 1 января 2014 г. из 2390,9 тысяч человек, проживающих в Алтайском крае, по данным государственного учреждения — Отделения Пенсионного фонда РФ по Алтайскому краю, инвалидность имеют 9170 детей-инвалидов до 18 лет, что говорит о масштабах проблемы [1].

На государственном уровне принимаются различные нормативно-правовые документы, способствующие улучшению положения инвалидов в обществе, однако для многих вопрос об их реализации на практике остается открытым.

Федеральный закон «Об образовании в РФ», принятый 29 декабря 2012 г., дает новые гарантии людям с ограниченными возможностями здоровья для включенности в образовательный процесс [2]. Впервые на законодательном уровне вводится понятие *инклюзивное образование* — обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Отдельные статьи закона регламентируют гарантированность получения образования для каждого человека, не исключая лиц с особыми образовательными потребностями, а также независимо от пола, расы и других обстоятельств (ст. 2, 5, 55, 79).

Законодательно закрепленное право лиц с ограниченными возможностями здоровья на образование предполагает создание специаль-

ных условий для их обучения, коррекцию нарушений развития, социальную адаптацию с использованием профессиональных педагогических подходов, методик, подходящих конкретному ученику для получения максимально качественных результатов социального и образовательного развития лиц с особыми образовательными потребностями.

Инклюзивное обучение для его наиболее успешной реализации необходимо начинать с первой ступени образования в целом — это дошкольное обучение. В настоящее время в Алтайской крае и Барнауле в частности достаточно хорошо развита сеть дошкольных учреждений, внедряющих принципы инклюзивного образования и имеющих интегрированные группы.

При наличии налаженной в Алтайском крае системы коррекционного (специального) образования, еще недостаточно развита социальная адаптация «особого» ребенка в массовой школе — он находится в изоляции от социума [3].

Важной ступенью становления каждого индивида как личности является получение высшего образования. Как и на любом этапе внедрения инклюзии в образовательную систему наиболее часто встречающимися проблемами являются следующие: архитектурные несоответствия зданий и площадей учреждения требованиям доступности, начиная от входа, где нет пандусов и с продолжением внутри помещений, где слишком узкие дверные проемы, коридоры, отсутствие системы свободного передвижения между этажами для лиц, имеющих поражения опорно-двигательного аппарата; неподготовленность преподавательского состава для работы со студентами, имеющими особенности в развитии, как психологическая, так и профессионально-компетентная, несоответствие образовательных программ, а также неприязненное отношение однокурсников к присутствию «особого» товарища рядом [4].

Для того чтобы узнать основные трудности, с которыми приходится сталкиваться в процессе получения высшего образования студентам, имеющим особые образовательные потребности, Алтайского государственного университета (АлтГУ), нами был проведен анкетный опрос студентов факультета социологии, имеющих различные особенности функционального развития, в результате которого были получены следующие данные.

Студенты АлтГУ в совокупности учатся по общим стандартным программам. Так, 62,5 % опрошенных это подтверждают, другие 37,5 % говорят, что «не знают», из чего можно сделать вывод, что никакого индивидуального плана образования для них нет. 75 % учащихся устраивает их форма обучения, ее считают ее наиболее подхо-

дящей для себя, однако 25 % хотели бы получать образование в другой форме, что является одним из показателей для разработки индивидуального плана обучения с возможным совмещением различных форм образования (очной, заочной).

Вопрос создания безбарьерного доступа был разграничен на несколько объектов. Так, в результате были получены следующие результаты: по мнению 25 % опрошенных, условия для безбарьерного доступа к зданию «созданы в полной мере»; 62,5 % считают, что «частично созданы», и 12,5 %, что «не созданы». К аудиториям условия созданы, по мнению 37,5 %; столько же считают условия безбарьерности частичными, и 25 % не видят никаких условий. К столовой и к компьютерным классам обеспечение степени доступности оценивается одинаково: 25 % — «созданы в полной мере»; 37,5 % — «частично созданы» и столько же — «не созданы». С точки зрения 25 % опрошенных студентов, условия доступности туалета созданы в полной мере; 37,5 % считают их частичными и столько же не созданными. Следует также сказать, что некоторые отмечали одинаковую степень доступности для всех объектов, другие дифференцировали ее, это следует из различных ограничений, по причине наличия которых разные студенты с разной степенью сложности справляются с преодолением барьеров.

В целом оснащенность учебного места, аудиторий условиям безбарьерной среды 75 % считают «недостаточно соответствующим» и 25 % «несоответствующим».

Следующий момент, которого мы коснулись при опросе — это отношение окружающих. Так, 62,5 % опрошенных не отмечают особого, отличного от других отношения со стороны преподавателей, руководителей вуза, характеризуют данное отношение «как ко всем»; лишь 12,5 % отмечают наличие внимания; 12,5 % говорят об «индивидуальном подходе к каждому студенту, в зависимости от ситуации», и 12,5 % чувствуют «снисхождение». Полученные данные, с одной стороны, говорят о включенности студентов с особыми потребностями в общий образовательный процесс, с другой — об отсутствии специальных условий для их обучения.

Отношение других студентов опрошенные описывают по-разному: 37,5 % говорят о внимательности со стороны обычных студентов; 12,5 % замечают помощь в передвижении; столько же отмечают наличие помощи в учебе; 25 % говорят о безразличном отношении; 12,5 % не замечают особого отношения к себе и отмечают отсутствие заострения внимания на ограничениях со стороны других. Итак, можно сказать о различном отношении к студентам с особыми

образовательными потребностями со стороны студентов, не имеющих ограничений и особенностей в развитии.

Большинство студентов на первое место среди проблем, с которыми они сталкиваются в процессе обучения в университете, ставят архитектурные несоответствия условиям безбарьерной среды (62,5%), менее значимы — недостаточность учебно-методического оснащения, квалификация преподавателей, отрицательное отношение окружающих.

Для обеспечения равного доступа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями в сфере образования и оптимизации процесса обучения в структуре Алтайского государственного университета в сентябре 2013 г. был создан Центр инклюзивного образования (ЦИО), основной целью которого является организация и развитие процесса инклюзивного образования для студентов с особыми образовательными потребностями в университете. В число основных задач Центра входит: создание материально-технического оснащения процесса инклюзии, создание безбарьерной образовательной среды в университете (безбарьерность при передвижении, восприятии информации), обеспечение всех ее субъектов научно-методическими ресурсами, внедрение образовательных программ, специализированных для обучения особых студентов, индивидуальных учебных планов, применение различных организационных форм реализации инклюзии (обучение на общих основаниях, по особым образовательным программам, дистанционное образование), практико-ориентированных технологий, а также сопровождения всех сторон инклюзивного образования.

Таким образом, инклюзивное образование — сложный, проблемный процесс, для реализации которого необходим комплексный подход к решению всех вопросов, возникающих на разных его этапах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальный паспорт Алтайского края по состоянию на 1 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aksp.ru/docs/soc_pasport.php

2. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. № 303. 31 дек.

3. Общественный совет по развитию образования в Алтайском крае // Официальный сайт Главного управления образования и делам молодежи Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.educaltai.ru/obsh_sov/DokOS/2012/ (дата обращения 13.10.2014).

4. Качур А. С., Антонович И. В. Система инклюзивного образования в Алтайском крае // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул, 2014.

А. В. Мильникова (Барнаул)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Подростковая преступность в XXI в. — серьезная проблема мирового сообщества. По статистике противоправная деятельность несовершеннолетних в России в последние годы высока и несет социальную опасность современному обществу. Так, например, в 2014 г. в промежуток с января по июнь на территории РФ было совершено 26392 преступлений, что на 3386 меньше, чем в 2013 г. На территории нашего Алтайского края подростковая преступность также сокращается: 2014 г. — 511 преступлений, что на 88 преступлений меньше, чем за 2013 г. [1]. Но, несмотря на тенденцию к снижению по абсолютным показателям, острота проблемы, особенно на фоне демографического кризиса, а также совершения преступлений тяжких и особо тяжких, по-прежнему сохраняется. Трагедия 2014 г. — захват заложников в одной из московских школ подростком — одна из тех ситуаций, которая особо актуализировала вопрос социальной профилактики преступности несовершеннолетних в настоящее время [2].

Такая ситуация актуализирует реализацию не только комплекса мер профилактики в социальной работе с несовершеннолетними, но и, как отмечает Е. Н. Дронова, обеспечения прав и законных интересов тех подростков, которые оказались в конфликте с законом, в поле профессиональной деятельности различных специалистов как субъектов социальной работы [3, с. 13]. Все субъекты социальной профилактики преступлений несовершеннолетних (органы и учреждения системы образования, социальной защиты населения, здравоохранения, исполнения наказания и др.) должны осуществлять свою деятельность в одном правовом поле, следуя нормам права международного и российского уровней.

Согласно стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинской правилами»), «система правосудия в отношении несовершеннолетних на-

правлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения» [4]. В Конвенции ООН о правах ребенка, общепризнанных нормах международного права и в российском законодательстве закреплён приоритет интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни общества и государства [5]. В ст. 40 Конвенции закреплён перечень минимальных гарантий, которые государство обязано предоставить несовершеннолетнему, обвиняемому в совершении преступления: презумпция невиновности; незамедлительное и непосредственное информирование его родителей или иных законных представителей; получение правовой и другой необходимой помощи; свобода от принуждения к даче свидетельских показаний или признанию вины; бесплатная помощь переводчика; полное уважение личной жизни на всех стадиях разбирательства и др. Требования настоящей Конвенции нашли отражение в уголовном и уголовно-процессуальном праве РФ.

Уголовным кодексом РФ установлено, что субъектом преступления несовершеннолетний может стать по достижению 14-летнего возраста [6]. В уголовном процессе несовершеннолетний может рассматриваться как подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), защищаясь от уголовного преследования; потерпевший на стороне обвинения, принимая участие в установлении виновности субъекта предполагаемого преступления; свидетеля, участвуя как на стороне защиты, так и на стороне обвинения [7]. Кроме того, по достижении возраста 16 лет, обладая полной дееспособностью в порядке эмансипации или при вступлении в брак, он может выступать в качестве гражданского истца.

Глава 50 УПК РФ предусматривает особый порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. По делам о преступлениях несовершеннолетних с доказыванием общих обстоятельств (событие преступления; виновность; характер и размер вреда, причиненного преступлением, и др.), при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства устанавливаются: возраст несовершеннолетнего; условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности; влияние старших по возрасту лиц на несовершеннолетнего. При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершен-

нолетний в полной мере осознавать фактический характер и общую опасность своего деяния. Задержание несовершеннолетнего подозреваемого и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу производится в общем порядке, за исключением обязательного обсуждения судом возможности отдачи несовершеннолетнего под пристрой.

Вместе с тем заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если несовершеннолетний подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления и только в исключительных случаях за преступления средней тяжести.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, в день более 4 часов. В допросе несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет, а также страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии независимо от возраста, обязательно участие педагога или психолога.

При вынесении приговора в отношении несовершеннолетнего подсудимого суд обязан решить вопросы о возможности освобождения его от наказания, условного осуждения, назначения наказания, не связанного с лишением свободы. Если будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд вправе освободить его от наказания и назначить принудительную меру воспитательного воздействия.

Заметим, что анализ норм и уголовного и уголовно-процессуального права применительно к сфере социальной работы в современных условиях имеет особое значение [8]. Это обусловлено апробацией в судебной системе модели «специалист по социальной работе при суде». Специализация социальной работы в данной сфере требует не только знания теоретических и технологических основ работы с несовершеннолетними в конфликте с законом, но и соответствующих норм права. Осуществляя сбор информации о подростке, его семье, выявляя причины и условия, которые поспособствовали совершению преступления, оказывая консультационную помощь суду в понимании личности несовершеннолетнего, мотивации его преступного поведения специалист по социальной работе тем самым содействует в определении наиболее эффективных путей исправления и социальной реабилитации несовершеннолетнего на досудебной и судебной стадиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>
2. Астахов П.: необходимо выяснить мотивы, побудившие подростка совершить страшное преступление // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте по правам ребенка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfdeti.ru/display.php?id = 8011>
3. Дронова Е. Н. Социальная профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учебно-методический комплекс дисциплины // Современная педагогика. 2014. № 3 (16).
4. Минимальные стандартные правила организации объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс», 2014.
5. Конвенция ООН о правах ребенка [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс», 2014.
6. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс», 2014.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс», 2014.
8. Стерляева Н. А. Роль социальных служб в системе профилактики преступности несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

С. А. Лопатина (Барнаул)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТЕРЕОТИП НЕПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ

Не секрет, что проблема коррумпированности современного российского общества в большей степени все же занимает юридическую науку и апеллирует прежде всего к опыту правового противодействия данному явлению. Но гуманитарное знание в целом может существенно облегчить задачу по выработке национальной программы по искоренению коррупции во власти, в повседневной жизнедеятельности граждан (см. об этом, например: [1; 2]). В этой связи необходимо обратиться к опыту исследования культуры — важнейшего феномена человеческого индивидуального и коллективного су-

ществования. Среди работ, обращенных к этой проблематике, обращает на себя внимание статья «Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии», в которой автор [3] обозначает важность участия человека в осознании ответственности за решение актуальных социальных задач.

Общественная жизнь формирует в сознании каждого человека определенные поведенческие стереотипы, которые фиксируют каждый удачный и неудачный шаг члена общества на пути накопления социального опыта. Коррупция — элемент этого социального опыта, она фиксируется формами повседневной жизни и осознается как реальная возможность изменить характер единожды установленных социальных связей и отношений, не затрачивая при этом чрезмерных физических усилий. В отличие от общественной жизни, детерминированной этими поведенческими образцами, культурная жизнь — это гармонизирующая человеческие взаимоотношения реальность. В этом смысле она уравнивает все негативные процессы, происходящие в обществе. Именно поэтому обращение к механизмам культурного развития может приобрести важнейшее значение в деле противодействия коррупции, и именно культура как ценностно-смысловая система, определяющая гармонизацию отношений человека, общества и государства посредством разнообразных форм — языка, мифологии, культурных кодов и подобного, должна стать опорой в искоренении многих пороков общественного бытия.

Культурные генотипы обладают свойством сохраняться в любых условиях социальных потрясений и трансформаций. Поэтому они наиболее действенны и эффективны в сохранении и передаче последующим поколениям значимой и существенной социокультурной информации. Если сделать ставку в противодействии коррупционности общества не только на возможности правоохранительной системы, использующей методы государственного принуждения, но и на указанные свойства культурных генотипов, то, по-видимому, можно предложить во много раз более оперативную и результативную программу борьбы с коррупцией. Такой подход интересен и тем, что позволяет переориентировать культурную политику в государстве не только на сохранение необходимых для развития общества элементов культурного развития (традиций, обычаев, значений, норм и т. д.), но и на их активное включение в наиболее важные процессы социальной реальности в качестве регуляторов повседневного поведения граждан. Как известно, в настоящее время культурная политика лишена подобных черт.

Поскольку коррупция представляет собой реальную угрозу национальной безопасности России, она прежде всего оценивается в устойчивых определениях и понятиях правовой системы — именно так формируется отношение к этому явлению и в сознании граждан: коррупция — это антиправовой феномен, опасный для государства нарушениями в функционировании всех без исключения правовых институтов. К примеру, когда со страниц прессы о проблемах, связанных с коррупцией, говорят представители правоохранительных органов, они в большинстве своем заостряют внимание именно на далеко идущих юридических последствиях увеличения повсеместно в Российской Федерации масштаба коррумпированности. Однако речь должна идти не только об этом аспекте проблемы — важно донести до сознания каждого гражданина *антидуховный*, неприемлемый для дальнейшего развития нации, ее культуры, генеральных ценностей и традиций, на которых воспитывались предшествующие поколения. Это еще более действенный аргумент в осознании необходимости ежеминутной борьбы с коррупцией, в выработке внутреннего устойчивого социокультурного стереотипа неприятия и отчуждения этого явления.

Национальная программа противодействия коррупции, ориентированная на создание таких социокультурных стереотипов, должна актуализировать не столько категории юридического характера, сколько такие ценностно-смысловые комплексы, как духовность, традиционность, государственность, державность, поликультурность и т. д. Через призму этих комплексов необходимо представить генерацию культурных генотипов, содержащих духовно-нравственный запрет на возможность самому носителю культуры стать участником коррупционной системы, твердый запрет на возможность участия в коррупционных схемах членов его семьи, коллег по профессиональной деятельности и т. д. Лишь в этом случае такая национальная программа будет поистине эффективной и способствующей искоренению антисоциального порока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

2. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

К. В. Курганская (Барнаул)

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном социально-гуманитарном знании еще нет четкого вектора в системном исследовании коррупции. Наибольший охват данной проблематики в научно-исследовательском дискурсе характерен для юриспруденции; здесь обнаруживается стремление определить правовое содержание коррупции, ее влияние на весь спектр правоотношений, на правовую и политическую культуру современного гражданина. Так, Е. И. Головачев отмечает, что «внимание к коррупции поддерживается не только желанием власти актуализировать сложную социально-правовую и социально-политическую проблему, но и направить правовую науку по пути выработки эффективных и действенных способов противодействия этому явлению» [1, с. 26]. Возможно, что нахождение таких способов и приемов в нормативно-правовом смысле — дело ближайшего будущего. Вместе с тем коррупция и ее «производные» (коррупционность, коррумпированность, коррупциогенность и т. д.) уже сейчас в юридической науке получают должную интерпретацию, а в правоприменительной практике активное использование для обобщения целого круга преступных деяний и правонарушений. Однако в связи с общегосударственной тенденцией бездействия или недостаточной эффективности по различным причинам некоторых правовых актов, в том числе и федеральных законов, могут оказаться недействующими и эти новшества.

Следует отметить, что и в других областях современного знания внимание к явлению коррупции не только не ослабевает, но и приобретает важное ценностно-смысловое звучание. Такой интерес вполне понятен и вызван разными причинами: и поиском пути укрепления державности и демократии в Российской Федерации, и безмерным распространением этого общенационального порока, подрывающего сами основы российской государственности, и выраженной ориентацией научной сферы на исследование наиболее сложных и противоречивых явлений современности, имею-

щих приоритетный характер для общества. В социологии, например, очерчивается круг социальных проблем, которые усиливают свой резонанс под воздействием коррупционности. Речь идет не только о законности и правопорядке, но и о политике национальной безопасности, социальной политике и т. д. Так, В. М. Артанов отмечает, что «социологический дискурс последних лет сформировал по отношению к проблемам коррупции в государстве и обществе выраженный субъектный характер, когда на первое место ставятся интересы, потребности и вкусы личности, ее ценностные ориентации — именно личность оказывается центром переплетения коррупции и общественных институтов» [2, с. 106].

На уровне определения важнейших способов борьбы с коррупцией, сформулированных органами государственной власти, на первое место выходят правовые доминанты и часто карательные действия правоохранительных органов, которые носят все же преимущественно бессистемный характер. По-видимому, это связано с тем, что длительное время отсутствовало такое пристальное внимание государства к этой столь сложной проблеме и в определенном историческом времени не выработались приемы и механизмы преодоления данного явления, которые могли бы стать наиболее действенными и эффективными. По мысли С. П. Окунева, государство обладает достаточными методами для искоренения любых социальных пороков, но вопрос в том, как эти методы использовать, чтобы не нарушить тонкую грань в соблюдении прав и свобод человека и гражданина, в сохранении целостности государства и, наконец, важнейшей из основ конституционного строя — демократии [3, с. 46]. Очевидно, что всегда сложнее предупредить нарушение закона, создать условия для того, чтобы гражданин понимал и осознавал опасность и порочность нарушения установленных нормативно-правовыми актами правил социальной и индивидуальной жизни, и установление новых правил еще не гарантирует бесследного изживания коррупции. Тем не менее сама актуализация этой проблемы, признание необходимости ее решения уже сами по себе должны создать некие противовесы коррупции. Создание антикоррупционных комиссий или комитетов на местах, открытие телефонов доверия и особых подразделений в органах прокуратуры, расширение возможностей средств массовой информации в пропаганде антиобщественного и социально опасного характера коррупции, в освещении показательных уголовных процессов над коррупционерами всех уровней, вплоть до глав администраций и руководителей федеральных органов исполнительной власти — все эти и другие меры свидетельствуют о жесткой позиции государства

изменить в лучшую сторону ситуацию, связанную с коррумпированностью важнейших общественных институтов.

Вместе с тем важнейшим механизмом противодействия этому негативному, проникающему во все без исключения сферы жизнедеятельности общества в целом и каждого конкретного человека в частности явлению должна стать национальная программа изменения онтологических, мировоззренческих установок, определяющих изначально отчуждаемое отношение к коррупции. В наше время идеи державности государства, его стабильности и системности должны быть связаны не только с конституционными принципами развития государственности, но и с закреплением в сознании каждого гражданина и одновременно носителя культуры генетической неприемлемости мздоимства, взяточничества (см. об этом, например: [4; 5; 6]). Это только на первый взгляд означенная проблема имеет распространенный бытовой характер, когда само собой разумеющимся признается повседневный эффект подкупа должностных лиц, коллег по профессиональной деятельности, других лиц — как будто случайно, невзначай, по ходу дела. Но очевидно, что эта ситуация опасна для государства, чревата серьезными последствиями она и для развития национальной культуры.

Культура человека, культура общества живет передаваемыми из поколения в поколение *генотипами*, которые обеспечивают непрерывность культурного развития, которые содержат основополагающую информацию для взаимодействия каждого носителя культуры друг с другом, преодоления сложных противоречий и кризисных состояний. Эти генотипы задают особенности национального языка, ценностей и ценностных ориентаций, норм и правил, исторической памяти и каналов транслирования информации. Поэтому именно обращение к этим важнейшим сторонам человеческого бытия через грани культуры, в культурном пространстве решающим образом может повлиять на искоренение такого порока, каким признается коррупция. Очевидно, что закрепление особых онтологических маркеров на уровне этих культурных генотипов, опознаваемых каждым носителем культуры независимо от возраста, пола, социального положения и других определяющих жизненных факторов, способно приблизить государство всерьез к разрешению острой проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головачев Е. И. Коррупция: правовое определение и концептуализация в современной науке // Актуальные вопросы развития социально-гуманитарного знания в России / под ред. С. И. Администратова. М., 2008.

2. Артанов В. М. Деструктивные реалии современности в социологическом измерении. СПб., 2008.

3. Окунев С. П. Возможности государства в решении политических и правовых проблем // Правовые механизмы в государственном управлении : сб. научных статей и нормативных правовых документов / науч. ред. С. А. Ефимов. СПб., 2008.

4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

5. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

6. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Т. В. Савченко (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭПОС

Активное проявление культуры в жизни человека и в жизни общества находит свое выражение в неоднозначных процессах символизации действительности, которые зачастую приводят к непониманию жизни и невозможности мировоззренческого постижения происходящих в мире событий (см. об этом: [1–6]). Отсутствие конвенционального образа жизни закономерно и в то же время формирует ошибочные интерпретации культурно-исторического материала, влияющие на развитие стереотипности сознания. Принцип *чувства жизни*, выделяемый на основе конкретного жизненного опыта, обретенного в культуре, переживания и оценивания судьбоносных культурных изменений, раскрывается в семантике жизни, состоящей из символов и образов мира.

В социальной реальности представлены вовсе не ценности-эманации, а эпохальные образы, которые меняются в соответствии с вектором развития социальных отношений и связей. Поэтому она «скрепляет» эти образы и ценности, выступая своего рода метанарративом современности — национальным культурным кодом.

На интерпретацию отношений культуры и общества в ипостасях духовного-бездуховного оказывает влияние обозначившееся в последнее время понимание социально-гуманитарного знания как *социального эпоса*, а не просто как совокупности концептов мира, выстраиваемых в соответствии с жесткими требованиями науки, как в социологии, развивающейся в границах преобладающего метода и зачастую не склонной апеллировать к онтологической концептуализации происходящих в действительности событий.

Социальный эпос — это накопленный социальный опыт, или уникальное знание о мире и о человеке в нем; этот опыт, или это знание и в прошлом, и в настоящем подвержены критике теорий и концепций, составляющих основу развития социально-гуманитарного знания, а вместе с тем это течение времени, в котором первенствует социальный конфликт, диспропорция событий, травестия социальных смыслов и кодов — все то, что движет социальную историю к некой абсолютной точке совпадения или несовпадения человека, общества и культуры.

Событие в социальном эпосе именно разделено извечным противостоянием духовного-бездуховного; с одной стороны, оно мистифицируется как исторический анахронизм, с другой же — разворачивается в социальной перспективе, не различая ценностей и антиценностей, норм и антинорм, правды и лжи, витального и танатального и т. д. Иными словами, в социальном эпосе духовное-бездуховное практически и принципиально неразличимы; этот принцип согласуется с герменевтическим чувством жизни — современный человек не имеет возможности расшифровать многоликие системы культуры и тем самым оказывается ближе общественным интересам, которые предполагают большую возможность договориться, найти «золотую середину», решить свои насущные проблемы и вопросы. Истина где-то рядом: человек все настойчивее ищет социальную нишу и все менее обращается «за помощью» к культурным ресурсам. Ситуация нетипичная в аспекте социальной мифологии — источником социальности с древнейшей поры являлась культура и ее архетипы, а не коллективные формы взаимодействия.

Истина для глубокого проникновения в жизнь, в культуру, в общественные процессы неопределима для любого исследователя. По мысли Ю. Л. Качанова, «истина не есть атрибут социолога как такового, но она и не покоится в социальной действительности. Истина представляет собой самоотносимое событие встречи социологического исследования с социальной действительностью. Эта встреча является событием в том смысле, что она делает возможным изменение

и социальной науки, и социальной действительности» [7, с. 18]. Чувство жизни — это возможность человека интерпретировать события, в целом социальную реальность через призму их истинности. Подобное чувство свойственно каждому носителю культуры в любую эпоху исторического развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Келле В. Ж. Интеллектуальная и духовная составляющие культуры // Вопросы философии. 2005. № 10.
2. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8.
3. Пелипенко А. А. Закат логоцентризма // Человек. 2005. № 5.
4. Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11.
5. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
6. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
7. Качанов Ю. Л. Истина и политический контекст в научных практиках социологов // Социол. исследования. 2005. № 9.

А. В. Мотина (Барнаул)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Изучению повседневности посвящены серьезные работы, раскрывающие различные аспекты этого феномена, составляющего основу жизни человека; внимание к изучению повседневности, по мнению Н. Козловой, связано со сменой парадигм, сломом, «который сопровождается критикой глобальных объяснительных схем, глобальных и социальных проектов...» [1, с. 48]. В числе таких исследований прежде всего следует назвать фундаментальный труд Ф. Броделя, в котором отмечается страх человека перед реальностью в вещах и обыденных фрагментах каждодневного быта, но одновременно и его удовлетворение от того, насколько поразительны все детали повседневной жизни — от вечернего освещения в доме до самых

опасных заболеваний и способов их лечения [2, с. 38]. Именно эти детали определяют социальный характер человека, с точки зрения психологии — его темперамент и память «на вещи», а в плане философии и социологии культуры — его индивидуальную духовность, созвучную с культурным опытом.

Вещи и предмету в жизни человека уделяется всегда повышенное внимание, если исходить из того, что существует принципиальная возможность появления для индивида социокультурных реальностей, отличных от реальности повседневной жизни. Возможно, речь идет о том, что в повседневности в большей степени вычленяются именно *витальная* и *социальная* ипостаси человека, а «его духовная ипостась, как полагает В. А. Бачинин, — не столь очевидна, и ее обнаружение и расшифровка требуют усилий» [3, с. 128]. Действительно, в структурах повседневности, какие бы замысловатые формы они ни приобретали, равно как и в других «социокультурных реальностях», например, культурном пространстве, *социсе* человека, объединяющем образ его индивидуальной жизни с коллективным или общественным социально-витальным образом бытия, строгое различие ценности-вещи и ценности-духа, ценности-души будет отсутствовать. «Размышляющая душа» человека (см.: [4, 5]) — это один из верных источников его прагматизма, меркантильности и особо повышенного внимания к тем слабостям, которые составляют повседневный комфорт; при этом в структурах повседневности на первом плане стоит не человеческая индивидуальность, способная управлять социальным комфортом, а именно вещи и предметы «для истинного удовольствия». В какой бы степени ни предпринимались попытки вычленения системы вещей в аксиологическом плане, именно вещь и вещизм, а не человек и его духовный мир будут являться отправной точкой современной социокультурной реальности, близкой масскульту и положениям постмодерна.

Между тем, разумеется, в структурах повседневности выстраиваются приоритеты не только вещного мира, довлеющего в жизни человека на рубежах различных культурно-исторических эпох. В «Анализе повседневности» И. Т. Касавин и С. П. Щавелев указывают на то, что «экзистенциальное измерение повседневности состоит в ее способности «переваривать» пограничные ситуации, превращать их из источника страха и отчаяния в основу мужества и терпения» [6, с. 14]. Структуры повседневности отмеряют человеческий быт, его комфорт, создают ситуации, когда человек оказывается один на один с окружающими его вещами, а его жизнь регулируется исключительно успешностью или невозможностью правильного об-

ращения с этими предметами быта и бытия. По Г. С. Кнабе, «культура начинается там, где существует противоречивое единство человека, его повседневного существования, его быта, его привязанностей и ценностей, его мирка...» [7, с. 81]. Вместе с этим чувством жизни, с осязанием своего «мирка» меняется мироощущение человека, при котором духовная ипостась никак не проявляется — возникает метафизика портрета человека или его образ [3, с. 128]. Появляется конструктивный образ человека в многоликих структурах повседневности, по своей природе также являющихся образным строем. Это феномен «расщепленного» человека — «современное мироощущение подошло к осознанию необходимости противопоставить духовному расщеплению человека и абсурду существования какое-то позитивное волевое движение» [8, с. 45]; «мы остро нуждаемся в более реалистическом образе человека» [9, с. 13]. Мужество и волевое движение необходимы современному человеку для того, чтобы преодолеть замкнутое пространство быта, изживая эпохальные комплексы вещизма и духовной инфантильности. В этом смысле повседневность является эффективным регулятором общественной и индивидуальной психики: по мнению Г. Маркузе, «интеллектуальный и эмоциональный отказ „следовать вместе со всеми“ предстает как свидетельство невроза и бессилия» [10, с. 13].

Современные структуры повседневности организуются в соответствии со следующими закономерностями: 1) происходит онтологическое перераспределение социальной, витальной и духовной ипостасей человеческой жизни — заметна тенденция доминирования двух первых сфер, однако и они подвержены определенной редуцирующей трансформации — социальная действительность идет по пути натурализации, витальные ценности соотносятся преимущественно с физиологическими потребностями человека; 2) для русской культуры повседневность не воспринимается как антиценность, она является одним из важнейших архетипов, продолжением которого, как известно, были в свое время кумулятивные комплексы христианизации, коллективизации, Красной армии, наконец, собирательный образ русского народа — человек не решал свои проблемы в одиночку, а принимал решения в повседневной жизни, руководствуясь гласом народным; 3) если в европейской культуре процесс «тематизации повседневности» идет на протяжении всего XX столетия, вплоть до образования специализированных областей в науке и культуре, то российский вариант повседневности на мировоззренческом уровне, по-видимому, в большей степени является вехой последних десятилетий. Складывается определенное направление социальной эстетизации

действительности: красивый автомобиль, великолепное платье, «духовность» сверкающих бриллиантов и вин. По иронии истории комплекс вещизма всегда изживался в русском человеке твердой линией партии в идеологии советизма; не вещь, а магазинная очередь стала эмблемой повседневности на долгие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // *Обществ. науки и современность*. 1992. № 3.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
3. Бачинин В. А. Антропосоциология и метафизика портрета // *Человек*. 2004. № 4.
4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей*. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
5. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
6. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004.
7. Кнабе Г. С. Проблема постмодерна и фильм Питера Гринауэя «Брюхо архитектора» // *Вопросы философии*. 1997. № 5.
8. Горелов А. А., Горелова Т. А. «Расщепленный» человек и идея Всеединства // *Человек*. 2004. № 5.
9. Мухелишвили Н. Л., Сергеев В. М., Шрейдер Ю. А. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе // *Вопросы философии*. 1996. № 11.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

Е. Н. Махова (Барнаул)

РАСПОВСЕДНЕВНИВАНИЕ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

В структурах российской повседневности много эстетического и эмоционального напряжения — причины этому кроются, скорее всего, не в системе вещей, выстраиваемой в антропологической перспективе, а в системе ценностей — ее неопределенность и неустой-

чивость (границы хорошего и плохого дифференцируются с трудом) позволяет, как это ни парадоксально звучит, вести речь о скорейшем процессе *расповседневнивания*.

Расповседневнивание — это, во-первых, технологический способ придать образам мира и социокультурной реальности системный характер с доминирующими чертами жизнеспособности, а, во-вторых, это особенное направление мировоззрения. Существует точка зрения, согласно которой повседневность характеризуется не обязательно разрушающими стратегиями. В рамках герменевтической и феноменологической школ в социологии «повседневность стала рассматриваться как область „элементарного“ измерения значений и символов, а жизненный мир — как конечная область значений. Повседневное и неповседневное уже не выступали различными онтологическими структурами. Они — разные реальности лишь постольку, поскольку представляют собой разные типы опыта» [1, с. 52].

Технологические рамки *расповседневнивания* соответствуют возможностям бытового поведения человека и в социально-онтологическом аспекте регулируют деятельностно-событийные, предметно-вещные и телесно-поведенческие отношения людей [2, с. 15]. При этом обнаруживается главный механизм *расповседневнивания*, заключающийся в противопоставлении социального и индивидуального модусов реальности.

Структуры повседневности, получившие распространение в социальной реальности, в сопряжении социальных отношений и связей, изживают комплекс локальных претензий человека на обладание и пользование вещами, предметами и их образами. В этом воплощается механизм преодоления экономизма, социальных границ «золотой молодежи», «белых воротничков», а в аксиологическом плане с этим отказом согласуется известный феномен русского отшельничества. Но следует признать, что масштабного национального акта в преодолении повседневности через отказ от благ, комфорта, необходимых вещей и предметов и последующее обращение к «большой» духовности, зачастую также впрессованной в структуры повседневности, разумеется, никогда не случится. Согласно точке зрения Б. Вальденфельдса [3], технология *расповседневнивания* прежде всего предполагает обратную сторону пребывания человека и социума в повседневности на уровне тех ценностно-смысловых координат бытия, которые определяют жизнеспособность в социальной и духовной ипостасях. Важным моментом этого процесса становится определение возможностей сохранения ценностей и норм российского народа в условиях стремительно продвигающейся глобализации, которая

приобретает в большей степени негативный оттенок. Поэтому с актом расповседневнивания согласуется «концепция человеческого потенциала», в которой, например В. Л. Веряскина, видит «социальную и политическую альтернативу возникшим в XX в. моделям взаимодействия общества и личности: моделям тоталитарных систем правого и левого толка, где человек рассматривается только как инструмент реализации глобальных идеологических доктрин» [4, с. 43]. О взаимодействии человека и социальной реальности рассуждают и социологи, например Е. А. Попов (см.: [5, 6]).

Акт *расповседневнивания* в мировоззренческом аспекте заключается в изменении стереотипных установок и оценок социокультурной реальности, которые в течение последнего столетия закрепили определенный статус российской действительности, отмечая ее нежизнеспособность, тоталитарную закомплексованность и в целом глубокую неизживную тяжесть ее бытия. В. А. Кутырев пишет: «Итак, сначала боролись с „тяжестью бытия“, потом жаловались на его „невыносимую легкость“, теперь часть человечества „лелет“ мечту об абсолютной свободе...» [7, с. 14]. Для носителя русской культуры в последнее время главной системой оценок социокультурной реальности стала кризисная парадигма — стремление к абсолютной свободе выливается в сложную и, по-видимому, неразрешимую социально-онтологическую проблему, в то время как сам человек становится лишь образом эпохи или персонажем истории. По мнению В. А. Кутырева, «персона(ж) — эмпирический концепт личности, обозначающий то, что от нее осталось после вычета телесности и выпадения из реальных социальных связей. Личность имеет тело, а персонаж — „тело мысли“» [7, с. 11]. В повседневности стираются грани духовности, все важнейшие человеческие смыслы подвергаются существенной корректировке — травестируются и редуцируются, и это приводит к серьезным смещениям в ценностно-нормативной системе культуры. Таким образом, ценностно-смысловое расповседневнивание предполагает ситуацию, когда человек, оказывается в культуре не только «артикулированным сознанием», но и философом, а этот статус предполагает иное видение возможностей современной культуры и социальных связей.

Направление мировоззренческого *расповседневнивания* указывают жизненные формы культурной системы, которые образуются в условиях ценностно-смысловых колебаний, колоссальной подвижности социальных отношений, когда культура, общество и человек по сути лишены своей «онтологической точки постоянства». Очевидно, что такое положение должно быть компенсировано какими-то

источниками культурно-художественной коммуникации или духовной жизни, в которых бы отчетливо было проявлено «положительное» совмещение различных полюсов реальности, например, пост-модерна и тенденций мировой культуры. Однако главная проблема здесь заключается в том, что довольно бессмысленно вычленять в культуре какие-либо «потайные» источники, коды и смыслы и выстраивать на их основе модель идеальной или иной другой, но вечной культурной системы, если развитие социальной реальности свидетельствует обратное — никакого единства культуры, человека и социума в структурах повседневности не существует. Поэтому все попытки утверждать прочную ценностно-смысловую основу русской культуры на протяжении всей ее истории являются, на наш взгляд, недостаточно продуманными и безосновательными. Для XX в., как известно, характерно не только усиливающееся погружение человека в структуры повседневности и отказ признавать тенденции эпохальной перестройки культурной системы в направлении жизни, «живого» бытия. В русской культуре сами устои и принципы духовности признавались социальной слабостью во времена тоталитаризма, когда генеральной духовностью становилась идеология и ценностные ориентации человека-героя — образа эпохи, эквивалентного национальному культурному коду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3.
2. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004.
3. Вальденфельдс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // *Социология. Антропология. Метафизика*. Вып. I. М., 1991.
4. Веряскина В. Л. Ценностно-нормативные источники концепции человеческого потенциала // *Человек*. 2005. № 2.
5. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей*. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
6. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
7. Кутырев В. А. От какого наследства мы не отказываемся // *Человек*. 2005. № 2.

А. А. Мазуренко (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ (на примере школ Бурлинского района Алтайского края)

Проблема суицида среди подростков является одной из первостепенных и наиболее актуальных социальных проблем в России, в том числе и Алтайском крае. Суицидальное поведение молодежи, принимающее в последнее время все более серьезные масштабы, — результат взаимодействия различных факторов и сил: экономических и социальных, культурных и экологических, демографических, психологических и других [1, с. 282]. Согласно статистике за последние три года в России на 100 тысяч молодых людей в возрасте от 15 до 18 лет приходится около 20 случаев суицида [2]. В структуре смертности от неестественных причин смертность подростков от суицидов в Алтайском крае занимает второе место. В Алтайском крае за 2006–2010 гг. самый высокий показатель суицидов отмечается в возрасте 14, 16 и 17 лет. Их удельный вес в общей численности составил 14, 22 и 49% соответственно [3]. В городах края подростками совершен 41 суицид, что составляет 29% от общего количества, в сельских районах — 98 суицидов (71%) [4, с. 246].

Нами было проведено социологическое исследование по теме «Социальные факторы суицидального поведения старшеклассников (на примере школ Бурлинского района Алтайского края)», в котором приняли участие 30 школьников Бурлинского района, из них: 19 девочек и 11 мальчиков. Анкета выявила социально-демографические, социально-психологические и другие характеристики современных сельских школьников.

По результатам исследования можно утверждать, что в большей степени влияние на формирование суицидального поведения у подростков Бурлинского района оказывают семейные факторы — значимое социальное окружение. Данный факт подтверждают следующие показатели: у большинства учащихся из числа опрошенных нет взаимопонимания с их родителями. Треть учащихся отметили, что родители их не понимают, 46% затрудняются на этот вопрос ответить. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что наблюдается безграмотность родителей в вопросах выстраивания отношений с детьми-подростками. Родители мало об-

щаются с детьми, не беседуют с ними на сокровенные темы. Многие родители не способны оказать ребенку моральную и психологическую поддержку, хотя 30 % учащихся ответили, что у них в семье в основном доброжелательная обстановка. Но такая обстановка, где нет конфликтов, но и нет внимания друг к другу, далеко не благополучная. Подтверждением тому результаты опроса: 23 % детей считают домашнюю обстановку дискомфортной; у 33 % учащихся в семьях случаются конфликты. Многие из них переживают трудный период в одиночестве, что является опасным суицидальным фактором. Все эти факты должны насторожить общественность и в первую очередь семью и школу.

Следующим по значимости, одним из существенных, решающих факторов суицидального риска являются макросоциальные факторы. Они связаны с воздействием на сознание несовершеннолетних средств массовой информации (СМИ) и Интернета. Как видно из результатов исследования, свое свободное время подростки посвящают в большей степени (66 %) общению в социальных сетях. Больше всего подростки любят смотреть боевики (43 %) и детективы (36 %). Информация, льющаяся с экранов, сопровождается агрессивной пропагандой обогащения и наживы любыми путями и средствами, в том числе криминальными. Такое телевидение, внедряющее в сознание подростков «обыденность» насилия и смерти, имеет очень негативное влияние на несформировавшуюся психику подростков.

Определенное влияние имеют экономические факторы, которые определяют выраженное по материальному достатку расслоение общества, его разделение на «бедных и богатых» (73 % опрошенных учащихся относятся к семьям с низким общим доходом). Данный фактор формирует у подростков ощущение своей ущербности, невозможности «иметь то, что имеют другие». В условиях насаждаемого в обществе культа потребления этот фактор (с учетом незрелости подростковой психики) приобретает суицидогенный характер.

На суицидальное поведение старшеклассников большое влияние оказывают социально-психологические факторы. Подростки часто подвержены неприятностям и стрессам (20%), 23 % подростков имеют душевную травму, 40 % регулярно впадают в депрессию, из которой с трудом выходят. Такие моменты в жизни подростков способны вызвать в них попытки к совершению непредсказуемых поступков.

Радует тот факт, что в отличие от статистики по Алтайскому краю и по России в целом, попыток самоубийства среди подростков Бурлинского района не наблюдается (100 % опрошенных учащихся ответили нет). Однако надо отметить, что ранее был отмечен факт

попыток самоубийства в подростковой среде Бурлинского района. Об этом говорят результаты опроса: 33% учащихся отметили, что среди их знакомых есть люди, пытавшиеся совершить самоубийство.

В школе учащиеся проводят большую часть своего рабочего дня. Поэтому школу можно считать идеальной средой для проведения программы предотвращения суицидальных поступков подростков.

С целью получения более объективных результатов исследования и выработке соответствующих рекомендаций по предотвращению суицидального поведения подростков для школ Бурлинского района был проведен экспертный опрос педагогов и классных руководителей. Исследуя результаты опроса, мы можем утверждать, что 60% педагогов подтвердили факт о том, что семейные факторы в большей степени оказывают влияние на формирование суицидального поведения у подростков Бурлинского района.

Также был проведен сравнительный анализ влияния факторов на суицидальное поведение среди старшеклассников Бурлинского района, Алтайского края и России. Из сравнительной характеристики можно сделать следующие выводы о том, что суицидальные ситуации по Бурлинскому району и по России похожи. Здесь семейный фактор оказывает наибольшее влияние на суицидальное поведение подростков. Как ни странно, но хотя Бурлинский район входит в состав Алтайского края, а суицидальные ситуации здесь разные. Это говорит о том, что социальные условия жизни, а следовательно, и факторы суицидального риска, в условиях сельской жизни могут существенно отличаться от таковых в более крупных городах Алтайского края [3].

Наши исследования показали чрезвычайную важность работы с подростками, склонными к суицидальному поведению. Результаты исследования позволили разработать предложения и рекомендации, направленные на снижение уровня суицидального поведения среди старшеклассников Бурлинского района Алтайского края [5]. Проблему суицида нужно решать. Суицидогенные факторы современного социума столь многочисленны и разнообразны, что их невозможно преодолеть усилиями лишь одной отдельно взятой службы [6, с. 135]. Главная задача состоит в том, чтобы научиться их предупреждать. Задача эта сложная, требующая разработки масштабных социальных программ. Как выяснилось, в результате исследования, к сожалению, не во всех школах Бурлинского района имеются квалифицированные кадры, способные отследить и предупредить суицидальные предпосылки и проявления в поведении подростков. Речь идет о школьных психологах и социальных педагогах. Численность

школьных психологов в школах Бурлинского района составляет — 38%, социальных педагогов — 7%. В основных школах и даже некоторых средних вся ответственность ложится на плечи классного руководителя. Педагоги и классные руководители часто оказываются в сложных ситуациях: помочь нужно, но нет необходимых знаний. Отсюда вытекает еще одна из главных задач, которую предстоит решить. Это социально-педагогическое просвещение учителей и родителей по профилактике суицидального поведения [7]. Сплоченность родителей, умение нести ответственность за суицидальное поведение детей, установление доверительных отношений с детьми помогут быстро воздействовать на суицидальное поведение подростков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дронова Е. Н. Социальная профилактика суицидального поведения несовершеннолетних // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Официальный сайт Госкомстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru.htm> (дата обращения: 14.03.14).

3. Черепанова М. И., Эбелинг Э. О. Основные тенденции суицидального поведения молодежи Алтайского края // Социальные исследования социальных проблем. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://sips.nkras.ru/issues/2011/4/04.html>

4. Черепанова М. И. Региональная специфика латентных суицидальных рисков населения Алтайского края // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2/2.

5. Черепанова М. И. Субъективные оценки социального благополучия населения как индикаторы суицидального риска // Мир науки, культуры, образования. Серия «Социология». 2012. № 2 (33).

6. Черепанова М. И. Анализ факторов суицидального поведения населения современной России в контексте социологии риска // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.

7. Стерляева Н. А. Роль семьи в профилактике наркозависимого поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

Н. С. Догадаева (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ «ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ» ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ

Вынужденная миграция является одной из характерных черт современности: во всем мире насчитывается в настоящее время около 18 миллионов беженцев. Масштабность и острота проблемы вынужденной миграции предопределила ее превращение из национальной в интернациональную. Соответственно, участие в ее решении принимают не только национальные правительства, но и все мировое сообщество в лице международных и межправительственных, а также неправительственных организаций.

Вынужденный переезд приводит к тяжелым для мигрантов последствиям: расшатывается физическое и психическое здоровье, обостряются хронические заболевания. В проведенных ранее исследованиях обнаружилось фобические реакции. У многих мигрантов симптомы состояния посттравматического стресса, для них характерна повышенная агрессивность, этническая интолерантность. Проблемы, от решения которых зависит моральное и физическое состояние мигрантов, проживающих на территории России, напрямую связаны с возможностью реализации прав человека, записанных в гл. 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Наиболее остро для вынужденных переселенцев и беженцев стоит задача реализации такой конституционной нормы, как право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Сегодня эти и другие проблемы рассматриваются в социологии и других науках (см.: [1, 2]).

Формально в России русские мигранты из различных регионов не считаются беженцами, а получают статус вынужденных переселенцев, как только принимают российское гражданство. Беженцами же признаются только те мигранты, которые не имеют права стать российскими гражданами, как правило, это люди других национальностей. Интересующая нас категория мигрантов после переезда попадает в среду, не являющуюся для них абсолютно новой, и, казалось бы, процесс привыкания облегчается отсутствием таких проблем, как незнание языка, обычаев, традиций, тем не менее многие переживают серьезные психологические затруднения в процессе адаптации, испытывают культурный шок, ощущают себя чужими в окружении людей своей же национальности.

К сожалению, при работе с вынужденными мигрантами о психологии вспоминают, когда возникает потребность в данном специали-

сте. Именно психическое состояние человека, его психологический настрой определяют возможности адаптации, способности справиться, выжить. Вынужденным мигрантам, особенно беженцам из «горячих точек», крайне необходима психотерапевтическая помощь в преодолении кризисных жизненных ситуаций и профессиональные консультации специалистов-психологов. Существующие методы и приемы психотерапии помогают выйти из депрессии. Специальные тренинги направлены на повышение уверенности в себе, преодоление чувства тревожности.

В понимании психического состояния вынужденных мигрантов важным является кризис социальной идентичности — резкие трансформации представлений личности о себе и своем месте в системе жизненных отношений. Через кризис социальной идентичности прошло практически все наше общество. Но особенно болезненным этот процесс оказался для вынужденных мигрантов. У некоторых категорий вынужденных мигрантов идентичность трансформируется настолько сильно, что перестает выполнять свои функции: интегрирующую — на уровне группы и адаптивную — на уровне личности. Теряют свою значимость главные категории (социальный статус, профессиональная принадлежность, семейные роли, половая, возрастная принадлежности).

Попадание в новую этнокультурную среду приводит к так называемому культурному шоку. Существенную роль играют не только этнические, но и культурные различия. В то же время есть и другая крайность: например, ухудшается отношение к своему народу, нарастают тенденции отрицания собственной культуры, становится безразличной этническая принадлежность, что не способствует успешной адаптации. Для уже сформировавшейся личности такие перестройки чреваты тяжелыми психологическими последствиями. В таких ситуациях необходим длительный процесс культурной адаптации.

Оказание профессиональной помощи в решении этих и других психологических проблем является весомым аргументом при создании психологических консультаций, служб психологической поддержки вынужденных мигрантов. Эти службы должны представлять собой часть комплексной работы общественных организаций, занимающихся практической деятельностью по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам.

Около 90 % ситуаций с отставанием интересов вынужденных переселенцев в судах и оказанием им правовой помощи связано с легализацией пребывания репатриантов (лицо, возвращающееся на родину в силу репатриации) в стране (получение гражданства Россий-

ской Федерации и регистрации по месту жительства и/или по месту пребывания) и легализацией их в качестве вынужденных переселенцев (получение соответствующего статуса от территориального органа ФМС). Что касается трудностей переселенцев в получении жилья и работы, речь идет, во-первых, о так называемых ресурсоемких правах, соблюдение которых крайне трудно решить через суд, само по себе судебное решение не создает необходимого материального обеспечения прав. Во-вторых, из-за этого дефицита законодательные акты сформулированы так, что они практически никого ни к чему не обязывают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

2. Вольшмидт Е. В. Методологические подходы к изучению социально-экономической адаптации мигрантов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

А. С. Дьякова (Санкт-Петербург)

ПРОФИЛАКТИКА ДЕТСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Система профилактики агрессивности у подростков младшего школьного возраста должна объединять такие взаимосвязанные направления, как работа с педагогами, родителями и самими школьниками. В задачу данной системы входит перестройка тех психологических особенностей подростка, которые делают его наиболее уязвимым в плане развития негативных форм поведения. Данная система должна последовательно реализовываться в несколько этапов: 1) диагностический этап — состоит в проведении комплексного обследования подростков с целью выявления особенностей их взаимодействия с окружающими; 2) разъяснительный этап имеет целью предупреждение не принятых в обществе форм поведения.

Программа разъяснительного этапа включает следующие аспекты:

1. Социально-педагогическая работа с педагогическим коллективом: результаты изучения особенностей личности подростков и на-

личие неблагоприятных факторов семейного среды обсуждаются с классными руководителями классов. На основании этой информации педагоги не только формируют для себя детальное представление об учениках своего класса, но и намечают программу индивидуальной и групповой воспитательной работы, а также мероприятий по рациональному распределению общественной нагрузки в коллективе [1, с. 22]. Учителя могут при этом научиться адекватно трактовать некоторые поведенческие реакции своих учеников. Следует также довести до их сведения, что педагогическое взаимодействие в системе «педагог — воспитанники» может выступать как средство коррекции агрессивного поведения младших школьников при соблюдении ряда условий: при наличии у педагога установки на необходимость оказания индивидуальной помощи каждому подростку; при определенном уровне психолого-педагогической и медико-социальной подготовки педагога, знающего сущностные и специфические проявления агрессивного поведения личности; при владении стилем общения, при котором педагогическое взаимодействие становится возможным; при ответном устремлении подростка принять помощь со стороны педагога.

2. Организация просвещения педагогов, разъяснение некоторых психологических особенностей подросткового возраста. Учителям нужно предоставить практические рекомендации относительно особенностей их поведения с подростками, предрасположенными к агрессивному поведению. Нужно особенно подчеркивать при этом роль педагогических влияний на подростка в формировании не только его отношения к учебному заведению, обучению в целом, будущей профессии, но и к самому себе и окружающим, отмечая при этом, что неосторожность, некомпетентность учителя может нанести ущерб самооценке подростка, сформировать через самоидентификацию как «плохого ученика» негативную Я-Концепцию, что в конечном итоге приведет к яростным агрессивным вспышкам. Работая с агрессивным подростком, педагогам стоит помнить, что простая констатация его плохих черт («ты жестокий», «ты грубиян» и т. д.), как правило, не дает положительных результатов. Так, В. А. Сухомлинский напомнил педагогам, что «...нельзя обнажать недостатки воспитанника, надеясь, что он сам сможет критически оценить свое поведение и изменить его. Работа по ослаблению агрессивного поведения, изменению агрессивных состояний и ориентации для учителя трудная и кропотливая».

Агрессивных подростков отличают озлобленность, самоуверенность, несдержанность. Общаясь с ними, педагог должен быть под-

черкнуто мягко, сдержан, терпелив, всем своим видом показывать, что прекрасно понимает внутреннее состояние воспитанника. Стоит помнить, что агрессивные подростки нуждаются в понимании и поддержке, поэтому главная социально-педагогическая задача заключается не в том, чтобы поставить «точный» диагноз, или «приклеить ярлык», а в оказании посильной и своевременной помощи подростку.

3. Социально-педагогическая работа с родителями учащихся. Установление тесного сотрудничества с родителями школьников является очень важным элементом системы профилактики агрессивности, потому что учеными отмечено особое влияние семейного воспитания на усвоение детьми агрессивного поведения (образец отношений и поведения родителей) и была установлена связь между родительским наказанием и агрессией у детей [2, с. 449]. Данное направление работы содержит в себе медико-психолого-педагогическое просвещение родителей подростков (разъяснение им особенностей подросткового возраста, содержания психологических изменений, которые происходят в этот период, роли матери и отца в успешности становления личности, информирование о цели и методах работы социального педагога и школьного психолога), а также проведение консультирования родителей, ориентированного на предоставление конкретной целевой помощи в решении воспитательных задач [3, с. 59].

4. Социально-педагогическая работа с подростками проводится в следующих направлениях: исследование проблем каждого подростка и предоставление помощи в их решении; улучшение субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья; выявление у подростков деструктивных мыслей относительно возможных проблемных ситуации и помощь в овладении навыками трансформирования их в более реалистические и менее тревожные; изучение закономерностей, механизмов и эффективных образов межличностного взаимодействия для создания основы более эффективного и гармонического общения с людьми; углубление представлений о собственной значимости, ценности, формирование положительной Я-Концепции, не забывая при этом учитывать ценность и значимость других людей; духовное развитие по принципам общечеловеческой морали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брысина О. П., Дронова Е. Н., Калинина Ю. А. Использование информационных технологий в процессе консультирования подростков, находящихся в конфликте с законом // Педагогическое образование на Алтае. 2012. № 1.

2. Абашина А. Д., Решетникова О., Цветкова Е. Социально-педагогическая модель работы с детьми группы риска в учреждениях различной ведомственной принадлежности // Проблемы педагогической инноватики в профессиональном образовании : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, С. В. Кривых. СПб., 2014.

3. Дронова Е. Н. Социально-педагогическая поддержка подростков в деятельности социального педагога общеобразовательной школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2004.

А. С. Доровских (Барнаул)

ПОВЫШЕНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ ГОРОДА БАРНАУЛА

В современном обществе ежедневно происходят социальные, экономические, политические преобразования, которые приводят к усилению социальной напряженности, возникновению большого количества конфликтов, многие из которых остаются нерешенными. В таких условиях работникам организаций действительно необходимы знания и навыки в области управления конфликтами.

Очевидно, что сегодня эта проблема актуальна и требует компетентного разрешения со стороны тренеров-конфликтологов. Конфликтологические знания в области организационных конфликтов нельзя заимствовать у зарубежных ученых, так как они не учитывают отечественной специфики; нельзя обучиться технологиям конфликто разрешения, опираясь только на здравый смысл или прежний опыт. Необходимо получение основательных теоретических и практических знаний о различных возможностях управления конфликтами [1, с. 4].

Часто встречаются такие ситуации, когда сотрудники не могут конструктивно взаимодействовать и совместно работать, это вызывает дополнительные издержки у организации, приводит к нарушению процесса коммуникации, непродуктивному использованию рабочего времени, снижению трудовой дисциплины и, как следствие, высокой текучести кадров. Замена кадров может негативно сказываться на продуктивности работы, особенно если увольняются наиболее ценные и опытные сотрудники.

На сегодняшний день важной задачей конфликтологов является обучение конфликтологическим знаниям специалистов для минимизации стрессов на рабочем месте.

Б. И. Хасан, доктор психологических наук, ввел термин «конфликтологическая компетентность». Под этим термином понимается способность субъекта (организации, социальной группы и т. д.) в конфликте осуществлять деятельность, направленную на снижение деструктивных форм конфликта и дальнейший его перевод из социально-негативных конфликтов в социально-позитивные. Конфликтологическая компетенция представляет собой уровень развития осведомленности и диапазон возможных стратегий конфликтующих сторон, а также умение реализовать конфликтную ситуацию в конструктивное взаимодействие персонала организаций города Барнаула.

Трудно спорить с тем, что персонал организации — это основной ресурс компании. Недостаточная квалификация работников в области конфликтологии приводит не только к увольнениям сотрудников, но и к рискам потери информации внутри организации, нарушениям рабочих процессов и их замедлениям. Высокая текучесть по численному составу снижает укомплектованность рабочих мест исполнителями, отвлекает от работы высококвалифицированных специалистов, которые вынуждены помогать новичкам, ухудшает морально-психологический климат в коллективе, что препятствует созданию команды, снижает производительность труда не только у тех, кто собирается уходить.

Используя методы контент-анализа литературы по изучаемой проблеме и индивидуального очного и заочного экспертного опроса выявлено, что в Барнауле нет обучающих конфликтологических программ для специалистов различных направлений. Подготовка специалистов к эффективному преодолению конфликтов осуществляется методом обучающего интерактивного мероприятия с закреплением получаемых навыков — конфликтологическим тренингом. Это дает возможность участникам научиться быстро и продуктивно урегулировать споры и разногласия.

В городе Барнауле существует более 30 организаций, профессионально оказывающих тренерские услуги. По итогам глубинного интервью с руководителями центров сделан вывод, что непосредственно конфликтологические тренинги в Барнауле не встречаются, но существуют программы тренингов с модулями по конфликто разрешению.

Например, тренинг «Активные продажи», где в отдельном модуле детально прорабатывается работа с возражениями клиентов. После прохождения данной программы участники могут правильно реаги-

ровать на эмоции и реплики недовольных клиентов, грамотно и технологично работать с возражениями, успокаивать и переводить разговор в нужное русло, предотвращать конфликтные ситуации до их возникновения и многие другие моменты, необходимые работникам в сфере продаж.

Цена тренинга такого типа формируется в зависимости от возможностей организации-заказчика, в среднем по городу составляет 3500 рублей за одного участника, что значительно ниже средних российских расценок, составляющих около 8000 рублей за идентичные услуги.

В тренинге учувствуют 10–15 человек, в крайнем случае — 20. Если организация заказывает тренинг для большего числа человек, то участников разбивают на две подгруппы: пока одна выполняет задание, вторая наблюдает или выполняет другое задание в парах или маленьких группах. Затем они меняются местами. Эксперты считают, что 40 % теории и 60 % практики — это наиболее идеальные пропорции тренинга.

Кроме того, в коллективе уже есть сложившаяся социальная структура (лидеры, «середина», изгой и др.), и она всегда проявляется. Одни претендуют на лидерство во всем, другие, наоборот, боятся лишней раз заявить о себе, третьи оказываются в роли своеобразного «козла отпущения», на котором участники будут пытаться вымещать негативные эмоции и проблемы. В тренинге все как в рабочих буднях, а тренер должен «осадить» первых, раскрепостить вторых и защитить третьих. Иначе тренинг принесет не пользу, а вред [2, с. 25].

При наличии конфликта в организации необходимо правильно относиться к нему с точки зрения возможных положительных исходов; нельзя подавлять, а нужно решать его с полезным эффектом; анализировать и учиться через конфликт; регулировать и направлять его к полезным результатам.

В книге «Тренинг преодоления конфликтов» психолог-консультант и бизнес-тренер Н. Н. Васильев отмечает, что существуют три основных способа разрешения конфликтной ситуации: силовое разрешение (борьба, которая ведет к выигрышу или проигрышу); разъединение сторон (уход, отказ от разрешения); интегративное решение (преодоление конфликта путем совместного поиска и реализации взаимовыгодного решения) [3, с. 22]. Разрешение конфликта путем совместного поиска и реализации взаимовыгодного решения называется преодолением конфликтной ситуации.

Для сохранения благоприятной атмосферы в коллективе чаще всего заказывают тренинги: «Управление персоналом», «Мотивация со-

трудников», «Корпоративная культура», «Стрессоустойчивость в бизнесе», «Управление человеческими ресурсами» и другие схожие по целям программ тренинги.

Тренинги повышения конфликтологической компетентности приобретают популярность. Часто конфликты становятся двигателями личностного роста, помогают человеку сформировать новые перспективные отношения, преуспеть в карьерном росте.

Обучение в тренинговом формате позволяет в достаточно краткие сроки передавать участникам оптимальный комплекс инструментов, технологий, методик с ярко выраженным прикладным характером. В таком формате активно используются такие методики, как создание искусственной конфликтной ситуации, где участники должны разрешить конфликт так, как они это делают в обычной жизни, после этого все произошедшее анализируется и ведется активное обсуждение того, что было неконструктивным и как можно улучшить исход конфликта.

Кроме этого, разбираются и конкретные конфликтные ситуации из опыта участников, они разыгрываются в ролевой форме, а после анализируются. На тренинге также часто проводятся упражнения, обучающие посредничеству между сторонами в ситуации конфликта. Анализируется не только поведение в конфликте, но и сопутствующее ему чувства и эмоции. Этой цели служит также и постоянная обратная связь участников с тренером.

Активно проводятся мероприятия в формате круглого стола и мастер-классов с участием экспертов — представителей бизнеса и известных людей города и края.

Наиболее эффективные тренинги сопровождаются посттренинговым сопровождением. Результативность тренинга напрямую зависит от использования участниками полученных навыков или знаний на практике. Таким образом, посттренинг — это комплекс мероприятий, поддерживающих процесс переноса навыков на практику.

В результате исследования выявлена необходимость создания в Барнауле корпоративного конфликтологического тренинга, который поможет специалистам в кризисных и стрессовых ситуациях на работе грамотно и продуктивно расходовать рабочее время.

Конфликтологическое образование поможет развить навыки бесконфликтного поведения и быстрого принятия решений в спорных ситуациях. Участники при усвоении насыщенной программы тренинга смогут преодолевать страхи и ограничения, доверять и поддерживать членов коллектива, находить согласие в совместном решении производственных проблем, регулировать противоречия и направ-

лять их в нужное русло. Учитывать выводы из конфликтных ситуаций, чтобы не повторять их в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нагайцев В. В. Современные технологии управления социальными конфликтами в обществе. Барнаул, 2008.
2. Рамендик Д. М. Тренинг личностного роста : учебное пособие. М., 2007.
3. Васильев Н. Н. Тренинг преодоления конфликтов. СПб., 2002.

Е. В. Образцова (Барнаул)

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ И СОЦИОЛОГИИ

С точки зрения социологической теории термин «рефлексивность» подразумевает «рост автономного мышления и индивидуалистического творчества. Однако это творчество, соотносящееся с осознанием правомерности существования разных форм, моделей и кодов культуры, создающих индивидам и группам, участникам созидательной деятельности возможность выбора средств культуры» [1, с. 28–29]. Значит, рефлексивность всегда доминирует в творческом акте и, сопутствуя определенному «выбору» средств культуры, является продолжением науки об обществе. В этом смысле рефлексивность объективируется во множестве научных форм — выбор темы, постановка цели и определение исследовательских задач означает борьбу ученого за индивидуальный взгляд на ту или иную проблему. При этом в социологии рефлексивность — это фон строгого эмпирического исследования, часто лишенного за цифрами выкладок и операционализаций «образа духовности». При этом рефлексия в науке, как нетрудно заметить, все более сопряжена с исчислением и квалитацией бесконечных пороков общественного развития, связываемых или с историческими отголосками прошлых эпох, например, расцветом классицизма в гуманитарной науке, или же исключительно с новоприобретением постмодерна и постиндустриализма. С этой позиции «любая» духовность сравнительно легко превращается в бездуховность — достаточно привести показатели смысложизненных ориентаций современной молодежи, лиц преклонного возраста или других социальных групп и будет несложно заметить затянувшийся процесс переоценки ценностей, редуцирующий сами принципы социальности и справедливости.

Эмпирические исследования современного мира, предпринимаемые социологами, как правило, свидетельствуют о торжестве быта, пошлости, социальной неудовлетворенности и т. д. Таков эпикриз социальности, правда, справедливости ради следует отметить, что социология не занимается целенаправленным поиском «зон напряженности» и отмечает истинность объективных условий развития общества и человека в нем. Это положение вещей провоцирует возникновение вечного спора об истинности любого знания, в том числе и социального, и социологи как будто спешат оправдать себя: «Истина не есть атрибут социолога как такового, но она и не покоится в социальной действительности. Истина представляет собой самоотносимое событие встречи социологического исследования с социальной действительностью. Эта встреча является событием в том смысле, что она делает возможным изменение и социальной науки, и социальной действительности» [2, с. 18].

В социогуманитарном знании рефлексивность необходима. Когда моделируется мир, прежде всего важна строгость эмоций: всякая социальная форма переживается остро и воспринимается крайне неоднозначно. Вместе с тем исследователь не должен демонстрировать свою беспомощность в вопросах определения онтологических свойств социальной реальности — четкое представление о них не позволит социологу усомниться в истинных характеристиках изучаемых феноменов и явлений.

Особый характер рефлексивности в социологии подчеркивается стремлением к концептуализации многомерных смыслов — одни порождены древнейшими архетипами и узаконены вековыми традициями социальных отношений, другие — как сфера духовного — подчеркивают очень тонкие, зыбкие и неуловимые образы мира. В них социальное выступает лишь референцией духовного, высокого, вечного. Для современной науки это особенно важно — образ мира, складывающийся в условиях социальной и социологической рефлексии, должен быть жизненным во всех отношениях; и он не должен отождествляться с «мертвой» формой — архаичной, наделенной этнической семантикой «из прошлого», когда человек не менялся и существовал в массиве социокультурных стереотипов.

Иногда для социологии необходимо сужение предметного пространства — в этом заключается безусловная важность проникновения социологии в окружающий мир артефактов и духовной континуальности с различных сторон — эмпирической, теоретической, рефлексивной (см., например: [3, 4]). В вопросах рефлексии социологии необходимо соотносить мир не с неким социокодом, содержа-

щим переключку с тайнами бытия, не с концептами, выстраиваемыми в соответствии с жесткими требованиями преобладающей методологии. Важно обращение к социальному эпосу — накопленному социальному опыту, который и в прошлом, и в настоящем подвержен жесточайшей критике теорий и концепций, составляющих основу развития социально-гуманитарного знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Култыгин В. П. Тенденции в европейской социологической теории начала XXI века // Социол. исследования. 2001. № 8.
2. Качанов Ю. Л. Истина и политический контекст в научных практиках социологов // Социол. исследования. 2005. № 9.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

З. Н. Гафурова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере вузов города Барнаула)

Актуальностью научной статьи является обусловленность потребностями практики законодательной и организационно-управленческой реализации в России принципов правового государства и строительства гражданского общества. Важнейшей задачей является обеспечение реального непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина, а также социального-правового механизма для защиты иностранных студентов в современной России.

В условиях происходящей в Российской Федерации радикальной общественной трансформации с особой остротой встает проблема социально-правовой защиты иностранных студентов к переменам как всего российского социума, так и молодежного слоя иностранных студентов — в особенности. С одной стороны, молодежь является наиболее динамично приспособляющейся к новым условиям соци-

альной группой. Одновременно в силу того, что молодежь находится только «в начале жизненного пути», она менее всего защищена от воздействия общественных дисфункций трансформационного процесса. С другой стороны, именно от того, в каких формах и какими темпами происходит нынешняя социально-правовая защита иностранных студентов, во многом зависит перспективное состояние российского общества в целом. Поэтому изучение адаптации молодежи к социальным изменениям в современной России является не только важной исследовательской задачей социологии, но и одной из актуальных практико-прикладных проблем общественного развития.

Большой теоретический и практический интерес представляют собой не только вопросы содержания и структуры социально-правового положения человека и гражданина, но и проблемы его реализации: законодательные и властно-институциональные.

Отдельное место среди названных проблем занимают вопросы гарантий прав, свобод, а также обязанностей иностранных студентов, пребывающих либо проживающих на территории России.

Огромными проблемами в последние годы стали: приток иностранных студентов и незаконных мигрантов, нарушающих баланс на рынке труда, увеличивающих безработицу среди россиян; рост «этнической» преступности за счет прибывающих иностранных мигрантов. Незаконная миграция — явление, нарушающее законность и опасное для правопорядка в Российской Федерации. Органы государственной власти вынуждены противодействовать этому явлению, зачастую вопреки интересам мигрантов. Однако при этом правовое государство должно соблюдать и охранять естественные, неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина, признанные мировым сообществом гуманистические стандарты. Поиск баланса между обозначенными векторами интересов — важная задача государства, практическое решение которой невозможно без научного сопровождения политико-правовых реформ.

Правовое положение иностранных студентов длительное время оставалось достаточно аморфным. На протяжении почти 10 лет после принятия Конституции Российской Федерации продолжал действовать закон СССР «О правовом положении иностранных студентов в СССР» 1981 г.

С принятием в июле 2002 г. Федерального закона «О правовом положении иностранных студентов в Российской Федерации» ситуация несколько улучшилась. Однако решение проблемы далеко от завершения. Заложено лишь фундамент формирующегося комплексного законодательного массива — «законодательства о правовом по-

ложении порядке пребывания (проживания) иностранных студентов в Российской Федерации». Предпринятые исследования показали наличие большого числа пробелов и коллизий, юридико-технических ошибок в действующих нормативно-правовых актах об иностранных студентах. Имеющиеся нормативные документы, устанавливающие отдельные элементы правового статуса иностранных студентов и регулирующие их отношения с государственными органами Российской Федерации и органами местного самоуправления, разрознены и слабо увязаны между собой.

В последние годы в отечественной социологии, праве и юриспруденции проведен ряд научных исследований правового положения иностранных граждан. В них акцент делается на характеристике элементов правового статуса иностранцев. В некоторых трудах исследуются также вопросы их юридической ответственности. И практически нет работ, в которых достаточно внимание уделялось бы проблемам реализации прав, свобод и обязанностей иностранных студентов, государственно-правовому механизму претворения элементов правового положения разных категорий иностранных студентов в жизнь. Рассматривались лишь отдельные аспекты, направленные данной проблемы.

Повышенный интерес вызывает исследование социальной адаптации иностранных студентов в студенческой среде по нескольким причинам. Во-первых, студенчество, как известно, является интеллектуальным и культурным авангардом молодого поколения уже в силу того, что в течение нескольких лет «профессионально» занимается повышением своего образовательного уровня.

Во-вторых, социальная адаптация иностранной молодежи происходит на решающем для любого человека этапе жизни, когда формируются мировоззрение и ведущие направления его жизненной позиции, приобретает специальность, закладываются основы социального поведения.

В-третьих, социальная адаптация к происходящим в стране переменам для в недавнем прошлом иностранных студентов «накладывается» на адаптацию к месту прибывания, радикально меняющему способы их жизнедеятельности. Обстоятельством, дополнительно осложняющим ситуацию адаптации иностранных граждан в студенческой среде, выступает необходимость социоэтнического приспособления жителей многонациональных российских регионов к нивелирующему в этнокультурном отношении воздействию городов.

Целью научного исследования является исследование элементов социально-правовой защиты иностранных студентов, социально-право-

вого статуса человека и гражданина и критический анализ действующего законодательства, устанавливающего правовой статус иностранных граждан в России, а также формулирование определения понятия «механизм реализации правового положения иностранных граждан в России», исследование составляющих элементов механизма реализации правового положения иностранных граждан в России и определение места и роли органов внутренних дел в этом механизме.

Достижение указанной цели осуществляется посредством решения комплекса задач:

- анализа общетеоретических положений правового статуса человека и гражданина;
- сравнительного социально-правового анализа правового статуса иностранных студентов и правового статуса граждан Российской Федерации;
- классификации иностранных студентов, пребывающих (проживающих) на территории Российской Федерации;
- выявления отличительных черт правового положения различных категорий иностранных студентов;
- критического анализа действующего законодательства о правовом положении и порядке пребывания иностранных граждан в России, определения его места в системе законодательства;
- определения понятия механизма реализации правового положения иностранных граждан и исследования элементов механизма, разработки рекомендаций по его совершенствованию;
- характеристики места и роли органов внутренних дел в механизме обеспечения правового положения иностранных граждан, разработки рекомендаций по совершенствованию их деятельности.

А. А. Монгуш (Кызыл)

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА К ПРИЕЗЖИМ В СВЯЗИ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КЫЗЫЛ — КУРАГИНО

В 2011 г. началась реализация проекта строительства железной дороги Кызыл — Курагино, которая должна связать Республику Тыва с железнодорожной сетью России. Данный проект даст республике огромные экономические выгоды, что, несомненно, окажет положительный эффект на социально-экономическое положение данного до-

тационного региона. Однако строительство железной дороги имеет не только сторонников, но и противников.

С 2008 г. сектор социологии Тувинского института гуманитарных исследований проводит мониторинг общественного мнения населения Тувы в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений. А в 2009–2010 гг. в рамках изучения общих тенденций социальных изменений особое внимание было уделено молодежи как группе, на которую сегодня возлагаются большие стратегические задачи.

Генеральную совокупность исследования составили трудоспособные жители Республики Тыва (к трудоспособной и потенциально трудоспособной категории населения мы отнесли людей в возрасте от 15 лет до 60 лет). В 2009 г. было опрошено 1159 человек, в 2010 г. проведено 1191 полуформализованное интервью. В исследовании использовался метод квотного отбора (в качестве котируемых признаков при формировании выборки использовались пол, возраст, место жительства).

По результатам исследований, большинство молодежи полагает, что в сфере межнациональных отношений в Туве бывает и позитивное, и негативное (табл. 1). По данным опроса в 2009 г. чуть больше 60 % молодых людей считали, что отношения между национальностями складываются по-разному, в 2010 г. такого же мнения придерживались примерно то же количество респондентов (63,6 %). В представлении 23 % в 2009 г. и 23,2 % респондентов в 2010 г. межнациональные отношения складываются в целом хорошо, иное видение ситуации у 10,8 % молодежи в 2009 г. и у 9 % опрошенных в 2010 г. Они считают, что отношения между национальностями складываются в целом плохо. Затруднились дать ответ на этот вопрос около 4 % молодых людей.

Таблица 1

**Каковы в республике отношения между национальностями?
(молодежь от 15 до 29 лет), %**

Вариант ответа	2009	2010
Складываются в целом хорошо	23	23,2
Складываются в целом плохо	10,8	9
Бывает по-разному	61,6	63,6
Затрудняюсь ответить	4,6	4,3

По социально-демографическим показателям ответы респондентов практически не различаются. Так, по опросу 2010 г. 23,8 % ре-

спондентов тувинской национальности хорошо оценивают межнациональные отношения в республике, русской национальности чуть меньше — 19,2%. Противоположного мнения придерживается 9,1% тувинской молодежи и 5,1% русской. «Бывает по-разному» считает 62,2 и 74,4% опрошенных (тувинской и русской национальности соответственно).

24,8% сельской молодежи считает, что в межнациональных отношениях нет каких-либо проблем, их мнение разделяет 19,5% городских жителей. Убеждены в обратном 8,4% сельчан и 9,3% горожан. По-мнению 61,5% сельских и 68,4% городских респондентов, отношения между национальностями складываются по-разному.

Рассмотрим динамику ответов на вопрос «Каковы в республике отношения между национальностями?». Как показали результаты опросов, каких-либо изменений не произошло. В 2009 г. людей, которые считают, что отношения между национальностями складываются в целом хорошо, было 23%, в 2010 г. — 23,2%. В 2009 г. считали, что межнациональные отношения складываются плохо 10,8% респондентов, а в 2010 г. — 9%. В 2009 г. доля респондентов, ответивших «бывает по-разному», составляла 61,6%, в 2010 г. данный вариант ответа выбрали 63,6% молодежи.

Полученные результаты исследования указывают на то, что большинство молодых людей (более 50%) относится к приезду лиц других национальностей в республику отрицательно. Положительно настроены к притоку людей других национальностей около трети опрошенных (31,3%). Затруднился дать ответ на этот вопрос каждый шестой респондент. На основе полученных данных можно сделать вывод, что уровень толерантности молодежи к приезжим, возможно, будет невысоким, что таит в себе опасность возникновения конфликтов между молодежью нашей республики и мигрантами.

Мы сравнили мнение молодежи, представителей зрелого и старшего возраста и существенных различий в 2010 г. не выявили. Положительно относится к приезду людей различных национальностей 31,3% молодежи от 15 до 29 лет, 27,8% людей среднего возраста от 30 до 44 лет и 34,8% респондентов в возрасте от 45 лет и старше. Отрицательное отношение у 52% молодежи, 51,1% людей среднего возраста, 44,2% лиц старшего возраста. Отметим, что доля затруднившихся ответить довольно высока. Так, каждый шестой среди молодых людей и каждый пятый представитель среднего и старшего возрастов затруднились дать однозначный ответ на этот вопрос.

На наш взгляд интересным представляются следующие данные (табл. 2)

Таблица 2

**Ваше отношение к возможному приезду в республику людей
различных национальностей в связи со строительством
железной дороги и освоением месторождений?
(молодежь от 15 до 29 лет), %**

Варианты ответов	Национальность	
	тувинец(ка)	русский(ая)
Положительно	27,7	53,8
Отрицательно	55,9	25,6
Затрудняюсь ответить	16,4	20,5

Как показывают данные таблицы 2, большинство молодежи тувинской национальности (55,9%) выразили отрицательное отношение, а 27,7% — положительное. Более половины молодежи русской национальности (53,8%), наоборот, не против приезда людей других национальностей, негативно настроена четверть (25,6%). Также следует отметить, что каждый шестой респондент тувинской национальности и каждый пятый опрошенный русской национальности затруднились дать ответ. На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что молодые люди русской национальности будут во многом проявлять большую терпимость по отношению к приезжим, нежели тувинцы.

Рассмотрим ответы молодежи на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что на строительстве железной дороги и освоении месторождений, возможно, будут работать приезжие специалисты?» Результаты показывают, что по сравнению с 2009 г. в 2010 г. почти в два раза уменьшилась доля положительно настроенной молодежи к приезжим специалистам разных национальностей в республику (2009 г. — 55%, 2010 г. — 31,3%). На 16% (2009 г. — 31,2%, 2010 г. — 47,1%) больше стало людей, отрицательно относящихся к тому, что на строительстве железной дороги будут работать специалисты других национальностей. Респондентов, выразивших безразличие, стало больше — с 8,6% в 2009 г. до 14,9% в 2010 г.

Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что молодежь нашей республики выразила больше отрицательное отношение, нежели положительное. Она не готова к миграционному пополнению, что в будущем может стать одним из источников социальной напряженности. Кроме того, важно иметь в виду, что эти проблемы имеют, по сути, прямую связь с проблемой социальной безопасности, к которой в последнее время в различных исследованиях обращаются социологи (см., например: [1–4]).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Окунев С. П. Возможности государства в решении политических и правовых проблем // Правовые механизмы в государственном управлении : сборник научных статей и нормативных правовых документов / науч. ред. С. А. Ефимов. СПб., 2008.

2. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

3. Попов Е. А. Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2013.

4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашина Анна Дмитриевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, доцент, заведующая лабораторией «Теория и практика социальной работы», кандидат педагогических наук.

Авдеева Галина Сергеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат психологических наук.

Антонович Ирина Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Артемьева Татьяна Владимировна, Ульяновский государственный технический университет, аспирант.

Артюхина Валентина Андреевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Аубакирова Жанат Канашовна, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, ассоциированный профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, кандидат психологических наук.

Ахмедова Нателла Гурбан кызы, Алтайский государственный университет, преподаватель кафедры эмпирической социологии и конфликтологии.

Бендрикова Альбина Юрьевна, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, доцент кафедры философии и социологии, кандидат социологических наук.

Бобина Галина Сергеевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Бондарева Татьяна Владимировна, Орловский государственный университет, доцент кафедры социально-педагогического образования и деонтологии, кандидат педагогических наук.

Бражник Евгения Ивановна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор, заведующая кафедрой социальной педагогики, доктор педагогических наук.

Буханько Евгения Олеговна, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, студентка.

Вараксина Наталья Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальных технологий, рекламы и управления, кандидат социологических наук.

Великжанина Кристина Андреевна, Алтайский государственный университет, преподаватель кафедры социальной работы.

Возилкина Марина Евгеньевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Воробьева Анна Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Вороница Светлана Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Галиева Рузалия Дамировна, Барнаульский юридический институт МВД России, доцент кафедры психологии и педагогики в ОВД, подполковник полиции, кандидат исторических наук.

Гальчина Екатерина Дмитриевна, отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Алтайскому краю, ведущий специалист-эксперт.

Гамаюнова Александра Витальевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Гафурова Зумрад Нуралиевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Гладышева Марина Александровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Голубева Алина Петровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Гончарова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Горбунова Анастасия Андреевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Дирин Денис Александрович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономической географии и картографии, кандидат географических наук.

Добрыдnev Сергей Иванович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальных технологий, рекламы и управления, кандидат экономических наук.

Добрыднева Тамара Сергеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономики предпринимательства и маркетинга, кандидат экономических наук.

Догадаева Наталья Сергеевна, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, студентка.

Домашев Анатолий Николаевич, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат философских наук.

Доровских Алена Святославовна, Алтайский государственный университет, студентка.

Дронова Елена Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат педагогических наук.

Дьякова Анна Сергеевна, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, студентка.

Ерментаева Ардах Ризабековна, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, ассоциированный профессор, доктор психологических наук.

Зальцман Дарья Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Замятина Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальных технологий, рекламы и управления, кандидат социологических наук.

Кайль Яна Вячеславовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Калинина Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Касьянова Наталья Николаевна, Орловский государственный университет, доцент кафедры социально-педагогического образования и деонтологии, кандидат педагогических наук.

Качур Анна Степановна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Кинелев Сергей Викторович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук.

Коваленко Татьяна Николаевна, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, кандидат социологических наук.

Колесникова Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, декан факультета социологии, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий, рекламы и управления, кандидат социологических наук.

Коростелева Ольга Тимофеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры общей социологии, доктор социологических наук.

Кротов Александр Викторович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономической географии и картографии, кандидат географических наук.

Кряклина Тамара Федоровна, Алтайская академия экономики и права, профессор, заведующая кафедрой социогуманитарных наук, доктор философских наук.

Курганская Ксения Викторовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Кушакова Татьяна Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Лазарева Маргарита Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Личман Серафима Павловна, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, студентка.

Лопатина Светлана Андреевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Лысыкова Ольга Валерьевна, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, профессор кафедры «Менеджмент туристического бизнеса», доктор социологических наук.

Мазайлова Татьяна Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Мазуренко Анжелика Анатольевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Максимов Максим Борисович, Алтайский государственный университет, научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Максимова Светлана Геннадьевна, Алтайский государственный университет, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук.

Мальшевская Юлия Юрьевна, Бурятский государственный университет, профессор кафедры философии, кандидат социологических наук.

Махова Евгения Николаевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Медведева Ирина Вадимовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Меженин Ян Эдуардович, Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Мелехин Виктор Андреевич, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, доцент кафедры философии и социологии, кандидат социологических наук.

Мелехина Марина Викторовна, Алтайский государственный аграрный университет, ассистент кафедры физического воспитания.

Миллер Софья Михайловна, Алтайский государственный университет, студентка.

Миронова Светлана Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Михайлец Дарья Ивановна, Алтайский государственный университет, студентка.

Монгуш Алдынай Артис-ооловна, Тувинский институт гуманитарных исследований, научный сотрудник сектора социологии и политологии.

Мотина Анна Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Мыльникова Анна Викторовна, Алтайский государственный университет, студентка.

Мякиш Екатерина Геннадьевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Неваева Динара Алиевна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий.

Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Оболянский Геннадий Васильевич, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат исторических наук.

Образцова Елена Вадимовна Алтайский государственный университет, студентка.

Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Павлова Татьяна Александровна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук.

Попова Татьяна Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Прокопьева Наталия Валентиновна, кандидат социологических наук, зам. директора по УВР ЧОУ «Гуляевская гимназия» (Барнаул).

Пустовалова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук.

Савченко Татьяна Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Самодурова Екатерина Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Сергиенко Алие Мустафаевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор социологических наук.

Сиротина Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Старикова Ксения Борисовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Стебунова Анастасия Вячеславовна, Алтайский государственный университет, студентка.

Стерлядева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Сытых Ольга Леонидовна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор философских наук.

Трофимова Юлия Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат психологических наук.

Цырендоржиева Дари Шойбоновна, Бурятский государственный университет, профессор кафедры философии, доктор философских наук.

Черпанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат педагогических наук.

Чирченко Яна Александровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Чудова Светлана Георгиевна, Алтайский государственный университет, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, кандидат социологических наук.

Чуканова Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, заместитель декана факультета социологии, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Шепелева Светлана Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Шестибратова Ольга Владимировна, гимназия «Пушино», Пушкино Московской области, учитель обществознания, права и экономики.

Шлыкова Ольга Вадимовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Щеглова Дарья Константиновна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Щёголева Наталья Евстафьевна, Алтайский государственный университет, аспирант.

Яковлева Анастасия Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 7

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 09.06.2015
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл.-печ. л. 24,4. Тираж 100 экз. Заказ 203.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66